М. В. Седова

Суздаль в X – XV веках

К65
С

ЧИТ.ЗАЛ

Институт археологии Российской Академии наук
Российский гуманитарный научный фонд

М. В. Седова

Суздаль в X – XV веках

В библиотеку
Института археологии РАН
от автора
16. 12. 97.

Москва
Информационно-издательское агенство «Русский мир»

1997

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научногофонда
Проект 96-01-16173

М. В. Седова
Суздаль в X – XV веках. — М.: Информационно-издательское агенство «Русский мир», 1997. — 320 с.
ISBN 5-85810-032-5

Аннотация: Монография посвящена истории и археологии одного из древнейших городов Руси – политического, культурного и экономического центра той области, где формировалась великорусская народность. В книге затронуты комплексные проблемы истории средневекового города, рассмотрены вопросы исторической топографии, домостроительства, развития ремесла и торговли, духовной культуры горожан.

Книга предназначена для археологов и историков, краеведов и всех читателей, интересующихся древней историей страны.

Рецензенты: *А. Е. Леонтьев*, доктор исторических наук;
Н. А. Макаров, доктор исторических наук.

Отделение
ИНИОН АН СССР
при Институте археологии
78599/20

© Информационно-издательское агенство «Русский мир», 1997
© Рисунки выполнены *Н. С. Сурвилло*

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Введение

Мало кто не знает сейчас город Суздаль. И у нас на Родине и за ее пределами этот небольшой городок, расположенный на Среднерусской равнине, в междуречье Волги и Оки, стал известен как город-музей, заповедник русской старины. Обаяние этого города состоит в необыкновенной сохранности архитектурных памятников почти всех периодов русской истории. Но безусловно особенный интерес представляют такие шедевры древнерусского зодчества как Рождественский собор XIII в. и ц. Бориса и Глеба XII в. в близлежащем селе Кидекша. В музеях самого Суздаля, а также Владимира, Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других городов хранятся произведения письменности, живописи и прикладного искусства, сделанные руками суздальских мастеров. Древностям Суздаля посвящены многочисленные публикации как дореволюционных, так и послереволюционных исследователей. Особая заслуга принадлежит Н. Н. Воронину, в своем блестящем труде, посвященном зодчеству Северо-Восточной Руси, давшему исчерпывающую характеристику архитектурным памятникам Суздаля домонгольской поры[1]. Специальная работа Г. К. Вагнера посвящена белокаменной резбе суздальского Рождественского собора XIII в.[2] Общая характеристика истории города и обзор его архитектурных памятников сделаны в книгах и статьях А. Д. Варганова[3]. Опубликованы также такие шедевры древнерусского прикладного искусства как "Суздальские златые врата"[4], и многочисленные предметы мелкой пластики[5]. В результате оказался значительный разрыв между исследованиями памятников архитектуры и искусства и археологической неизученностью культурных напластований города.

Один из крупнейших и древнейших городов Северо-Восточной Руси Суздаль, в силу исторически сложившихся обстоятельств в XVIII-XIX вв. оказался в стороне от бурно развивающихся центров России. Поэтому в отличие от других крупных древнерусских городов, в своем теперешнем облике он сохранил многие черты древности. Сама топография города с хорошо сохранившимся детинцем-кремлем, с окруженным земляным валом окольным городом, с расположенными на путях из города монастырями, с сохранившимся курганным могильником служит иллюстрацией исторического развития средневекового города. Упоминание Суздаля на страницах русской летописи довольно часты, однако полного представления о жизни города, о его планировке и застройке, о типах жилищ, хозяйственной и ремесленной жизни горожан скупые строки письменных источников не дают. И в этом отношении бесценным источником по ис-

тории как самого города, так и тех этнокультурных процессов, которые происходили в данном регионе, представляется земля Суздаля. Земля или культурный слой (как говорят археологи) сохраняет многие материальные свидетельства жизни и быта суздалян.

В течение последних десятилетий раскопки в Суздале приобрели планомерный и целенаправленный характер. Исследовались ключевые точки городской территории, позволяющие на археологическом материале воссоздать историю возникновения и развития одного из древнейших центров культуры на северо-востоке Руси. Однако нельзя рассматривать изолированно городские материалы вне связи их с древностями сельской округи. Изучение процесса проникновения славянского населения в суздальское ополье, время возникновения древнейших поселений и их хозяйственный и этно-культурный характер – вот те вопросы, которые встают перед исследователями при решении проблемы о сложении округи города.

На основании археологических свидетельств, добытых в процессе изучения городских слоев и сельских поселений в этой работе будет предпринята попытка реконструкции городской и сельской жизни Суздаля и его округи в X-XV вв. Временные рамки ее ограничивают историю города от его возникновения до потери политической самостоятельности и присоединения к Московскому государству*.

* * *

Город Суздаль возник вдали от крупных водных артерий. Он расположен на левом берегу небольшой р.Каменки, правого притока р.Нерли, в свою очередь являющейся притоком р.Клязьмы. Левый берег Клязьмы в районе г.Владимира является южной границей плодородного безлесного участка земли, носящего название Владимирского (или Суздальского) ополья. Это южная часть цепи трех ополий, тянущихся с севера на юг от оз.Неро к оз.Плещеево и к р.Клязьме. Восточная граница этого ополья проходит по правому берегу р.Нерли. За Нерлью начинаются уже большие лесные массивы, а почва становится значительно менее плодородной. Весь ландшафт суздальского ополья – равнинный, с небольшими увалами и всхолмлениями, во многих местах перерезанными глубокими оврагами с протекающими по дну их небольшими ручейками. Во многом этот ландшафт напоминает южные лесостепные районы. Ощущение про-

* Вопросы архитектурной археологии в данной работе не рассматриваются в силу их специфики и полноты публикаций.

стора, неброской красоты местности как нельзя лучше соединяется с созданными людьми искусственными сооружениями. Каменка – небольшая река, не имевшая даже в древности большого судоходного значения. Она мелководна, петлиста и очень живописна. В одной из петель реки в древности и был поставлен "город" – земляное укрепление, дополненное деревянными стенами.

О названии города и топонимах его округи

Осмыслить, разгадать значение слова Суздаль люди пытались еще в XVIII в. Так, считалось, что "Суздулусъ" переводится с греческого языка как "твой рабъ"[6]. Суздальский историк конца XVIII в. Анания Федоров производил это название от суходолов (сухъ – долъ) с переходом (х) на (ж) и (о) на (а)[7].

Первое летописное упоминание Суздаля относится к 1024 г.[8] Однако рассказ о восстании волхвов, происшедшем в "Суждали" в то время, подразумевает уже существование города значительно раньше. Анализируя количество русских городов, происхождение которых восходит к IX-X вв., М. Н. Тихомиров отнес к их числу и Суздаль, включив в число 25 самых древнейших и значительных. Название "Суздаль" или "Суждаль" он считал племенного происхождения, трудно объяснимого из славянских языков "если не считать, что окончание "ль" надо понимать так же, как в словах "Ярославль", "Ростиславль", "Изяславль", т. е. видеть в нем указание на строителя: Суздаль или Суждаль – город Сузда или Сужда[9]. М. Н. Тихомиров не объяснял корень названия города. Эту попытку предпринял еще в XIX в. Д. П. Европеус, сблизив название города с эстонским словом "suzi", финским "susi" – "волк"[10]. А. А. Шахматов возводил топоним Суздаль к реконструируемому им финскому "susudal", однако, М. Фасмер отрицал такое неизвестное ему из финского толкование[11]. Топоним "Susudal" упоминается в произведении венгерского анонима в пересказе предания о переселении угров в Паннонию в 884 г., когда они прошли через Волго-Окское междуречье к Киеву. В топониме "Susudal" этого источника можно видеть Суздальскую землю или даже сам Суздаль. Некоторые исследователи считают, что в названии речки Мжары (правого притока р.Каменки, на которой стоит город Суздаль) звучит искаженное слово Маджары или венгерское племенное название Мадьяры[12].

Мнение о финно-угорском происхождении названия Суждаль поддерживало большинство исследователей-топонимистов, в том числе В. А. Никонов, С. Роспонд, И. С. Хадипов и др.[13]. В последнее время к осмыслению названия города обратился известный лингвист О. Н. Трубачев. В

специальной статье "Снова о названии Суздаль" он доказывает, что слово это является чисто русским по происхождению. Слово Суздаль, – считает О. Н. Трубачев, состоит из приставки sь-, корня zьd-, чередующегося с zid- и суффиксом lь (So – zьda – lь). На такую же структуру этого названия указал еще в 1859 г. чешский ученый Ф. Миклошич[14]. "В этой тополексеме корень zьd-, древнерусское зьдъ – "глина"; прусское seidis – "стена"; зьдъчии, зъдчий, здечии, зьдичии – "горшечник"; зьдьныи, зъдьныи, зьдѣныи – "глиняный"; зьдати, зъдати, здати, зиждѹ, зижѹ, зеждѹ – "создавать"; зьданиѥ, зъдниѥ, зданиѥ, зеданиѥ – "творение", "создание"; зьдарь – "горшечник"; зьдань, зьдатель – "строитель"... Можно предположить, что вариант Суждаль возник под влиянием формы зиждѫ, "зижду, строю". Таким образом, топоним Су-зд-а-ль – отглагольное образование от древнерусского създати "создать"... Предполагается, что в древнерусском существовало самостоятельное слово (апелятив) *суздаль со значением "глинобитная, кирпичная постройка"; ср. русское зьдъчии "тот, кто здал домы", здание, еже есть глинян сосудъ или храмина (Азбуковник XVII в.)[15].

Точка зрения О. Н. Трубачева о происхождении названия Суздаль представляется наиболее доказательной. В свое время М. Фасмер высказал предположение, что первоначальная форма названия города была "Суждаль", а "Суздаль" является вторичной от нее[16]. Эта мысль М. Фасмера нашла подтверждение в работах А. А. Зализняка. Исследуя берестяные грамоты Новгорода, он отметил, что иногда в них, как и в других некнижных источниках, встречается так называемое "шепелявенье", т. е. мена (з) с (ж) и (с) с (ш). Особенно оно характерно для псковских памятников и говоров. В Новгороде самый ранний пример такой мены встречен в надписи на куске свинца первой трети XII в., где житель Заозерья назван – заожеричъ, а житель Суздаля – соуждалець[17]. Таким образом, древнейшее упоминание в летописи Суждаля отражает, по-видимому, новгородско-псковское звучание этого топонима.

В скандинавских источниках ойконим Суздаль на основе фонетического сходства (так называемая "народная этимология") трактуется в двух вариантах. В "Саге о Хаконе, сыне Хакона" ойконим Суздаль передан как Sydridalariki, где он сравнивается со словом Sydri (сравнительная степень прилагательного sudr – "южный" и dalr – "долина", т. е. "более южная долина". В "Саге об Одде-Стреле", ойконим Суздаль передан как Sursdalr, производный от surr – "кислый" и dalr – "долина", т. е. "кислая долина"[18].

Вообще Суздаль в древнескандинавской письменности упоминается шесть раз[19]. Единого написания для передачи имени "Суздаль" не было. Назывался он Sydridalariki и Sudrdalariki (в значении земли, княжества,

государства), а также и Surdalar в значении собственно города. Наиболее древним упоминанием Суздаля является фрагмент исландского географического сочинения "Какие земли лежат в мире", где говорится: "В том государстве есть (часть), которая называется Руссия, мы называем ее Гардарики. Там такие главные города Морамар (Moramar), Ростова (Rostofa), Сурдалар (Surdalar), Хольмгард (Holmgardr), Сюрнес (Syrnes), Гадар (Gadar), Палтескья (Palteskia), Кэнугард (Koenugardr)"[20]. В этом отрывке хорошо читаются такие древнейшие русские города как Муром, Ростов, Суздаль, Новгород, Полоцк, Киев. Причем любопытно отметить, что Муром, Ростов и Суздаль стоят в этом перечне на первом месте, раньше Новгорода и Киева. По мнению О. Прицака, такое перечисление городов свидетельствует о знакомстве с ними скандинавов, осваивавших волжский путь на рубеже IX-X вв., до начала функционирования днепровского пути[21]. Во всяком случае присутствие в списке "старей-ших" городов Ростово-Суздальской земли (Ростов, Суздаль, Муром) и отсутствие "младших", возникших в XII в. (Владимир, Юрьев, Переяславль) позволяет, по мнению М. Б. Свердлова отнести список этого географического сочинения к XI в.[22]

Итак, в XI в. Суздаль известен уже в Северной Европе в понятии собственно города (Súrdalar). К началу XI в. относится, как сказано выше, и первое упоминание его в русской летописи также в понятии населенного пункта, а не земли.

* * *

В районе Суздальского Ополья многие гидронимы и ойконимы носят финно-угорский характер. Основная река ополья – Нерль Клязьминская имеет корень "нер", переводимый с финно-угорских языков как низкое, заболоченное место[23]. Этот же смысл имеют такие названия как оз.Неро, город Нерехта, река Неромка. Многие названия в окрестностях Суздаля связаны с финно-угорским Kiv, kű, kő, в значении "камень". Так, сам город стоит на р.Каменке, а в устье реки находится с.Кидекша. Кидекша образовано из двух слов: "ки" (камень) и "тагес" – (рукав), т. е. приток. Следовательно название Каменки есть буквальный перевод (или калька) с финно-угорского, мерянского языка. То же значение имеет р.Кивезь на севере Владимирской области, камень – вода, т. е. Каменка. Название р.Кистошь имеет тот же корень "ки". Топоним Кибол – село в верховьях р.Каменки следует переводить как "деревня Каменка", где "ки" – камень, а "бол" – деревня[24]. Ту же основу "бол", "бал" носят деревни Шехобалово в Суздальском районе, а также Большая и Малая Брембола, Пужбол в Ярославской области и другие пункты с тем же корнем, отмечающие на-

селенные пункты мери. В речных названиях довольно часто встречаются гидронимы с суффиксом "ра" – "ма"-"га"-"ша" финно-угорского происхождения. Типично мерянские названия с формантом кса-кша и ньга очень малочисленны[25]. Однако очень значителен пласт гидронимов славянского происхождения[26], свидетельствующих о раннем освоении края славянами.

Примечания

1. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв., т. I-II. М., 1961-1962.
2. Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М., 1975.
3. Варганов А. Д. Суздаль. Владимир, 1957; Он же. Суздаль. Ярославль, 1971.
4. Овчинников А. Н. Суздальские златые врата. М., 1973.
5. Русское прикладное искусство XIII – начала XX вв. Из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., 1982.
6. О древности града Суждаля (с основания города до 1783 г.) // Ежегодник Владимирской Губернской статистической комиссии, 1878, т. II. С. 121.
7. Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник ОИДР, т. 22. С. 2.
8. ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 148.
9. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 15-16, 397.
10. Европеус Д. П. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП, ч. CXXXIX, Спб., 1868. С. 63-65; Он же. Об угорском народе // Труды II археологического съезда в С.Петербурге, вып. I. С. 92; Записки Академии наук, № 24, 1874. С. 136.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 797.
12. Эрдели И. Извлечения из хроники венгерского анонима // Вестник археологии Урала, вып. 7, Свердловск-Ижевск, 1967; Заметки по дороге от Владимира до Суздаля // ЖМВД за 1847 г. СПБ. С. 300; Vasary J. The Hungarian or Mozars and the Moscers (Misers of the Middle Volga Region) // Archivum Eurasial Medii Acvi, 1, 1975, Bloomington, USA.
13. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 397; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972, т. 1. С. 30, 54; Халипов С. Суздаль // Наука и жизнь № 9, 1983. С. 61-62. Автор считает, что разгадку слова "Суздаль" можно найти в местной флоре, ибо мерянское "Суштал" означает Смородинный.
14. Трубачев О. Н. Снова о названии Суздаль // Zpravoday Mistopisne Komise c. 1-2-3, Roc. XVI, 1975. S. 377-383.
15. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 164-166.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 797.
17. Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города. Изд. МГУ. М., 1989. С. 20.

18. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 44.
19. Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1984. М., 1985. С. 212-228.
20. Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических названиях // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 149. Перевод выполнен Е. А. Мельниковой.
21. Pritsak O. The Origin of Rus`. Cambridge (Mass) 1981. Vol. 1 P. 537.
22. Свердлов М. Б. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX-XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973. С. 51-52.
23. Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985. С. 45.
24. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. С. 42-43; Европеус Д. П. Об угорском народе // Труды II археологического съезда в С.Петербурге, вып. 1. С. 92; Он же. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП, ч. CXXXIX, СПб. С. 63-65; Ткаченко О. Б. Мерянский язык. С. 46, 61.
25. Седов В. В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. С. 111.
26. Смолицкая Г. А. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 210-218.

Глава I

Сведения письменных источников. Исторический очерк

Волго-Окское междуречье, где расположен Суздаль, осваивалось славянами в относительно позднее время, в IX-X вв. До прихода славян область была заселена различными финно-угорскими племенами: мерью, весью, муромой. Главным городом края был Ростов. В "Повести временных лет" под 862 г. в разделе о призвании варягов читаем: "**И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новгороде словене, в Полотьски кривичи, *в Ростове меря*, в Белеозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаша Рюрик**".

Во времена княжения Владимира Святославовича Ростовская область находилась в зависимости от "Русской земли". Под 988 г. та же "Повесть временных лет" сообщает: "**И посади (Владимир) ... Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме...**"[1].

В. Н. Татищев упоминает о том, что Суздаль был основан Владимиром Святым в 982 г., когда князь "покорив землю польскую, град Суздаль утвердил"[2]. Первое достоверное упоминание в летописи Суздаля относится к 1024 г., когда в городе вспыхнуло восстание, руководимое языческими жрецами – волхвами. Восстание было направлено против "старой чади", державшей "гобино" – урожай, общее добро. Оно было ожесточено голодом, возникшим в результате неурожая. Лаврентьевская летопись так обрисовывает эти события: "**В се же лет въсташа волъсви в Суждали избиваху старую чадь къ дыаволю наоученью и бесованью глще ѣко си держать гобино бѣ матежь великъ и голодъ по всеи тои странѣ, идоша по Волзѣ вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша слышав же. Iярославъ волхвы приде Суздалю; изъимавъ волхвы расточи а другыми показни**"[3].

Новгородская IV летопись несколько дополняет эти сведения: "**Въсташа въльсви в Суздале и избиша старую чадь бабы по дьяволю наученню и беснованню, глаголюще си дряжат гобино и жито, и голод пущають. И бе мятежь велик и глад по всеи стране тои, яко мужю своя жена даяти, да ю кормять собе, челядином. И идоша по Волзе вси людие в Болгары, и привезоша пшеницю и жито, и тако от того ожиша. Слы-**

шав же Ярослав вълхвы, приде к Суздалю, и изымав убица ты, и расточи, иже беху бабы избили, и домы их разграби, а другыми показни. И устави ту землю"[4].

Уже это первое упоминание Суздаля отмечает факт принадлежности города Ярославу Мудрому, который "устави ту землю", т. е. распространил на нее нормы "Русской Правды". Видимо, он был посажен на стол в Ростове своим отцом до 1014 г., поскольку в этом году он занимал уже и новгородский стол[5]. После смерти Ярослава в 1054 г. Ростовом, Суздалем, Белоозером и Поволжьем владел его сын Всеволод, бывший одновременно князем в Переяславле Русском. В это время, в 70-е годы XI в., по всей области прокатилась волна антифеодальных и антихристианских волнений[6], аналогичных суздальским. Суздаль вновь возникает на страницах летописи лишь в 1096 г. Из описаний 1094-1096 гг. видно, что Ростов, Суздаль и Белоозеро были волостью сына Всеволода Владимира Мономаха[7]. После смерти Всеволода в 1093 г. в Ростове на княжеский стол сел сын Владимира Мономаха Мстислав, пробывший там до 1097 г. Именно с его пребыванием на княжении в Ростово-Суздальской земле связаны известные события первой междоусобной княжеской войны на Северо-Востоке. В 1096 г. муромо-черниговский князь Олег Святославович вторгся в Ростово-Суздальскую землю: **"Олег же по приѣтьи града (Мурома) изъима Ростовци и Бълоозерци и Суздалцѣ (и покова) и оустремисѧ на Суждаль и шедъ Суждалю и Суждалци дашася ємѹ. Олег же ѡмиривъ городъ. Овъı изъима а другыѣ расточи и имѣныа ихъ ѡтъıа иде Ростовѹ и Ростовци вдашася ємѹ и переѣ всю землю ... Ростовскѹ и посажа посадникъı по городом и дани поча брати ... Олегъ же приде к Суждалю и слышавъ ꙗко идет по нем Мстиславъ. Олег же повелѣ зажещи Суждаль город, токмо ѡстасѧ дворъ манастырьскыи Печерьскаго монастырѧ и цркъ ꙗже тамо есть стаго Дмитреѧ юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селъı. Олег же побѣже к Мѹрому, а Мстиславъ приде Суждалю и сѣдѧ тѹ... Мстислав же ... распусти дружинѹ по селом"**[8]. Эти летописные сообщения дают возможность сделать следующие наблюдения.

Начиная с последней четверти XI в. обнаруживаются признаки церковно-административной жизни "в Суждали", несмотря на полную зависимость его от Киевской Руси. Выражалось это в том, что появившиеся здесь вместе с князьями феодалы, в также горожане организованы были в военном отношении по территориальному признаку. ("Ростовци", "Белоозерци", "Суздальце"). Во-вторых, они могли решать вопросы войны и мира, т. е. политические вопросы, а, следовательно, уже существовали определенные общественные институты. В-третьих, наличие таких атрибутов власти как княжеские посадники в городах, сбор дани (т. е.

существование и княжеских даньщиков) свидетельствует о том, что к 1096 г. "Суждальская земля" полностью вошла в орбиту государственности[9]. Любопытно также сообщение о пожаре в Суздале (к этому вопросу мы вернемся ниже при рассмотрении археологического материала) и упоминание в связи с пожаром первого на Северо-Востоке монастырского подворья Киево-Печерского монастыря и первой достоверной в Суздале церкви св.Дмитрия. Церковь была, видимо, выстроена на средства епископа Ефрема, который дал также монастырю и принадлежавшие ему села. Княжеские села фигурируют и в отрывке летописи о роспуске Мстиславом дружины по селам. Эти данные свидетельствуют о наличии к концу XI в. в Суздальском Ополье феодального землевладения.

После событий 1096 г. состоялся съезд князей в Любече в 1097 г., на котором были разделены княжения и решено: "... **каждо да держить отчину свою...**"[10]. Владимир Мономах получил Переяславль и земли на Северо-Востоке.

С 1097 г. в Ростово-Суздальской земле появляется младший брат Мстислава Владимировича – Вячеслав. Он был прислан Мономахом с юга и посажен на ростовский престол. Оба брата в феврале 1097 г. нанесли жестокое поражение Олегу и Ярославу Святославичам "на Кулачьце"[11]. В. А. Кучкин считает: "летописная Кулачка очень часто отождествляется в р.Колокшей... Между тем Кулачка – это название местности рядом с Суздалем, по-видимому, на его южной окраине. Узнав, что Олег неожиданно идет на него с р.Клязьмы, Мстислав "**ста пред градом исполчивъ дружину**", причем новгородци спешились с коней для битвы. Когда Олег подошел "к городу", то Мстислав перешел "пожар с Новгородци", признак, что сражение произошло рядом с Суздалем. "Пожар" – это Суздальский кремль, который Олег сжег незадолго до этого[12].

Вячеслав пребывает в Ростово-Суздальской земле, по-видимому, до 1107 г. Верховными владетелями северо-восточных земель по-прежнему оставались великие киевские князья, поэтому участие ростово-суздальских князей в делах Юга было постоянным. В августе 1107 г. Вячеслав принял участие в походе русских князей на половцев. Воспользовавшись его отсутствием, на Суздаль совершили набег волжские болгары. "**Приндоша болгари ратию на Суздаль и оступиша град, и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многих крестьян. Сущи же людие во граде не могуще противу их стати не сущу князю у них ... и затворишася во граде ... из града изшедше, всех избиша**"[13]. По-видимому, ввиду отсутствия князя и его дружины суздальцы вначале не смогли дать отпор болгарам, однако потом они сумели отразить нападение, выйдя из города в открытое сражение. Из летописного сообщения явствует, что город уже был обнесен сплошным кольцевым валом, в нем

можно было "затвориться" и выдержать осаду болгар. Сказалась положительная роль выстроенных Мономахом оборонительных сооружений. Кроме того Владимир Мономах укрепил и южные рубежи княжества, основав во время последнего своего посещения Северо-Востока в 1108 г. город в свою честь – Владимир на Клязьме. Город стал форпостом как против болгар, так и против Черниговской земли, т. к. события междоусобицы 1094-1096 гг. были еще свежи в памяти. В Суздале около 1101-1102 гг., видимо, во второй приезд Мономаха в Залесскую землю, был заложен каменный собор во имя Успения Богоматери: "**Та бо цркы создана ... Володимиром Мономахом и блжнымь еппомь Єфрѣмом**"[14]; Образцом для выстроенного собора являлся Успенский собор Киево-Печерского монастыря или Михайловский собор Переяславля Южного[15].

В 1107-1108 гг. на княжеский стол в Ростово-Суздальской земле Мономах посадил своего младшего сына Юрия, получившего впоследствии прозвище Долгорукого.

Из летописных записей известно, что в 1107 г. отец женил его на дочери половецкого хана Аепы. Это был политический союз, призванный обезопасить южные границы Киевской земли от половецких набегов. Получив в удел Суздаль, Юрий Владимирович постепенно превращает его в стольный город земли, хотя номинально старейшим городом оставался Ростов. Причина переноса состояла в хорошо осознанной необходимости укрепить южные рубежи земли.

Княжество получает наименование "Суздальская земля". О посажении Юрия известно по сведениям Киево-Печерского патерика: "**И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суждальскую землю сии Георгии, дасть же ему на руце и сына своего Георгия**"[16]. Воспитателем Юрия и тысяцким Ростово-Суздальским стал киевский боярин Георгий Шимонович, сын Шимона Африкановича, выходца из Скандинавии. Шимон, в свою очередь, был связан с Ростовом и Суздалем, являясь, видимо, там тысяцким в правление Всеволода. С его редким именем ассоциируются существующие доныне села во Владимирской области – Большое и Малое Шимоново[17]. При помощи золотого пояса варяга Шимона была рассчитана "мера широты и долготы, и высоты" Успенского собора Печерского монастыря, послужившего, как сказано было выше, образцом для первого каменного собора Суздаля. По-видимому, должность тысяцкого становится в "Суздальской земле" наследственной, а "Шимоновичи" явились одними из первых феодалов, владельцами обширных земель и сел[18].

Правление Юрия в Суздальской земле отмечено яркой страницей в истории этого края. Он – первый самостоятельный князь Ростово-Суздальской "волости". С его деятельностью связано бурное строительство как в самом Суздале, так и по всей Суздальской земле. Здесь он построил

церковь Спаса: "**Юже бе прежде заложил Юрий ... святого Спаса в Суждали камену**"[19]. Вопрос о строительстве этого собора, правда, остается до сих пор спорным. А. Д. Варганов считал, что собор Мономаха был сломан и заново перестроен из туфа Юрием Долгоруким. Об этом, видимо, свидетельствуют Патерик Печерского монастыря: "**Сын же того** (Мономаха) **Георгий князь слыша от отца Владимира еще о той церкви** (Печерской) **сотворища и той в своем княжении созда церковь во граде Суздале в ту же меру**"[20]. Н. Н. Воронин связывал упоминание ц.Спаса и освящение новгородским архиепископом Нифонтом в 1148 г. церкви Богородицы ("**В то же лето ходи архиепископ Нифонт Суждалю, мира деля к Гюргеви, и принят и с любъвью Гюрги и церковь святи святей Богородици великымь священиемь**"[21]) с ремонтом Мономахова собора и освящением северного его придела во имя Спаса. Не отвергал Н. Н. Воронин и мнения А. Д. Варганова и В. П. Глазова о возможности открытия ими храма Спаса в Спасо-Евфимиеве монастыре[22].

Весьма возможно, что при Юрии к западу от кремлевского собора были выстроены княжеские палаты, возможно, открытые А. Д. Варгановым археологически в виде остатков каменной гражданской постройки[23].

Видимо, в годы княжения в "Суждали" Юрия Владимировича город сильно разрастается, в силу чего создается еще одна линия его земляных укреплений – окольный город или острог (о чем ниже).

Большие строительные работы были произведены в загородной княжеской резиденции – в Кидекше, расположенной на правом берегу р.Нерли, в 4 км восточнее Суздаля, в устье р.Каменки. Поселение было обнесено земляным валом, а на берегу р.Нерли была воздвигнута белокаменная церковь во имя св.Бориса и Глеба. Типографская летопись сообщает под 1152 г.: "**Тогда же Георгий князь в Суждале бе, и отвръзл ему бог разумнен очи на церковное здание, и многи церкви поставиша по Суздальской стране, и церков постави камену на Нерли святых мученик Бориса и Глеба, и святого Спаса в Суздале, и святого Георгия в Володимери**"[24].

Суздаль как главный город земли часто фигурирует на страницах летописи. Отсюда в 1120 г. совершил Юрий вместе со своим воеводой Георгием Шимоновичем поход на Болгарское государство: "**Гюрги ... ходи на Болгары и взя полонъ многъ и полкъ ихъ победи**"[25]. Поход имел задачу обезопасить восточные рубежи княжества от постоянных грабительских набегов болгар. Важную роль в этом походе должны были сыграть славянские поселения расположенные по правому берегу р.Клязьмы ниже устья р.Нерли, превращенные в правление Юрия в города-крепости: Стародуб, Ярополч, Гороховец, Бережечь[26]. Эти города оформили юго-восточную границу княжества. Суздаль времени Юрия превращается в

столицу огромного княжества, границы которого на севере доходят до Белоозера, на востоке – до Волги, на юге оно граничит с мурομорязанскими землями, а на западе и северо-западе со смоленскими и новгородскими. Юрий основывает ряд городов на пограничье своей земли. Если в начале XII в. Суздальская земля располагала четырьмя городами (Белоозеро, Ростов, Суздаль и Владимир) и крепостью Ярославль, то за время княжения Юрия Долгорукого возникают такие города как Москва (на границе с Черниговским княжеством), Коснятин, Угличе поле, Молога, Тверь, Шоша и Дубна (на границе с Новгородской землей), Юрьев-Польский, Переяславль Залесский, Дмитров, Звенигород[27]. Возможно в это же время строятся Мстиславль, Стародуб, Ярополч, Гороховец, Бережечь, а также Микулин на Шоше, Кострома и Галич-Мерский. Особое место имел Городец – крупнейшая крепость при выходе на Волгу. Несомненно, что последовательное и целеустремленное строительство городов опиралось не только на стихийный приток колонистов, но и на организующую силу княжеской власти, ее поощрительную политику льгот новоселам. Наиболее интенсивное строительство Юрия падает на 50-е гг. XII в.

Однако укрепление границ княжества, обширное строительство в Суздальской земле – все это не мешало Юрию бороться за киевский стол. В качестве ступени к киевскому великому княжению Юрий в 1135 г. "испроси у брата своего Ѥрополка Переѩславль, а Ѥрополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю"[28]. Это соглашение явилось причиной появления известной фразы из Учредительной грамоты Смоленской епископии: "Суждали Залесская дань, аже воротит Гюрги, а что будет в ней, с того святѣи Богородици десятина"[29]. Видимо, "Суждали Залесская" дань шла Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, получившему ее от киевского князя Ярополка Владимировича за свой нейтралитет во вражде Ярополка с братьями Ростислава[30]. По-видимому, Юрий передал Ярополку лишь дань с основной территории княжества, сохранив за собой руководящую роль на Северо-Востоке. В результате борьбы за киевский стол "раздърася вся земля руськая". Юрий Долгорукий сумел овладеть Киевом лишь в 1149 г. В Суздале в это время был оставлен сын Юрия – Василько. Остальные сыновья были им посажены в Киевской земле – Переяславле, Вышгороде, Белгороде и Каневе. Вскоре, однако, Юрий утратил Киев и возвратился в Суздальскую землю, где начал всемерно укреплять границы княжества, стремиться приобрести опору в среде городского населения, привлекая на свою сторону "служилых" людей в противовес местному крупному боярству. Во всех этих действиях проявились черты, свойственные в дальнейшем внутренней политике Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо.

Юрий Долгорукий в течение нескольких лет вел борьбу за великокняжеский стол на юге Руси. Неоднократно на страницах летописи Суздаль упоминается в это время как пункт, откуда выезжает князь с дружиной или княгиня в Киевскую землю, куда возвращаются они после поражений и неудач. Так, под 1154 г. сообщается: "**в то же лѣто поиде Гюрги с Ростовци и с Суждалци и со всѣми дѣтми в Русь и быс моръ в коних во всѣх воихъ его ... а сам воротисѧ опять Суждалю**". "**Того жѣ лѣт приде княгыни Гюргева в Кыевъ и Суждалѣ**"[31].

Окончательно Юрий сумел овладеть Киевом лишь в 1155 г. и при этом посадил своих сыновей в южных городах. Андрей сидел в Вышгороде, Борис – в Турове, Глеб – в Переяславле, Василько – в Поросье. Младшим сыновьям Михалке и Всеволоду предназначалась Суздальская земля. Однако на Суздальскую землю претендовал Андрей Юрьевич. Еще в 1152 г. "**иде от отца своего Суждалю, а отцю же вступившю его много. Андрѣи же рек на томъ ксмы цѣловали крьс ако поити ны Суждалю и иде въ свою волость Володимерю**".

Это указание летописи на Владимир как волость Андрея делает понятным, почему стольным городом княжества вскоре становится именно Владимир, расположенный притом на крупной водной артерии – р.Клязьме. В 1155 г. "без отне воли" Андрей покинул выделенный ему отцом Вышгород и ушел в Суздальскую землю. С собой он вывез знаменитую святыню – икону Божьей Матери (Владимирскую): "**Того лѣт иде Андреи от отца своѣго Суждалю и принесе ида икону стую Бцю юже принесоша въ единомь кораблѣ с Пирогощею изъ Цареграда**"[32].

В 1157 г. Юрий скоропостижно скончался в Киеве. После его смерти в Киеве вспыхнуло восстание горожан, которые "**разъграбиша двор его красный, и другый дворъ его за Днепромъ разъграбиша, его же звашетъ самъ раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городѣ; избиваютъ Суждалци по городам и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче**"[33]. "**Того же лѣт Ростовци и Суждалци здумавше вси поимша Аньдрѣя сна его старѣишаго и посадиша и в Ростовѣ на отни столѣ и Суждали. Занеже бѣ любимъ всѣми**"[34]. Таким образом, в надежде на усиление своего влияния на князя суздальское и ростовское боярство приглашает на стол Андрея Боголюбского в обход Михалки и Всеволода. Однако надежды боярства не сбылись. Андрей порывает с Суздалем и Ростовом и делает столицей княжества Владимир на Клязьме. С этого момента Суздаль начинает терять свое политическое значение, хотя роль старого боярства оставалась еще очень значительной. К 1159 г. относится конфликт между горожанами Суздаля и епископом Леоном, поставленным на кафедру год назад. Суздаляне обвинили его в обогащении: "**Зане оумножил бяше церковь, грабѧй попы**"[35]. По-видимому, епископ в нарушение традиции

обложил церковной податью в пользу епископии не только церкви, но и все приделы в них, увеличив тем самым доходы епископии.

В 1162 г. Андрей выгнал из Суздаля братьев Мстислава и Василька и вдовствующую княгиню Ольгу с детьми Михалкой и Всеволодом, приехавшими сюда из Киева после смерти Юрия. Вместе с членами княжеской семьи изгнан был епископ Леон: "**В том же лѣтѣ выгна Андрей епископа Леона исъ Суждаля, и братню свою погна Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передни. Се же створи хотя самовластець быти всѣй Суждальской земли**"[36].

Суздальцы активно участвовали во внутренней и внешней политике князя Андрея. Так, в 1164 г. они участвуют в его победоносном походе на Болгар. В 1169 г. Киев подвергся невиданному доселе сокрушительному разорению войсками Андрея: "**Тое же зимы посла князь Андрѣи и Суждала сына своего Мстислава на Кыевьскаго князя Мстислава с Ростовци и Володимерци и Суждалци... Взмша Къкъвъ кго не было никогдаже**"[37].

В 60-е годы XII в. интересы Владимиро-Суздальского княжества неоднократно сталкивались с интересами Новгорода на Белоозере и в районе Северной Двины, где новгородцы брали дань "**на суждальскыхъ смърдѣхъ**". Эти столкновения вызвали ответные меры и привели к походу зимой 1170 г. владимиро-суздальских ратей на Новгород. Поход был неудачен, новгородцы затворились в городе и сумели отбить дружину сына Андрея – Мстислава. Поход этот по преданиям сопровождался знамениями в церквах Новгорода[38]. В частности, около Десятинного монастыря суздальцев встретила икона "Знамение Богоматери", которая отвращала все стрелы нападающих. Сюжет этот явился поводом создания знаменитой иконографической композиции "Битва новгородцев с суздальцами", ставшей своеобразной святыней Новгорода.

После гибели Андрея Боголюбского в 1174 г. ростовское и суздальское боярство пытается восстановить свое политическое господство и выйти из подчинения младшему городу Владимиру. Бояре делают ставку на рязанских племянников Боголюбского – Ярополка Ростиславича и Мстислава Ростиславича, применив изобретенную киевским боярством систему княжения дуумвирата второстепенных князей, неопасных для местной знати[39].

Однако борьба между претендентами на княжеский стол кончилась победой младших братьев Андрея – Михаила и Всеволода. Суздаль, не получив особого князя, вошел в состав Владимирского княжества. Именно к этим событиям относится известное сообщение летописи под 1176 г. о существовании веча в старых русских городах: "**Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне (и Полочане) и всѣ власти ѣкомъ на дому на**

Отделение
КИИБОН АН СССР
при Институте археологии

вѣча сходѧтся на что же старѣишии сдумають. на томь же пригороди стануть, а здѣ городъ старый Ростовъ и Суждаль и вси болѧре хотѧще свою правду поставити. Не хотѧху створити правды Бжыа. Но како нам любо рекоша таком створим. Володимерь е пригородъ нашь"[40]. Победа горожан Владимира в поставлении князей Михалки и Всеволода на стол имела большие последствия – произошел социальный раскол в старом Суздале. Горожане Суздаля в противовес боярам тоже выступили за кандидатуру Михалки и пригласили его на стол, сказав, что они, простые суздальцы, с ним не воевали, что его врагов поддерживали только бояре: "**Мы кнѧже на полку томь со Мстиславом не были но были с ним болѧре а на нас лиха срдца не держи но поѣди к нам. Михалко же ѣха в Суждаль с братом Всеволодом и и Суждалѧ Ростову. И створи людем весь нарѧдъ оутвердивъсѧ крстнымъ цѣлованье с ними**"[41]. По-видимому, за поддержку горожан в борьбе за власть Михалко дал горожанам какие-то льготы. В 1176 г. князь Михаил Юрьевич занял владимирский стол, а брату Всеволоду выделил Переяславль Залесский. Однако в том же году он умирает, и великокняжеский стол занимает Всеволод III. Он был женат на дочери чешского князя Шварна – Марии, от этого брака имел десять детей, отчего получил впоследствии прозвище "Большое Гнездо". Годы правления во Владимиро-Суздальской Руси Всеволода Юрьевича (1176-1212 гг.) отмечены значительными территориальными расширениями Земли, бурным каменным строительством, расцветом искусства и культуры, общим экономическим подъемом, успехами во внутренней и внешней политике. Автор "Слова о полку Игореве", обращаясь мысленно к Всеволоду, характеризует его как могущественного правителя своего времени. "**Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти – удалыми сыны Глѣбовы**"[42]. В своей деятельности по устроению княжества Всеволод обращает внимание и на старейший город земли – Суздаль. Под 1192 г. летопись сообщает: "**Того ж лѣт заложенъ быс град Суждаль и срубленъ быс того ж лета**"[43], т. е. по повелению князя ремонтируется и досыпается земляной вал кремля, по его верху строится деревянная срубная стена (о чем ниже, в разделе о городских укреплениях).

Спустя два года в 1194 г.: "**Мсѧца семтѧбрѧ ѡбновлена быс цркы стаѩ Бца в Суждали. Ѩже бѣ опадала старостью и безнарѧдьем. тѣм же блженымъ епспмь Иваном и покрыта быс ѡловом от верху до комаръ и до притворовъ ... а иже не ища мастеровъ от нѣмецъ но налѣзе мастеры от клевретъ стое Бци и своихъ иных олову льѩти, иных крыти, иных извистью белити**"[44]. В этом летописном тексте интересно упоминание местных мастеров-ремесленников, выросших в Суздальской земле: оловянщиков, маляров, каменщиков, кровельщиков. "Свидетельство о

клевретах соборных и епископских слугах, – отмечал М. Н. Тихомиров, – указывает на существование в Суздале ремесленных слободок, зависевших от соборного клира и епископа"[45]. Основным помощником князя в церковном строительстве был епископ Иоанн, являвшийся, по-видимому, выходцем из Суздали. Он же был инициатором основания монастыря св.Козьмы и Демьяна на Яруновой горе в Суздале. Монастырь этот упоминается в летописи под 1213 г. в связи с пострижением в него самого епископа Иоанна после смерти Всеволода Большое Гнездо: "**Того же лѣта Иванѣ, епископ Володимерьскый и Ростовскый отписася своеа епископии и постриженся в скиму в Суздалѣ в монастырѣ оу Коузму и Дамиана, его же самъ созда**" ... "**оттоле разделиша епископья, нача быти в Ростове епископ, а в Володимери и Суздале другий**"[46].

Кроме Козьмодемьянского монастыря, располагавшегося вблизи юго-восточной окраины города, существовал еще в это время древний Дмитриевский монастырь, известный с конца XI в. и находившийся за рекой Каменкой к западу от города на дороге во Владимир. К северу от города на дороге в Ростов и Ярославль находился Ризоположенский девичий монастырь, датой основания которого считается 1207 г.[47], а основателем все тот же епископ Иоанн.

С Ризоположенским монастырем связана значительная страница религиозной истории Суздаля: в нем была пострижена в монахини св.Евфросинья Суздальская – дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича Феодулия (1211-1258 гг.). По преданиям, собранным в XVI в. составителем ее жития монахом Спасо-Евфимиевского монастыря Григорием, в 1227 г. Феодулия направлялась из Чернигова в Суздаль для вступления в брак с суздальским князем Миной Ивановичем. Однако по прибытии в Суздаль она не застала в живых своего жениха и постриглась в монахини Ризоположенского монастыря. В дальнейшем Евфросинья прославилась своей праведной жизнью и была в XVI в. причислена к лику святых[48]. По-видимому, жених Евфросиньи – Мина Иванович происходил не из княжеского рода (поскольку летописи не знают такового)[49], а являлся потомком знаменитого боярского рода Шимона и его сына (тысяцкого Юрия Долгорукого) – Георгия Симоновича, которому Юрий "яке отцю предасть область Суждальскую"[50]. Видимо, Мина владел землями около Суздали, т. к. в письменные источниках XV в. известно "село Мининъское", расположенное судя по межевым актам 1686 г. в 2-х верстах к югу от города[51].

Итак, близ Суздаля к началу XIII в. достоверно известны 3 монастыря: Дмитриевский, Ризоположенский и Козьмодемьянский. Кроме того, к середине XIII в. относят обычно возникновение еще 5 монастырей (Троицкого, Александровского, Андреевского, Васильевского и Введен-

ского), сведения о которых не вполне достоверны, т. к. основаны не на письменных источниках, а на преданиях и поздних церковных записях.

После смерти великого князя Всеволода III Большое Гнездо в 1212 г. огромная его держава распалась на ряд самостоятельных княжеств. Правда, эти новые политические объединения были еще малоустойчивыми. Политическим актом местных князей, свидетельствующим о подчинении местной церковной организации своему князю было учреждение в 1214 г. в Суздале самостоятельной епископии[52]. В сан епископа был возведен игумен владимирского Рождественского монастыря Симон, бывший и епископом Владимирским. В 1212 г. на владимирском столе утвердился Юрий, второй сын Всеволода "Большое Гнездо". Старший, Константин получил Ростов. Однако Константин был недоволен таким распределением столов и под 1216 г. летопись сообщает: "**Въздвиже нѣкую котору злу межи князи сны Всеволожи Костѧнтином и Юргемь и Ярославом и бишасѧ оу Юрьева и wдоле Костѧнтин. И сѣде Костѧнтинъ в Володимери на столѣ а Юрги Сѹждали**"[53]. Следовательно, в 1216 г. после знаменитой Липицкой битвы под Юрьевом великим князем Владимирским стал старший сын Всеволода – Константин, соединивший в своих руках Владимир и Ростов. Юрий Всеволодович получил Городец Радилов, а с 1217 г. по ряду с Константином он сел князем в Суздале: "... А ныне поиди в Суздаль"[54]. После смерти Константина в 1218 г. великим князем Владимирским вновь стал Юрий, сохранивший за собой и Суздаль. Другие братья, сыновья Всеволода, получили следующие наделы: Юрьев Польский (Святослав), Переяславль (Ярослав), и Стародуб (Владимир). Ростов с принадлежавшими ему малыми городами остались в роду потомков Константина. Произошел распад княжества. Юрий Всеволодович, сидя на великом столе во Владимире, не оставлял Суздаль своим вниманием. Во время его правления были проведены в городе большие строительные работы. В 1222-1225 гг. он построил великолепный белокаменный собор на месте разрушившегося старого Успенского собора. Новый собор был освящен во имя Рождества Богородицы. Вот что говорит об этом событии летопись: "**Великый князь Гюрги заложи цркꙋь каменьнꙋ стыѧ Бца в Сѹждали на первемь месте, заздрꙋшив старое зданье, понеже ꙋчала бе рꙋшитися старостью и верх ее впал бе, та бо, цркы создана прадедом его Володимером Мономахом, и блжнымь еппомь Ефрѣмом**"[55]. В 1225 г. "создана бысть церкы святая Богородица в Суждали и священа бысть епископом Симоном в 8 день сентября"[56]. Епископ Владимирский и Суздальский Симон в своей переписке с монахом Киево-Печерского монастыря Поликарпом называет собор красотой Суздаля и с гордостью сообщает: "И кто не знает меня, грешного епископа Симона, и Суздальской церкви, которую я сам создал"[57].

В 1230 г. новый собор был расписан фресковой росписью уже при епископе Митрофане, сменившим на кафедре Симона, умершего в 1226 г. "Того же лѣт почата быс писан цркы стыя Бца в Сѹждали потщаньем сщнго епспа Митрофана юже бе рушилъ велик князь Юрги в епспьство Симон и опят созда краснѣишю первыя бѣ бо обетшала велми от многъ лѣт"[58]. Через три года в 1233 г. роспись собора была закончена: "в лет ѕѱма написана быс цркы стаѧ Бца в Сѹждали и измощена моромромъ красным разноличным"[59]. Собор Рождества Богородицы был большим (36 х 24 м) шестистолпным, трехапсидным сооружением с тремя притворами. Первоначально он имел трехглавое завершение и был целиком выстроен из белого туфа. Собор был богато украшен резьбой по камню[60]. Внутреннее его пространство было покрыто фресковой росписью, от которой доныне дошли лишь фрагменты орнаментальной росписи аркосолия, оконных ниш и диаконника, а также лики двух неизвестных святых в диаконнике[61]. Полы собора в 1233 г., согласно летописи, были украшены разноцветным "моромором". Этот пол состоял из квадратных и фигурных плиток, покрытых желтой, зеленой и коричневой поливой. (Плитки неоднократно встречаются при раскопках в различных частях кремля Суздали). Входы в собор закрывались дверями, обитыми медными пластинами с золотой наводкой. В литературе эти замечательные произведения древнерусского прикладного искусства известны как "Суздальские златые врата". Южные врата посвящены деяниям архангела Михаила и ангелов, а западные – двунадесятым праздникам. Орнаментика врат очень близка каменному и живописному декору самого храма. По-видимому, двери были изготовлены одновременно со строительством и росписью храма, т. е. в промежуток времени между 1227-1237 гг.[62].

Состав святых, изображенных на колонках дверей, позволяет предположить, что здесь помещены в основном патроны представителей княжеской семьи. Высказывалось даже предположение, что состав святых – патронов князей полностью соответствовал составу княжеского съезда – снема, происходившего в Суздале в 1229 г. в день храмового престольного праздника Рождества Богородицы. Снем этот состоялся в связи с примирением братьев Юрия и Ярослава, а также сыновей Константина – Василька, Всеволода и Владимира. "Юрги призва ихъ на снем в Сѹждаль и исправивше все нелюбье межю собою..."[63]. Активным участником примирения князей был епископ Митрофан, мирный договор был закреплен пиром у него. В этом же году летопись отмечает неурожай в Суздальской земле: "Того ж лѣт Рожь не родися по всеи нашеи земли и дорого быс жито"[64].

К 20-м годам XIII в. относится любопытное упоминание "Суздальской земли" в "Саге о Хаконе, сыне Хакона" исландца Стурла Тордарсо-

на, написанной им в 1264-1265 гг. в Норвегии. В Саге описывается военный поход Андреса Скъяльдарбанда и Ивара Утвиха В Бьярмаланд. Этому походу предшествовала торговая поездка Андреса из Сьюмелингара, Свейна, сына Сигурда, Эгмунда из Спангхейма и многих других в Бьярмаланд на двух кораблях. Один из участников похода Эгмунд из Спангхейма остался в Бьярмаланде и осенью направился в Суздальскую землю: "Эгмунд из Спангхейма тоже остался, и отправился он осенью на восток в Sydridalariki со своими слугами и товаром". Из текста саги можно сделать вывод, что зиму Эгмунд провел в Суздале и лишь весной, после получения известия из Бьярмаланда об убийстве своих товарищей боярами, он отправился в Новгородскую землю, а затем днепровским путем в Иерусалим[65]. Упоминание Sydridalariki в саге свидетельствует о том, что речь идет не о городе, а о государственном образовании – Суздальском княжестве. Очень важным моментом является указание на связь Суздальской земли с Бьярмаландом, т. е. с Подвиньем и побережьем Белого моря, именно с теми районами, куда проникала ростово-суздальская дань[66]. Накануне грядущего нашествия на Суздальскую землю татаро-монголов зимой 1237-1238 гг. Суздаль и Владимир посетил венгерский монах Юлиан, путешествовавший по Восточной Европе в поисках "Великой Венгрии" – прародины западных угров. Он застал город Булгар уже разоренным татарами, а Суздаль еще нетронутым. По сообщениям жителей царства мардванов (мордва) великий князь Лаудамерии (г. Владимира) говорил о том, что "близко время, когда все должны будут принять веру римской церкви и подчиниться ее власти"[67], т. е., видимо, Юлиан вел переговоры с князем Юрием Всеволодовичем о принятии католицизма.

В 1238 г. на Суздальскую землю обрушилось нашествие татаро-монгольских орд. "**Того ж лѣт на зиму придоша от всточьныѣ странъı ... Татарове станы своѣ оурадивъ оу города Володимерѣ. а сами идоша взяша Суждаль и сту Бцю разграбиша и двор княжь огнемь пожгоша и манастырь стаг Дмитриѣ пожгоша а прочии разграбиша а черньци и черници старыѣ и попы и слепыѣ и хромыѣ и слукыѣ и трудоватыѣ и люди всѣ иссѣкоша. а что чернець уных и черниць и поповъ и попадии: и дыаконы и жены ихъ и дчери и сны ихъ то все ведоша в станы своѣ...**" [68].

На территорию Владимиро-Суздальского княжества орды монголо-татар напали в январе. Владимирская дружина была разбита под Москвой, причем был пленен сын великого князя Юрия – Владимир. 3 февраля ордынцы осадили Владимир, а один отряд двинулся на Суздаль. Эпизод появления татар у Суздаля описан монахом Григорием при составлении "Жития Евфросиньи Суздальской". По-видимому, он пользовался местными суздальскими преданиями, поэтому в "Житии" есть ряд

точных топографических деталей. Так, говорится о том, что: "**в другии же день приде сам царь Батый и ста на Яронове горе, на берегу реки Каменица от полуденныя страны, иже имуще путь прямо ко граду Владимиру**"[69].

Действительно, Ярунова гора, расположенная на южной окраине Суздаля, была удобным местом наблюдения за всем городом с его укреплениями. По данным "Жития" Ризоположенский монастырь не был взят татарами из-за заступничества святой Евфросиньи. Интересно существование топонима "Батыево" между Суздалем и Владимиром. По преданиям на большом холме или "Батыевом кургане" было становище хана, а наверху стоял его шатер с золотым верхом. По другой версии в кургане захоронены павшие в бою татарские воины[70].

Батыево нашествие принесло огромное разрушение жителям княжества: "**Нѣс мѣста, ни вси, ни селъ тацѣх рѣдко, идеже не вокваша на Суждальской земли и взяша городов Д1 (14) опрочь свободъ и погостовъ во одинъ мсць февралъ**"[71].

В битве на р.Сити погиб великий князь Юрий Всеволодович. Его брат Ярослав, не подошедший с полками на р.Сити, стал в 1238 г. великим князем Владимирским. "**Того ж лѣт князь Ѥрославъ великыи отда Суждаль брату своєму Стославу. Того ж лѣт отда Ѥрославъ Ивану Стародубъ**"[72]. Новый раздел княжества послужил началом деления на уделы. В удел Святослава входили также Нижний Новгород и Гороховец как пригород Суздаля. Святослав пробыл на суздальском столе до 1246 г., когда он стал великим князем Владимирским. Суздальский стол получил его племянник, сын Ярослава Всеволодовича – Андрей, считающийся родоначальником суздальской ветви удельных князей[73]. С 1249 по 1252 гг. Андрей после возвращения из Орды, куда он ходил вместе с братом Александром, занимал великий владимирский стол. ("**Андреи сѣде в Володимери на столѣ**")[74]. Кто княжил в эти годы в Суздале, остается неясным. В 1252 г. Андрей, не подчинившись приказам ханской ставки, вынужден был бежать вместе с княгиней и боярами в Швецию. Его преследовали татары, догнали у Переяславля, однако князю удалось уйти, хотя татары взяли огромный полон, убили воеводу и вдову Ярослава, а детей его увели в плен. Нападение это было необычайно разорительно, недаром оно подробно описано в летописи[75]. Пребывание Андрея Ярославича в Швеции нашло отражение в "Саге о Хаконе, сыне Хакона": "У ярла Биргера было пять тысяч (человек). Там с ним было много знатных мужей... Был там и Андрес, конунг af Súrdölum, брат конунга Александра из Хольмгарда. Он бежал с востока от татар"[76]. Андрей вернулся в Суздаль лишь в 1256 г. в результате заступничества перед ханом своего старшего брата Александра Невского, ставшего с 1252 г. великим князем Владимирским.

По-видимому, в 1252-1257 гг. суздальское княжество слилось вновь с владимирским, т. е. в промежуток между 1238 и 1257 гг. княжество как самостоятельная политическая единица существовало с перерывами. Под 1257 г. летопись сообщает о поездке в Орду князей Александра и Андрея, скорей всего, с целью утверждения за Андреем Суздальского княжества, которое окончательно выделилось с этого времени из состава великого княжества Владимирского[77]. В том же 1257 г. была произведена татарскими численниками перепись всего населения Суздальской земли: "**Тоѥ же зимы приѥхаша числениці исщетоша всю землю Суждальскую... и ставиша десѧтники и сотники и тысѧщники и темникі и идоша в Ворду толико не чтоша игуменовъ черньцовъ поповъ крилошанъ**"[78]. Обложение непосильными данями переписанного населения, постоянные грабежи вызвали взрыв недовольства народных масс, вылившееся в восстание против татаро-монголов в 1262 г.: "**Избави Бъ от лютаго томленьѩ бесурменьскаго люди Ростовьскіѩ землѧ. вложи ѩрость, в срдца крстьяномъ не терпѧща насильѩ поганыхъ изволиша вѣчъ и выгнаша из городов из Ростова из Володимерѧ ис Суждалѧ изъ Ярославля ѡкупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творѧхуть**"[79]. Как видно из текста летописи восставшие избили и выгнали из городов сборщиков дани. Чтобы отвести беду нового нашествия татар на Владимирскую землю, князь Александр Ярославич вынужден был вновь ехать в Орду. Возвращаясь из Орды, он умер в 1263 г. в г. Городце Радилове. В 1264 г. скончался и Андрей Ярославич, который был похоронен в Суздальском Богородицерождественском соборе. С именами Александра, Андрея и возможно Василия Ярославичей связано по преданию возникновение тезоименитых монастырей в Суздале. Александр Невский считается основателем женского монастыря св.мученика Александра Перского, расположенного на левом берегу р.Каменки, на посаде. На другой стороне р.Каменки, называемой Андреевской, находился Андреевский монастырь, основанный будто бы Андреем Ярославичем во время его княжения в Суздале. Основание Васильевского монастыря к востоку от города на дороге к Кидекше и поклязьминским городам также, возможно, относится к XIII в. К этому же времени исследователи относят Троицкий, основанный Евфросиньей Суздальской рядом с Ризоположенским и Введенский женские монастыри[80]. Таким образом, несмотря на монголо-татарские разорения, город постепенно застраивался и даже расширялся. Нашествия же повторялись неоднократно. Так, в 1281 г. в момент борьбы за великое княжение Владимирское между Андреем Александровичем (сыном Александра Невского, князем Городецким) и Дмитрием Переяславским, Андрей привел татарские полки под предводительством ханов Ковгадыя и Алдегея в суздальскую землю:

"татарове же разсыпашася по земли ... около Суздали ... все пусто сътвориша и пограбиша люди, мужи и жены и дети и младенци, именне то все пограбиша и поведоша в полонъ"[81]. Через 12 лет в 1293 г. на владимирскую землю напала "Дюденева рать", овладевшая четырнадцатью городами, в том числе и Суздалем: "Много пакости християном учинища ... всю землю пусту сотвориша"[82].

Постоянные набеги на центральные древнейшие города Владимиро-Суздальской земли татаро-монгольских войск привели к оттоку населения в ее западные и северные районы[83].

После смерти Андрея Ярославича (в 1264 г.) в Суздале сел на княжеский стол его сын Юрий, проживавший, правда, большую часть времени в Нижнем Новгороде[84]. После смерти Юрия в 1279 г. в Суздале сел второй сын Андрея Ярославича Михаил, умерший бездетным в 1305 г. Вслед за ним на суздальском столе оказался третий брат – Василий Андреевич (1264-1309 гг.). Василий имел двух сыновей – Александра и Константина, старший из которых Александр (1309-1332) после смерти отца занял княжеский стол в Суздале[85]. Он участвовал в походах московского князя Ивана Даниловича Калиты на тверского князя Александра в 1327 и 1329 гг. Александр Васильевич уступил владимирский великий стол Ивану Калите. Частичной компенсацией этого акта стало временное создание в 1330 г. в Суздале самостоятельной епархии, во главе которой стал монах Даниил, получивший епископский сан из рук константинопольского патриарха.

После смерти Александра суздальским князем стал его брат-близнец Константин Васильевич (1309-1355 гг.). По старшинству в княжеской ветви северо-восточной Руси он мог претендовать на великокняжеский титул, однако по решению Орды великокняжеский стол достался сыну Ивана Калиты – Семену Гордому. Чтобы отдалиться от все возрастающих притязаний Москвы, Константин Васильевич в 1350 г. переносит столицу из Суздаля в Нижний Новгород. А в Суздале с 1347 г. воссоздается самостоятельная епископская кафедра с присоединением к ней Нижнего Новгорода и Городца. В Нижнем Новгороде Константин ведет интенсивную политику освоения земель, с его именем связано и каменное строительство в самом городе. Границы Суздальско-Нижегородского княжества охватывали все Поволжье до Юрьевца на севере и р.Суры на юге, проходили по р.Клязьме, захватывая северные части бывш. Вязниковского уезда и занимая б.Суздальский и Шуйский уезды. Кроме Суздаля и Н.Новгорода, в состав княжества входили города: Городец, Балахна, Юрьевец и Шуя. Суздаль оставался все время вотчиной Константина Васильевича. Константин имел четырех сыновей: Андрея, Дмитрия, Бориса и еще Дмитрия по прозвищу Ноготь. Андрей Константинович

(1323-1365 гг.), сделавшись главою Суздальско-Нижегородского княжества, дал уделы своим братьям: Дмитрию (Фоме) – Суздаль, Борису – Городец и Поволжье. А Дмитрий Ноготь, видимо, остался без удела и жил в Суздале, став родоначальником княжеского рода Ногтевых. Дмитрий Константинович Ноготь (1350-1375 гг.?) был родственником Марии, в иночестве Марины, с именем которой связана хорошо известная "Данная" черницы Марины 1452/1453 Васильевскому монастырю в Суздале на земли сел Мининское, Романовское и прикупного луга Любощ[86]. Из этой "данной", как и из вклада Спасо-Евфимиевскому монастырю в Суздале черницей Мариной села Омутское следует, что Дмитрий Константинович Ноготь владел в суздальской округе значительными земельными участками, переданными его потомками церкви. В его владения входили также земли на р.Клязьме и Ухтохме.

Дмитрий Константинович старший (1324-1383 гг.) был вторым после Андрея сыном Константина Васильевича. Получив от брата в удел Суздаль, он вместе с Андреем ходил в 1359 г. в Орду, где получил от хана Навруса ярлык и на великое княжение владимирское. Однако в 1361 г. князь московский Дмитрий выгнал Дмитрия Константиновича из Владимира и Суздаля и по заключенному миру в 1363 г. Дмитрий Константинович вынужден был уйти к старшему брату Андрею в Н.Новгород. После междоусобицы, происходившей в Орде в начале 60-х годов XIV в., сын Дмитрия Константиновича Василий, по прозвищу Кирдяпа, возвратясь из Орды, привез в 1364 г. от хана Азиса отцу ярлык на великое княжение. Но Дмитрий Константинович, учитывая мощь московского княжества, отказался от великого стола в пользу Дмитрия Ивановича, будущего Донского. После смерти в 1365 г. нижегородского князя Андрея Константиновича между младшими братьями Дмитрием и Борисом разгорелась борьба за Н.Новгород. Великий князь Дмитрий Иванович, бывший соперник Дмитрия Константиновича за великий стол, выступил теперь на стороне Дмитрия Константиновича. В Н.Новгород выехал Сергий Радонежский с попыткой примирить братьев, но после неудачи игумена Дмитрий Иванович дает Дмитрию Константиновичу войско. При виде войска Борис уступает Н.Новгород брату, а сам уходит в Городец. Суздаль достается в удел старшему сыну Дмитрия Константиновича – Василию Кирдяпе. Союз же Дмитрия Константиновича и Дмитрия Ивановича Московского был скреплен женитьбой последнего на дочери Дмитрия Суздальского – Евдокии[87]. Судя по отсутствию письменных сведений, нижегородские войска не участвовали в знаменитой Куликовской битве Дмитрия Донского против хана Мамая в 1380 г. Однако в "Задонщине" упомянуты 50 суздальских бояр, павших в битве[88]. По-видимому, суздальские полки были присланы Дмитрием Константинови-

чем в помощь зятю. Однако уже в 1382 г. союз между Дмитрием Константиновичем и Дмитрием Донским был нарушен, т. к. первый из них послал своих сыновей Василия Кирдяпу и Семена в помощь хану Токтамышу при его походе на Москву. Василий и Семен Дмитриевичи уговорили москвичей сдать город Токтамышу, облегчили татарам взятие Москвы, сыграли роль изменников, что привело к разрыву союза между Москвой и Суздальско-Нижегородским княжеством.

После смерти Дмитрия Константиновича ярлык на Суздаль получил в Орде Семен Дмитриевич[89]. Хотя все права на этот город имел старший брат Василий Кирдяпа, он задерживался ханом в Орде вплоть до 1388 г. Лишь в этом году братья сумели изгнать из Н.Новгорода дядю Бориса Константиновича, став князьями нижегородскими, причем Василий Кирдяпа стал и князем суздальским.

После смерти Дмитрия Донского в 1389 г. вновь встал вопрос о княжении в Н.Новгороде. В результате длительных хлопот ярлык на Н.Новгород в 1391 г. вновь получил Борис Константинович. Однако уже в следующем 1392 г. московский князь Василий I Иванович купил в Орде за огромную сумму золотом и серебром ярлык на Нижний Новгород. Самостоятельное Нижегородское княжество практически перестало существовать, присоединившись к Москве. Правда, в 1393 г. Василий и Семен Дмитриевичи захватили на короткое время Н.Новгород. Вернулся туда и Борис Константинович. Но вскоре они все были вновь изгнаны Василием I из Нижнего и удалены один в Суздаль (Борис Константинович), другой – в Городец (Василий Кирдяпа). Борис Константинович умер в 1394 г. в Суздале – своей отчине, где и был похоронен в Богородице-Рождественском соборе. Городец после смерти Кирдяпы в 1403 г. отошел к Москве[90]. Семен Дмитриевич скончался в 1402 г. в Вятке. Он и его сын Василий стали родоначальниками князей Шуйских. Суздаль в конце XIV – начале XV вв. сохраняет в какой-то мере самостоятельность. После Бориса Константиновича там сидел его сын Даниил, княживший одно время также в Нижнем Новгороде (1409-1415 гг.) и во Владимире. Он долгое время боролся против московских великих князей за восстановление политической самостоятельности суздальско-нижегородского княжества. Именно его вдова Мария, в иночестве Марина, составила "Данную" Васильевскому монастырю в Суздали на помин умершего мужа, сел Мининское и Романовское (см. выше). Скончался Даниил Борисович, видимо, в 1442 г.[91]. Его брат Иван Тугой Лук также безуспешно долго добивался воссоздания великого княжения Нижегородского. В Суздале в это время сидели дети Василия Кирдяпы: Иван (1390-1417), Юрий (XIV-XV вв.), Федор и Даниил (умер в 1411 г.). Они примирились с великим князем московским и от его руки владели своей отчиной. Однако двое из

них – Иван и Даниил отступили от великого князя и действовали одно время против него вместе с Даниилом и Иваном Борисовичами.

Внуки Василия Кирдяпы Василий и Федор Юрьевичи также пытались вернуть независимость Суздаля от Москвы. К 1445 г. относится последняя попытка восстановления не только политической власти, но и старой территории княжества. Весной этого года казанский хан Улу-Мухамед осадил Н.Новгород и послал своих сыновей к Суздалю. Русское войско возглавлял великий князь московский Василий Васильевич. Бой происходил на северной окраине Суздаля за Спасо-Евфимиевым монастырем. Русское войско потерпело поражение, московский князь Василий попал в плен. Суздаль и окружающие его села были сожжены и разграблены. Видимо, с этим событием связано разрушение собора Рождества Богородицы: "**Створися знамение в соборной церкви в Пречистой в Суздале; начаша святительские гробы горети изнутри, а на завтрее сама церковь падеси, на Преплавление**"[92]. Так как великий князь был пленен, московский княжеский стол захватил его двоюродный брат Дмитрий Шемяка. Суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи заключили договор с Дмитрием Шемякой о восстановлении суздальской независимости. Однако Шемяка вскоре потерпел поражение в борьбе с Василием Темным и надежды суздальских князей не осуществились. По договору 1451 г. с Василием Темным суздальские князья вступают во владения своими суздальскими и шуйскими землями уже как простые вотчинники. С этих пор суздальские князья переходят в разряд служилого боярства московского, потомство их дробится на множество родов, среди которых Шуйские, Скопины-Шуйские, Горбатые, Ногтевы, Барбашины, Глазатые и др. [93]. Суздаль окончательно теряет свою политическую самостоятельность.

В период существования суздальского удельного княжества в XIV-XV вв. осуществляется, как и в других княжествах, чеканка монет[94]. Восстановление монетного чекана относится к 60-м годам XIV в. в бытность суздальским князем Дмитрия Константиновича (1355-1383 гг.). На его монетах помещались изображения: на лицевой стороне – лица человека в фас, воина с секирой и мечом, четвероногого животного (льва или барса) с загнутым хвостом и поднятой передней лапой, птицы, летящей влево или птицы, идущей вправо. Вокруг этих изображений чаще всего помещалась легенда **ПЄЧАТЬ КНЯЖА-ДМИТРЄВА**, которая редко входила полностью, а чаще или фрагментарно, или попадали только отдельные буквы. На оборотной стороне изображались подражания монетам Джанибека, монетам Гюлистана, Сарая ал-Джедит как знак вассалитета чеканившего их князя.

Дмитрий Константинович чеканил также монеты и в качестве великого князя Нижегородского с титулом "великий князь". На великокняже-

ских его монетах всегда отсутствует изображение животного, похожего на льва-барса, т. к. этот зверь являлся символом владимирского княжения, от которого Дмитрий Константинович отказался в пользу Дмитрия Донского; отсутствует также изображение воина-князя.

Монеты, чеканенные сыном Дмитрия Константиновича суздальским князем Василием Кирдяпой (1388-1392 гг.) имеют также несколько типов изображений. Тут и барс с загнутым хвостом и поднятой лапой, идущий влево или вправо, и фантастическое животное с птичьим клювом, а иногда и крыльями, и всадник с поднятой рукой, и поясное изображение человека с мечом и секирой. Все эти изображения помещались на лицевой стороне монеты, а вокруг них чаще всего располагалась фрагментированная легенда **ПЕЧАТЬ КНЯЖАВАСИЛЕЄ**. На оборотной стороне изображались подражания монетам Джанибека и монетам Гюлистана (подражания монетам Сарая ал-Джедит отсутствуют). По мнению Г. А. Федорова-Давыдова княжеская чеканка в Суздале от имени Василия Кирдапы началась после его отпуска из Орды в 1388 г. После смерти Дмитрия Константиновича и до 1388 г. в Суздале производился, видимо, Семеном Дмитриевичем, анэпиграфический чекан по типам княжеских монет Дмитрия Константиновича[95]. В бытность Василия Кирдяпы великим князем нижегородским он чеканил монеты, в которых присутствуют часто суздальские элементы чекана. Являясь суздальским князем, Василий Дмитриевич чеканил в Суздале монеты с титулом просто "князь", а одновременно занимая великокняжеский стол в Н.Новгороде, выпускал монеты с титулом "великий князь". По-видимому, в Суздале чеканил монету на правах удельного князя Борис Константинович в 1393-1394 гг. Его монеты носят изображения четвероногого животного с поднятой лапой и круговой легендой **ПЕЧАТЪКНЯЖА БОРИСОВА** – на лицевой стороне и подражание монетам Гюлистана – на оборотной. Кроме того в Суздале чеканились от имени Бориса Константиновича и его детей анэпиграфические монеты с крестом[96]. Выпускал свою монету и сын Бориса Константиновича – Даниил Борисович. На его монетах изображался человек в фас с секирой и мечом или секирой и саблей, а также человек, схвативший фантастическое четвероногое животное, с круговой легендой по контуру **ПЕЧАТЬ КНЯЖАДАНИЛО**. На обороте помещалось подражание монетам Гюлистана или Джанибека, т. е. тем типам, которые характерны для монет, чеканенных в Суздале Дмитрием Константиновичем и Василием Кирдяпой. Хронология чеканки Даниила определяется в пределах 1394-1409 гг.[97].

Известны также монеты брата Даниила Борисовича – Ивана Борисовича Тугой Лук (первой четверти XV в.), чеканенные также в Суздале. На

лицевой стороне они имеют изображения всадника в княжеской шапке, с соколом; на оборотной – человека с копьем и молоточком и круговой легендой "**КНЯЗЬ ИВАНЪБОРИСО**"[98]. После Ивана Борисовича монеты в Суздале чеканит его сын Александр Брюхатый (ум. 1418 г.), повторивший все типы чекана своего отца. На нем прекращается самостоятельная чеканка монет суздальскими князьями. На смену им приходят монеты великого князя Василия Темного, чеканенные для Суздальско-Нижегородского княжества[99].

На рубеже XIV-XVвв. и в первом десятилетии XV в. в Суздале устанавливается весовая норма чеканки денег в пределах 0,85-0,93 г., причем она мало менялась во времени. "Нумизматический материал свидетельствует о сравнительно высоком для феодальной эпохи развитии денежных, рыночных отношений в суздальско-нижегородских землях, не уступающих в этом отношении Московскому княжеству"[100].

Суздаль во второй половине XIV в. и в начале XV в. перенес две сильнейшие эпидемии – моры 1352 и 1410 гг., уничтожившие большое количество жителей. О море 1352 г. летопись сообщает: "**Того же лѣта бысть моръ силен зѣло в Суждалѣ, и во всей землѣ Русстей смерть люта и напрасна и скора**"[101]. Эти потрясения ощутимо сказались на развитии города, на его росте и строительстве. Как видно будет ниже из описания археологических исследований, культурные напластования XIV-XV вв. в Суздале очень незначительны. Политическая жизнь в это время бурлила в Н.Новгороде. Суздаль постепенно становился центром религиозной жизни Северо-Восточной Руси. В этом отношении показательно возникновение в нем двух монастырей в 50-60 годы XIV в. Это мужской Спасо-Евфимиевский и женский Покровский монастыри.

Основателем монастыря во имя Преображения Спаса был сын Константина Васильевича, четвертый брат двух Дмитриев и Андрея Константиновичей – городецкий князь Борис (1340-1394 гг.). Борис Константинович неоднократно занимал нижегородский стол, соперничая в обладании им с братом Дмитрием Константиновичем, а затем сыновьями последнего – Василием Кирдяпой и Семеном. Борис Константинович, видимо, родился в Суздале; в Суздале же он был и похоронен в 1394 г. в Богородице-Рождественском соборе. По совету суздальского епископа Иоанна, Борис Константинович в 1352 г. заложил вышеназванный Спасский монастырь на левом берегу р.Каменки, за ручьем Дебрь, на дороге в Ростов и Ярославль. По совету игумена Нижегородского Печерского монастыря Дионисия, настоятелем новой обители стал выходец из Печерского монастыря инок Евфимий (1316-1404 гг.). В 1364 г. Евфимий, возведенный к этому времени в сан архимандрита, стал инициатором создания на правом берегу р.Каменки, напротив Спасского монастыря, жен-

ского Покровского монастыря. Основным вкладчиком нового монастыря стал старший брат Бориса Константиновича – нижегородский князь Андрей Константинович. Застигнутый однажды бурей на Волге, он дал обет во избавление от смерти выстроить женский монастырь. Евфимий выполнил поручение князя Андрея, построил монастырь, а первой настоятельницей обители стала племянница Евфимия – монахиня Александровского монастыря, кажется, тоже носившая имя Евфимия.

В числе первых княжеских вкладов во владения Спасо-Преображенского монастыря уже в XIV в. находились такие вотчинные села Бориса Константиновича как Стебачево, Сельцо и Заполицы. Вклады поступали и в дальнейшем от потомков князя. Так, старший сын Бориса Константиновича дал монастырю село Омутское; младший сын, князь Иван Борисович Тугой Лук – село Переборово, внук Александр Иванович Брюхатый – село Троицу-Берег, а правнук Семен Александрович вложил село Мордыш[103].

Упоминание сел, деревень, пустошей в Актовых материалах и Вкладных книгах XV-XVII вв. позволяет ретроспективно восстановить территорию суздальского самостоятельного княжества XIV-XV вв. Основательную работу по выделению границ суздальского княжества провел В. А. Кучкин. Он пришел к выводу, что "в пору политической самостоятельности Суздальского княжества в распоряжении его князей фактически имелась довольно ограниченная по своим размерам обжитая и освоенная территория, с населения которой можно было взимать феодальную ренту"[104]. Практически древняя граница Суздальского княжества совпадает с позднейшей границей Суздальского уезда, разделявшей его с Владимирским и Юрьевским уездами. В южной части Суздальщины рубежом с Владимирскими землями была р.Печуга, левый приток Нерли. К западу от устья Печуги на правом берегу р.Нерли акты XV в. упоминают такие княжеские владения как села Мордыш и Васильково, далее на северо-запад располагалось с.Улола. На Запад и северо-запад от с.Улола к суздальским владениям относились села Павловское, Федоровское и Туртинское. Западнее этих пунктов граница проходила в верхнем течении р.Ирмесь, у сел Баскаково и Шипово. Села Гавриловское, Ярышево и Ивановское, расположенные по обоим берегам р.Ирмеси и ее притока р.Воймиги, также входили в территорию Суздальского княжества. О границе северо-западнее этого района говорить трудно, возможно, она достигала верховьев Нерли Клязьменской. Судя по письменным источникам XV в. земли у сел Стебачево и Шатрищи только еще осваивались княжеской властью. Северная граница Суздальского княжества пересекала верхнее течение рек Вязьмы, Ухтохмы, Уводи и Тезы, достигая на востоке р.Лух в его верхнем и среднем течении. Более всего освоены были

земли вокруг самого Суздаля по течению Нерли и ее правого притока р.Ирмеси в районе плодородного Ополья. Лесистая территория в районе Стебачева и Шатрищ – на севере и в районе Занерлинья – на востоке осваивались в течение XV-XVII вв. Таким образом, древнее ядро суздальской земли составляет небольшая территория, имеющая примерные размеры 25 х 25 км.

Примечание к I главе

1. ПВЛ, ч. I. М.-Л., 1950. С. 18; ПВЛ, ч. I. С. 83.
2. Татищев В. Н. История российская. Часть вторая. М., 1995. С. 57.
3. ПСРЛ, т. I. Л., 1967. С. 148.
4. ПСРЛ, т. V, вып. 1. Пг., 1915. С. 110.
5. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 59.
6. ПСРЛ, т. I, Стб. 174-175.
7. ПСРЛ, т. I. Стб. 237, 254.
8. ПСРЛ, т. I. Стб. 237-238.
9. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 19-20.
10. ПСРЛ, т. II. С. 257.
11. ПСРЛ, т. I. Стб. 240.
12. Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII веков (центры и границы) // История СССР, № 2, 1969. С. 73.
13. ПСРЛ, т. 34. М., 1978. С. 72.
14. ПСРЛ, т. I. Стб. 445.
15. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. М., 1961. С. 28.
16. Патерик Киево-Печерского монастыря. Спб., 1911. С. 9.
17. Владимирская область. Административно-территориальное деление. Владимир, 1981. С. 15.
18. Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // Сб. История и генеалогия. М., 1977. С. 124-139.
19. ПСРЛ, т. XV. Спб., 1863. С. 233.
20. Варганов А. Д. К архитектурной истории Суздальского собора (XI-XVII вв.). КСИИМК, вып. XI. М.-Л., 1945. С. 99-105.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 28.
22. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. С. 63-66. С. 507, прим. 9.
23. Варганов А. Д. Суздаль. Владимир, 1957. С. 10. (Правда Н. Н. Воронин считал, что А. Д. Варганов открыл не древнюю кладку, а лишь завал древних строительных материалов в виде забутовки фундаментного рва XV-XVI вв. // Отчет Суздальского отряда за 1958 г. Архив ИА. Р.-I. № 1869. С. 28.)
24. ПСРЛ, т. XXIV, Пг., 1921. С. 77.
25. ПСРЛ, т. I. Стб. 292.
26. Седова М. В. Древнерусские города низовьев р.Клязьмы. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1972. С. 25-26.
27. Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 184; карта; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в. (центры и границы) // История СССР. М., 1969, № 2. С. 78-84.
28. ПСРЛ, т. I. Стб. 302.
29. Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М., 1963. С. 77.
30. Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии. // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 59-60.
31. ПСРЛ, т. I. Стб. 341, 345.
32. ПСРЛ, т. I. Стб. 335, 346.
33. ПСРЛ, т. II. Спб., 1871. С. 336.

34. ПСРЛ, т. I. Стб. 348.
35. ПСРЛ, т. I. Стб. 349; Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг // В. В., М., 1962, т. 21. С. 34-35.
36. ПСРЛ, т. II. С. 356.
37. ПСРЛ, т. I. Стб. 354.
38. Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 190; ПСРЛ, т. I. Стб. 361; ПСРЛ, т. III, Спб., 1841. С. 215; НПЛ. М.-Л., 1954. С. 33.
39. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII-XIII вв. М., 1982. С. 556.
40. ПСРЛ, т. I. Стб. 377-378.
41. Там же. Стб. 378-379.
42. Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М.: Художественная литература, 1980. С. 381.
43. ПСРЛ, т. I. Стб. 409.
44. Там же. Стб. 411.
45. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 398.
46. ПСРЛ, т. VII. С. 119: т. XXIV. С. 86; т. 33, с. 60.
47. Спасский И. Евфросиния – княжна Суздальская // Журнал московской патриархии. М., 1949, № 1. С. 59-65; Федоров А. Н. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1855, т. 22. С. 56.
48. Георгиевский В. Т. Суздальский Ризоположенский женский монастырь // Труды Владимирской архивной комиссии, кн. II, Приложение. Владимир, 1900; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986. С. 161-162.
49. В. Л. Янин предположил, что Мина Иванович – это князь Святослав Мстиславович, правнук Юрия Долгорукого (См. Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК, вып. 62. М., 1956. С. 3-16). В Синодике Рождественского Собора в Суздале в списке "Благоверных князей великих Суздальских" есть запись о Мине – Тихонравов К. Владимирский сборник. М., 1857. С. 89.
50. Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских тысяцких. С. 124-139. Колобанов В. А. Владимиро-Суздальские литературные памятники XIV-XVI веков. М., 1982. С. 62-92.
51. Кучкин В. А. "Данная" черницы Марины // Исторические записки, вып. 108, 1982. С. 306; Журнал министерства внутренних дел за 1847 г. Спб. Заметки по дороге от Владимира до Суздали. С. 300. ЦГАДА, ф. 1209, ин. 464, л. 14-118 об.
52. Щапов Я. Н. Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X-XII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 61.
53. ПСРЛ, т. I. Стб. 440.
54. ПСРЛ, т. XXV. М.-Л., 1949. С. 115.
55. ПСРЛ, т. I. Стб. 445.
56. Там же. Стб. 447.
57. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 482.
58. ПСРЛ, т. I. Стб. 455.
59. Там же. Стб. 460.
60. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962. С. 19-42; Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII век. М., 1975; Варганов А. Д. К архитектурной истории суздальского собора. КСИИМК, вып. XI. С. 99-105.
61. Варганов А. Д. Фрески XI-XIII вв. в суздальском соборе // КСИИМК, вып. V. С. 38-40; Лазарев В. Н. Живопись Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства, т. I. М., 1953. С. 450- 476; Вагнер Г. К. Белокаменная резьба. С. 91-96.
62. Медведева Е. С. О датировке врат суздальского собора // КСИИМК, вып. XI. С. 106-111; Янин В. Л. О датировке врат суздальского собора // СА, 1959, № 3. С. 91-98; Овчинников А. Н. Суздальские златые врата. М., 1973; Вагнер Г. К. Белокаменная резьба. С. 97-142; Медынцева А. А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991. По преданию северные врата были вывезены в 1401 г. в Москву (Скворцов Н. А. Археология и топография Москвы. М., 1913. С. 267); Федоров А. Н. Историческое собрание. С. 43-44.
63. ПСРЛ, т. I. Стб. 452.
64. Там же. Стб. 451.

65. Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности С. 214-216.
66. Макаров Н. А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // СА, № 4, 1989. С. 86-102.
67. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.-Л., 1940. С. 71-94.
68. ПСРЛ, т. I. Стб. 462.
69. Георгиевский В. Т. Суздальский Ризоположенский женский монастырь. Вл., 1900. (В приложении "Житие").
70. Протопопов Я. Е. Село Батыево и Батыев курган // Владимирские губернские ведомости, 1840, № 40. Часть неофициальная.
71. ПСРЛ, т. I. Стб. 464.
72. Там же. Стб. 467.
73. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Спб., 1891, т. 2. С. 391.
74. ПСРЛ, т. I. Стб. 472.
75. Там же. Стб. 473.
76. Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности. С. 221-222.
77. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 110-113.
78. ПСРЛ, т. I. Стб. 475.
79. Там же. Стб. 476.
80. Федоров Ан. Историческое собрание... С. 64; Церковно-историческое описание Суздальских достопамятностей. Сочинение магистра иеромонаха Иосафа. Чугуев, 1857.
81. ПСРЛ, т. XVIII. Спб., 1913. С. 78.
82. Там же. С. 82; ПСРЛ, т. 34. М., 1978. С. 101.
83. Кучкин В. А. Формирование государственной территории. С. 122.
84. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья. С. 393.
85. Экземплярский А. В. Указ. соч. С. 398.
86. Кучкин В. А. "Данная" черницы Марины // Исторические записки АН СССР, т. 108. М., 1982. С. 294-316.
87. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья. С. 408-417.
88. Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 17.
89. ПСРЛ, т. XV. С. 149, 154; Кучкин В. А. Формирование территории. С. 230.
90. Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество с XIII-XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 260; Экземплярский А. В. Указ. соч. С. 417-426; ПСРЛ, т. XI. С. 188.
91. Кучкин В. А. "Данная" черницы Марины... С. 309-310.
92. ПСРЛ, т. IV. с. 124; т. XII. С. 42.
93. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI веков. М.: Наука, 1988. С. 67-75.
94. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. рис. 896-1000; Мец Н. Д. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 308-318; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 5-155.
95. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. С. 59-65.
96. Там же. С. 81-82.
97. Там же. С. 83-87.
98. Мец Н. Д. Некоторые вопросы систематизации... С. 313.
99. Там же. С. 315.
100. Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 251.
101. ПСРЛ, т. X. М., 1963. С. 224.
102. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья. С. 417; Жена Бориса Агриппина (дочь литовского князя Ольгерда) умерла в 1392 г. и была похоронена в Александровском монастыре, где до сих пор сохраняется ее могила.
103. Колобанов В. А. Владимиро-Суздальские литературные памятники XIV-XVI веков. М., 1982. С. 112-117; Вкладная книга Спасо-Евфимиева монастыря. РГБ, рукописный отдел, р/387, № 58-59.
104. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 199-206.

Глава II

История археологического изучения Суздаля и его округи

Первые раскопки в Суздале и его округе предприняты были в 50-х годах XIX в. Можно сказать, это были вообще первые целенаправленные исследования в области археологии Древней Руси.

В 1851 г. министр внутренних дел граф Л. А. Перовский задумал широкое исследование древнерусских памятников письменности, архитектуры и археологии: "Осмелюсь в отношении Археологических изысканий в России обратить внимание ... на Суздаль и его окрестности, как на место, обещающее по древнему его значению, богатые открытия...", – писал Л. А. Перовский, заведовавший в то время всеми археологическими исследованиями в России[1].

26 апреля того же года был выдан Открытый лист графу А. С. Уварову – чиновнику по особым поручениям при Л. А. Перовском, на право производства разысканий в Суздале и его окрестностях. При этом исходили из того, что Суздаль представлялся местом нетронутым, в отличие от Новгорода, не подвергавшимся иноземному влиянию и разрушению. "Изучая суздальские древности, – писал А. С. Уваров, – и видя, какое богатое княжество процветало тут в древние времена, мы можем почти наверное предполагать, что эта местность более всех прочих должна содержать памятники, важные в отношении искусств и истории... Я принял смелость предположить окрестности Суздали для начатия разысканий потому, что по всем выводам и собранным сведениям эта местность, едва-ли еще тронутая, обещает обильную жатву к открытиям русских древностей всякого рода"[2]. Раскопки предполагалось проводить в монастырях как средоточиях древних богатств, в церквах, в земляных валах. 31 мая 1851 г. работы начались в кремле Суздаля на юго-восток от ц.Афанасия и Кирилла на территории Иакиманского монастыря. Здесь были предприняты попытки отыскать древний княж двор. Помощниками А. С. Уварова были надворный советник министерства внутренних дел А. Пискарев, художник Н. Медведев и землемер Г. Аляев. На раскопки было выделено 2,5 тыс. рублей. Около несохранившейся ныне ц.Афанасия и Кирилла в восточной части кремля (между церковной оградой и примыкающим в 8 аршинах валом) открыты были напластования XVIII в. с монетами 1738-1764 гг., следы пола, песчаная подсыпка, слюда от оконниц, изразцы, бусы. "В местности А-В-С-Д" вдоль Афанасьевского переулка

вскрыты остатки шести срубов. Среди находок: деньга 1748 г., кувшин с поврежденным горлом, изразцы и др. Была перерезана Никольская улица (ныне ул. Лебедева) и вдоль нее к скверу обнаружен кирпичный пол, поздние подвалы, столбы, развалы камней, а среди находок монеты 1731-1734 гг., серебряный перстень с резьбой, красные изразцы и пр. Указание в дневнике на "местность А-В-С-Д" говорит о том, что вычерчивались планы раскопов, но они не сохранились. Максимальная глубина раскопов составила 4,5 аршина или около 300 см. Еще один раскоп был заложен в западной части кремля в том месте, где располагались в древности Тайницкие ворота. А. С. Уваров пытался обнаружить тайники, ведшие к княжескому двору и к Архиерейскому дому. С этой целью с внешней стороны вала была заложена траншея, не давшая нужных результатов. В траншее обнаружен тын вокруг вала, найдено медное пуло чеканки Ивана III, серебряная деньга Василия Темного, зеленая черепица, горло водолея в виде головы барана, железный ключ и др. Несколько траншей было заложено на территории окольного города, в местности, называемой Теремки. Вдоль улицы Теремки на глубине 2,5 аршин была выявлена мостовая из дикого камня, обнаружены находки, – шахматная фигура, ключ, замок, серьга и пр. "В старой Большой улице на западной стороне Лазаревской церкви обнаружен кирпичный подвал, обгорелые бревна, бревенчатые стены погреба. Среди находок – монетный клад, состоящий из 1040 серебряных денег великих князей Иоанна III Васильевича, Василия III Иоановича, Иоанна IV Васильевича, Федора Иоановича, Бориса Федоровича Годунова"[3]. Еще одним местом изучения культурного слоя Суздаля стал холм Козьмодемьянской церкви, где обнаружены были кресты надгробий, деревянные колоды, черепа и остовы захоронений, а среди находок – обломок бердыша, рукоятка меча, бусины и образок, по форме похожий на полумесяц с изображениями св.Николы и св.Георгия с мечом. Сделана была траншея и близ заставы Суздаля. Параллельно с раскопками в самом Суздале, не давшими ожидаемых результатов, начались пробные "разрытия" в близлежащих селах Кидекше и Абакумлеве. Попутно в 1851 г. велись раскопки Батыева кургана в 14 км от Суздали, Исадских курганов (или Пановых могилок – 20 шт.), курганов у с.Сельцо (9), курганов на Михайловой стороне (12 насыпей) и у с.Новоселки (новоселские Панки – 9 шт.). В донесении А. С. Уварова Л. А. Перовскому указаны также раскапывавшиеся курганы у с.Семеновское (5), Черниж (2), Погост Хохловский (5 шт.). После раскопок Батыева перешли в с.Веселки (Васильково – 129)[4]. В 1852 г. были продолжены раскопки городища в с.Васильково, а также исследованы курганы на Михайловой стороне (97 шт.): у дер.Исад (24), у д.Сизино (20), Старого Быкова (71), Телепнихи (15), Запрудье (11), Бабкино (1), Лопатнище (2),

Торчино (16), Борщовки (6), Красное (21); Кибол (2), Романово (72), Весъ (107), у с.Менчаково (в Горицах – 28), у р.Кестры (40), между селами Торки и Ратницкое (29), за с.Ратницким (5), за с. Давыдовским (36), Косматая могила (1), у с.Шокшово "валганы" в урочище "Половецкая лужа" (244), у с.Лычева (29), Шехобалово (61), Шелебово (3), Новое (68), Загорье (3), Скомова (16), Куркьева (Киркеево-55), у д.Медведьевой (23), Крапивной (4), Стебачево (1). Велись раскопки также на городище в местности "Городок" (Лисья гора) вблизи с.Менчаково. Все эти пункты отмечены в "Росписи селам и деревням, близь которых производились раскопки курганов в 1852 г. в Суздальском уезде с 21 мая по 14 июля"[5]. Всего в "Росписи" указаны 1114 курганов, раскопанных в Суздальском уезде. В раскопках 1852 г. активное участие принял К. Н. Тихонравов, раскопавший близ с.Васильки 291 курганную насыпь и издавший их по-курганное описание[6]. Васильковская коллекция вошла в общую коллекцию раскопанных А. С. Уваровым курганов. Массовые раскопки в Суздальской земле были первыми научно обоснованными археологическими исследованиями средневековых древностей России; в этом их неоценимое значение для развития всей русской археологии в целом. Результаты раскопок были опубликованы А. С. Уваровым в его знаменитой работе "Меряне и их быт по курганным раскопкам"[7], издание которой было приурочено к открытию I археологического съезда. Кроме перечисленных выше пунктов, А. С. Уваров называет в Суздальском уезде еще такие пункты раскопок как Слаково, Павловское, Якиманское, Воймига, Закомелье, Мордыш, Барское Городище[8]. Постепенно раскопки перешагнули границы Суздальского уезда и перешли в Юрьев-Польский, а затем Переяславский и Ростовский уезды, однако руководил там работами уже А. С. Савельев, А. С. Уваров с 1853 г. вел раскопки на юге России. После раскопок 50-х годов XIX в. в археологическом изучении Суздаля и его округи наступает значительный перерыв. Обусловлен он был во-первых массовым опустошением древних памятников, а во-вторых, кажущейся их изученностью. Работа А. С. Уварова подытоживала все имеющиеся сведения об археологических древностях Суздальского ополья, отнесенных автором к мерянским. Памятники делились на два хронологических периода: X-XI и XII-XIII вв. К числу наиболее древних отнесены курганы у с.Сельцо, Весь, Гнездилово и Васильки.

В 1905 г. вышла работа А. А. Спицына "Владимирские курганы", в которой были подвергнуты критике как методика раскопок А. С. Уварова, так и основные выводы его о мерянской принадлежности курганов. А. А. Спицын пришел к выводу, что "владимирские курганы" расположены там, где в X-XII вв. жило русское население и следовательно принадле-

жали славянам, а не финнам. Колонизация края, по его мнению, происходила из области смоленских кривичей[9].

Новые археологические работы, связанные с общим подъемом интереса к истории края, относятся к 20-м годам XX в. В 1926 г. директор Владимирского музея А. И. Иванов выпустил в свет книгу "Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губернии за последние десятилетия"[10]. Одновременно первый директор Суздальского музея В. И. Романовский составил программу обследований городищ по р.Нерли (Спасское, Якиманское, Петрово) с целью их археологического изучения[11]. В 1925 г. в суздальской округе начал сплошные археологические разведки А. Ф. Дубынин, продолживший их и в 1927-1928 гг.[12] При этом он ставил себе задачу выяснить, что сохранилось из курганных древностей после раскопок А. С. Уварова. В 1927 г. обследованы селища Мининское и Селищенское, раскапывался курган на Михайловой стороне Суздаля. В 1928 г. обследовался северо-восточный сектор района (от Гридина до Реброва и Дашкова) – бассейн р.Райки, левого притока р.Клязьма. Разведки захватили пункты: д.Сизино, Старое Быково, Лопатнище, Телепниха, Торчино, Протасово, Поддубье (Конново), Никитино, Бушнево, Пеньково, Сосново, Н. Подлесиха (Губино), Дашково, Реброво, Красное, и этом же году он провел раскопки курганов в с.Васильково и Раменье. В 1925, 1927-1928 гг. А. Ф. Дубынин произвел шурфовку Якиманского городища[13], а в 1929, 1937, 1939 гг. им же были предприняты небольшие по объему раскопки Малодавыдовского городища на р.Ирмесь[14]. В 1929 г. также им производились раскопки одного кургана у с.Торчино и одного у с.Раменье[15].

Начиная с 1934 г. возобновились раскопки в самом Суздале. Они проводились совместной Владимиро-Суздальской экспедицией ГАИМК-ИИМК и Всероссийской академии художеств под руководством Н. Н. Воронина[16]. В 1936 г. к ней присоединился Ивановский Областной музей в лице старшего научного сотрудника А. Ф. Дубынина и Суздальский районный музей в лице его директора А. Д. Варганова. В связи с тем, что систематическое археологическое изучение города начиналось после большого перерыва, раскопки носили разведочный характер и сосредоточились, в основном, на территории кремля. На доступных для широких исследований участках были заложены раскопы: в северо-западном углу кремля, на участке к северу от Рождественского собора; две площадки в юго-восточном углу кремля у ц.Никольской (в районе, смежном с основным местом раскопок А. С. Уварова у б.ц.Афанасия и Кирилла), а также за р.Каменкой, на так называемой Ивановской стороне или Ильинской слободе (современная ул. Володарского)[16] – рис. 1, 2. Отряд под руководством А. Ф. Дубынина заложил раскоп приблизительно в центре восточ-

ной половины кремля (по ул.Коммуны, бывш.Афанасьевский, ныне ул.Лебедева)[18], на огородных землях во дворе жилой застройки (рис. 1, 1). В 1937 г. раскоп этот был расширен и, кроме того, ввиду нахождения в раскопе плинфяного кирпича была предпринята попытка соотнести эти находки с изучением строительного материала Рождественского собора XIII в. С этой целью был заложен пробный шурф у южной стены собора. В 1938 г. он был продолжен и расширен[19], результатом чего явилось открытие древнейшего Успенского собора начала XII в. (рис. 1, 3). В 1939-1940 гг. было продолжено изучение городских напластований на ул.Коммуны. Раскоп, начатый в 1936 г. А. Ф. Дубыниным, был доведен до 510 кв. м площади[20], причем в 1939 г. в работах экспедиции принял участие отряд ГИМ (Л. А. Голубева). В эти же годы А. Д. Варгановым проводились рекогносцировочные раскопки в восточной части суздальского острога (бывш. склад Райлесхоза) (рис. 1, 3), а также обследовались земляные валы как кремля, так и острожного города[21]. Кремлевские вал и ров изучались в северо-восточной части у Ильинских ворот (около Успенской церкви). Острожный вал или вал окольного города обследовался в местности "Теремки" в северо-западной его части (рис. 1, 3).

Одновременно с исследованиями в Суздале продолжались работы и в суздальской округе. В 1935 г. А. Д. Варганов обследовал и шурфовал древнерусское селище у с.Янево. В 1937 г. был раскопан курган на Михайловой стороне близ Суздаля[22]. В 1938 г. два кургана у с.Лунево в Суздальском районе раскопал Н. Н. Воронин. В 1937-1939 гг., как сказано выше, исследовалось Малодавыдовское городище А. Ф. Дубыниным. Кроме того, А. Д. Варгановым предпринимались раскопки в Кидекше, с.Красном и Новоселках. Однако письменных отчетов о них не сохранилось, есть только устные свидетельства очевидцев.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. прервала археологическое изучение города. Однако в 1941 г. во время земляных работ, производившихся в Суздале, тщательные и систематические наблюдения вел А. Д. Варганов. Результатом этих наблюдений явилась интересная публикация о топографии культурных напластований в городе[23].

Продолжено изучение Суздаля было в 1949 г., когда А. Д. Варгановым у стен Александровского монастыря была раскрыта обжигательная печь для производства плинфяного кирпича[24] (рис. 1, 4). В 1950 г. им же исследована в кремле обжигательная печь, готовившая известь для строительства[25] (рис. 1, 4).

В 1957 г. разведки по р.Нерли провел Л. В. Кольцов[26].

В 1958 г. в Суздале вела раскопки экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н. Н. Воронина (в составе экспедиции работали Г. К. Вагнер, Т. В. Равдина, П. А .Раппопорт, В. Л. Янин). Два раскопа были за-

ложены в северо-западной части кремля (так называемые северный и южный тиры), еще один – по ул.Кремлевская (к юго-востоку от Рождественского собора) и еще один раскоп по ул.Лебедева, у Никольской церкви[27] (рис. 1, 5). Отдельный отряд под руководством П. А. Раппопорта исследовал земляной вал в северной части кремля (рис. 1, 6).

В 1959 г. в с.Кидекше под Суздалем проводились исследования городища экспедицией ИА АН СССР под руководством В. В. Седова[28].

В 1967-1968 и 1970 гг. археологические исследования города и курганов на Михайловской стороне проводила экспедиция Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под руководством В. В. Седова (рис. 1, 7, 12). Раскопки производились в 1967-1968 гг. в юго-западной части кремля на Ивановской улице (ныне ул. А. Варганова), в 1968 и 1970 гг. исследовались внутривальные конструкции земляных укреплений кремля у Ильинских ворот. Исследовалась также территория древнейшего суздальского монастыря св.Дмитрия на Дмитриевской стороне города за р.Каменкой. В 1970 г. был заложен раскоп на краю обрыва к р.Каменке в северо-восточном углу кремля. Все эти годы производились также раскопки курганов на юго-восточной окраине Суздаля, на Михайловой стороне. В 1968 г. разведочные работы на территории Суздальского Ополья в бассейнах рек Ирмеси, Нерли, Рпени, Кестры и др. произвел В. П. Глазов. У с.Весь им обследована группа курганов и селище со славянской керамикой; у с.Кидекша, Новоселки, Якиманское, Васильки – городища и селища с древнерусской керамикой XII-XIII вв.[29]

В 1971-1972 гг. на территории б.Дмитровского монастыря на Дмитриевской стороне города, при создании музея деревянного зодчества, раскопки провел В. П. Глазов. В эти же годы он вел обследования культурных наслоений Покровского и Спасо-Евфимьевского монастырей (Рис. 1, 10)[30]. В 1973 г., при прокладке траншеи под кабель на Торговой пл. (у ц.Скорбящей Божьей Матери), наблюдения и раскоп полуземляночного жилища произвел П. И. Куглюковский (рис. 1, 11). Им же в 1972 г. в Покровском соборе вскрыто 5 погребений, и в разных частях города (у ц.Козьмы и Демьяна, на ул.Володарского, на Михайловской стороне и др.) проводились наблюдения, шурфовки и зачистки[31].

С 1974 г. после трехлетнего перерыва начала работать совместная экспедиция государственного объединенного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и Института археологии АН СССР под руководством автора. В 1974-1976 гг. раскопы были заложены в северо-восточной части окольного города (острога) у Цареконстантиновской и Скорбященской церквей (совр. Торговая площадь). Причем раскопы эти вплотную примыкали с юга к раскопу П. И .Куглюковского 1973 г. В 1976-1977 гг. исследовалась террито-

рия в западной части посада, к северо-западу от ц.Иоанна Предтечи. В 1977-1978 гг. была предпринята также прорезка земляного вала окольного города. Раскоп был заложен в северо-восточном углу окольного города (по ул.Нетека) – рис. 1, 8[32]. Кроме того, ряд шурфов был заложен по ул.Теремки и на бывш. торжище у ц.Параскевы Пятницы и Входоиерусалимской. Они показали полную переотложенность здесь культурного слоя.

Начиная с 1978 г. работы были перенесены на территорию кремля. В северо-восточном его углу, вправо от древних Ильинских ворот, в течение 1978-1990 гг. исследовалась территория, расположенная между ул.Кремлевской и обрывом р.Каменки, около Успенской церкви. Раскопы этих лет объединили и исследованные прежде территории (раскопы В. В. Седова 1970 г. и шурф А. Д. Варганова 1939 г.), причем раскопанная площадь достигла примерно 3 тыс. кв. м[33], – рис. 1, 9.

В 1981-1990 гг. начаты раскопки в северо-западной части кремля, к северу от Рождественского собора. На этой территории выявлены остатки земляных укреплений древнейшего периода существования Суздаля X в.

В 1981 г. предпринята попытка изучения культурных отложений на территории Васильевского монастыря (рис. 1, 9). В 1983 г., 1990-1991 гг. исследовались культурные наслоения Ризоположенского монастыря.

С 1974 по 1985 гг. под руководством М. А. Сабуровой велись раскопки курганного могильника на Михайловой стороне (могильник на р.Мжаре). Количество раскопанных насыпей достигло 107 шт. Кроме того, исследовались погребения, насыпи которых не сохранились (т. е. "бескурганный могильник")[34]. – рис. 1, 12.

В 300 м к востоку от курганного поля в 1978-1979 гг. Н. И. Громовой изучалось древнерусское селище XIII-XVII вв. – так называемое Михайловское селище.

В 1970 г. А. Е. Леонтьев, а в 1974 г. Н. Л. Щелокова предприняли раскопки на городище у с.Васильково вблизи раскопа А. С. Уварова 1851 г.[35]

В 1977-78 гг. и 1980 г. Т. Ф. Мухина (Яковлева) провела раскопки селища у с.Васильково и продолжила исследования городища[36].

В 1976-1979 гг. обследование селищ в округе Суздаля провел В. А. Лапшин, причем им изучались пункты, известные по курганным раскопкам курганов А. С. Уварова (Гнездилово, Сельцо, Черниж, Борщевка, Погост-Быково, Старое Быково и др.)[37]. В 1980 г. обследование Суздальского района продолжил В. П. Глазов. Археологические памятники им были зафиксированы в с.Красное, Кибол, Троице-берег, Кидекша, Романово, Омутское и др.[38]. С 1980 по 1988 гг. археологические раскопки крупного селища Гнездилово X-XI вв. на р.Мжаре произвел В. А. Лапшин[39]. В 1980, 1985-1990 гг. М. А. Сабуровой изучались остатки курган-

ного могильника и селище у с.Новоселки в устье р.Каменки[40]. В 1986-1988 гг. Т. А. Чукова провела раскопки в с.Кидекша на территории городища у ц.Бориса и Глеба[41]. Начиная с 1986 г. по 1990 г. Н. Н. Мошениной предпринято изучение селища у с.Весь на р. Ирмесь[42]. В 1989-1990 гг. В. А. Лапшин изучал мерянское селище у с.Кибол[43]. В 1989 г. А. Е. Леонтьев исследовал поселение Янево X-XI вв., отнеся его к числу древнейших славянских поселений в окрестностях Суздаля[44]. Начиная с 1990 г. Т. Ф Мухиной начато изучение древнерусского селища Мининское, упомянутого в "Данной" грамоте черницы Марины XV в. Таковы основные итоги археологического изучения Суздаля и его округи за 140 лет с момента начала раскопок[45]. Более подробное изложение результатов исследования будет дано ниже.

За годы работы Владимиро-Суздальской экспедиции Института археологии АН СССР (АН РАН) и Владимиро-Суздальского музея-заповедника с 1974 по 1991 гг. отдельными отрядами руководили археологи – Д. А. Беленькая, Н. И. Громова, В. В. Данилов, В. А. Лапшин, Н. Н. Мошенина, Т. Ф. Мухина, М. Е. Родина, М. А. Сабурова, Н. Е. Чалых, Т. А. Чукова. Активное участие в работах экспедиции приняли в разные годы Н. А. Кирьянова, Л. А. Михайлова, Т. В. Равдина, С. В. Томсинский, Л. Д. Шакулова, Е. В. Шолохова, О. А. Щеглова. Автор приносит им сердечную благодарность.

Постоянную помощь в работе экспедиции оказывали дирекция и сотрудники Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

В работах экспедиции проходили археологическую практику студенты исторического факультета Ивановского государственного университета; исторического факультета Владимирского государственного педагогического университета им. Лебедева-Полянского; историко-филологического факультета Ярославского государственного педагогического института им.Ушинского; Горьковского государственного университета (Н. Новгород).

Все находки, обнаруженные в результате раскопок совместных экспедиций ИАРАН и Владимиро-Суздальского музея-заповедника в 1967-1968, 1970, 1974-1991 гг., переданы на постоянное хранение во Владимиро-Суздальский музей-заповедник (инв. №№ В-22206-22208; В-23425-23426; В-25681; В-28863; В-32974; В-36278; В-36941-36946; В-39457; В-41243; В-44025). Здесь же хранятся находки из раскопок Н. Н. Воронина 1936 и 1958 гг.

Судьба коллекции из раскопок А. Ф. Дубынина (1936-1940 гг.) более сложна. Поскольку Суздаль в предвоенные годы входил в состав Ивановской области и работы там частично производились на средства Ива-

новского областного музея, то часть коллекции была передана в Ивановский музей (инв. № И $^{СЗ}/_{39,40}$), а часть возвращена в Суздаль (Инв. № В-41518). Находки из раскопок 1939 г. под руководством Л. А. Голубевой хранятся в ГИМ (инв. № 80345, оп. 473). В Суздале находятся также предметы из раскопок А. Д. Варганова, П. И. Куглюковского и В. П. Глазова (инв. № В-39975).

Примечания к II главе

1. ОПИ ГИМ, фонд 17, дело № 208. Опись 1, листы 1-2.
2. Спицын А. А. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. Спб., 1905. С. 84-85.
3. ГИМ ОПИ, фонд 17, Опись 1, дело № 209.
4. ГИМ ОПИ, фонд 17, опись 1, дело 208, листы 38-43.
5. Там же: дело 210, листы 35 и др.; Архив ЛОИА, ф. 6, дело 1852/165, л. 38-56.
6. Тихонравов Н. Н. Васильковские курганы в Суздальском уезде и журнал их раскопок // Труды Владимирского статистического комитета, вып. VII. Владимир, 1869. С. 139 и след.
7. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I АС, т. II. М., 1871. С. 633-848; Атлас мерянских древностей гр. Уварова. М., 1872; Дневник археологических раскопок А. С. Уварова и К. Н. Тихонравова.
8. Уваров А. С. Меряне... С. 685. Эти пункты не указаны в перечне раскопанных памятников в работе А. А. Спицына "Владимирские курганы".
9. Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 165-172.
10. Труды Владимирского областного музея, вып. II. Владимир, 1926.
11. Государственный архив Владимирской области (ГАВО), фонд 2590, оп. 1, дело 3. С. 99-100.
12. Дубынин А. Ф. Отчет о раскопках в Суздальском районе за 1928 г. Архив Суздальского музея; Паспорта памятников археологии Владимирского обл. управления культуры.
13. Дубынин А. Ф. Археологические исследования в районах р.Клязьмы // Московская правда, 1928, вып. 4. С. 71-72; Он же. Отчет об археологических исследованиях в 1928 г. в Суздальском районе по бассейну р.Нерли. Архив Суздальского музея. С. 42.
14. Архив ЛОИА, ф. 2, дело 1937/260, л. 55-56; ф. 35, дело 1939/28.
15. Седов В. В. Археологическое изучение Владимирской области // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1976. С. 136.
16. Воронин Н. Н. Раскопки во Владимире, Суздале и Боголюбове (1934-1935) // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941. С. 92-96; Археологические экспедиции 1919-1956 гг. Изд. Академии Наук СССР. М., 1962. С. 85. № 234.
17. Воронин Н. Н. Раскопки 1936 г. в Суздальском кремле. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, д. 246; ф. 2, оп. 1, 1937, № 33.
18. Дубынин А. Ф. Отчет об археологических раскопках в г.Суздале. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1936, д. № 250, 252; 1937. д. № 3, 260.
19. Варганов А. Д. К архитектурной истории суздальского собора (XI-XVII вв.) // КСИИМК, вып. XI. М.-Л., 1945. С. 99-106.
20. Дубынин А. Ф. Археологические исследования Суздали (1936-1940 гг.) // КСИИМК, вып. XI. М.-Л., 1945. С. 91-99.
21. Варганов А. Д. Земляные валы города Суздаля. Архив ЛОИА, ф. 35, д. 1939/28; Он же. Отчет по археологическим раскопкам в г.Суздале в 1940 г. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 1937/260.

22. Дубынин А. Ф. Отчет об археологических раскопках и разведках в Ивановской области в 1937 г. Архив ЛОИА, ф. 2, д. № 205, л. 200-203; Паспорта памятников археологии Владимирского областного отдела культуры.
23. Варганов А. Д. Из ранней истории Суздаля (IX-XIII вв.) // КСИИМК, вып. XII. М.-Л., 1946. С. 127-134.
24. Варганов А. Д. Отчет об археологических раскопках в Суздале 1949 г. Архив ИА, Р-I, № 281, лл. 22-26; Варганов А. Д. Обжигательные печи XI-XII вв. в Суздале // КСИИМК, вып. 65, 1956. С. 49.
25. Варганов А. Д. Отчет об археологических раскопках в Суздале в 1950 г. Архив ИА, Р-I, № 419, лл. 8-12.
26. Кольцов Л. В. Отчет об археологической разведке по р.Нерль в 1957 г. Архив ИА, Р-I, № 1636. С. 3-5.
27. Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // КСИА, 1960, вып. 81. С. 86-88; Архив ИА, Р-I, № 1869.
28. Седов В. В. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине // КСИА, вып. 86, 1961. С. 75-76; Архив ИА, Р-I, № 1893.
29. Седов В. В., Седова М. В. Раскопки во Владимирской земле // АО, 1967. М., 1968. С. 55-56; Седов В. В. Раскопки в Суздале // АО, 1968. М., 1969. С. 73-74; Глазов В. П. Исследование суздальского Ополья // АО, 1968. М., 1969. С. 75; Седов В. В. Раскопки в Суздале // АО, 1970. М., 1971. С. 86-87; Седова М. В. Раскопки суздальских курганов в 1967 г. // КСИА, вып. 120. М., 1969. С. 97-99; Седов В. В. Две заметки по археологии Суздаля // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 61-63. Архив ИА, Р-I, №№ 3476, 3673, 4208, 4112-4113.
30. Глазов В. П. Исследование во Владимирской области и раскопки в Суздале // АО, 1971. М., 1972. С. 75-76; Глазов В. П. Работы во Владимирской обл. и г.Суздале // АО, 1972. М., 1973. С. 57-58; Архив ИА, Р-I № 4112; 4124; 4125; 4126; 4451.
31. Куглюковский П. И. Исследование древнего жилища в г.Суздале // АО, 1973. М., 1974. С. 60-61. Отчет не сдан: П. И. Куглюковский. О вскрытии гробниц в Покровском соборе в г.Суздале // АО, 1972. М., 1973. С. 70; П. И. Куглюковский. Отчет об археологических разведках в г.Суздале в 1972 г. // Архив ИА. Р-I, № 4899.
32. Седова М. В., Беленькая Д. А., Сабурова М. А. Раскопки в Суздале // АО, 1972. М., 1975. С. 76-77; Седова М. В., Беленькая Д. А., Сабурова М. А. Раскопки в Суздале и Юрьев-Польском // АО, 1975. М., 1976. С. 85-86; Седова М. В., Беленькая Д. А., Яковлева Т. Ф. Работы в Суздале // АО, 1976. М., 1977. С. 69; Седова М. В., Беленькая Д. А., Громова Н. И., Сабурова М. А., Яковлева Т. Ф. Раскопки в Суздале // АО, 1977. М., 1978. С. 82-83; Седова М. В. Что показали археологические раскопки // Суздалю 950 лет. Ярославль, 1977. С. 66-70. Архив ИА, ф. Р-I, №№ 5414, 5760, 6327, 6910.
33. Седова М. В., Беленькая Д. А., Громова Н. И., Сабурова М. А., Яковлева Т. Ф. Раскопки в Суздале // АО, 1978. М., 1979. С. 88-89; Седова М. В. Раскопки в Суздале // АО, 1979. М., 1980. С. 74-75; Седова М. В. Раскопки в Суздале и Гороховце // АО, 1980. М., 1981. С. 79; Седова М. В. Археологическое изучение Суздаля // Владимирскому музею 125 лет. Владимир, 1981. С. 87-93; Седова М. В. Работы в Суздале // АО, 1981. М., 1982. С. 86-87; Седова М. В., Сабурова М. А. Работы Владимиро-Суздальской экспедиции // АО, 1982. М., 1984. С. 81-83; Седова М. В. Работы Владимиро-Суздальской экспедиции // АО, 1983. М., 1985. С. 81-82; Седова М. В., Сабурова М. А., Лапшин В. А. Исследования в Суздале и его округе // АО, 1984. М., 1986. С. 70-71; Седова М. В. Раскопки в Суздале // АО, 1985. М., 1987. С. 99-100; Седова М. В., Лапшин В. А., Мошенина Н. Н., Сабурова М. А. , Чукова Т. А. Раскопки в Суздале и Суздальском районе // АО, 1986. М., 1988. С. 87-89. Архив ИА, Р-I, №№ 5414, 5760, 6327, 6910, 7425, 7757, 8337, 9084, 9863, 10002, 11194, 11196, 11962.
34. Сабурова М. А. Раскопки курганов во Владимирской области // АО, 1980. М., 1981. С. 77-78; Сабурова М. А. Раскопки суздальских курганов // АО, 1981. М., 1982. С. 84; Седова М. В., Сабурова М. А. Работы Владимиро-Суздальской экспедиции // АО, 1982. М., 1983. С. 81; Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь г.Суздаля // Культура и ис-

кусство средневекового города. Изд. Наука. М., 1984. С. 91-130; Архив ИА, Р-I, д. № 7758, 10002, 11194.

35. Щелокова Н. А. Отчет о раскопках на Васильковском городище в Суздальском районе Владимирской области. Архив ИА, Р-I, № 5523; Леонтьев А. Е. Архив ИА № 4113.
36. Лапшин В. А., Мухина Т. Ф. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 132-149; Яковлева Т. Ф. Работы в Суздальском районе // АО, 1978. М., 1979. С. 107-108.
37. Лапшин В. А. Исследования под Суздалем // АО, 1979. М., 1980. С. 60; Архив ИА. Р-I, дело № 7233, 7689.
38. Глазов В. П. Исследования во Владимирской обл. // АО, 1980. М., 1981. С. 47-48. Архив ИА, Р-I, дело № 8065-8066.
39. Лапшин В. А. Археологический комплекс у с.Гнездилово под Суздалем // КСИА, вып. 195. М., 1989. С. 66-71; Архив ИА, Р-I, дело № 7690, 9193, 9468, 10059, 12076.
40. Сабурова М. А. Раскопки курганов во Владимирской области // АО, 1985. М., 1987. С. 98; Архив ИА. Р-I, дело № 7758, 11196, 11963.
41. Седова М. В., Лапшин В. А., Мошенина Н. Н., Сабурова М. А., Чалых Н. Е., Чукова Т. А. Исследования в Суздале и Суздальском районе // АО, 1986. М., 1988. С. 87-89.
42. Архив ИА. Р-I, дело № 11963, 11984.
43. Архив ИА. Р-I, дело № 14820.
44. Архив ИА. Р-I, дело № 14624.
45. В 1995 г. вышел том Археологической карты России, посвященный памятникам Владимирской области. (АКР, Владимирская область, М., 1995 г.).

Глава III

Топография. Оборонительные сооружения

В настоящее время остатками древнего города является городище сложного типа, представляющее собой соединение двух оборонительных систем – кремля и окольного города (острога). Эти части города обнесены земляными валами. За их пределами расположены неукрепленные поселения – посады и монастыри со слободами, входившие в общую систему городской застройки.

Кремль Суздаля имеет площадь 14 га. По периметру он имеет протяженность примерно 1400 м, а в плане очертания его имеют трапециевидную форму. С севера, запада и юга городище омывается р. Каменкой. С восточной стороны (напольной) вырыт искусственный ров. Валы кремля имеют высоту от 3,2 до 8,5 м, ширину от 18 до 25 м. Угол наклона валов с внутренней стороны – 50°, угол наклона с внешней стороны – 40°. Ширина рва достигает в разных местах от 20 до 35 м, а глубина его – 8,5 м, угол наклона – 40°. Глубина заполнения рва водой, судя по наивысшей линии подъема ее в р.Каменке – 3,5 м. Высота от дна рва до вершины вала – 16,5 м. В настоящее время в разрезе валы имеют трапециевидную форму и уплощенный верх. Дело в том, что в XVIII в. верхушка их была срыта, а по валам была проложена прогулочная пешеходная дорожка. Следы этих земляных работ были зафиксированы при раскопках А. Д. Варганова во рву кремля в виде слоя глины. Тогда же было замечено, что ров, видимо, пришел в запустение в XVIII в., т. к. вплоть до XVII в. он периодически вычищался[1].

Сейчас в валах кремля существуют три разрыва, предполагающие на этих местах ворота. Это Ильинские ворота (восточные), Дмитриевские (юго-западные) и Никольские (юго-восточные). Историк Суздаля XVIII в. Анания Федоров сообщает, что в начале XVIII в. имелись две проезжие башни с воротами и опускными решетками (Ильинские и Дмитриевские)[2]. Скорее всего и Ильинские, и Дмитриевские ворота существовали с глубокой древности, с самого момента насыпки кольцевых валов, т. к. Ильинские ворота – напольные – выводили из детинца в окольный город, а Дмитриевские выводили к воде, в сторону древнейшего из суздальских монастырей – Дмитриевского, упоминаемого летописью с конца XI в.[3].

Писцовая книга 1628-1630 гг. сообщает: "**Городъ Суздаль на рекѣ Каменке ветхъ а у города четверы ворота – ворота илинскне на площади**

ворота никольские ворота дмитриевские ворота водяные..."[4]. Суммируя сведения Писцовой книги и сведения А. Федорова, можно предположить, что Ильинские и Дмитриевские ворота (более древние) были проезжими, а Никольские и Водяные (более поздние) – пешеходными. Пока конструкции ворот археологически не изучены.

В 1981-1990 гг. в северо-западной части Кремля (к северу от Рождественского собора) исследованы остатки древнейших оборонительных сооружений, некогда ограждавших территорию детинца – первоначального мысового поселения в излучине р.Каменки. Никаких наружных признаков этих сооружений в настоящее время на поверхности заметно не было, что позволило Н. Н. Воронину сделать в свое время предположение об отсутствии земляных ограждений у древнейшего суздальского поселения[5]. Однако они были выявлены в двух местах. В 1981-1983 гг. непосредственно к северу от Рождественского собора, на расстоянии 50 м исследовался раскоп площадью 150 кв.м[6] (рис. 2). В нем были зафиксированы остатки двух рвов, идущих в направлении север-юг. Ширина их 3 и 6,5 м, глубина – 1 и 3,5 м. Между ними проходила перемычка шириной 0,5 м. По дну внешнего, более глубокого второго рва были вертикально врыты столбы-надолбы. В заполнении рвов, на их дне обнаружены лишь немногочисленные фрагменты лепной керамики славянского и мерянского облика, что позволило отнести время сооружения укреплений к X в. Насыпь вала была, видимо, еще в древности спланирована, а земля сброшена во рвы. Та же картина повторилась почти полностью в другом раскопе, отстоящем к северу от Рождественского собора на 150 м и расположенного вблизи обрыва р.Каменки (рис. 2). Раскоп исследовался в 1984-1988 гг., достиг площади около 400 кв.м, получив шифр *Детинец* или Д-I-IV. При этом выяснилось, что система укреплений состояла не из двух, как было зафиксировано в 1981-1983 гг., а из трех параллельных линий рвов, идущих в направлении север-юг (с отклонением у берега р.Каменка к северу-западу). Ширина внешнего рва – 7 м при глубине от древней поверхности – 2 м; ширина среднего рва – 1 м при глубине – 0,8 м (рис. 3). На дне среднего рва расчищены следы врытых вертикальных столбов диаметром 15-18 см, служивших, возможно, дополнительной преградой при осаде. Здесь же в заполнении среднего рва встречены 6 фрагментов лепной гладкостенной керамики архаичного финно-угорского и славянского облика VI-X вв.[7] (рис. 4, 1-6). Это слабопрофилированные сосуды с чуть выделенным прямым и отогнутым венчиком (тип II, по классификации В. А. Лапшина), аналогии которым есть на памятниках железного века (Пирово дьяковское городище) и на средневековых поселениях – Шурскол-2 под Ростовом, Весь под Суздалем (рис. 4, 5-6). Есть фрагменты сосудов с раздутым туловом и вертикальным венчиком

(тип III), аналогии которым находим в Восточном Прионежье и Юго-Западном Белозерье, а также в материалах Сарского городища и Тимеревского курганного могильника (рис. 4, 1-3). Еще один тип сосудов (тип V) – горшки с отогнутым венчиком и подчеркнутым переходом к плечику, с заглаженной поверхностью, имеют многочисленные аналогии в памятниках второй половины I тыс. н. э. Волго-Окского междуречья и наиболее близки керамике Якиманского городища и селища Кибол-I под Суздалем, Сунгирского грунтового могильника под Владимиром, встречаются в Гнездиловском селище под Суздалем (рис. 4, 4).

В заполнении рва найден также "утюжок" из полированного красного гранита, аналогии которому встречаются в дьяковских древностях, начиная с середины I тыс. до н. э. и вплоть до третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 4, 7). В заполнении внешнего большого рва была обнаружена интересная находка – полусферический стеклянный слиток коричневатого оттенка. Это так называемая "гладилка" – полуфабрикат стекольного производства (рис. 4, 8). Аналогичные стеклянные предметы египетского и передневосточного производства, датирующиеся концом IX-X вв. известны по находкам в Скандинавии, Западной Европе, в Моравии. На древнерусских памятниках они известны лишь в Новгороде, Гнездово, Ростове и Москве[8].

Вал, следы которого прослеживаются в виде слоя серой гумусированной супеси толщиной 30-40 см на ширину 8-10 м, был еще в древности срыт и насыпь его сброшена во рвы. Вся эта система укреплений из вала и трех рвов ограждала территорию первоначального мысового поселения-детинца, площадью примерно 1,5 га. Однако с полной достоверностью о размерах детинца говорить трудно, т. к. поворот укреплений к западу и место примыкания их к существующим ныне валам пока не выяснены археологически. Они могут быть вычислены предположительно, учитывая мысовое положение местности и резкий изгиб существующих ныне валов, в их западной части (рис. 3а, 79).

Некоторое представление о форме древнего поселения дает чертеж Суздаля 1779 г., на котором в мысовой части кремля указаны два пересекающиеся переулка, возможно, очерчивающие контуры древнейшего детинца (рис. 60).

Система укреплений, состоящая из нескольких параллельных рвов и валов хорошо известна на балтских городищах Смоленщины в третьей четверти I тыс. н. э.[9], на городищах дьяковской и городецкой культур[10], а также на мерянских и муромских памятниках VI-IX вв. Поклязьменья и Поочья (например, на городище Теньки или Ознобишино на р.Ушне)[11]. Суздальское укрепление отличается от них тем, что у него один вал и три рядом расположенных рва[12]. Типы лепной посуды из заполнения рвов,

сама система оборонительных укреплений указывают на финно-угров как первых поселенцев в детинце Суздаля.

Дата возникновения поселения, судя по находке "гладилки" и по фрагментам посуды – не позднее первой половины X в. Однако славянское присутствие также ощущается по наличию фрагментов лепной керамики в заполнении рвов.

Возможно, именно к этому, созданному руками человека сооружению относилось и славянское название поселения – Суздаль – в значении глинобитной постройки[13]. Отголоском существования такого сооружения с тремя рвами опоясывавшими поселение, возможно, служит былина о Суровце-Суздальце. Как богатырский подвиг рассматривает былина то, что "Суровец-богатырь Суздалец, Богатова гостя заморенин сын" на своем коне перемахивает сразу через три рва[14].

Культурные отложения на площади детинца сильно повреждены позднейшими перекопами и архитектурной планировкой, произведенной в 40-60-е гг. XX в. До сих пор наиболее ранние слои остаются малоизученными. Так, раскопками Н. Н. Воронина в 1936 и 1938 гг. в мысовой части детинца в материковом слое зафиксированы отдельные очажные ямы с лепной посудой IX-X вв. в их заполнении, а также следы двух крайне деформированных наземных жилищ со слегка углубленным (на 0,2-0,4 м) в материк полом и каменным очагом. Одно из этих жилищ вскрыто на участке, примыкавшем к современному западному валу в районе Никольской деревянной церкви. "Этот тип жилищ, – писал Н. Н. Воронин, – хорошо известен по раскопкам мерянских поселений VI-IX вв. в Ярославском и Костромском Поволжье (раскопки Е. И. Горюновой). Лепная керамика, связанная с древнейшим слоем Суздальского кремля, также аналогична керамике этих поселений. Теперь совершенно бесспорно, что русскому Суздалю предшествовал мерянский поселок IX-X вв в излучине р.Каменки"[15]. Е. И. Горюнова более осторожно характеризовала древнейший археологический материал, считая, что грубая лепная керамика с шероховатой поверхностью, хотя и близка ярославской, но недостаточно выразительна для этнической характеристики древнего населения[16].

В настоящее время, в результате исследования В. А. Лапшина, можно считать, что среди лепной керамики древнейшего суздальского поселения-детинца – имеются образцы посуды как славянского (так называемого "ладожского типа"), так и финно-угорского (преимущественно восточно-финского, волго-окского) облика[17].

Уже в X в. разросшееся поселение шагнуло за пределы оборонительных сооружений детинца. Редкие жилые постройки протянулись на восток от детинца, вдоль берега р.Каменки. Археологически зафиксирова-

ны в северо-восточной части современного Кремля остатки большого наземного жилого дома X в. (№ 8а). Площадь его около 40 кв.м, он имел углубленное подполье, в заполнении которого обнаружена только лепная керамика обоих вышеперечисленных (славянского и восточно-финского) типов и глиняное пряслице. В хозяйственной яме около дома найдена часть дисковидного глиняного грузила от вертикального ткацкого стана и фрагменты красноглиняной подлощеной болгарской керамики раннего облика. Вертикальный ткацкий станок на территории Северной Европы выходит из употребления и заменяется горизонтальным станком на рубеже X-XI вв.[18] Болгарская керамика X – нач. XI вв. довольно часто встречается на синхронных памятниках Северо-Восточной Руси[19]. Таким образом, комплекс сооружений достоверно можно отнести к X – нач. XI вв. Косвенным подтверждением этой даты может служить находка византийской медной монеты (фоллиса) императора Романа I (920-944 гг.), чеканенной в Константинополе между 931-944 гг.[20], и найденной, правда, в переотложенном слое, вблизи описываемого комплекса (рис. 5).

Итак, в X – нач. XI в. в мысовой части современной территории суздальского кремля существовало укрепленное поселение площадью около 1,5 га, а по обрыву р.Каменки располагались отдельные дома вне его оборонительных сооружений.

Когда прекратили свое существование три рва и вал детинца? Ответ на этот вопрос дают исследования напластований, перекрывающих снивелированные слои оборонительных сооружений. В раскопках 1986 г. (Д-IV) поверх засыпки внешнего большого рва были обнаружены остатки наземной постройки, погибшей от пожара. Это горелое пятно размерами 2,5 х 3,5 м, толщиной 15-20 см, со следами развала печи-каменки, просевшее в засыпку рва, и поэтому сохранившиеся при земляных работах во время насыпки Мономахова вала на рубеже XI-XII вв. При сооружении постройки была совершена строительная жертва, т. е. в неглубокую (около 20-25 см) ямку диаметром около 1,5 м была положена на шейное основание голова коня 2,5-3 лет. В заполнении ямы и на площади жилища обнаружены: целый лепной сосуд из розоватой, хорошо заглаженной глины, на небольшом поддоне, приземистой открытой формы, характерной для мерянской посуды (рис. 4, 9), а также фрагменты как лепной, так и гончарной посуды славянского облика, составляющие соответственно 64 и 36% общего количества найденной керамики. Кроме того рядом с постройкой найдены крупные фрагменты амфоры херсонесского типа. Среди датирующих предметов – двучастная полосатая лимоновидная стеклянная бусина, полосатая зонная синяя с белым, печеночно-красная зонная, золоченая бочонковидная без закраин и сердоликовые – 14-гранная и призматическая бусины. Полосатые, золоченые, печеночные,

лимоновидные бусы датируются, судя по новгородской хронологии, X-XI вв. Аналогичную дату (в основном X-XI вв.) имеют и каменные бусы[22]. Следовательно, уже после ликвидации укреплений, на их месте возникла жилая постройка, которую можно датировать XI в., скорее его первой половиной.

Логично предположить, что ликвидация оборонительных сооружений древнего детинца была связана с событиями 1024 г., о которых летопись рассказывает в связи с восстанием в Суздале волхвов и подавлением восстания Ярославом Мудрым.

Новгородская IV летопись при изложении событий в Суздале приводит следующие сведения: "**Слышав же Ярослав вълхвы, приде к Суздалю, и изимав убийца ты, и расточи, иже беху бабы избили и домы их разграби, а другыми показни. И устави ту землю...**"[23]. Последняя фраза свидетельствует о распространении на Суздальскую землю правовых норм "Русской правды". Однако с "установлением земли", видимо, была связана и строительная деятельность князя. Оборонительные сооружения, укреплявшие древнейшее ядро Суздаля-детинец, были после подавления восстания полностью сровнены с землей.

Возможно, восстание сопровождалось и возникшими в городе пожарами. Во всяком случае археологические исследования дали любопытные результаты. В 1987 г. в траншее у западного вала, в 30 м к северу от Никольской деревянной церкви на материке была обнаружена пожарная прослойка мощностью 10-15 см. Взятый из прослойки на радиокарбонный анализ уголь дал даты: 1023±25 г. н. э. и 1012±35 г. н. э.[24] То есть полученные даты очень близки летописной дате восстания 1024 г. Кроме того непосредственно над этой пожарной прослойкой найден был под углом деревянного сруба череп женщины 40-45 лет[25]. Эта находка человеческих останков в культурном слое, вне могильника, наводит на мысль о тех "бабах", которых, как сказано в летописи, "избили, а домы их разграби".

После ликвидации старой системы обороны новые укрепления в виде земляного вала и рва возникли к востоку от детинца, в самом узком месте излучины р.Каменки (рис. 10). Эти сооружения увеличили укрепленную площадь города примерно в 8-9 раз, так что она достигла 14 га: "Город Ярослава" имел, по-видимому, одни проезжие ворота с напольной стороны и защищал поселение, занимавшее преимущественно северную половину кремля. Южная половина стала заселяться, судя по раскопкам 1958 г. Н. Н. Воронина к юго- востоку от Рождественского собора, в самом конце XI – начале XII вв. А юго-западная часть – в XII в. (раскопки В. В. Седова 1967-1968 гг. на Ивановской ул. (см. ниже).

Скорей всего, во вновь отстроенном городе должна была существовать и деревянная церковь, однако следы ее до сих пор не обнаружены.

Исследование напольного вала и рва было проведено в 1970 г. В. В. Седовым[26] (рис. 1, 7, 80).

"С этой целью в районе древних Ильинских ворот заложен раскоп площадью 64 кв.м. В этом месте насыпь вала срыта до уровня современной поверхности, очевидно, при расширении Кремлевской улицы. Поэтому раскопками изучались лишь нижние части вала, ограждавшего детинец с напольной стороны. Изучение культурных напластований позволило восстановить следующую картину (рис. 6). Первоначально был насыпан сравнительно небольшой вал шириной 9 м в основании. Сооружен он из очень плотной глины бурого цвета. Внутри глины изредка встречались включения и прослойки золы с угольками и серой супеси. Верхняя часть вала была потревожена при позднейших реконструкциях, поэтому его высота не может быть определена. Древнейший вал сохранился только на высоту 1,5 м. С внешней стороны его вырыт искусственный ров. Стенки рва и внешнего склона вала имели наклон около 65-70°. Если крутизна склона оставалась такой же и выше, то вал мог иметь высоту около 4 м.

При устройстве первоначального вала применены деревянные конструкции. Остатки дерева сохранились плохо. Тем не менее удалось установить, что внутривальные деревянные конструкции состояли из линии связанных между собой бревенчатых срубов, поставленных на глину на 20-30 см выше основания вала. Линия состояла из четырехстенных срубов, продольные стенки которых имели выпуск и были врублены "в нахлестку" в поперечные стены соседних срубов, благодаря чему вся конструкция оказывалась связанной воедино. Сложены срубы из дубовых бревен (врубка в обло) длиной около 4 м, диаметром 25-30 см. Интервалы между срубами, по-видимому, 0,6-0,7 м. Трудно сказать, сколько венцов имели срубы. Раскопками зафиксировано три-четыре венца, но их, несомненно, было больше.

Первоначальный вал сооружен непосредственно на прослойке погребенной почвы. Только в отдельных местах под насыпью вала зафиксированы прослойки древесного тлена (в 4 м юго-восточнее при прокладке траншеи в 1969 г., правда, было отмечено, что древнейший вал насыпан на тонкой темно-серой прослойке, содержащей лепную керамику). С внутренней стороны вплотную к валу примыкала темно-коричневая прослойка, образовавшаяся из перегнившей древесины. Здесь же зафиксированы сгнившие доски, концами уходящие под вал. Лежала прослойка на слое бурой глины и стратиграфически соответствовала строительству

срубных конструкций в валу. Очевидно, это остатки строительной деятельности.

Ближайшая жилая постройка находилась в 2 м от края вала. Раскопками открыт угол сруба, сложенного на коричневой прослойке. Внутри сруба находился слой прокаленной красно-оранжевой глины. По-видимому, этот угол постройки занимала печь.

Время сооружения первоначального вала Суздальского детинца определить можно только по керамике, встреченной в насыпи. Она немногочисленна – несколько венчиков раннегончарных сосудов гнездовского облика и обломки стенок с частыми волнисто-линейными узорами, занимающими значительную площадь горшков. Такая керамика обычно датируется X – первой четвертью XI вв. Если это так, то постройку древнего ядра вала можно датировать серединой XI в.

Не исключено, что сначала вал был насыпан лишь с напольной стороны, в наиболее узком месте излучины р.Каменки. И только позднее, на рубеже XI-XII вв. валы были насыпаны по всему периметру.

В Северо-Восточной Руси внутривальные деревянные конструкции в виде срубов исследовались на Сарском и Сунгиревском городищах, в Мстиславле, Дмитрове, Владимире[27]. Следы бревен отмечены и в валах Суздальского детинца, опять-таки с напольной стороны[28]. Через какое-то время после постройки суздальский вал был реконструирован. При этом верхняя часть первоначального вала была срыта и на ней сооружена насыпь из очень плотной желтой глины. Вал был значительно расширен (до 18 м в основании), древнейший ров засыпан, а вместо него сооружен новый, более широкий и глубокий. В насыпи отмечены отдельные сгнившие бревна, свидетельствующие о применении деревянных конструкций, характер которых остался невыясненным".

В настоящее время высота напольного вала превышает 6 м, несмотря на то, что вершина его была в прошлом срыта. Специальная прорезка северного вала, обращенного к р.Каменке, была произведена П. А. Раппопортом в 1958 г. в составе экспедиции под руководством Н. Н. Воронина[29] (рис. 1, 6). П. А. Раппопорт отнес устройство Суздальских валов к числу чисто земляных сооружений, не скрепленных внутри никакими специальными конструкциями. Он отметил, что строительство вала было осуществлено в несколько приемов, причем центральное ядро было насыпано из слоев гумусированной глины с включениями угольных прослоек. Нижняя часть вала состояла из черной земли с тонкими прослойками желтой глины. В подошве вала залегал тонкий культурный слой темно-коричневого цвета, в котором обнаружены 6 фрагментов лепной посуды и 3 стенки круговых сосудов с линейным орнаментом. В самом же

ядре вала, в гумусных прослойках найдены фрагменты как лепной, так и раннегончарной посуды, а также шиферное пряслице и стеклянная буса (глазчатая двойная продольно-полосатая пронизка).

На основании того, что все эти находки можно датировать X-XI вв., П. А. Раппопорт сделал вывод, что ядро Суздальского северного вала было воздвигнуто во второй половине XI – начале XII вв. Основание этого вала имело в ширину 10 м и высоту 2,5 м[30]. Лицевой склон вала гладкий, а тыльный имеет ступенчатый профиль. Высота ступеней 20-30 и изредка до 40 см; ступени сильно оплыли (рис. 7, в).

"Вторым этапом строительства суздальского вала, – считал П. А. Раппопорт, – было сооружение мощной насыпи, примыкающей к центральному ядру с тыльной стороны. Насыпь эта состоит в основном из гумусированной глины с пятнами темного гумуса, а также слоев серой и рыжеватой земли. В насыпи встречаются куски строительных материалов первоначального Суздальского собора – пятна извести, обломки плинфы, куски известкового раствора с цемянкой и куски штукатурки со следами фресковой росписи. В насыпи, как и в культурном слое, уходящем под эту часть вала, встречаются фрагменты керамики XII-XIII вв. Таким образом, очевидно, что усиление вала Суздальского детинца было выполнено в конце XII или первой половине XIII вв., точнее – после разрушения первоначального собора, но до разгрома Суздаля войсками Батыя. Первоначальный Суздальский собор был разрушен в 1222 г., однако здание обветшало еще до этого и подвергалось ремонту уже в 1194 г." [31]. Лаврентьевская летопись сообщает, что: "**Мсца семтября обновлена бысть церкы святая Богородица в Суждали юже бе опадала старостью и безнарядьем ... и покрыта бысть оловомь отъ верху до комаръ и до притворовъ...**"[32]. Возможно, что строительные материалы могли попасть в насыпь вала и до полного разрушения собора, при его ремонте. Поэтому вероятным представляется, что усиление Суздальского вала можно связывать с упоминанием летописи о том, что в 1192 г. "заложен бысть град Суждаль и срублен бысть того же лета"[33].

Суздальский вал приобрел в это время значительный размер – его ширина в основании равна 16 м. Первоначальная высота вала должна была быть, по-видимому, равной примерно 4 м. Поновление и досыпка Мономахова вала отчетливо прослеживалась и в профиле раскопа 1981 г. в северо-восточной части кремля[34].

Наконец, к третьему этапу строительства вала относится насыпь, примыкающая к центральному ядру вала с лицевой стороны. Судя по тому, что в этой насыпи и, в особенности, в мусорном слое, лежащем под ней на лицевом склоне первоначального вала, обнаружена керамика как

XII-XIII, так и XIV-XV вв., можно признать, что насыпь в лицевой части Суздальского вала была сооружена не раньше второй половины XV в. На профиле прорезанного вала видно, что вершина вала XIII в. оказалась срезанной примерно на 1,5 м ее предполагаемой первоначальной высоты; поэтому можно полагать, что насыпь в лицевой части Суздальского вала была создана не путем подсыпки, а срезкой и сбросом вниз верхней части вала XII-XIII вв.

Любопытны наблюдения П. А. Раппопорта над культурными отложениями мысовой части детинца. Он отмечает, что насыпь центрального ядра вала сделала из культурного слоя бывшего здесь поселения IX-X вв. Именно использование культурного слоя привело к тому, что при раскопках Н. Н. Воронина в 1958 г. в "Северном тире" недалеко от места прорезки северного вала сохранились лишь очажные ямы, при исчезновении следов самого жилья. При новой подсыпке вала в конце XII – начале XIII вв. земля вновь бралась со смежной территории кремля, с чем связано наличие в составе находок лепной и гончарной керамики и строительных материалов собора Мономаха[35].

Такая же картина открывается в северо-западной части кремля и при исследовании оборонительных сооружений в 1981-1990 гг. Культурный слой всюду срезан как для сооружения насыпей валов по периметру кремля, так и нивелировочными работами в 50-60-е гг. XX в., когда бульдозером снимался слой земли толщиной в 0,8-1 м для предполагавшейся здесь разбивки парка-сада.

Окончательную ясность в поэтапность строительства оборонительных сооружений Суздальского кремля внесли раскопки Владимиро-Суздальской экспедиции 1978-1990 гг. В северо-восточной части кремлевской территории, вблизи Ильинских въездных ворот на обрыве р.Каменки, производились исследования древней городской застройки. В настоящее время никаких следов вала в этом месте не видно, однако раскопки открыли подошву вала на высоту 1,4-2 м при ширине 8-10 м. Вал был сложен из желтой глины, суглинка с зольными пятнами и отдельными вкраплениями угольков и плотной серо-желтой супеси с примесью мелкой речной гальки. В центральной части вала, в его ядре отмечены линзы темно-серого слоя с угольками, золой, обожженой глиной, линзы горелого слоя и древесный тлен, т. е. на создание ядра был использован культурный слой с близлежащей территории. При прокладке трассы вала вдоль речного обрыва была вырыта траншея шириной 0,4-0,5 м, в которую наклонно были вставлены колья частокола (диаметром 0,2-0,3 м) и плотно забутованы серо-желтой супесью с речной галькой. Отдельные вертикально поставленные бревна встречаются и выше в толще вала, образуя как бы ступени, крепившие насыпь. Эта конструктивная особен-

ность, т. е. наличие ступеней в валу, была отмечена еще П. А. Раппопортом при исследованиях 1958 г., однако деревянные столбы им не были прослежены. Отдельные сгнившие бревна, свидетельствовавшие о применении деревянных конструкций при сооружении второго вала, отметил и В. В. Седов при раскопках 1970 г. Однако характер конструкций остался ему неясным. И лишь при изучении вала в продольном направлении, а не только при поперечной прорезке, выяснились такие конструктивные особенности как создание в толще вала ограждений из вертикальных столбов, расположенных в несколько рядов уступами (рис. 7, а). Такая конструктивная особенность была присуща земляному валу, сооруженному по приказу Владимира Мономаха (скорей всего в 1101-1102 гг.) по всему периметру кремлевской территории* . Вал этот лежал непосредственно на прослойке культурного слоя толщиной в 20-30 см, отложившейся в X-XI вв. Существовавшие здесь усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками сгорели во время пожара 1096 г. междоусобной войны Владимира Мономаха и Олега Черниговского. И на месте сгоревших усадеб по обрыву реки были воздвигнуты мощные земляные укрепления. С сооружением кольцевых валов вокруг "города Мономаха" изменилась планировочная структура кремля. Были созданы двое проездных ворот: Ильинские с напольной восточной стороны и Дмитриевские – западные, выводившие к переправе через р.Каменку и к древнейшему Дмитриевскому монастырю, расположенному за рекой на сухопутной дороге во Владимир.

Одновременно с насыпкой вала "Мономахова города", также около 1101-1102 гг., по приказу князя Владимира и при содействии епископа Ефрема воздвигается древнейшее каменное сооружение на Северо-Востоке – Успенский собор. Он строится к югу от древнего ядра Суздаля (его детинца) вне снивелированных вала и трех рвов X в. И в этом планировочном решении Суздаль очень близок Киеву, где древнейшая Десятинная церковь была сооружена вне стен "города Владимира". Около Успенского собора Владимир Мономах возводит и княжеский двор[36]. Собор и княжеский двор становятся тем центром, к которому тянутся улицы от проездных ворот, что создает предпосылку сложения радиальной планировочной структуры города. Новые земляные укрепления кремля позволили суздальцам выдержать осаду болгар во время их похода 1107 г.: "**Придоша болгари ратию на Суздаль и оступиша град и много**

* Довольно близкую аналогию этому устройству вала представляют дерево-земляные конструкции раннеславянского Мекленбурга VII в. P. Donat. Die Mecklenburg – eine Hauptburg der Obodriten Berlin, 1984, s. 19, Abb. 5. Понимая всю хронологическую и географическую отдаленность этого памятника, хочется обратить внимание на его реконструкцию, не известную мне на других археологических объектах (Рис. 7, б).

зла сотвориша... Сущи же людие во граде ... из града изшедше, всех избиша"[37].

За пределами кремля вдоль дорог, ведущих от восточных проездных ворот, на рубеже XI-XII вв. возникает первоначальная застройка посада. Вначале жилые дома застраивались не сплошной линией, а отдельными гнездами. В результате возникла улично-усадебная планировка не только в кремле, но и на посаде.

В первой половине XII в., в княжение Юрия Долгорукого, когда Суздаль становится столицей княжества, посад обносится новой линией укреплений – земляным валом и рвом, охватившим территорию в 35 га и превращается в Окольный город.

Окольный город или острог расположен полукольцом к востоку и северо-востоку от кремля. Вал окольного города имеет высоту от 3 до 5,5 м, ширину от 10 до 19 м; ров – ширину 16-18 м, глубину 6-8 м. С восточной стороны окольного города протекала пересохшая ныне речка Гремячка, впадавшая в р.Каменку у ц.Козьмы и Демьяна. По преданию, воды Гремячки (бравшей начало где-то в районе современных церквей Скорбященской и Цареконстантиновской) при сооружении земляных укреплений острога были перекрыты и строители попытались направить ее воды в овраг, огибавший валы острога с севера. Однако в расчетах, видимо, произошла ошибка и воды речки не потекли в овраг. Так овраг этот был назван Нетекой (современная улица Нетёка)[38]. В настоящее время валы окольного города сохранились лишь частично, т. к. застройка этой части города довольно интенсивна и приусадебные огороды, во многих местах заходя на вал, разрушили его. Вал обоими концами упирается в обрыв р.Каменки. Приречная часть вала не сохранилась, она или обвалилась в реку или была спланирована в XVIII-XIX вв. Во всяком случае, на плане XVIII в. вал острога в приречной его (западной) части не указан.

Впервые археологическое изучение вала Окольного или Острожного города, произвел в 1940 г. А. Д. Варганов в двух пунктах (рис. 1, 4). На ул.Теремки, при пересечении ее со Старой улицей, к западу от Крестоникольской церкви им была произведена нивелировка вала и заложен небольшой раскоп. В результате установлено, что вершина вала находилась на высоте 19 м над уровнем воды р.Каменки. Высота вала составила 5,3 м, глубина рва (до вершины вала) – 8,3 м. Слой, подходящий к подошве вала, судя по находкам стеклянных браслетов, относится к XII в. Та же картина открылась при зачистке восточной части острожного вала (в районе Райзаготлеса). Древнейший культурный слой тоже датировался XII в. При зачистке вершины вала выявился ряд из кольев частокола[39].

С целью проверки времени сооружения оборонительных укреплений Окольного города в 1977-1978 гг. производилась прорезка вала на стыке

нынешних ул.Нетёки и переулка им.Дунаева в северо-восточной части Окольноро города (рис. 1, 8). Ширина вала в основании здесь достигает 19 м, высота около 5 м. Вал был прорезан по линии СЗЗ-ЮВВ раскопом в 3 м шириной. Он был насыпан из плотной необожженной глины рыжего цвета. До глубины 220-240 см от современной вершины вала в однородной этой глине не прослеживалось никаких следов внутривальных деревянных конструкций, лишь зольные включения и прослойки. Начиная с этой глубины в слое отчетливо фиксируются остатки древесного тлена от деревянных конструкций срубного типа. Эти срубы были, видимо, высотой в один венец. Пространство внутри них заполнено обожженной глиной с зольными прослойками. Срубы располагались внутри вала в три ряда, но не составляли единой конструкции, а сдвигались в отношении друг друга и нижеследующих срубов вправо или влево, перемежаясь прослойками необожженной глины толщиной 20 см. Следовательно, это была подвижная система, укреплявшая вершину вала. С глубины 3,5 м от вершины вала срубная система укреплений становится стабильной и состоит из трех рядов клетей, расположенных вплотную друг к другу и, ввиду поворота в этом месте вала, уступами. Срубы, расположенные с северного и южного края вала, сохранились плохо и прослеживаются, в основном, в виде пятен древесного тлена, внутри которых грунт состоит из прослоек обожженной глины и угля с золой. Центральный сруб внутривальной конструкции сохранился лучше. Длина его восточной стены 4,8-5 м, южная стена заходит в раскоп на 3,6 м. Сруб был сложен из бревен диаметром 18-20 см, рубленных "в обло". Следы этой врубки отчетливо прослежены в южном углу клети. Сруб сохранился в высоту 5-8 венцов, которые сдвинулись во внутрь клети под давлением насыпавшейся сверху глины (рис. 8а-б, 81). С внешней стороны южного угла центрального сруба был обнаружен череп лошади. Поставленный на шейное основание, он лежал затылком к углу сруба, мордой – к северу. Возраст лошади – 2-3 года. Вероятно, здесь мы имеем дело с остатками строительной жертвы.

Деревянные внутривальные конструкции располагались на прослойке прокаленной глины оранжево-красного цвета, толщиной 10-20 см. Это была та твердая основа, специально прокаленная для прочности, на которой возводилась вся система оборонительных сооружений. Ниже прослойки прокаленной глины зафиксированы остатки культурного слоя темно-серого цвета, толщиной 20-30 см. В культурном слое обнаружены остатки углубленного в землю жилища, заходящего в раскоп лишь частично и четко читаемого в профиле стены вала (рис. 8-9). Размеры жилища в пределах раскопа 2,48 х 1,04 м, стены вертикальные, дно плоское. В северной части его прослежена линза прокаленной глины с углем и золой

от развала печи. Вещевой материал, собранный в культурном слое и в жилище, состоит из фрагментов сероглиняной гончарной керамики с линейным орнаментом, шиферных пряслиц, зонной бусины из желтоватого стекла, части бронзовой пряжки, железного ножа и др. Не встречено ни одного фрагмента стеклянного браслета. Соотношение, когда в культурном слое имеются шиферные пряслица, но еще нет стеклянных браслетов, по новгородским аналогиям можно отнести к началу XII в.[40] Этим же временем датируется появление зонных желтых бусин[41]. К первой половине XII в. можно отнести и фрагменты сосудов с прямым высоким венчиком с богатым частым линейным орнаментом в верхней части плечика. Следовательно, культурный слой, отложившийся до сооружения вала, относится, скорей всего, к первой половине XII в. А время сооружения вала таким образом падает на середину XII в., т. е. на время правления Юрия Долгорукого. В насыпи вала имеются незначительные фрагменты керамики XII в.

До сих пор время сооружения посадского вала было неизвестно. И Н. Н. Воронин и А. Д. Варганов предположительно относили его строительство к концу XII – рубежу XII-XIII вв., опираясь на летописное свидетельство о том, что в 1192 г. при князе Всеволоде "**заложен бысть град Суждаль и срублен бысть того ж лета**"[42].

Но это свидетельство, как сказано было выше, следует отнести к ремонту и поновлению укреплений суздальского кремля. Создание же оборонительного полукольца валов окольного города в середине XII в., во время княжения Юрия Долгорукого, представляется наиболее вероятным. Именно в это время Суздаль являлся столицей княжества и переживал наивысший свой расцвет. Вся политика Юрия была направлена на строительство и оборону княжества, и в первую очередь его стольного города.

Таким образом, в результате археологических исследований, можно восстановить картину создания и ремонтов Суздальской оборонительной системы кремля и окольного города (Рис. 10).

I. Древнейшие оборонительные сооружения (Детинец) возникли в первой половине – середине X в. на мысовой северо-западной части современного кремля. Площадь городища была около 1,5-2 га. Оборонительные сооружения состояли из невысокого глиняного вала и тройного ряда рвов, на дне среднего из которых были врыты вертикальные столбы.

II. Видимо, после подавления восстании 1024 г. в середине XI в., в самом узком месте излучины реки сооружается вал, оградивший территорию поселения с восточной напольной стороны. Площадь поселения стала – 14 га. Вал дополнялся искусственно вырытым рвом.

III. На рубеже XI-XII вв. сооружается вал по всему периметру нынешнего кремля. Площадь его та же, т. е. 14 га. Строительство валов осуществлялось Владимиром Мономахом (около 1102 г.) одновременно со строительством древнейшего собора и княжеского двора. Свидетельство этому – отдельные фрагменты плинфы в насыпи вала идентичной плинфе, употребленной при строительстве древнейшего Успенского собора.

IV. В середине XII в., во время правления Юрия Долгорукого, территория посада обносится земляным валом и рвом, и, таким образом, складывается территория Окольного города (площадью 35 га).

V. В конце XII в. (в 1192 г.) кремлевские укрепления ремонтируются, досыпаются и возводятся новые рубленые стены. В насыпь вала попадают фрагменты обрушившегося древнего собора (1194 г.).

VI. Городские валы укрепляются и досыпаются во второй половине XV в.

VII. В XVII в. (в 1677 г.) деревянные оборонительные сооружения перестраиваются, создается сосновая рубленая стена с 14-ю башнями и 15-ой, построенной со стенами ровно, в том числе двое проезжих и двое проходных ворот. В 1719 г. в результате пожара все деревянные укрепления сгорели[43].

Примечания к III главе

1. Варганов А. Д. Земляные валы города Суздаля. Отчет археологических работ 1939 г. Архив ЛОИА, ф. 35, д. 1939/28.
2. Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Сокровища Суздаля. Изобр. искусство. М., 1970. С. 180-181.
3. ПСРЛ. Т. I. Стб. 238.
4. Суздаль. Список с писцовой книги гор. Суздаля с 7136 по 7138 гг. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1900. Т. 6. С. 1.
5. Воронин Н. Н., Гусаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // КСИА, 1960. Вып. 81. С. 86.
6. Седова М. В. Отчеты о раскопках Владимиро-Суздальской экспедиции. Архив ИА. Р-I, д. № 9084, 9863, 11194; Седова М. В. Работы в Суздале // АО, 1981. С. 86; Седова М. В., Сабурова М. А. Работы Владимиро-Суздальской экспедиции // АО, 1983. М., 1985. С. 81.
7. Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 138, рис. 2, 1-6.
8. Щапова Ю. Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных ("гладилка" из Новгорода) // СА, № 4, 1989. С. 103-113.
9. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963. С. 44.
10. Смирнов К. А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // М., 1974. С. 7-27; Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге // МИА, № 13. М.-Л., 1950. С. 90-132; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14, М., 1965. Табл. 2; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. Рис. 10.

11. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1964. Карта № 2.
12. Мнение о том, что наличие трех рвов является результатом трех последовательных ремонтов и расширений укреплений детинца не подтверждается археологически (Данилов В. В. Древнейшие укрепления Суздаля // Городецкие чтения. Городец, 1992 г.).
13. Трубачев О. Н. Снова о названии Суздаль. С. 383.
14. Сборник Кирши Данилова. М., 1977. Высота ли, высота поднебесная. С. 201; Былины. Т. 1. М., 1958. С. 449.
15. Воронин Н. Н., Гусаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция... С. 86-88.
16. Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. Вып. 59, 1955. С. 20-21.
17. Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля. С. 135, табл. 1.
18. Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962. С. 115.
19. Полубояринова М. Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией // История и культура древнерусского города, М., 1989. С. 179.
20. Определение монеты В. В. Кропоткина.
21. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. Табл. XXXII, 8, 9; Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля. С. 132, рис. 2, 7-24; Лапшин В. А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 91.
22. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 175, табл. 10-12; Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 152. Приложение 1.
23. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Пг., 1915. С. 111-112.
24. Радиоуглеродное датирование проведено в лаборатории ИИМК РАН, №№ анализов Ле-4448-4449.
25. Определение выполнено А. Бужиловой в ИА РАН.
26. Седов В. В. Две заметки по археологии Суздаля // Культура Средневековой Руси. Л., 1974. С. 61-63. Текст приводится дословно.
27. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. // МИА. № 105. М.-Л., 1961. С. 106-109; Седов В. В. Из полевых исследований 1961 г. // КСИА. Вып. 96, 1963. С. 37-41.
28. Дубынин А. Ф. Археологические исследования г.Суздаля (1936-1940 гг.) // КСИИМК. Вып. XI. М.-Л., 1945. С. 99.
29. Воронин Н. Н., Гусаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // КСИА. Вып. 81, 1960. С. 86.
30. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества... С. 99-100. Отчет Суздальского отряда Среднерусской экспедиции 1958 г. // Архив ИА. Р-I, № 1869. С. 13.
31. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества. С. 100.
32. ПСРЛ. Т. I. Л., 1927. Стб. 411.
33. ПСРЛ. Т. I. Стб. 409.
34. Седова М. В. Отчет о раскопках в Суздале в 1981 г. // Архив ИА. Р-I, № 10002.
35. Отчет Суздальского отряда за 1958 г. Архив ИА, Р-I, № 1869. С. 14-16.
36. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. С. 28.
37. ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 72.
38. Федоров Л. Историческое собрание... С. 65.
39. Варганов А. Д. Археологические исследования в Суздале в 1940 г. Архив Суздальского музея № 9.
40. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 107, рис. 9.
41. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. С. 168.
42. ПСРЛ. Т. I. Стб. 409.
43. Федоров А. Историческое собрание. С. 178.

Глава IV

Исследование культурных напластований города

а. *Кремль*

Как сказано было выше, в 30-е годы были начаты исследования культурных напластований территории города. В 1936 г. к экспедиции ГАИМК, руководимой Н. Н. Ворониным, присоединились еще два учреждения – Ивановский Областной музей в лице А. Ф. Дубынина и Суздальский районный музей в лице А. Д. Варганова.

Раскопки Н. Н. Воронина в 1936 г. носили частично разведочный характер. В Кремле были намечены площадки, представлявшиеся наиболее перспективными (северо-западный угол Кремля, площадка в горсаду, две площадки в юго-восточном углу Кремля, в районе, смежном с основным местом раскопок А. С. Уварова около ц.Кирилла и Афанасия и Никольской) – рис. 1, 2.

Раскоп в Кремлевской луке площадью 44 кв.м дал полностью переотложенные напластования культурного слоя до глубины 190 см. Среди находок особый интерес представляли фрагменты лепных сосудов с грубой шероховатой поверхностью и волнистым краем, свидетельствовавшие о возникновении застройки этого участка Кремля в X в.

Раскоп в городском саду площадью 24 кв.м обнаружил слой мощностью 170 см также в большей части переотложенный в XVIII-XIX вв. Среди находок особый интерес представляют глиняные голосники, видимо, от сводов Мономахова собора, фрагменты штукатурки с фресковой росписью от него же и скопление горелых зерен ржи.

Раскоп на Ильинской горе показал также значительную потревоженность слоя, достигавшего глубины 135 см. Встречены отдельные фрагменты древнерусской керамики курганного облика XII-XIII вв., но в основном обнаружена посуда XVII-XVIII вв. Та же картина и на раскопе по ул. Володарского (рис. 1, 2), где встречены отдельные фрагменты древнерусской керамики, свидетельствующие о наличии поселения здесь уже в XII в.

В раскопе около ц.Николы (площадью 46 кв.м) культурный слой достигал 160 см, однако слои были сильно потревожены строительством XVII-XVIII вв. В нижнем непотревоженном слое открыты остатки полуземляночного жилища XII в. Среди находок интерес представляют бронзовый энколпион с серебряной инкрустацией, обломок семилопастного вятического височного кольца, плужный отрез XIII в.[1]

В том же 1936 г. в центральной части восточной половины Кремля, по ул.Коммуны (бывшая Афанасьевская, ныне ул.Лебедева) на территории археологического заказника начал раскапывать участок городской застройки еще один отряд под руководством А. Ф. Дубынина. Площадь раскопа составила 36 кв.м при толщине культурного слоя 140 см (рис. 1, 1). Слой в значительной степени перекопан, но все же стратиграфию в общих чертах можно было проследить. В верхних горизонтах открыты были остатки деревянного дома XVII в. с печью на деревянных столбах, под которой, вероятно, было подполье. Дом погиб от пожара. Среди археологического материала, обнаруженного как в доме, так и в слое, относящемся к нему, такие характерные изделия как изразцы красные рельефные и поливные зеленые, фрагменты чернолощеной посуды, монеты-чешуйки Бориса Годунова и Ивана IV, куски слюды, обломки стеклянной штофной посуды. Ниже этого сооружения располагались остатки древней постройки, углубленной в материк примерно на 1,5 м. В нижних слоях культурных напластований были обнаружены фрагменты стеклянных браслетов и перстней, шиферные пряслица, сердоликовая бипирамидальная и хрустальная граненая бусины, железные ножи, гвозди, пряжки, наконечники стрел (причем один наконечник-срезень монгольского происхождения), ключ, замок и пр. Особый интерес представляют три круглых в сечении дротовых обломка свинца, являвшиеся, возможно, заготовками для ювелирных отливок. А. Ф. Дубынин считал эти предметы серебряными денежными гривнами Новгородского типа, однако анализ, проведенный в пробирной палате, опроверг это предположение. В заполнении самой постройки, кроме аналогичных перечисленным предметам вещей, найдены были железное тесло с лезвием в виде желобка, фрагменты тиглей, медный и железный шлак, а также обломки плинфы и куски цемянки с примесью кирпича.

Полученные результаты были обнадеживающими. Они позволили наметить другие пункты для исследований в Суздале, а в самом заказнике в следующем году расширить раскоп. В 1937 г. исследуемая площадь достигла 106 кв.м, причем раскоп был разбит с таким расчетом, чтобы охватить со всех четырех сторон раскоп 1936 г. и таким образом доследовать как вскрытую ранее часть землянки, так и прилегающую к ней территорию. Культурный слой был разбит на три горизонта: верхний слой (от 0 до 75 см) был датирован по найденным предметам XIX-XVII вв.; средний горизонт (от 75 до 120 см) относился к XVII-XIV вв., а нижний (120-150 см) – к XIV-X вв.

Доследованная полуземлянка имела размеры 6 х 6 м, а примыкавшее с юго-западной стороны ее полукруглое помещение – 2,5 х 4 м. Общая длина всей полуземлянки 9 м. В полукруглой части был открыт очаг.

Здесь обнаружен значительный прокал земли (диаметром 0,6 м), обожженные камни, угли, зола (рис. 11). В центре прямоугольного помещения находилось подполье размерами 2,1 х 3,4 м. В этой же части с восточной стороны имелся вход. Пол полуземлянки углублен на 1 м, а глубина подполья 1,3 м от пола жилища. Стенки подполья покатые, сужающиеся к центру. *Полуземлянка* эта получила порядковый *номер 1.* В ее заполнении, кроме перечисленных выше находок 1936 г., найдены были железные ножи, дверные накладки и пробой, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, костяные проколки и др. Судя по находкам обломков стеклянных браслетов на самом дне землянки, ее следует датировать XII – нач. XIII вв., а не X-XI вв., как предварительно считал А. Ф. Дубынин[2]. По материалам раскопок полуземлянки № 1 была сделана реконструкция жилища суздальца. Эта реконструкция широко использовалась в различных изданиях и музейных экспозициях[3] (рис. 12), однако достоверность ее представляется спорной.

В 1938 г. раскопки на ул.Коммуны не производились, и все работы были сосредоточены на исследованиях древнего собора времени Владимира Мономаха, обнаруженного под стенами собора Рождества Богородицы XIII в. В 1939 г. в возобновленных раскопках на территории заказника принял участие отряд Государственного Исторического музея под руководством Л. А. Голубевой. Продолжены работы были и в 1940 г. В результате четырехлетних исследований раскопанная площадь достигла 518 кв.м. Всего за эти годы было вскрыто 11 углубленных в землю построек и 3 подпольные ямы наземных жилищ с глинобитными печами.

Полуземлянка № 2 расположена юго-западнее полуземлянки № 1. Она имела довольно правильную прямоугольную форму с размерами 4,6 х 4,8 м при глубине 1,4 м. А. Ф. Дубынин считал, что в юго-западном углу находились нары, огороженные плетнем из часто вбитых в землю кольев. Следы плетня в виде неглубоких ямок прослежены и в других местах вдоль стен полуземлянки. Нары имели высоту 45-55 см от уровня пола и ширину около 1 метра. В центре полуземлянки обнаружен слой прокаленной почвы; здесь, по-видимому, расположен был очаг. Вход в жилище был с южной стороны, где находился полукруглый выступ, от которого вниз спускалась вертикальная деревянная лестница. Перекрытие полуземлянки было четырехскатное, причем по углам постройки обнаружены три столба, поддерживавшие бревна перекрытий крыши. При зачистке пола обнаружены предметы, позволяющие определить дату постройки. Это перстневидное полуторооборотное височное кольцо (XI-XIII вв.), фрагмент зеленого стеклянного браслета (XII – I пол. XIII вв.), обломок синего стеклянного плосковыпуклого перстня (XII – нач. XIII вв.)[4], бусина глиняная с поливой черно-зеленого и желтого цвета, железный ключ

лопатковидной формы типа А по новгородской классификации (X – сер. XII вв.)[5], костяная игла, глиняное грузило цилиндрической формы, железная крица круглой формы, диаметром 11,5 см, толщиной 4,5 см, 3 железных ножа, обломок керамического сосуда с желтой поливой и фрагмент семилопастного медного вятического височного кольца. От височного кольца сохранилась лишь одна лопасть, часть щитка и верхний зубчик (рис. 13, 6). По-видимому, оно относится к типу простых, датирующихся рубежом XI-XII вв.[6] Учитывая датировки вышеперечисленных предметов, полуземлянку № 2 в целом можно датировать первой половиной XII в.

Полуземлянка № 3 расположена юго-западнее землянки № 2. В землю она углублена на 0,85 м. Размеры ее 3 х 3 м, форма прямоугольная. Стены постройки укреплялись вертикально врытыми плахами, плоская сторона которых обращена внутрь помещения. Промежуток между земляной стеной и ограждением из плах плотно забивался глиной, причем, обкладка глиной деревянных стен жилища, скорей всего, продолжалась и выше, над поверхностью земли. Печь, видимо, находилась в центре постройки, располагаясь на деревянном опечке. К западу от нее, по мнению автора раскопок, находились деревянные полати. Вход в жилище был с южной стороны. Он отмечен прямоугольным выступом шириной около 1,6 м, длиной около 1 м, и представлял собой сени со ступеньками, ведущими внутрь постройки. В заполнении полуземлянки № 3 найдено немного находок, это – железные ножи, язычок от пряжки, глиняный горшок с клеймом на днище в виде круга, расчерченного клетками. С запада к полуземлянке № 3 примыкает полуземлянка № 4. По-видимому, эти постройки соединялись сенями шириной 1,6 м. Получалась трехчленная связь – изба, сени – клеть.

Полуземлянка № 4 имела форму правильного прямоугольника с размерами внутреннего пространства 2,3 х 2,4 м и углублением пола на 0,5-0,6 м. Стены постройки крепились вертикально врытыми жердями и тонкими горбылями, причем с севера и юга ряды столбиков были более основательны, т. к. на них, вероятно, опиралось двухскатное покрытие дома. Автор раскопок А. Ф. Дубынин считал, что снаружи стены жилища так же были обложены глиной, как и у полуземлянки № 3. В заполнении полуземлянки № 4 найдены: обломок стеклянного браслета, железная пряжка, куски медных и железных шлаков и фрагменты двух сосудов красноглиняных с лощеной вертикальными полосами поверхностью. Размеры одного сосуда – 32 см высота и 22 см – диаметр горла. Высота второго сосуда – 15 см. По-видимому, оба сосуда – болгарского происхождения. Наличие в обеих постройках (№ 3 и № 4) фрагментов стеклян-

ных браслетов позволяет датировать их домонгольским периодом (конец XII – I пол. XIII вв.). Южнее полуземлянок № 1-4 прослежен частокол.

К югу от частокола располагались сооружения № 7-11. Постройки № 5 и № 6 заходили в раскоп лишь частично и к тому же были сильно нарушены поздними перекопами.

Полуземлянка № 7 имела четырехугольную форму со слегка скругленными углами. Размеры котлована наверху 3,2 х 3,2 м, а на глубине 90 см от поверхности 2,35 х 2,25 м. Стены (слегка покатые) были укреплены вертикально вбитыми по всему периметру кольями. Пространство между стенами и кольями было забито глиной. Покрытие постройки, видимо, было четырехскатное или коническое. Очаг располагался в центре полуземлянки в небольшом углублении (в 60 см), в котором обнаружены были скопления обожженных камней, угля, золы и фрагментов битой посуды. В юго-западном углу жилища, находилась подпольная хозяйственная яма овальной формы, диаметром 1 м и глубиной 0,75 м. Вход находился с юга. В жилище вела вертикальная деревянная лестница. Слой, заполнявший полуземлянку № 7, был насыщен находками – это фрагменты стеклянных браслетов, два фрагмента перстней синего и зеленого цвета, фрагменты стеклянных сосудов из желтоватого стекла, двусторонний костяной гребень, шиферное пряслице, зонная стеклянная зеленая бусина XII-XIII вв.[7], кольчатые железные удила, ножи, гвозди, куски шлака, днища с клеймами и др. На основании типов перстней, бусины, стеклянных браслетов полуземляночное жилище можно датировать XII – первой третью XIII в.

Около жилища с южной стороны обнаружены остатки железоделательной мастерской, разрушенной частично более поздними сооружениями. На площади 66 кв.м обнаружены ямы от круглых столбов или плах и овальной формы подполье размерами 2,3 х 1,9 м при глубине 0,45 м. Здесь найдены куски кричного железа и шлаки, а также обломки железных предметов. А. Ф. Дубынин датировал мастерскую XI-XII вв.[8]

Полуземлянка № 8 расположена к востоку от полуземлянки № 7, почти соприкасаясь с ней. В плане полуземлянка имеет четырехугольную форму с размерами 3,6 х 3,4 м. Вход, по мнению автора раскопок, был с западной стороны, где зафиксирован небольшой полукруглый выступ. В котлован полуземлянки был впущен сруб в 2-3 венца, который служил опорой вертикальных бревен стен, поставленных с внутренней стороны сруба. Бревна и горбыли стен были обмазаны глиной, куски которой встречены в заполнении жилища. Внутренние размеры полуземлянки внизу меньше, чем наверху (2,7 х 2,5 м). Пол заглублен в материк на 0,8 м. Печь, возможно, находилась в юго-восточном углу жилища, справа против входа. В заполнении полуземлянки № 8, относящемся непосредственно ко

времени ее существования, найдены следующие предметы: 3 фрагмента стеклянных браслетов, три обломка днищ сосудов с клеймами, костяные иглы и проколки, два астрагала и фаланга с просверлинами, куски медного и железного шлака. Особо следует отметить находку каменной привески красновато-розового цвета с белыми включениями, треугольной формы, с округлым ушком для подвешивания (дл. 2,9 см) – рис. 13, 13. Подобные привески, изготовленные из полудрагоценных камней, мрамора и янтаря, являются характерным украшением стран Востока. Они известны среди древностей Средней Азии, Сев. Кавказа, Хазарии, Волжской Болгарии, Золотой Орды в X-XIV вв. На Руси подобные находки зафиксированы в Новгороде и Воине[9]. Интерес представляет и находка керамической плитки размером 17 х 17 см, покрытой желтой поливой со следами рисунка коричневого цвета. Подобные плитки составляли узорчатый пол Владимиро-Суздальских построек конца XII – нач. XIII вв., в частности, Богородицерождественского собора. О таком поле летопись упоминает под 1233 г. ("помощен (собор) мрамором красным разноличным")[10]. Учитывая наличие стеклянных браслетов, а также каменной привески и поливной плитки, полуземлянку № 8 можно датировать концом XII в. – первой третью XIII в.

Полуземлянка № 9 расположена восточнее полуземлянки № 8, причем последняя частично перерезала ее. Постройка имеет четырехугольную форму, размеры 3,4 х 3,0 м при глубине 0,5 м. Вдоль стен котлована прослежены ямки от тонких вертикальных бревен и кольев, служивших ограждением стен. В юго-восточном углу полуземлянки была расположена хозяйственная яма размерами 1,95 х 1,7 м, глубиной 2,15 м. В помещении № 9 найдено несколько железных ножей, два наконечника стрел ромбовидной формы, два шиферных пряслица, 19 обломков стеклянных браслетов, несколько костяных изделий. Найденные фрагменты керамики довольно грубы, с примесью дресвы; на днище одного сосуда зафиксировано клеймо мастера. Дата полуземлянки № 9 – XII – первая половина XIII вв.

Эта постройка в свою очередь перерезала *полуземлянку № 10*, находящуюся ниже уровня построек № 8 и № 9. Размеры полуземлянки № 10 – 2,8 х 2,0 м, форма ее четырехугольная, пол углублен в материк на 0,9 м. В углах постройки открыты вертикальные столбы диаметром 35-40 см. Стены укреплялись вертикально поставленными кольями и жердями, от которых сохранились ямки в материке. В юго-восточном углу дома помещался очаг, расположенный в яме глубиной 0,4 м, размерами 0,85 х 0,75 м. В заполнении полуземлянки № 10 обнаружена керамика того же типа, что и в полуземлянке № 9 и кроме того 2 обломка стеклянных

браслетов. Датируется эта постройка XII в., а не XI-XII вв., как считал А. Ф. Дубынин[11].

Кроме полуземляночных построек, на тех же раскопах в 1940 г. были открыты подпольные сооружения наземных срубных домов с глинобитными печами. Обнаружено три ямы размерами 4,5-5,5 м, округлых очертаний, глубиной 0,65-1,1 м. На дне двух из них зафиксированы рухнувшие вниз части печей в виде кусков обожженой глины, золы, углей, причем, в одной из ям находились остатки пода печи, состоявшего из небольших кирпичей. По-видимому, ямы эти являлись подпечными. В заполнении их обнаружены предметы, характерные для XII-XIV вв. Это: железные ключи и ножи, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, бусы, фрагменты керамики (в том числе днища с клеймами) сероглиняного теста и красноглиняного. Особого внимания заслуживает точильный брусок (дл. 10,3 см) трапециевидной формы с просверлиной для подвешивания, изготовленный из темно-серого мелкозернистого камня. На одной его стороне неизвестный художник процарапал контуры женского лица. Несмотря на схематизм рисунка художник сумел передать страдание на лице изображенной женщины. Видимо, он сделал набросок к композиции "Снятие с креста" и нарисовал одну из жен-мироносиц (Ив $^{С3}/_{40}$ 214) – рис. 13, 18. Безусловно, одной из интереснейших находок в раскопках А. Ф. Дубынина является костяная накладка (размером 6 х 4 см), состоящая из двух пластин соединенных шпеньками. На лицевой стороне изображена сцена "штурма замка любви" – одного из распространенных сюжетов европейского средневекового искусства (рис. 13, 12). Изображены две башни замка и дерево, растущее за его стенами. Пластина, видимо, крепилась на деревянную шкатулку, составляя с другими пластинами единую композицию. На накладке видны следы позолоты. Датируется это костяное изделие, по определению А. В. Банк, XIII – нач. XIV вв. Довольно близкую аналогию данной композиции представляет сцена из рыцарской жизни, изображенная на ларце из частной коллекции во Фрайбурге. В одной и той же манере вырезаны на пластинах деревья с геометризированной кроной, а также детали самого замка. Такая же трактовка архитектурных деталей и деревьев характерна для костяных ларцов с изображением сцен, иллюстрирующих роман о Тристане и Изольде. Деревянные ларцы с костяными накладками, покрытыми позолотой, производили в XII-XIII вв. знаменитые косторезные мастерские в Кельне. Продукция этих мастерских широко расходилась по всей Европе и достигла Суздаля. Довольно близкую аналогию суздальской накладке представляет находка из Плиснеска[12]. Уникальной находкой является и круглая бронзовая позолоченная пластина с рисунком, выполненным в технике перегородчатой эмали. Медальон диа-

метром 5,9 см имеет два отверстия для подвешивания. По борту расположена отлитая надпись **АЗЪ ЄСМЄ СВЛТ** и монограмма Христа **IC CX**. В центре в отлитом лотке изображение Спаса-Эммануила с евангелием в левой руке и правой рукой, воздетой в благословляющем жесте. Эмаль плохо сохранилась. Цвета: синий (одеяние, нимб), сургучно-красный (перекрестья нимба, губы), бело-зеленоватый (евангелие). Перегородки немногочисленны и примитивны (№ И $^{СЗ}/_{39}$ 485)[13]. Дата XII – нач. XIII вв. – рис. 13, 5.

Следует также отметить находку актовой свинцовой вислой печати[14]. Диаметр ее 2,3 см, высота около 3 мм. На одной стороне помещено изображение Богоматери – "Знамение" с буквами **МРѲV** на другой – поясное изображение святого с высоким лбом, бородой и руками, поднятыми в благословляющем жесте. По обе стороны помещена надпись – св.Феодосий – **АѲЄОДОСІОС**. Суздальская подвесная печать аналогична печати, найденной в урочище Крилос, близ Галича Волынского. В. Л. Янин считает всю группу печатей, несущих изображение Богоматери на одной стороне, принадлежащими духовным лицам[15]. Дата печати – XII в. (ГИМ 76/80345) – рис. 22, 2.

Кроме этих выдающихся предметов, в раскопках 1936-1940 гг. найдено множество предметов, характеризующих быт и занятия горожан Суздаля с XI по XVII и более поздних веков. В первую очередь это фрагменты керамики, в том числе в незначительном количестве и лепной. Среди изделий из камня 2 хрустальные шаровидные и бипирамидальная сердоликовая бусина, четырехконечный шиферный крест-тельник и крестик процветшей формы из янтаря (рис. 13, 8), датирующийся концом XI-XII вв.[16]; округлая часть иконки из янтаря и янтарный же перстень плосковыпуклый, с тонким щитком, а также около трех десятков шиферных пряслиц. На некоторых из них есть рисунки и штрихи. На одном из пряслиц прочерчены буквы. Пряслице сохранилось не полностью, это только половинка его (размеры: диаметр пряслица – 2 см, сохранившаяся высота – 0,6 см, диаметр отверстия – 0,6 см). По верху пряслица идет надпись из семи букв: **СЄПРѪСТ**, т. е. это пряслице... Далее, видимо, шло указание, кому оно принадлежало, однако, эта часть надписи не сохранилась (ГИМ инв. № 80345/473) – рис. 13, 9.

Из костяных изделий следует упомянуть писало лопатковидной формы (рис. 13, 20), копоушку резную с завершением в виде головы дракона, датирующуюся, по-видимому, концом XI – сер. XII вв.[17] (рис. 13, 11) четыре креста-тельника с изображением Спаса, св.Никиты, избивающего беса и Голгофских крестов (рис. 13, 3, 4). Кресты относятся ко времени XV – нач. XVI вв. В находках 1936-1940 гг. отсутствуют односторонние расчески и футляры к ним. Все гребни (а их более двух десятков) относят-

ся к числу двусторонних цельных или наборных. В коллекции представлены также иглы, проколки, амулеты из костей животных, пуговицы, рукоятки ножей с резьбой. Любопытны два полых навершия с завершением в виде двух зубцов неравной высоты (рис. 13, 19). Возможно, предметы эти предназначались для нанесения циркульного орнамента; есть мнение, что это были охотничьи стрелы для забоя пушного зверя. Значительную часть коллекции составляют изделия из цветных металлов. Среди женских украшений можно отметить браслетообразное, витое из двух проволок височное кольцо, завязанное на две стороны (рис. 13, 1). Датируются эти височные кольца концом X – нач. XII вв.[18], являясь характерным украшением смоленской и полоцкой ветвей кривичей. Вне территории верхнего течения Днепра, Западной Двины и верхней Волги завязанные височные кольца встречаются единицами и оставлены, видимо, кривичскими переселенцами. Найдено также несколько перстнеобразных полуторооборотных колец, широко бытовавших в домонгольский период у всех древнерусских племен. Из шейных украшений можно указать на серебряный наконечник гривны в виде овальной пластины о крючком на конце, украшенной треугольно-пуансонным узором "волчий зуб" – XI в. (рис. 13, 16). Медная привеска-иконка с изображением на лицевой стороне выпуклой поясной фигуры Иисуса Христа, а на обороте – инкрустированного процветшего креста, может быть датирована XII в. К этому же времени относится обломок крупной привески с рельефным изображением барса, кусающего себя за хвост, трактованный в виде растительного завитка. Аналогии таким привескам известны среди древностей кривичей XI – нач. XII вв. (Смоленск, Тверские курганы) и в Суздаль были занесены выходцами из северо-западных районов Руси.

Крестики – тельники представлены незначительным количеством экземпляров. Среди них крестик медный четырехконечный, каждая лопасть которого заканчивается пирамидкой из шариков (рис. 13, 2). В Новгороде аналогичные крестики бытовали с начала XII до середины XIII вв.[19] К XIV в. можно отнести находку четырехконечного крестика из оловянисто-свинцового сплава, концы которого оформлены в виде трехлепесткового крина (рис. 13, 21). На оборотной стороне этого тельника изображен крест в виде плетенки[20]. Еще один крест медный, с расширяющимися закругленными лопастями датируется XV – нач. XVI вв.[21] В центре лицевой стороны помещено изображение Распятия, на боковых лопастях – предстоящие. К нагрудным украшениям относятся подковообразные фибулы (5 экз.). Три фибулы имеют треугольное сечение и спиральнозагнутые концы; они датируются X – сер. XII вв. Одна фибула круглого сечения, спиралеконечная имеет более широкую дату X – сер. XIII вв. Еще одна подковообразная фибула выпукловогнутого сечения с

дугой, украшенной рельефным растительным узором и с конусовидными полыми головками (рис. 13, 10) относится к числу ранних находок и датируется концом X – сер. XII вв.[22] Среди наручных украшений – обломки браслетов круглодротовых, плетеных из 6-ти жгутов, пластинчатых. Перстни встречены следующих типов: круглодротовые массивные гладкие (2 экз.), рубчатый с заходящими концами (1 экз.), круглодротовый с утолщением средней части (1 экз.); витой тройной с петлями на концах (1 экз.); печатный с изображением руки на овальном щитке (1 экз.); пластинчатые плосковыпуклого сечения гладкие или орнаментированные насечкой (6 экз.); пластинчатый украшенный тремя продольными каннелюрами и прямоугольным щитком со стеклянной светлой вставкой (1 экз.). Щиток одного бронзового перстня имеет шестиугольную форму, на поверхности которой нанесен решетчатый орнамент с растительными окончаниями. Аналогичный перстень был найден в Болгарах и может быть датирован XIV – XV вв. (ГИМ № 83892) – рис. 13, 7.

Поясные принадлежности в составе находок незначительны. Это пряжки (лировидная и прямоугольная с пластинчатым орнаментированным приемником), разделительные кольца, накладки. Встречены также медные пуговки, бубенчики с крестовидной и щелевидной прорезью, бронзовая конусовидная обкладка для трута (рис. 13, 15), булавки пусйеппи и другие предметы. Среди железных изделий наибольшее количество составляют предметы домашнего быта. Так, в культурном слое найдено 4 железных заостренных стержня длиной от 7,4 см до 20,5 см, в верхней утолщенной части которых закреплены подвижные кольца (рис. 13, 14, 17). Специально посвятившая таким предметам публикацию Л. А. Голубева считает их своеобразными вилками, носившимися вместе с ножами на поясе. Распространены они были на значительной части севера Руси в памятниках X-XIII вв.[23] Огнива или кресала представлены двумя типами: 3 экз. овальных кресал (датирующихся XIII-XV вв.)[24], 1 экз. – пластинчатого с крючком на одном конце. Этот последний тип кресал, так называемых салазковидных, является характерным для памятников Волжской Болгарии[25]. Встречены также цилиндрические замки, пружины к ним и ключи (свыше 20 экз.). Последние есть и ранних лопатковидных форм (X-XI вв.), и более поздних – XII-XIII вв. (типы Б-В-Г по новгородской хронологии), а также лабиринтообразные (тип Д) – XIV-XV вв. и ключи к цельнодеревянным накладным замкам[26]. Довольно многочисленны предметы вооружения и снаряжения всадника и коня (наконечники стрел различных типов; в том числе 2 экз. характерной монгольской формы в виде ромбического срезня; вток от копья; удила; скребница; обкладка ножен и др.). Имеются в коллекции также железные светцы, ледо-

ходные шипы, 5 экз. рыболовных крючков, большое количество ножей, а также иглы, подковки для обуви и пр.

В целом же следует сказать, что для своего времени раскопки 1936-1940 гг. были крупными исследованиями, позволившими создать представление о быте и занятиях древних суздалян XI-XVII вв. Культурных отложений X в., судя по составу находок, в раскопках по ул.Коммуны не было. Находки фрагментов лепной керамики относятся, по всей видимости, к XI в. Наиболее древней постройкой являлась полуземлянка № 2 (первая половина XII в.). Полуземлянки № 1-2-3-4 составляли как бы целый порядок улицы, отделяясь от других раскопанных построек частоколом. Они ориентированы все в направлении С-Ю и расположены уступами так, что каждый последующий дом как бы углублен в отношении улицы от предыдущего. Такой порядок застройки деревень сохранялся во Владимирской губернии еще в XIX в. в старых деревнях Судогодского, Покровского, Меленковского, Муромского уездов и в правобережных частях Вязниковского и Гороховецкого уездов[27]. Делалось это для того, чтобы из волокового окна, расположенного сбоку, был виден отрезок улицы. На противоположной стороне улицы каждому выступающему дому соответствовал отступающий вглубь дом. Таким образом, из каждого дома была видна вся улица. Аналогичная уличная планировка прослежена была на посаде древнерусского города Ярополча Залесского[28]. До недавнего времени расположенные подобным образом дома сохранялись и в самом Суздале, в Александровском монастыре (рис. 14).

Полуземлянки № 6-7-8-9-10-11, несмотря на различное время существования, составляли уже иной ряд застройки, обращенный к другому проулку. Учитывая общую ориентировку всех раскопанных построек, можно предположить существование небольшой улицы, идущей радиально от валов по направлению к центру кремля, к его собору и соборной площади. Следует еще отметить, что не все раскопанные сооружения, интерпретированные А. Ф. Дубыниным как полуземлянки или землянки, являлись на самом деле таковыми. Отсутствие остатков печей или очагов заставляет предположить в них подполья наземных жилищ (полуземлянки № 3-4, 8). Однако, отсутствие чертежей затрудняет атрибуцию. Еще А. Ф. Дубынин обратил внимание на немногочисленность остатков построек и находок, относящихся к XIV-XV вв. Временем наибольшей интенсивности жизни на этом участке были XII-XIII вв., а затем XVI-XVII вв. Стратиграфия слоев была очень часто сильно нарушена, особенно глубокими подвалами XVIII-XIX вв.

Помимо раскопок в археологическом заказнике, в 1938-1940 гг. проводились архитектурно-археологические работы около и внутри Рождественского собора (руководил раскопками директор суздальского музея

А. Д. Варганов). В результате раскопок были открыты остатки Успенского собора, построенного Владимиром Мономахом и епископом Ефремом между 1096-1110 гг.; выявлены остатки строительства Юрия Долгорукого 1148 г.; уточнены детали строительства собора 1222-1225 гг. (в частности наличие в соборе XIII в. хор, на которые вела лестница и дверь из западного притвора). Мощные хоры, занимавшие почти половину объема храма и то, что попасть на них можно было не из княжеского дворца, а прямо из самого собора, говорят, скорей всего, о том, что правом стоять во время богослужения на хорах пользовалось большое количество людей. Поскольку столицей княжества уже был в это время Владимир, остается предположить, что на хорах располагались представители знатных боярских семей, которыми славился старый Суздаль.

Подробный анализ архитектурных раскопок не входит в круг моих исследований, т. к. им посвящены многочисленные публикации А. Д. Варганова, Н. Н. Воронина, Г. К.Вагнера и др.[29] Остановлюсь лишь на находке каменного саркофага, открытого в южном притворе собора. Здесь на глубине 82,5 см был расчищен пол из каменных плит времени строительства Юрия Долгорукого 1148 г. Под плитами пола обнаружен был саркофаг вытесанный из монолитного белого камня. Саркофаг имел трапециевидную форму с полукруглым завершением в области головы. Он был покрыт плитой, состоявшей из двух частей и имевшей форму самого саркофага. Аналогичный саркофаг был обнаружен Н. Н. Ворониным в Боголюбове и связан им с привнесенной в XII в. западноевропейской традицией захоронений[30]. Мужской скелет был одет в шерстяную одежду с шелковой каймой, кожаную обувь и шерстяные обмотки. Учитывая то, что крышка саркофага находилась на одном уровне с полом 1148 г., а также форму саркофага XII в., вполне вероятным представляется считать обнаруженное захоронение принадлежащим сыну Юрия Долгорукого – Святославу, умершему в 1174 г. и погребенному согласно Лаврентьевской летописи в суздальском соборе: "**Преставился блговерный князь Святослав Юргевич ... и по оуспеньи кго положено быс кго тело в цркви стыѣ Бца Суждали**"[31].

Великая Отечественная война надолго прервала археологическое изучение Суздаля. В 1950 г. в 20 м от северо-западного угла Рождественского собора на глубине 4 м открыта была А. Д. Варгановым обжигательная печь круглой формы, диаметром 3 м[32]. Стенки ее сложены из плиткообразных кирпичей размерами 37 х 20 х 4 см, обожженных лишь в процессе работы. Полом служила материковая глина. Над печью, видимо, находился навес, от которого сохранились столбы диаметром 30 см. По окраске внутренней части печи известью можно предположить, что она служила для обжига извести и связана со строительством какого-то ка-

менного сооружения. А. Д. Варганов предположил, что этим зданием являлся собор Владимира Мономаха рубежа XI-XII вв. Однако наличие в засыпке печи обломка полуколонки из белого камня, а также размеры плинфообразного кирпича, близкого по размеру кирпичам обжигательной печи у Александровского монастыря, заставляет считать известковую обжигательную печь относящейся ко времени строительства собора 1222- 1225 гг.

В 1958 г. после двадцатидвухлетнего перерыва археологические работы в Суздали возобновил Н. Н. Воронин[33]. Задачей раскопок являлось исследование территории северо-западной части Суздальского кремля, предполагаемой под разбивку парка. Особенно привлекали исследователя пересекающие эту территорию с запада на восток два тира, отрытые во время войны, в 1942 г. (рис. 1, 5). Северный тир проходил параллельно северному валу кремля; ширина его площадки 6 м, длина – 110 м. Раскапывался тир десятью поперечными траншеями, показавшими, что культурный слой здесь не превышает 40-60 см, причем он крайне беден и нарушен планировочными работами, производившимися при сооружении вала. Было выяснено, что первый раз культурный слой X-XI вв. с лепной и раннегончарной керамикой был снят с территории детинца для насыпки вала времени Владимира Мономаха (рубеж XI-XII вв.). Вторично грунт срезался для подсыпки тыльной стороны вала в конце XII в. Отсюда смешанность материала и перемешанность слоя, лишающие площадку северного тира научного интереса. Среди находок, обнаруженных в траншеях, довольно много фрагментов лепной керамики, в том числе с насечкой по венчику. Однако, все эти фрагменты встречены в перемешанном состоянии вместе с гончарной домонгольской, красной московской и чернолощеной керамикой. Найдены также фрагменты стеклянных браслетов, пряслица, керамические плитки от пола собора с поливой желтого и зеленого цвета, половина бронзового энколпиона (рис. 15, 1), обломки плинфы, гребни, ножи и др.

Южный тир шире северного, его площадка имеет ширину 8 м. Западная его часть упирается торцом в западный вал (к северу от деревянной церкви св.Николы из с.Глотова). Тир был углублен всего на 20-30 см от современной поверхности. Во вскрытой его части раскопками обнаружены мощные отложения XVII-XVIII вв. когда западная часть кремля была занята хозяйственными постройками архиерейского дома. Под развалинами хозяйственной постройки залегал слой глинистой засыпки, лежащей на пожарной прослойке. Авторы раскопок связывали горелую прослойку с пожаром города во время взятия его татаро-монгольскими ордами в 1238 г., а глинистую засыпку над ней – с нивелировкой после пожара[34].

Ниже пожарной прослойки находился гумированный слой, в котором преобладала керамика домонгольского периода. В этом слое наибольший интерес представляют 2 находки: фрагмент керамики со штампованным узором в виде зверя в зубчатом медальоне (рис. 15, 3) и часть медного хороса, изображающая дракона (рис. 15, 2). Дракон имеет горизонтальное туловище, переходящее под прямым углом в вертикально вытянутую шею. Голова – рогатая, с оскаленной пастью и загнутой вверх верхней губой. Крыло, соединяясь с отходящим от спины стержнем, переходит в острие для свечи. Датируется эта находка предмонгольским временем – концом XII – нач. XIII вв. и происходит, видимо, из убранства Рождественского собора 1222-1225 гг. Аналогичные детали хоросов в виде крылатых драконов – "летучих змиев" были найдены в Сахновке, Переяславле-Хмельницком, городище Девица, во Владимире и других местах Руси[35]. Среди иных находок следует отметить боевой топор, майоликовую крестовидную плитку мозаичного пола собора, фрагменты стеклянных браслетов, свыше двух десятков фрагментов лепных сосудов. На глубине 130-170 см в западной части раскопа обнаружен слой предматериковой желтой глины, перекрытой прослойкой угля, в свою очередь перекрытой слоем чистой глинистой материковой засыпки. Мощность этой прослойки 30-40 см. В ней найдены фрагменты гончарной посуды курганного облика, обломки лепной посуды (в том числе днище с пологой стенкой явно мерянского типа), обломок амфоры, бронзовый наконечник кожаного пояса. Судя по материалу, пожарную прослойку, перекрывающую предматериковый слой, возможно связать с пожаром 1096 г. Ниже этой прослойки открыта часть углубленного на 20-40 ом в материк жилища, западная часть которого уходит под западный вал. Жилище имело очаг (скопление колотых камней диаметром около 70 см) и особый тамбур входа. Датируется жилище XI в. В восточной половине тира исследованы остатки полуземляночного жилища (с очагом из колотого камня), заглубленного в материк примерно на 2 м. В нижнем слое жилища встречены обломки горшков XI в., обломок амфоры и обломки лепной посуды. На уровне древесных остатков пола жилища найдено калачевидное железное кресало с язычком, позволяющее датировать полуземлянку XI в. В восточной же половине тира А. Д. Варганов (как сказано было выше) обнаружил остатки печи для обжига извести.

К юго-востоку от собора, в сторону участка, раскопанного в предвоенные годы А. Ф. Дубыниным, был заложен стратиграфический раскоп, площадью 16 кв.м. Раскоп показал, что слои здесь не нарушены, а жизнь на этом участке возникла на рубеже XI-XII вв., во время строительства собора Владимира Мономаха.

Особой темой работ 1958 г. была раскопка обнаруженного А. Д. Варгановым к западу от архиерейских палат развала плинфы, который, по предположению исследователя, мог относиться к кирпичному княжескому дому, построенному Владимиром Мономахом в начале XII в. Однако оказалось, что развал древней плинфы представлял собой забутовку фрагмента какой-то постройки XVI в., для которой был использован материал частично рухнувшего в XV в. и перестраивавшегося в начале XVI в. собора Рождества Богородицы.

Следующий цикл исследований был проведен в 1967-1968, 1970 гг. экспедицией ИА АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под руководством В. В. Седова[36] (рис. 1, 7).

В 1967-1968 гг. раскоп площадью 216 кв.м был заложен в юго-западной части кремля на бывшей Ивановской улице (ныне улица Варганова), между проезжей частью и древним валом. Общая толщина культурного слоя здесь достигала 1,6-2,2 м. Раскоп вплотную примыкал к западному валу, поэтому в стратиграфии его четко прослеживаются периоды реконструкций земляных укреплений. Так, под верхним огородным слоем толщиной 35-40 см залегал бурый гумированный супесчаный слой толщиной от 60 до 140 см., насыщенный находками и керамическим материалом XVI-XVIII вв. В южной части раскопа, непосредственно примыкавшей к валу, отмечены прослойки желтого песка с суглинком, лишенные всяких культурных остатков. По-видимому, эти отложения связаны с работами XVIII в., когда верхняя часть вала здесь была срезана и обращена в бульвар. В XIV-XV вв. участок этот был довольно плотно застроен жилыми и хозяйственными постройками. Постройки располагались вдоль вала, отступая от него на 7-9 м. Все они наземные, по-видимому, бревенчатые, жилые – размерами 4 х 4 - 4 х 5,5 м с глинобитными печами, а хозяйственные – меньшие по площади, без печей. В слое XIV-XV вв. встречено большое количество красноглиняной керамики (иногда подлощеной), близкой по облику болгарской. Из индивидуальных находок интерес представляет резной костяной крест с изображением св.Николы в рост, костяной двусторонний гребень, бронзовая книжная застежка в виде кинжальчика, железные предметы – зубило, сверло и наконечник стрелы, а также медная монета XIV в. московского чекана. Среди остеологического материала обращает на себя внимание находка кости верблюда. По-видимому, верблюд попал в Суздаль или во время набегов татарских орд или с торговым караваном.

Домонгольский нижний слой имеет толщину до 1 м, однако в нем зафиксированы остатки лишь одного жилища. Следовательно, жизнь на этом участке кремля существовала, но планировка была иная, нежели в XIV в., менее плотная. Раскопками открыты корытообразные неглубокие

канавки, идущие перпендикулярно к валу и являвшиеся остатками ограды-частокола, разделявшей две усадьбы. Видимо, освоение этой части кремля, расположенной к югу от Дмитриевских ворот, относится к XII в., скорее всего к его середине. Среди находок, связанных с этим слоем, особый интерес представляют три обломка штукатурки с фресковой росписью. По-видимому, это фрагменты росписи храма Владимира Мономаха, попавшие в слой после его разрушения при строительстве Юрия Долгорукого в 1148 г. Аналогичные куски фресковой росписи были обнаружены в раскопках А. Ф. Дубынина в 1936-1940 гг. на ул.Коммуны и в раскопках А. Д. Варганова у стен Рождественского собора. В слое, кроме того, встречено довольно много обломков стеклянных браслетов, несколько шиферных пряслиц, днища глиняных сосудов с клеймами, фрагменты керамики с желтой и зеленой поливой и разнообразные железные предметы (ножи, шило, скобы, пряжки, ключи и др.).

Основной вывод автора раскопок В. В. Седова о том, что юго-западный участок суздальского кремля начал застраиваться лишь в XII в., представляет значительный интерес в попытке реконструировать этапы исторического развития города, его исторической топографии.

В 1967 г. одновременно с раскопками на Ивановской улице был заложен раскоп площадью 40 кв.м в северо-восточной части кремля, примерно в 20 м северо-западнее Успенской церкви. Толщина культурного слоя достигала здесь мощности 1,5-1,8 м. Несмотря на наличие в слое многочисленных фрагментов древнерусской керамики, а также находок (наконечник стрелы, шиферное пряслице, резной крестик из кости, глиняное рыболовное грузило) дальнейшие раскопки здесь решено было не продолжать ввиду полной нарушенности культурных отложений могильными ямами, расположенными вокруг церкви[37].

В 1970 г. археологические исследования производились в самом северо-восточном углу кремля, на обрыве р.Каменки, где был заложен раскоп (р-II) площадью 110 кв.м[38] Восточная стена раскопа вплотную примыкала к существующему ныне напольному валу, а северная – к откосу р.Каменки. Следов вала, обращенного к реке, видно не было. По-видимому, он был в этом месте сброшен в реку в XVIII в., когда производились большие земляные работы по преобразованию земляных укреплений в бульвары "променады". На поверхности наблюдался пахотный огородный слой с находками XVIII-XX вв., в котором изредка встречались предметы древнерусского времени. Ближе к валу под этим слоем залегала прослойка глины от сброшенной верхушки восточного вала. Еще ниже на основной площади раскопа залегал серо-желтый супесчаный слой со значительным содержанием глины, песка, угольной пыли и мелких угольков. В северной части, ближе к обрыву, содержание глины в

слое резко увеличивается, и в некоторых местах составляет основу слоя. Таким образом, раскопки выявили на глубине 40-60 см от поверхности подошвенный слой земляного вала, ограждавшего город с северной, речной стороны. Ниже подошвенного слоя обнаружена угольно-зольная прослойка пожарища, открытая практически на всей площади раскопа. В южной части раскопа она залегала практически непосредственно под пахотным огородным слоем, т. е. планировочные земляные работы проведены были здесь очень основательно. В слое пожарища открыты следы сгоревших построек. В одном случае (постройка № 2) расчищен обуглившийся бревенчатый сруб, рубленный "в обло", с досчатым полом и остатками печи в виде слоя сильно обожженной глины желтого цвета, в которой встречались зола и прокаленные камни. По соседству находилось еще одно жилище (постройка № 2а), от которого остались сгоревшие бревна двух сторон – северной и западной. Размеры постройки установить не удалось, можно только по следам пожара констатировать, что в направлении с запада на восток длина ее была не менее 4 м. Печь занимала северо-западную часть постройки, где зафиксировано мощное скопление обожженной глины. Восточнее постройки № 2 находилась жилая постройка № 1. От нее сохранились обугленные остатки северо-западной части бревенчатого дома, рубленного в обло, и остатки глинобитной печи в виде мощного пятна обожженной глины, занимавшего свыше 2,5 кв.м площади и имевшего толщину 10-25 см.

Расположение домов свидетельствует о рядовом прибрежном типе застройки – жилища ставились вдоль края берега реки Каменки на некотором расстоянии от кромки. Входы в жилища были с южной стороны. Кроме жилых построек исследована хозяйственная постройка (№ 5) подчетырехугольной формы, размерами 2,0 х 1,7 м с полуовальной прирезкой длиной около 1 м. Заглублена она в материк на 50-55 см, стены ямы близки к отвесным, дно в четырехугольной части горизонтальное, а в полуовальной образует несколько ступеней. По углам четырехугольной части были врыты столбы диаметром 15-20 см, в вертикальные пазы которых, видимо, входили заостренные концы горизонтально положенных плах, являвшихся стенами постройки. В заполнении хозяйственной ямы найдена была целая керамическая амфора (рис. 16) с надписью, процарапанной острым предметом по обожженной глине: "Олэ". Возможно, на амфоре начертано название ее содержимого – олеи – "оливковое масло"[39], но скорей всего указано имя ее владельца. Здесь же обнаружены фрагменты обугленного крупного деревянного сосуда, возможно, бочонка или жбана, железный серп (рис. 17, 8), ключ, 3 шиферных пряслица. Собрано также большое количество обугленного зерна (ржи, пшеницы, овса, проса, гороха) и рыбья чешуя. Обугленное зерно зафиксировано

еще в нескольких местах, причем в большом количестве. Так, в жилой постройке № 2 обнаружено скопление зерна, прикрытое мешковиной. Тут же обнаружены части деревянной кадушки. Скопление зерна имелось и в постройке № 1, причем оно лежало на досчатом полу, также прикрытое мешковиной. Рядом с ним находилась обугленная конопля. В слое пожарища встречены также обугленные лесные орехи, яблоки и рыбья чешуя. Слой пожарища (толщиной 20-25 см) прослеживался с той или иной интенсивностью по всей площади раскопа. Четко читается он и в восточном и западном профилях стен под слоем земляного вала. Ниже слоя пожарища залегает незначительный по толщине (20-25 см) гумусированный бурый слой, насыщенный древесным тленом. Этот слой непосредственно лежит на материке. Судя по составу находок, горелый слой можно отнести к XI в. О такой датировке говорят находки железного калачевидного кресала (X – нач. XII вв.), железных удил с "крылатыми" псалиями, украшенными серебряной насечкой (тип III, по классификации А. Н. Кирпичникова, XI – нач. XII вв.)[41] – рис. 17, 12, ключа лопатковидной формы (типа А, по новгородской хронологии, X-XI вв.)[42], многочисленных бусин зонных из глухого бледно-желтого стекла этого же времени[43]. Редкой находкой на Руси является бронзовый массивный дротовый браслет с орнаментацией на лицевой стороне в виде насечек и кружков и с завершением концов в виде головок змея или дракона (рис. 17, 7). Подобные браслеты (звериноголовые, по классификации В. П. Левашовой)[44] встречены на Руси, в основном, во Владимирских курганах в раскопках А. С. Уварова. Одним из лучших образцов таких браслетов является экземпляр, обнаруженный в кургане у с.Весь. А. А. Спицын датировал его XI в.[45], не указав аналогий, хотя аналогичные браслеты известны в курганах Южного Приладожья, в могильниках на р.Суде, в Ярославском и Костромском Поволжье, в бассейне р. Ипуть. Известны аналогичные браслеты также в древностях Великой Моравии и юго-восточной Болгарии[46]. Видимо, мотив звериноголовых браслетов был заимствован византийским ювелирным искусством из античности и занесен в Центральную Европу, Прибалтику, Скандинавию и Русь, в X-XI вв. Скорей всего как суздальский, так и весьский экземпляры браслетов являются южным, придунайским импортом.

Кроме перечисленных предметов в раскопе 1970 г. обнаружены такие изделия, как перстнеобразные височные кольца, фрагменты стеклянных браслетов, обломки стеклянных и янтарных перстней, многочисленные шиферные пряслица. Последние, по-видимому, изготовлены в Суздале, т. к. кроме готовой продукции в раскопах неоднократно встречались куски необработанного розового шифера. Среди железных изделий следует отметить многочисленные ножи (в большинстве своем изготовленные в

технологии трехслойного пакета), и наконечники стрел (листовидные и граненые), топоровидное орудие-клевец (рис. 17, 4), ключи, шилья, часть клещей для захвата тиглей (рис. 17, 5). Найдены и части ошлаковавшихся тиглей, а также несколько железных криц и шлаки. Видимо, поблизости располагалась медеплавильная и кузнечная мастерские.

Среди находок встречено несколько кусков обуглившейся шерстяной ткани, мотки ниток и фрагменты деревянной посуды. Последние представляют особый интерес, т. к. до раскопок 1970 г. изделий из дерева в городах Владимиро-Суздальской земли известно не было[47]. Объясняется это тем, что в культурных напластованиях этих памятников органические остатки не сохраняются и лишь мощный пожар как бы законсервировал те детали быта, которые в других условиях исчезли бесследно. Наибольший интерес представляют фрагменты деревянной посуды, изготовленной на токарном станке. В первую очередь это относится к крупным фрагментам чаши или братины полусферической формы, с прямым венчиком, небольшим поддоном и украшенным каннелюрами туловом (рис. 18, 10). Верхний диаметр чаши – 10,4 см, диаметр поддона – 4,9 см, высота – 7,8 см, толщина стенок – 0,2-0,5 см. Сосуд найден в постройке № 2 и предназначался для подачи питья на стол. Форма братины напоминает раннегончарную керамику X-XI вв.[48] В соседней постройке № 1 того же времени найдены фрагменты тарели приплюснутой полусферической формы, с вытянутым краем и орнаментированным линейным узором туловом (рис. 18, 6). Здесь же собраны обломки стенок еще нескольких деревянных сосудов, формы которых не восстанавливаются. Стенки сосудов имеют резные узоры в виде заштрихованных треугольников и криновидных ростков (рис. 18, 3-5). Из той же постройки происходят две деревянные ложки. Одна из них принадлежит к типу простых и имеет гладкую прямую ручку и овальную неглубокую лопасть. Перелома между черенком и лопастью почти нет. Длина черенка – 5,7 см (рис. 18, 2). В Новгороде подобные простые ложки с небольшим переломом между лопастью и черенком появляются в середине XI в. и широко бытуют в течение XII-XIV вв.[49] Ближайшими аналогами суздальской находки, пожалуй, являются ложки XII в. из новгородской коллекции. От второй ложки сохранилась только ручка. Длина ее около 9 см. Она интересна тем, что украшена фигурной резьбой (рис. 18, 1)[50].

Итак, слой пожарища, открытый под подошвенным слоем земляного вала, судя по комплексу находок (амфора с надписью, калачевидное кресало, удила с "крылатыми" псалиями, ключи лопатковидной формы, звериноголовый браслет, бусы) следует отнести к XI в. Ввиду незначительности вскрытой в 1970 г. площади, автор раскопок В. В. Седов не связал обнаруженный слой пожарища с определенным историческим событием.

Однако дальнейшие исследования 1978-1979, 1981 гг. в этом же районе города позволили отнести мощный горелый слой во всей этой части кремля к пожару 1096 г., охватившему Суздаль во время захвата города муромо-черниговским князем Олегом Святославичем (см. ниже). Следует отметить и довольно богатый состав находок, свидетельствующий о зажиточности здешних обитателей. Особенно это относится к удилам с инкрустированными псалиями, о которых А. Н. Кирпичников говорит, что в основном они принадлежали воинам или состоятельным горожанам[51]. Видимо, с этим же пожаром, а не пожаром XIII в. (как предполагал В. В. Седов)[52], связываются и остатки жилой застройки в раскопе 1, находившемся к западу от прорезки вала (см. раздел об оборонительных сооружениях). Здесь вскрыты 2 постройки, расположенные вдоль вала. Одна из них (постройка № 1), представлена углом сгоревшего сруба, развалом глинобитной печи и подпольной ямой. Приблизительные размеры дома 4,5 х 5 м. С этой постройкой связаны находки калачевидного кресала с язычком (дата X – сер. XII вв.), железных удил с "крылатыми" псалиями, инкрустированными серебряной насечкой (XI – нач. XII вв.) (рис. 17, 1) и теслом-мотыгой (рис. 17, 6). Другая постройка (№ 1а), также погибшая от пожара, восстанавливается по мощному развалу каменной печи, обгорелым бревнам рухнувших перекрытий, остаткам сгоревшего пола, лежащего на поперечных лагах, и обгорелых бревен стенок. Печь, видимо, находилась в юго-восточном углу постройки и сложена была насухо из прокаленных камней диаметром от 5 до 40 см. С этой постройкой связаны находки обугленного зерна, шиферного пряслица, донца горшка с клеймом в виде круга с двумя хордами-дугами, грушевидного бубенчика с крестообразной прорезью (X – сер. XII вв.)[53], железной мотыги. Судя по описанию в отчете[54] слой пожарища, достигавший толщины в 30-40 см, залегал под слоем желтой глины, образовавшимся от расползания вала. Датировка найденных предметов не выходит, в основном, за рамки XI в., следовательно, можно предположить, что сгоревшие постройки и на этом участке относятся к концу XI в. и залегали непосредственно примыкая к древнейшему ядру вала нач. XI в., под расползшейся полой вала Владимира Мономаха (нач. XII в.). Автор раскопок В. В. Седов предполагал, что в жилищах, расположенных вблизи Ильинских напольных ворот, могли жить защитники ворот. Находка воинских удил с "крылатыми" псалиями как будто подтверждает эту мысль. Находка же мотыги свидетельствует о том, что на усадьбе воина занимались огородничеством.

После значительного перерыва раскопки в северо-восточном углу кремля были продолжены в 1978 г. экспедицией под руководством автора. С тех пор непрерывно в течение 13 лет (1978-1991, за исключением

1986 г.) исследовалась эта часть города. Всего вскрыто около 3 тыс. кв.м древней городской территории. Сложная конфигурация раскопа (рис. 2) объясняется тем, что к северу от Успенской церкви находилась ее колокольня, разрушенная в 30-е годы XX в. Между колокольней и церковью располагалось кладбище XVII-XVIII вв., зафиксированное в раскопах 1967, 1978, 1980 и 1989 гг. Поэтому территория вокруг Успенской церкви и к северу от нее в археологическом отношении мало перспективна, ибо слой здесь нарушен до материка многочисленными захоронениями. Раскоп обходил кладбищенскую территорию.

Уже с конца XV в. земля в этой части кремля принадлежала, по-видимому, великому князю московскому. В жалованной грамоте великого князя Иоанна III Васильевича Спасо-Евфимиеву монастырю 1495 г. упоминается Успенская деревянная церковь, "что на моем княжем дворе"[55]. В описи города Суздаля 1617 г. Успенская церковь записана "ружною" (т. е. находящейся на дотации), а здание ее – "древляна клетцки"[56]. Такою же церковь названа в Писцовой книге 1628-1629 гг. Клировые ведомости XIX в. не уточняют время строительства Успенской церкви, указывая только, что по грамоте епископа Галлактиона (XVI в.) она существует около 244 лет, т. е. Успенская церковь могла появиться в качестве деревянной постройки уже с середины XIV в.[58] Деревянная церковь существовала до 50-х годов XVII в., но когда и кем сооружена ныне существующая каменная, остается неизвестным. Существующая ныне церковь представляет собой четверик с поставленным на него восьмериком. Четверик, судя по строительному материалу и форме наличников, датируется XVII в., а восьмерик – XVIII в.[59]

Выбор места раскопа 1978-1990 гг. в какой-то степени был обусловлен сведениями жалованной грамоты Ивана III, упоминающего Успенскую церковь на княжем дворе. Представлялось возможным открытие еще одного каменного храма на этой территории, т. к. по письменным источникам XVIII в. известно, что древнейший суздальский храм был освящен во имя Успения Богородицы[60]. Однако предположение это не подтвердилось.

В 1978 г. на краю обрыва р.Каменки был заложен раскоп, вплотную примыкавший с запада к раскопу В. В. Седова 1970 г. Толщина культурного слоя достигала 1,5 м. Непосредственно под дерном находились слои подошвенной части насыпи вала, состоящие из серого суглинка с включениями пятен культурного слоя. Под слоем суглинка залегала мощная пожарная прослойка толщиной в 20-25 см, с которой связывались остатки жилых построек. На основании развалов печей, обгорелых деревянных остатков, подпольных ям, скопления керамики и отдельных предметов реконструируются жилые и хозяйственные постройки. Нумерация

построек продолжает нумерацию 1970 г. с указанием года раскопок (рис. 82).

Постройка 3/1978 г., вероятно, наземная. Сохранилась подпольная яма размерами 3,5 х 3,5 м, углублена в материк на 60-90 см. Размеры постройки примерно 4 х 3,5 м. Печь глинобитная, расположена в центральной части постройки, размеры ее примерно 1,7 х 1,7 м. Находки: 2 пряслица из розового шифера, туесок, дужка от ведра, нож.

Постройка 4/1978 г. находится восточнее постройки № 3. Она наземная, вероятно, срубная. Деревянные конструкции не прослежены. Печь, скорее всего, комбинированная, каменно-глинобитная, расположена у Ю-З стенки; размеры ее, примерно, 1,2 х 1,2 м. Размеры постройки 3,5 х 3,5 м. Рядом с постройкой найден жернов. Находки: пряслице, 2 шила, нож и перстень стеклянный желтый.

Постройка 5/1978 г. расположена к югу от построек № 3 и № 4. Это наземное жилище размерами примерно 4 х 6 м. Печь глинобитная, расположена у Ю-В угла, размеры ее 1,2 х 1,2 м. Дом погиб от пожара, прослежены многочисленные включения угля и золы. Находки: 2 ножа, 2 бусины (одна – золотостеклянная, другая – глазчатая желтая XI в.); обломок мисочки глиняной, бронзовый крестик с шариками на концах XI в.[61]

Постройки № 3-4-5, по-видимому, составляют единый комплекс, т. к. стратиграфически они не перерезают друг друга. Вход в постройки установить не удалось, но скорее всего, он был с юга, а дома соединялись внутренними переходами.

Постройка 6/1978 г. расположена к западу от комплекса построек № 3-4-5. Расчищена она под слоем вала, погибла от пожара. Это большой наземный дом, от которого сохранились остатки деревянных конструкций (скорее всего, рухнувшие перекрытия). Подпольная яма глубиной 0,8 м вошла в раскоп частично. Печь – каменка, размерами 2 х 1,5 м прослежена в виде развала обгорелых камней в Ю-В углу постройки. Размеры постройки примерно 8 х 6 м. Находки: костяной двусторонний гребень (типа М кон. X – сер. XII вв.)[62], обломок железных ножниц, 4 ножа, обломок ключа от нутряного замка, амулет из зуба медведя и др.

Постройка 7/1979 г. находится несколько юго-западнее постройки № 6, по-видимому, примыкая к ней. Вероятно, это была наземная постройка, конструктивные детали которой не сохранились. Размеры восстанавливаются приблизительно по обгорелым пятнам древесины, золы, угля и обожженной глины – 5 х 6 м. Печь, скорее всего смешанная (каменно-глинобитная), расположена была в Ю-З углу. Прослежена подпечная яма диаметром около 2 м, глубиной 1 м, к которой с С-В примыкает припечная яма глубиной до 0,7 м. Вход мог быть расположен с С-В, т. к. здесь найдена личина от замка и ключ от деревянного нутряного замка (X –

сер. XIII вв.). В слое пожарища обнаружено скопление зерна. Находки: железные изделия – ключ лопатковидный (типа А) (рис. 19, 10) датирующийся X – сер. XII вв.[63], орнаментированный насечками; нож, изготовленный в технике трехслойного пакета, с костяной рукоятью (рис. 19, 1); часть нутряного замка и личина к замку, булавка, обломок стремени (тип III, датирующийся IX-XI вв.)[64] – рис. 19, 17; пружинные ножницы (рис. 19, 15); клещи ювелирные (рис. 20, 10); несколько пластин от панцирного доспеха (рис. 19, 18-19); несколько ножей. Наиболее массовыми находками являются обломки тиглей и льячек, встречено также несколько целых тиглей конусовидной формы и льячек ложковидной формы с выступом для захвата (рис. 19, 11-14). На одном из тиглей видны следы золота. Здесь же в жилище обнаружены обрезки меди, проволоки, капли застывшей меди. Встречены также 2 шиферных пряслица, серебряное трехбусинное височное кольцо с бусинами из однорядной зерни (X-XI вв.) – рис. 19, 3; бронзовая лировидная пряжка с железным язычком (XI-XII вв.)[65] – рис. 19, 2; три гребня костяных трапециевидной формы (типа М и Е по новгородской шкале – X-XII вв.)[66] – рис. 19, 7, 9; бусина желтая глазчатая ближневосточного происхождения, датирующаяся временем до первой четверти XI в.; бусина зонная зеленая киевского производства, XI в. Вблизи постройки № 7 найдены две литейные формы: одна керамическая для отливок конусовидных грузиков, другая каменная, известковая, с изображениями на пяти ее сторонах (рис. 20). Эта вторая литейная форма была обнаружена в слое выкида из большой столбовой ямы, врезавшейся сверху в самый центр жилища в XVIII-XIX вв. Таким образом, литейная форма, безусловно, происходит из постройки № 7. Форма еще в древности была расколота; сохранившиеся размеры ее 8 x 7,7 x 3 см. В разное время на пяти сторонах формы были вырезаны ложа для отливок различных предметов. Вначале, по-видимому, были вырезаны две круглые бляхи или фибулы d = 3,5 см. На одной бляхе по контуру идет геометрическая кайма, а в центре вырезано изображение верховного скандинавского божества Одина, на плечах которого сидят два ворона (рис. 20, 1, 3). Аналогии этому изображению известны на привесках и кресалах X-XI вв.[67] На другой бляхе (выполненной, как и первая, в деградированном стиле Borre и сохранившейся лишь наполовину) представлено кольцо из пожирающих друг друга зверей, заключенное в орнаментальную кайму из насечек, идущую по краю (рис. 20, 1, 4). В эту кайму включена надпись из 7 знаков рунического алфавита:

1 2 3 4 5 6 7 , , ,

S A U l O f S - S A O l A f S

Надпись состоит из 7 знаков, читается слева направо. Знак 1 – расширенное, небрежное (с несколько наклонным правым стволом) S. Такое же

начертание S имеется в надписях на монетах Свена Эстридсона (тип 32а) и на многих рунических камнях XI в.

Знак 2 – является обычным для шведско-норвежского ряда графом руны ᚬ.

Знак 3 – имеет несколько стертую вершину в месте соединения ствола и ветви руны U.

Знак 4 – ветвь (l) несколько удлиненна по сравнению с обычным ее начертанием.

Знак 5 – соответствует обычному графу руны O.

Знак 6 – представляет перевернутую руну f, причем верхняя ветвь отходит от высшей точки ствола.

Знак 7 – является типичным графом руны S.

Sa – местоимение, указательное мужского рода, им. падежа, ед. числа, др. – исл Sa.

Ulofs – имя собственное, мужское, род. падежа, ед. числа, др. – исл Olafs. Написание имени с руной "U" для "O" встречается в надписях Got.206, Vg. 181 и др. Руна "O" вместо "a" встречается в надписи Got.104.

Перевод: Этот Олавов.

Вероятнее всего, эта надпись является либо подписью мастера, изготовившего подвеску, либо указывает на некоего знатного скандинава по имени Олав, который владел усадьбой, где находилась мастерская. Последнее более вероятно, т. к. более часты владельческие надписи; ср. eriks kumbl ("памятник Эрика", т. е. установленный в честь Эрика – DR.17, Starupsten); tofana skefning ("проколка Товы" – MoltkeE.Op.cif, S. 375) и др.[68] Известна также счетная бирка с именем Олава XII в.: ОЛЪФА. На оборотной стороне литейной формы помещены изображения круторогой лунницы, орнаментированной зерненым узором, и двух конусовидных грузиков (рис. 20, 2, 6, 7). На боковых сторонах вырезано: 1) незаконченное изображение круторогой лунницы (рис. 20, 11), 2) эскиз креста, 3) два крестика-тельника четырехконечных с концами, состоящими из трех шариков (рис. 20, 5, 9).

Литейная форма является уникальной находкой, дающей представление о сложных этнических и религиозных процессах, происходивших в городской среде Суздаля. Наряду со скандинавскими сюжетами и надписью, она несет изображения, связанные с языческим славянским мировоззрением (лунница) и христианским культом (кресты).

Итак, постройка № 7 являлась жилым сооружением, в котором размещалась также и ювелирная мастерская. Несмотря на свою профессию ювелира, хозяин дома был одновременно и воином, о чем свидетельствуют находки стремени и пластин панцирного доспеха. Дом погиб от пожара в XI в., что подтверждает весь комплекс находок, датирующихся

в основном, этим периодом. В доме был найден также фрагмент серебряной западноевропейской монеты, сильно прокаленной и рассыпавшейся в порошок при изъятии из грунта (яма 4, № 32).

Постройка 8/1979 г. расположена к западу от постройки № 7 примерно на 4 м, и находится на самом краю обрыва. Это была срубная наземная постройка размерами примерно 8 х 8 м, обращенная фасадом к реке и имевшая с западной стороны что-то вроде завалинки. Большую часть площади дома занимала подпольная яма глубиной 0,5 м. В южной четверти сохранились остатки обгоревших деревянных конструкций, видимо, от настила пола, провалившегося в подпольную яму, и от потолочных перекрытий. Возможно, эти деревянные конструкции пола относятся к сеням в Ю-З части дома. Во всяком случае, направление плах здесь разнится с направлением волокон древесных остатков в центральной части дома. Печь размерами 2 х 2 м располагалась в южной части дома, возможно в южном углу жилой камеры. Это была печь-каменка на глиняном поде. Остатки печи в виде очень крупных прокаленных камней диаметром 20-40 см частично рухнули в подпольную яму. Вход, судя по направлению половиц сеней с Ю-З на С-В, был у южного угла дома, где найден ключ-отмычка от деревянного замка. Под северо-восточным углом дома обнаружен череп лошади в сопровождении обрывков медной цепочки (рис. 21, 15) и раздавленного днища гончарного горшка. Под юго-восточным углом были найдены две нижние челюсти лошади. По-видимому, это остатки строительной жертвы, совершенной при постройке жилища. В жилище обнаружено большое количество зерен ржи, пшеницы, овса и ячменя* . Находки в жилище многочисленны, разнообразны и богаты. Наибольший интерес представляет актовая свинцовая печать, по-видимому, византийского происхождения, с изображением на лицевой стороне Богоматери с младенцем на правой руке в рост, а на обороте – сцены Успения Богоматери, повернутой вправо (рис. 22, 1).

Здесь же найдены: золотое перстневидное височное кольцо с загнутым концом (рис. 21, 4; 25, 4), 2 бронзовых перстневидных кольца (рис. 21, 1-2), фрагмент мерянской бляхи, отлитой по восковой модели – (рис. 21, 3), бронзовый грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью (X – сер. XII вв.) – рис. 21, 8, лировидная пряжка (X – сер. XII вв.) – рис. 21, 9, два зеленых стеклянных ребристых перстня византийского производства (XI в.)** , фрагменты стеклянных сосудов византийского и киевского производства; две сердоликовые бусины (призматическая и бипирамидальная)

* Определение Н. А. Кирьяновой. Лаборатория ИА РАН.

** Анализ стекла произведен Ю. Л. Щаповой в лаборатории кафедры археологии МГУ (№№ 476, 21, 22, 6М).

X-XI вв. и около двух десятков стеклянных бус. Представлены бусы следующих типов: глазчатые синие, печеночно-красные, желтые, черные; зонные зеленые и желтые; бочонковидные золоченые; битрапецоидные печеночно-красные; бисер рубленый зеленый; синяя тройная пронизка, т. е. в основном, это бусы ближневосточного и византийского производства, датирующиеся X – сер. XI вв.[69] Из костяных изделий следует отметить копоушку (рис. 21, 13), игольник, двусторонний гребень (рис. 21, 11) и два фрагмента односторонних наборных расчесок (рис. 21, 56), датирующихся X – сер. XI вв.[70] Среди предметов из железа – свыше полутора десятков ножей, шилья, иглы, дужки от ведер, пробои (рис. 21, 10), дверная щеколда, коптильный крюк (рис. 21, 19), обломок серпа и целая коса-горбуша. Последняя находка говорит о заготовке сена для стойлового содержания скота, скорее всего лошади. Особый интерес представляют находки предметов вооружения и снаряжения всадника и коня. Это пластина панцирного доспеха, обломок стремени, украшенного бронзовой инкрустацией (тип V, IX-XI вв.)[71]; большая пряжка от конской упряжки (рис. 21, 7) и семь наконечников стрел. Все наконечники черешковые. Среди них ромбовидный гнездовского типа (тип 45, IX-XI вв.) – рис. 21, 18; одношипный (XI-XII вв.) – рис. 21, 14; ромбовидный с упором и расширением в нижней трети (X-XIV вв.) – рис. 21, 17; пирамидальный квадратного сечения с короткой массивной головкой (X-XIV вв.) – рис. 21, 12; 2 шиловидные ромбического сечения (X-XIV вв.) и в виде кинжальчика ромбического сечения с перехватом (тип 95, вид I, VIII-XIV вв.)[72]. Большинство наконечников стрел имеет широкую дату X-XIV, но есть экземпляры датирующиеся периодом IX-XI вв. (типы 45, 95). Кроме того, обращает на себя внимание то, что большинство наконечников являются сугубо боевыми, бронебойными. Важное значение для датировки времени существования постройки № 8 имеет находка серебряной монеты-денария, чеканенной в Мейнце (Германия) епископом Бардо между 1031-1051 гг.***

Постройке № 8 предшествовала постройка № 8а, находившаяся на этом же месте и существовавшая в X в. Ничего определенного сказать об этой постройке нельзя, т. к. она была полностью перестроена, а при сооружении дома № 8 в XI в. была произведена нивелировка окружающей территории слоем белой материковой глины толщиной в 25-30 см. Лишь по подпольной яме постройки № 8 можно судить о предшествующем сооружении, ибо в центральной части подполья просматривается яма глубиной до 1 м (т. е. на 0,5 м глубже остальной части), в заполнении которой обнаружена только лепная керамика[73]. Лепная керамика в сочетании

*** Монета определена А. С. Беляковым в ГИМе.

с гончарной встречается и в заполнении подполья дома № 8 (рис. 23, 1, 2, 5-7). Нахождение же только фрагментов лепной посуды, а также глиняного грузика (рис. 23, 3) в центральной, углубленной части может говорить о существовании более раннего сооружения, наземные части которого были полностью уничтожены. Датировать дом можно концом X в. Основанием для этого является обнаружение хозяйственной ямы круглой формы вблизи постройки № 8а также под слоем нивелировочной белой глины. В этой яме (как сказано выше, в разделе топографии) найдены фрагменты красноглиняной лощеной болгарской керамики и половина глиняного дисковидного грузила от вертикального ткацкого стана (X в.) – рис. 23, 4.

Судя по комплексу находок, постройка № 8 была жильем человека, занимавшегося военным делом. В пользу этого говорят находки наконечников стрел, пластины панцирного доспеха, инкрустированного стремени. О богатстве и знатности хозяина свидетельствуют находки актовой печати, золотого височного кольца, серебряной монеты, многочисленных привозных изделий из стекла, а также сами размеры дома.

Реконструкцию этого жилого дома предпринял С. В. Томсинский[74]. Он пришел к выводу, что жилище было однокамерным, одноэтажным с двускатной глиняно-земляной крышей без потолка, что находит параллели в скандинавских этнографических материалах.

Постройка 9/1979 г. – это наземный срубный дом с сенями столбовой конструкции. Площадь жилой камеры примерно 6 х 6,5 м. Сени размером 3 х 6,5 м примыкают к камере с Ю-З. Печь – каменка на глиняном поде расположена была, вероятно, в середине Ю-З стенки постройки. Возможно существовал столбовой опечек. Размеры печи не менее 2 х 2 м. В постройке прослежены 2 подпольные ямы: в Ю-В половине – размерами 5 х 3 м, с углублением в материк на 50-100 см (яма № 35) и в С-З половине постройки – размерами 4 х 1-2,5 м глубиной 40-100 см (яма № 36). В сенях зафиксирована яма удлиненной формы размерами 6 х 1-2,5 метров, углубленная в материк в среднем на 50 см. В восточной половине дома сохранились остатки обгорелой древесины, возможно, от настила пола, а также пять столбовых ям диаметром 15-20 см, служивших, вероятно, основанием полатей. Остатки обгоревшего настила пола сохранились и в сенях. Следует отметить, что подпольные ямы постройки № 9 перерезали, как и в постройке № 8, нивелировочный слой из белой материковой глины, перекрывавший тонкую прослойку культурных отложений X в. Для датировки постройки существенное значение имеют находки двух серебряных монет-денариев. Одна из них чеканена в Фризии, в г.Утрехт епи-

скопом Вильгельмом де Понте (1054-1076 гг.), другая является варварским подражанием германским монетам* .

Среди инвентаря постройки – два пластинчатых орнаментированных растительным и геометрическим узором перстня из серебра и бронзы (рис. 24, 14, 15); интересен перстень, сделанный из бронзовой накладки на пояс (рис. 24, 8). Подобные четырехугольные накладки известны среди древностей Швеции, Финляндии, дружинных курганов Гнездова, где датируются X – сер. XI вв.[75] Среди бронзовых изделий: бубенчик грушевидный с крестообразной прорезью (X-XI вв.) (рис. 24, 5), обломки двух поясных пряжек (рис. 24, 10, 13), фрагмент креста-тельника с трехлепестковыми завершениями (рис. 24, 11), чашечка от весов с узором в виде трех полукружий на днище (рис. 24, 9), обломок пластины с изображением хищной птицы (рис. 24, 3). Аналогии пластине находим в Гнездове, в курганах X в.[76] В комплексе находок дома найден также железный браслет крученый с овальными концами (рис. 24, 19) – редкая находка в древностях Руси.

Среди изделий из кости: 2 двусторонних гребня типа Л и М конца X – сер. XII вв. (рис. 24, 18, 20), фрагмент односторонней расчески и накладка к расческе X – сер. XI вв.[77] (рис. 24, 4, 16), а также накладка на сложный лук (рис. 24, 1). Найдены также 4 шиферных пряслица, железные ножи, игла, долото. Из оружия – наконечник стрелы в виде кинжальчика ромбического сечения (сер. XI в.)[78] – рис. 24, 17. Изделия из стекла представлены фрагментами сосудов светло-желтого оттенка, вставкой в перстень желтого цвета (рис. 24, 2) и почти десятком различных бус: глазчатых, зонных (фиолетовых, зеленых, синих, желтых), призматических печеночно-красных (рис. 24, 6, 7, 12). Бусы датируются, в основном, X – первой четвертью XI вв. и происходят из стран Ближнего Востока. С Востока же привезены каменные бусы – хрустальная шаровидная и две эллипсоидные халцедоновые. Особо следует отметить, что невдалеке от постройки № 9 (примерно в 1 м к югу) был найден клад из трех золотых браслетов* . По наблюдению Н. В. Рындиной, стержни для браслетов отлиты прямыми и имеют литейные швы сбоку. Затем стержни были согнуты по форме руки и прокованы. Браслеты круглые в сечении, гладкие, со слегка сужающимися концами (рис. 25). Вес их (97,6; 98; 101,4 гр) кратен весовой гривне XI в., составляющей 51, 19 гр. То есть, каждый браслет равен двум гривнам. По расчетам Б. А. Рыбакова, стоимость золотого змеевика Владимира Мономаха (вес 186 гр) равнялась размерам годичной княжеской

* Монеты определены В. М. Потиным (ГЭ).

* Суздальские браслеты, по определению Пробирной Палаты, изготовлены из самородного золота и содержат 99,9% этого металла.

дани с небольшого города[79]. Следовательно, браслеты являлись не только украшениями, но и весовыми единицами, свидетельствующими о значительных материальных накоплениях их владельца. Аналогичные золотые браслеты известны по кладам на острове Готланд, а на Руси они были найдены дважды в кладах в Киеве и у деревни Б. Хайча на Волыни, причем в Киеве браслеты были обнаружены вместе с монетами 1033-1059 гг.[80] Аналогичный золотой браслет был найден также в составе погребального инвентаря кургана кочевника у г.Юрьева-Польского[81].

Таким образом, обнаруженные в Суздале золотые браслеты входят в целую серию аналогичных предметов, получивших распространение на огромной территории от Скандинавии до Волыни и известных нам по кладам второй половины XI в. Они говорят о выработке в это время на этой территории единой весовой единицы, а также о том, что в феодально-дружинной среде этого региона накапливались в это время большие материальные ценности, значительные сокровища. Любопытно в этом отношении свидетельство летописца, сетовавшего на нравы в княжеской дружине: "а дружина его ... глаголяще "Мало ж есть нам, княже, двусотъ гривенъ". Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручен, но хожаху жены их в серебряныхъ"[82].

Как и предыдущие сооружения, постройка № 9 погибла от пожара. Судя по монете и комплексу находок, время гибели – конец XI в.

Постройка 10/1979, 1981 гг. находится в непосредственной близости от постройки № 9, западнее нее. Это было наземное сооружение срубной конструкции с размерами жилой камеры, примерно, 8 х 8 м. Судя по наличию двух подпольных ям, возможно, к восточной стене дома примыкали сени размером 2 х 8 м. Таким образом, общие размеры постройки 10 х 8 м. Вход был из сеней с Ю-В стороны. Подпольная яма в сенях – удлиненной Г-образной формы, глубиной около 30 см. В восточном углу жилой камеры располагалась печь каменно-глинобитная, размерами 2,5 х 2,5 м, частично рухнувшая в подпольную яму глубиной 1,5 м. Сохранились остатки настила пола, плахи которого шли в направлении СЗ-ЮВ (рис. 53, 2). Под северный угол дома в специальную ямку был уложен череп лошади, т. е. совершена строительная жертва. Фасадом дом был обращен к реке. Как и все другие постройки, он погиб от пожара.

Находки. Наибольший интерес представляет находка бронзового амулета-змеевика диаметром 3 см. На лицевой стороне его помещено изображение святого воина – Георгия или Федора Стратилата с копьем в правой руке и щитом – в левой. Голова воина кудрявая; колончатые надписи отсутствуют. Плохая сохранность металла на змеевике не позволяет точно атрибутировать принадлежность изображения какому-либо из святых-воинов. Однако, на мой взгляд, предпочтительнее видеть в фигу-

ре святого изображение Георгия. Манера моделирования фигуры святого очень схожа с изображениями, помещенными на привесках, подражающих монетам типа "Ярославле сребро" XI в. и на византийских печатях с изображением св.Георгия[83] (рис. 26, 2-а-б). На оборотной стороне – поясное изображение женской фигуры – Медузы Горгоны с отходящими от нее двенадцатью змеями (рис. 26, 2б). Подобное изображение змеиного гнезда, когда змеи расходятся от туловища Медузы, а не из ее головы, близко композиции на золотом змеевике Владимира Мономаха. Оно относится, по мнению Т. В. Николаевой, к числу наиболее древних и может быть датировано концом XI в.[84] Напоминает змеиная композиция и изображение на новгородском экземпляре, датирующемся первой третью XII в.[85]

Интересна находка железного ключа – лопаточки с большой петлей (рис. 26, 1). Большепетельные ключи не характерны для Древней Руси, они были принесены сюда из северных стран Фенно-Скандии в X-XI вв. Из женских украшений найдено бронзовое перстневидное височное кольцо (рис. 26, 3) и две стеклянные бусины (зонная синяя и ребристая зеленая) (рис. 26, 5), обе датируются X – сер. XI вв. Из предметов вооружения обнаружен железный бронебойный ромбический наконечник стрелы (тип 95 по А. Ф. Медведеву), тип, распространенный в Северной части Европы с VIII по XIV вв.[86] (рис. 26, 4). В комплекс находок входило шесть ножей, один из которых (рис. 26, 11), с костяной рукояткой, очень схож с подобным ножом из постройки № 7. Оба, по-видимому, сделаны одним мастером. Для датировки сооружения интерес представляет находка серебряной монеты-денария XI в., рассыпавшейся при изъятии ее в пыль. Дом погиб от пожара.

Постройка 11/1981 г. исследована лишь частично (рис. 53, 1). Площадь в пределах раскопа 4 х 6 м. Остатков деревянных конструкций не прослежено. Печь находилась у северного угла; это – каменка на глиняном поде; размеры ее 2 х 1,5 м, возможно, существовал столбовой опечек. Подпечная яма достигала глубины 1 м, подпольная – до 80 см. Сооружение погибло в пожаре.

Находки. Редкой находкой является круглая биллоновая привеска с изображением двух птиц с переплетающимися шеями (рис. 27, 2). Сюжет этот известен в византийском прикладном искусстве (например, на колтах)[87]. Был он заимствован византийцами из восточного искусства, но получил распространение и в романских памятниках (например, в Сицилии)[88], и в славянских землях (например, на резных дверях ц. св.Николая в Охриде XI в.)[89]. Во Владимиро-Суздальском искусстве на рельефах Дмитриевского собора этот сюжет также известен, причем исследователь древнерусской скульптуры Г. К. Вагнер отмечает воинствующий харак-

тер изображений подобных птиц[90]. Своеобразие же суздальской привески состоит в особенностях трактовки фигур, близко напоминающих изображение зверей скандинавского стиля Jellinge. Другой интересной находкой является серебряная привеска-ангел (рис. 27, 3). Подобные находки привесок-ангелов известны в курганных древностях Волго-Клязьминского междуречья (в с.Вески Владимирской губ., в д.Кочергина Костромской губ. и Пирогово Московской обл.), причем исследователь их Е. А. Рябинин включил их в типологию зооморфных украшений[91]. Е. И. Горюнова сопоставляла эти привески с изображениями летящих птиц, хорошо известных в памятниках Приуралья[92]. Однако на самом деле привески эти связаны с христианской религией и являются местными воспроизведениями византийских образцов. Две такие привески найдены в Болгарии, в Преславе, где они датируются XI в.[93] Находки привесок-ангелов известны в Волковысске[94], в ливском курганном погребении Аллажи, датируемом по монетным находкам XI в.[95], а также в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко[96]. Встречены они и среди даров в святилище на о.Вайгач (исследования Л. П. Хлобыстина). В Суздале находка привески-ангела свидетельствует о довольно ранней христианизации населения.

В доме № 11 найден также костяной двусторонний гребень (типа М – конец X – сер. XII вв.), обломок серпа и другие бытовые предметы. Скорее всего с этой же постройкой связана находка бронзовой рукояти ножа в виде головы дракона (рис. 26, 9; 27, 1а-б). Найдена, правда, рукоятка не в самом жилище, а несколько выше, в насыпи вала, где встречаются включения культурного слоя, снятого при сооружении вала с близлежащих площадей. Рукоятка отлита, по-видимому, по восковой модели. Голова дракона загнута, высунутый язык превращен в кольцо. Вся голова дракона и спина покрыты одновременным плетеным орнаментом, ограниченным кольцом из двуременной плетенки. Бронзовые рукояти боевых ножей с зооморфными изображениями неоднократно встречены в древностях Фенно-Скандии[97], однако аналогичных суздальской пока не известно. Близкую аналогию ей составляют костяные стили или стержни с изображением драконов, найденные в Гнездове в 1978 г. (раскопки Д. А. Авдусина) (рис. 27, 1в) и в сопке в Старой Ладоге (раскопки Е. Н. Носова). Близки также изображения на посохах из Ирландии. Все параллели указывают на северное, скорее всего скандинавское происхождение рукояти.

Постройка 12/1981 г. Наземная срубная постройка. Исследована частично. Размеры в пределах раскопа 6 х 4 м. Прослежена в виде пятна интенсивного слоя пожарища, в котором расчищены остатки обгоревшего пола и рухнувших перекрытий. Половицы ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Печь не прослежена.

Находки. В постройке найдено большое количество стеклянных бус, составляющих, возможно, единое ожерелье. Это 11 экземпляров боченковидных золотостеклянных бусин (X-XI вв.), 6 экземпляров ягодовидных (2 коричневые, 4 зеленые), 1 экземпляр битрапецоидной желтой. Все эти бусы византийского производства, причем ягодовидные датируются до середины XI в. В комплекс находок жилища входят также орнаментированная бронзовая накладка на кожаный пояс (рис. 28, 1), пластина железная от панцирного доспеха (т. е. вещи, имеющие отношение к воинской принадлежности хозяина), а также бронзовая булавка с кольцевидной головкой (рис. 29, 15) и фрагмент костяного орнаментированного гребня.

Постройка № 13/1981 г. (реконструируется условно). Расположена она на самом обрыве реки и состоит из деревянного настила, плахи которого идут в направлении С-Ю, и большой ямы глубиной 0,5-0,8 м, размерами 3,5 х 4,5 м. Следов стен и печи не сохранилось. Возможно, это была хозяйственная постройка. Под деревянным настилом были найдены два железных наконечника стрел своеобразной удлиненной формы. Наконечники эти (рис. 26, 10; 28, 6) напоминают наконечник стрелы из слоя X в. в Белоозере[98]. Подобные наконечники стрел известны в Финляндии в эпоху Меровингов; близкие по очертаниям наконечники копий известны в Скандинавии, в частности, в Бирке[99]. Следовательно, три суздальские наконечника (третий экземпляр такого же наконечника найден невдалеке от первых двух в материковой яме в 1984 г.) изготовлены, скорее всего, скандинавскими мастерами или во всяком случае сделаны по образцу скандинавского оружия. Помимо наконечников в постройке обнаружена привеска в виде боевого топорика XI в. – характерный амулет дружинной среды (рис. 68, 15), серебряная монетовидная гладкая привеска XI-XIII вв. (рис. 30, 8), рубчатый перстень XI в. (рис. 29, 11) и бисер рубленый бирюзового цвета (X-XI вв.). В целом, постройку можно датировать XI в.

Постройка 14/1983, 1989 гг. Это отдельно расположенный жилой дом, отстоящий от приречно-рядовой застройки описанных выше жилищ на 18 м южнее. По-видимому, это была наземная срубная постройка размерами 6 х 6 м, ориентированная углами по сторонам света, с большой подпольной ямой подпрямоугольной формы площадью 20 кв.м, углубленной в землю на 0,3-0,5 м. Чередование прослоек древесного тлена и темно-коричневой земли с углем, золой, камнями говорит о перестройках жилища. В восточной части дома сохранились остатки деревянного пола и рухнувшего перекрытия. Фрагменты истлевших бревен обнаружены и у С-З стены подпольной ямы. В доме прослежены остатки двух печей, поэтому есть возможность предположить, что жилище было двухкамерное

или оно перепланировалось. Массив обожженной и сырой глины толщиной около 0,2 м обнаружен в центре постройки – это остатки глинобитного свода печи, сползшего в подпольную яму. Скопление прокаленных камней у С-З стены – это под этой печи, под которым находился слой золы толщиной в 10 см (рис. 56). Вторая печь, каменно-глинобитная, располагалась у Ю-В стены постройки. Она прослежена в виде массива обожженной глины размером 1,2 х 1 м и развала обожженных камней. Все эти остатки сооружения перекрыты мощным слоем пожара толщиной до 0,2 м.

В заполнении дома найдены многочисленные обрезки бронзовых пластин, проволоки и капли оплавленной бронзы, свидетельствующие о занятии хозяина обработкой цветных металлов. Из датирующих вещей следует отметить находку под пожарной прослойкой скопления стеклянных бус. Это было, видимо, целое ожерелье, состоящее из синих двух- и трехчастных пронизок, молочно-белой глазчатой, цилиндрической настовой охристой, желтой зонной бусин, датирующихся, в основном, X-XI вв. Найдены также такие бытовые предметы, как 3 шиферных пряслица, костяной трапециевидный гребень, обломок серпа, обломок пружинных ножниц, железная ручка от сундучка, ножи, обломок стеклянного прозрачного сосуда с бирюзовыми налепами (XI – перв. пол. XIII вв.), обломок амфоры и наряду с гончарной посудой около 60 фрагментов лепной керамики. Видимо, постройку можно датировать второй половиной XI в. К XI в. относятся еще несколько хозяйственных и столбовых ям. На остальной же площади раскопа иных сооружений этого времени нет.

В культурном слое, отложившемся на предматериковой погребенной почве, и перекрытой пожарищем, прослеживаемым на значительной части раскопа, найдено множество предметов, различных по материалу и назначению. Среди украшений перстнеобразные височные кольца (рис. 29, 4, 5), подковообразная фибула с растительным орнаментом и язычком с зооморфным изображением (рис. 29, 9), и еще один такой язычок (рис. 29, 14). Фибулы с такими язычками – нередкое явление среди древностей Швеции вплоть до XIV в.[100] Обнаружены также бронзовые орнаментированные накладки на кожаные пояса (рис. 28, 2, 3). Изделия из камня представлены находками нескольких десятков шиферных пряслиц (свыше 80), некоторые из них с изображениями (рис. 30, 1-3б). Есть также каменный крестик и заготовка иконки (рис. 30, 13), 2 фрагмента стеклянных браслетов византийского производства, фрагменты стеклянных сосудов византийского производства, многочисленные бусы тех же типов, что встречены и в жилищах. Среди бытовых предметов из железа – замки и ключи к ним ранних типов X – сер. XII вв. (рис. 30, 10, 12), ножи (рис. 30, 15), долота, шилья, пряжки (рис. 28, 4), дужки от ведер, пробои и др. Воинское

снаряжение представлено великолепной шпорой (тип I), плакированной серебром с позолотой и украшенной насечкой "елочкой". Такие шпоры каролингского типа бытовали на Руси с X по первую половину XII вв.[101] (рис. 26, 7).

Как сказано выше, все перечисленные постройки расположены, в основном, вдоль реки и вдоль напольного вала (рис. 31). Скорей всего обитатели домов в какой-то степени несли обязанности и по обороне укреплений и городских ворот. Жилища разделяются частоколом, проходящим в направлении СЗ-ЮВ между постройками № 9 и № 10. По-видимому, здесь проходила граница двух усадеб. Усадьба, обозначенная нами буквой "А", занимала С-В угол территории кремля. На ней находились постройки № 1-1а/1970; 3-6/1978; 7-9/1979; 14/1983, 1989 гг., т. е. 10 построек, из которых две – меднолитейные мастерские. Южная граница этой усадьбы обозначена частоколом, идущим в направлении С-Ю, и ограничивающим площадь в 1600 кв.м. Усадьба "Б" находится западнее усадьбы "А". Она вошла в раскоп частично, и на ней можно указать лишь 4 постройки (№ 10-13/1979, 1981 гг.). Усадьба "В", видимо, находилась в непосредственной близости от напольных ворот. К ней можно отнести постройки № 2-2А/1970 г. Обращает на себя внимание при рядовой планировке жилищ их хоромный характер (т. е. соединение нескольких построек в единый жилой комплекс). Состав находок в большинстве раскопанных домов (воинское снаряжение и снаряжение коня и всадника, детали воинских поясов, привозные украшения и посуда) говорит о зажиточности хозяев и принадлежности их к воинскому сословию. Многие предметы носят северный, скандинавский характер (копьевидные узкие наконечники стрел, большепетельный ключ, рукоятка ножа с головой дракона, подвеска к ожерелью с птицами, фибулы и накладки с зооморфными изображениями, наконец, каменная литейная форма с рунической надписью). В планировке жилищ также сказываются северные, не славянские традиции – большие размеры домов, возможное расположение отопительных сооружений не в углах, а в центре жилища, земляное покрытие крыши и др. Таким образом, раскопками вскрыт комплекс жилой застройки XI в., носящий как славянские, так и скандинавские этнические черты. Судя по обилию оружия и предметов воинского снаряжения, скорей всего, это были усадьбы дружинников, причем дружинников скандинавского происхождения, осевших в славянской среде. Это предположение находит подтверждение в письменных источниках. Летопись и Киево-Печерский патерик сообщают о варяге Шимоне, прибывшем на Русь на службу к Ярославу Мудрому, отданным Ярославом в качестве воеводы своему сыну Всеволоду, а затем Владимиру Мономаху. Шимон принял вместе со своей дружиной ("со всем домом своим"), насчитывавшей 3

тыс. человек, православие (между 1069-1074 гг.) и основал династию ростово-суздальских тысяцких (см. выше в разделе истории Суздаля). Видимо, раскопками открыта усадьба одного из дружинников Шимона (по-видимому, Олафа), плотно осевшего в городе и владевшего участком площадью свыше 1600 кв.м, на котором жили зависимые ремесленники.

Таким образом, в Суздале мы застаем финальный этап русско-скандинавских отношений, когда на смену наемничеству приходят политические и матримониальные связи, и скандинавская верхушка растворяется в славянской среде.

Все постройки на усадьбах погибли во время пожара, охватившего огромную территорию города и выявленного нами в виде горелой прослойки почти на всей площади раскопа. По-видимому, мощный пожар, уничтоживший жилые и хозяйственные постройки, следует связать с летописным упоминанием пожара 1096 г., возникшим во время междуусобной войны между Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом – с одной стороны, и муромо-черниговским князем Олегом Святославичем – с другой. "Олег же приде к Суждалю и слышавъ яко идет по нем Мстиславъ Олег же повеле зажещи Суждаль город токмо остася дворъ монастырьскын Печерьскаго манастыря и цркы юже тамо есть Стаг Дмитрея"[102]. Это предположение вполне достоверно, т. к. найденные в жилых домах монеты датируются второй половиной XI в., причем самая младшая из них могла быть чеканена между 1054-1076 гг. Хозяева не вернулись на свои усадьбы после пожара и не выкопали зарытый там клад золотых браслетов. Катастрофические последствия пожарища были настолько велики, что застройка на этом месте не возобновлялась довольно долго. Во всяком случае еще в 1097 г. весь кремль Суздаля представлял собой "пожар", который "перешел" Мстислав с новгородцами, чтобы нанести поражение Олегу и Ярославу Святославичам "на Кулачьце"[103]. Но этот же пожар позволил впервые в Суздале археологически зафиксировать феодальные усадьбы, дающие представление о той социальной основе, которая породила представление о Суздале как о городе "старого боярства", "старой чади". Те постройки, которые были расположены вдоль береговой линии и погибли во время пожара, т. е. постройки первого строительного периода (рис. 31), через какой-то промежуток времени (а точнее около 1101 г.) были погребены под толщей вала, который был насыпан, вероятно, по указанию Владимира Мономаха. Возведение оборонительных сооружений по периметру кремля повлекло за собой перепланировку застройки исследуемого участка. В С-З части обнаружены остатки лишь двух построек и то достаточно невыразительных и фрагментированных.

Описываемые ниже постройки относятся к следующему хронологическому периоду после перепланировки.

Постройка 15/1987 г. От нее сохранилась только подпольная яма овальной формы, углубленная в материк на 0,6-0,8 м, размерами 3 х 2 м. Керамика в заполнении ямы – сероглиняная домонгольская гончарная; найден лишь 1 обломок лепного венчика. Находки: янтарная заготовка, пружина от нутряного замка, пряслице из розового шифера, сюльгама бронзовая (рис. 64, 1), нож и фрагмент бирюзового стекла от сосуда. Постройка имеет широкую дату: кон. XI – пер. пол. XIII вв.

Постройка 16/1987 г., вероятно, была наземная, срубная. От нее сохранилась углубленная в землю на 0,25 м часть постройки, имеющая форму прямоугольника со слегка скругленными углами, размерами 4 х 1,5 м. По углам постройки прослежены столбовые ямы диаметром 0,25 м, являвшиеся, вероятно, опорами, в пазы которых крепились горизонтально уложенные плахи стен. Дно имеет корытообразную форму. В подполье сполз частично развал глиняно-каменной печи, сохранившийся в виде линз обожженной глины, золы, угля и прокаленных камней. Находок в заполнении не обнаружено за исключением фрагментов сероглиняной гончарной посуды домонгольского облика.

Постройка 17/1982 г., вероятно, была наземная, срубная. От стен ее сохранились лишь полосы древесного тлена. Подполье постройки было углублено в землю на 0,2-0,4 м и имело округлые очертания размерами 4,2 х 2,5 м. Остатки печи прослежены в виде развала обожженной глины и камней с золой и углями, сползшего в подпольную яму. Постройка была ориентирована по странам света. В заполнении найдены 2 фрагмента стеклянных браслетов, 3 стеклянные бусины (боченковидная золоченая X-XII вв., желтая и зеленая зонные XII – сер. XIII вв.), желтый стеклянный перстень со щитком, венчик сосуда стеклянного киевского производства, 2 костяные заготовки, обломок поливного глиняного сосуда, донце горшка с клеймом. Керамика встречена сероглиняная только гончарная. Постройку можно датировать XII в., скорее, первой половиной XII в.

Постройка 18/1982 г. Расположена в Ю-З части исследуемого участка. Вероятно, это была наземная срубная постройка, от которой сохранились развал печи и подпечная яма размерами 3,8 х 3,0 х 1,9 м. Яма имеет сложную конфигурацию, глубину от 0,14 до 1,0 м, неровное дно. В Ю-В ее части зафиксированы 2 столбовые ямы диаметром 0,2 м; в заполнении преобладает сырая и обожженная глина, куски прокаленной обмазки, зола, уголь, прокаленные камни. Здесь же найдено свыше 1 тыс. фрагментов гончарной посуды, в том числе и один целый горшок. Печь первоначально располагалась в середине С-В стены, затем перенесена к Ю углу.

От обеих печей прослежены развалы камней, а у второй – под из обожженной глины, имеющий форму прямоугольника со скругленными углами, размерами 1,6 х 1,6 м. Среди находок 3 железных ножа, 4 фрагмента болгарской красноглиняной посуды, обломок пряслица из розового шифера, золотостеклянная византийская бусина XI-XII вв., обломок писанки (X – кон. XIII вв.)[104], обломок цилиндрического замка, обломок перстня бронзового орнаментированного пластинчатого плосковыпуклого (XI – нач. XIII вв.)[105], двусторонний гребень (рис. 66, 6) с циркульным орнаментом типа Н (нач. XIII – кон. XIV вв.)[106], браслет бронзовый витой тройной петлеконечный (перв. четв. XI – 80-90 гг. XIV вв.)[107] – рис. 65, 18.

Дата постройки, скорее всего, середина – вторая половина XII в.

Постройка 19/1982 г. расположена южнее постройки № 18 на 2,5 м. Наземных частей дома не сохранилось, но в материке прослежена овальная яма подполья размерами 4,8 х 2,8 м. Стенки ямы пологие, дно корытообразное, углубленное в материк на 1,1-1,4 м. Заполнение подпольной ямы состоит из слоя гумуса с включениями линз обожженной глины, золы, древесного тлена, кусков печной обмазки, развала прокаленных камней. По-видимому, в яму провалилась печь жилища. В подполье обнаружено большое количество обугленного зерна. Находки. Пряслице шиферное с процарапанным узором (X – перв. пол. XIII вв.), бусина стеклянная синяя зонная XII в.[108], фрагменты болгарской красной подлощеной посуды, нож железный и др. Находки не очень выразительны и могут датировать сооружение XII в.

Постройка 20/1988 г. находится восточнее предыдущей постройки на 6 м. Наземные части дома также не прослеживаются, но в материке зафиксированы две овальные ямы размерами каждая 2,2 х 2,0 м, глубиной 0,4 и 0,7 м. Скорее всего, это подпольная и подпечная ямы. В последнюю, видимо, провалилась печь, т. к. в Ю-В части ямы расчищен мощный развал плинфы, обожженных камней и глины, занимающий площадь 2,5 кв.м. Плинфа сильно фрагментирована, целых экземпляров нет, поэтому о размерах ее судить трудно, толщина же ее 4-4,5 см. Поскольку в развале печи есть куски розового цемяночного раствора, можно с уверенностью говорить, что в конструкции печи использовался строительный материал Успенского собора Владимира Мономаха. Частичное разрушение собора могло относиться к перестройке времени Юрия Долгорукого в 1148 г., когда и взят был хозяевами постройки № 20 для своих нужд строительный материал. Следовательно, постройка № 20 датируется серединой XII в. Об этом же свидетельствует комплекс находок: 2 бусины стеклянные зонные желтого и зеленого цвета (XII-XIII вв.)[109], 2 шиферных пряслица, 4 обломка стеклянных браслетов, обломок стеклянного бесцветного со-

суда, железный ключ от нутряного замка с деревянным засовом (XI-XIII вв.)[110], железные ножи, шилья, дужка от ведра, кольчужное колечко. Найдены также амулет из просверленного астрагала, куски опиленных костей, куски оплавленной бронзы и др. предметы.

Учитывая то, что постройку № 20 перерезает сверху постройка, дата которой также не выходит за рамки XII – нач. XIII вв., описываемое сооружение можно отнести к сер. XII в.

Постройка 21/1983 г. отстоит от предыдущей на 11 м к северу. Сохранилась только подпечная яма овальной формы, вытянутая по линии С-Ю, размерами 3,6 х 1,8-2 м. Максимальная ее глубина 1-1,1 м. В заполнении – значительное количество обожженной и сырой глины и камней от рухнувшей печи. В яме найдено 5 бронзовых пластин, 4 бронзовых предмета, 2 кусочка оплавленной бронзы, что свидетельствует о занятии хозяина медно-литейным делом. Найдены также обломок донца с клеймом, фрагмент бронзового ушка котла, бронзовая копоушка (рис. 64, 17), шиферное пряслице. Датируется постройка широко – домонгольским временем, но наиболее вероятной датой является сер. – втор. пол. XII в.

Постройка 22/1985 г. расположена восточнее постройки № 21 на 8 м. Она наземная, углублена в землю на 0,4-0,5 м, сильно испорчена перекопами. Размеры приблизительно 4 х 4 м. Прослеживается по линзе темно-коричневого гумусного слоя со значительными примесями древесного тлена, золы, угля, сырой и обожженной глины (рис. 54, 1). По дну ямы прослежен слой древесного тлена толщиной до 0,2 м (возможно, это пол). В центральной части зафиксирована линза обожженной и сырой глины размерами 1,2-1,5 м, толщиной 0,15-0,3 м (возможно, под печи). В западном углу в округлой яме диаметром 1,6-1,8 м под слоем древесного тлена расчищен череп лошади – остатки строительной жертвы (рис. 54, 2). Находки. Железные ножи, в том числе один с обтянутой бронзой деревянной рукоятью, 2 костяных трапецоидных гребня типа М (кон. X – перв. четв. XIII вв.)[111]; бусы: цилиндрическая рифленая черная с зеленым пластичным узором, боченковидная непрозрачная с бело-красным пластичным узором, зонная желтая – все киевского производства (кон. XI – перв. пол. XIII вв.); 2 глазчатые: черная и зеленая – ближневосточный импорт (X – перв. пол. XI вв.). Среди других находок 10 обломков амфоры, фрагменты болгарской керамики, донце с клеймом, обломок миски и каменный четырехконечный крестик (рис. 73, 6). Керамика сероглиняная домонгольская гончарная. Многие вещи имеют широкую дату XI – перв. пол. XIII в., однако отсутствие стеклянных браслетов позволяет отнести постройку к первой половине XII в.

Все перечисленные постройки (№ 15-22) относятся ко второму строительному периоду (рис. 32). Они сооружены после пожара 1096 г. и в не-

которых случаях удается проследить, как они перерезают эту прослойку пожарища. Следует отметить, что количество построек уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом, т. е. с XI в. и что, в основном, жилища стали строить в южной части исследуемой территории, ориентируясь не на береговую линию, а на улицу, идущую с востока на запад от Ильинских до Дмитриевских ворот. Все описанные жилища второго строительного периода датируются XII в. Исходя из стратиграфии, т. е. учитывая то, что некоторые постройки перерезаны сверху другими сооружениями домонгольского периода, жилища эти можно отнести к первой половине – середине XII в.

Жилища следующего, третьего строительного периода, так же как и предыдущего, группируются, в основном, в юго-западной части раскопанной площади (рис. 33).

Устройством и размерами выделяется *постройка № 23/1981 г.*, являющаяся, скорее всего, полуземляночным жилищем. Полуземлянка имеет прямоугольную форму со слегка скругленными углами; она углублена в землю примерно на 1 м. Размеры постройки 6,5 х 5,5 м, вход, по-видимому, был с востока, где находился небольшой коридорчик или тамбур. В центре полуземлянки – пятно горелого слоя размерами 3,6 х 2,2 м, толщиной 0,04 м, в котором расчищены фрагменты обгоревших досок пола, прокаленные камни и скопление лошадиных челюстей. Горелый слой перекрыт прослойкой древесного тлена толщиной 0,1-0,2 м, представляющей остатки рухнувшего перекрытия. Находки. Стеклянные изделия: 14 фрагментов браслетов, фрагмент донца сосуда киевского производства (XII в.), бусы: золоченые (X-XI вв.), зонная желтая большого размера (XII-XIII вв.), 2 зонные зеленые (XII-XIII вв.)[112]. Бронзовые изделия: перстнеобразное височное кольцо, шаровидный бубенчик с щелевидной прорезью, бутыльчатая шумящая подвеска. Железные предметы: пинцет с зажимом, кольчужное кольцо, пряжка, пластина от панцирного доспеха, дужка замка. Найдены также фрагменты амфор и болгарской красной керамики и три фрагмента лепных сосудов. Дата постройки – сер. – втор. пол. XII в.

Постройка 24/1982 г. расположена к югу от полуземлянки № 23. Вероятно, это какая-то хозяйственная постройка или яма. Она имеет форму прямоугольника со скругленными углами, ориентирована по линии СЗ-ЮЗ, размеры 1,6 х 1,4 м. Стенки ямы пологие, дно ровное, углублена в материк на 0,13-0,18 м, от дневной поверхности на 0,5 м. Керамика в заполнении ямы гончарная серая, домонгольская. Находки. Обломок амфоры, обломок бронзовой фибулы, глиняный поддон.

Постройка 25/1982 г. Прослежена только углубленная в землю часть сооружения. В целом пятно имело подпрямоугольную форму, слегка вы-

тянутую по линии СВ-ЮЗ, размеры 2,4 х 1,7 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное, она углублена в материк на 0,8-0,9 м, глубина от дневной поверхности около 1,4 м. Конструктивных деталей не прослежено. Керамика сероглиняная домонгольского времени. Находки: обломок перстня, сделанного из витого тройного петлеконечного браслета (перв. четв. XI – 80-90 гг. XIV вв.)[113], височное бронзовое кольцо с 2-мя шаровидными бусинами из двух половинок (рубеж X-XI вв. – сер. XIV в., максимальное распространение в XII-XIII вв.)[114], фибула бронзовая подковообразная (рис. 64, 6) загнутоконечная круглого сечения (X – сер. XIII вв., максимальное распространение – X-XII вв.)[115], обломок бронзового витого браслета с расширяющимися треугольными концами (кон. XI – кон. XII вв.)[116], железный ключ (рис. 68, 10) типа В (втор. пол. XII – нач. XIV вв.)[117]. По комплексу находок постройку можно датировать второй половиной XII в.

Постройка 38/1984 г. Сохранилась только подпечная яма, имеющая форму овала размерами 3,6 х 1,8 м. Ориентирована с севера на юг. Максимальная глубина 0,9 м. Яма прослежена только на материке. Находки очень невыразительные: железный предмет, оплавленная бронза, обломок лепного сосуда, фрагмент замка, пластина с заклепкой. Стратиграфическая дата постройки – середина XII в.

Постройка 39/1984 г. Наземная, размерами, примерно, 4,5 х 4 м. Сохранилась в виде пятен обожженной и сырой глины и горелого слоя. Печь, возможно, находилась в западном углу (там прослежено пятно обожженной глины размерами 1,5 х 1,5 м, а к юго-востоку от него – еще несколько больших пятен обожженной глины. В северо-восточной части прослежены обгоревшие остатки деревянного пола и рухнувшего перекрытия. Половицы ориентированы по линии СЗ-ЮВ. Подпольная яма имеет форму овала, вытянутого с СЗ-ЮВ, размеры ее 2,9 х 1 м, максимальная глубина в материке 0,15 м. В постройке найдены: железный инкрустированный псалий (рис. 26, 8) – тип "крылатых", употреблялся с удилами типа III в XI-XII вв.[118], обломок стеклянного зеленого перстня, фрагмент донца с клеймом, шлаки. Датируется жилище, скорей всего, серединой XII в.

Постройка 40/1980 г. расположена около напольного вала. От наземного дома сохранилось углубленное в землю на 0,6-0,9 м подполье округлых очертаний, размером 4,6 х 1,8 м. Находки: 2 наконечника стрел (пулевидный – тип 102 и бронебойный – тип 83, ромбовидный)[119], обломок ключа от замка типа Б (XII – перв. пол. XIV вв.)[120], заготовка костяная для рукояти плети, обломок рукояти ножа с циркульным орнаментом, трапецоидный гребень с циркульным орнаментом, осколки стеклян-

ных сосудов и бус киевского производства, 2 писанки (X – втор. пол. XII вв.)[121]. Дата постройки – середина XII в.

Постройка 26/1989 г. От нее сохранилась лишь подпольная яма прямоугольной формы со скругленными углами площадью около 5 кв. м, глубиной 0,5 м, ориентированная углами по сторонам света. Заполнение ее однородно, с большими примесями сырой и обожженной глины. В придонной части – скопление обожженных камней от рухнувшей печи-каменки. Скопление располагалось в северо-западной части ямы, юго-восточная часть нарушена поздним перекопом. В заполнении найдены бронзовая пластина, обломок железной иглы, обломок железного шила, 2 обломка донец горшков с клеймами, шиферное пряслице, железная дверная накладка, 2 обломка лепных горшков. Яму можно датировать только по стратиграфии второй половиной XII – нач. XIII вв.

Постройка 27/1989 г. От постройки сохранилась яма площадью 5,2 кв.м, углубленная в материк на 0,45-0,8 м, ориентированная углами по сторонам света. Заполнение ямы неоднородно: придонная ее часть заполнена прослойкой угля и золы толщиной до 0,2 м, являющейся слоем разрушения постройки; верхняя часть заполнения – следы более поздней нивелировки поверхности. Следует отметить наличие в нижней части ямы прослойки обожженной глины и камней, являющихся остатками печи. В яме найдены обломок стеклянной элипсоидной желтой бусины с коричневой инкрустацией (X – втор. четв. XIII вв.)[122], пряслице из розового шифера, железная скоба, обломок железного ножа, бронзовая заклепка, 6 кусков оплавленной бронзы.

Постройка 27А/1989 г. нарушена постройкой 27. От нее сохранилась яма площадью около 5 кв.м, подпрямоугольной формы, глубиной 0,85 м. ориентированная углами по сторонам света. В западной части имеются уступы, возможно, ступени. Почти всю площадь ямы занимает массив обожженной глины с примесью угольков и золы, сырой глины и суглинка с гравием мощностью до 0,6 м, лежащий на прослойке древесного тлена толщиной до 0,15 м. Яма, видимо, была подпечной. Вероятно, с конструкцией печи связаны столбовые ямы, примыкающие к ЮЗ и СВ стенкам, диаметром 0,6-0,9 см, глубиной 0,2-0,55 м. и столбовые ямы у западного и северного углов ямы, имевшие диаметр 0,25-0,5 м, глубину 0,2-0,4 м (стулья для крепления опечка). В заполнении ямы найдена лишь заготовка для пряслица из стенки глиняного горшка. Верхняя часть заполнения обеих ям одинакова. В ней найдены 4 бронзовые пластины, 3 обломка амфор, обломок стеклянного браслета, железная пластина, кусок оплавленной бронзы. Обе постройки имеют широкую дату – сер. XII – втор. четв. XIII вв.

Постройка 28/1982 г. В раскоп вошла частично, исследована ее СВ часть. Деревянных деталей конструкции проследить почти не удалось, выявляются лишь пятна древесного тлена, темно-коричневого слоя с примесью древесного тлена, угольков и обожженной глины, горелого слоя. Размеры в пределах исследуемой площади 7,0 х 2,5 м. Печь не прослежена. Вероятно, постройка была двухкамерной, наземной. Погибла она от пожара. Вход мог располагаться в северной части северо-восточнее стены. Здесь найдена пружина от нутряного замка и жуковина. В постройке найдены: вислая свинцовая печать, 7 обломков стеклянных браслетов, шаровидная бусина из горного хрусталя, 2 ключа, наконечник стрелы ромбовидный, 7 фрагментов болгарской керамики, 3 фрагмента амфор и другие бытовые вещи. Дата по стратиграфическим наблюдениям и материалу – втор. пол. XII – нач. XIII вв. Особый интерес представляет найденная в жилище актовая свинцовая печать диаметром 2,7 см с двусторонними изображениями (рис. 22, 3). На лицевой стороне ее помещена фигура святого воина в полный рост, вынимающего меч из ножен. По сторонам фронтальной фигуры расположена колончатая надпись:

Т Д
ϙ М
І ◊,

т. е. изображен святой Дмитрий Солунский. Он одет в воинский доспех, за спиной свободными складками ниспадает плащ. На оборотной стороне печати помещена конная фигура святого воина вправо. Воин, подбоченясь, держит узду. Правая нога его вдета в стремя и вытянута под углом в 45°. За спиной развевается плащ. В верхней части печати около головы воина с двух сторон размещена обратная надпись: справа **ГЭ**, слева **ІNϙ◊**, т. е. изображен святой Георгий. Обращает на себя внимание явно русское начертание имени – Егорий. Печать отличается великолепной сохранностью и выдающимися художественными достоинствами. Безусловно, она относится к шедеврам древнерусской сфрагистики. Печати, несущие изображения святых на обеих сторонах, устойчиво связываются исследователями с княжеской принадлежностью[123]. Причем, патрональные святые соответствовали именам владельца печати и его отца, т. е. имени и отчеству. Таким образом, печать должна была принадлежать князю, носившему имя Дмитрий Георгиевич или Георгий Дмитриевич.

Кроме суздальской находки известно еще два экземпляра печати, оттиснутой теми же матрицами. Один экземпляр был найден в Новгороде еще в дореволюционное время (до 1908 г.). Н. П. Лихачев относил печать Всеволоду III Большое Гнездо, имевшему христианское имя Дмитрий или его сыну Юрию Всеволодовичу, убитому на Сити в 1238 г.[124] Б. А. Рыбаков, публикуя наиболее художественные печати как произведения при-

кладного искусства, считал эту печать также принадлежавшей Юрию Всеволодовичу[125]. Исходя из представлений о том, что в Новгороде по большей части находили печати князей, сидевших на столе в этом городе, В. Л. Янин связал новгородскую находку с князем Всеволодом Юрьевичем младшим, внуком Всеволода Большое Гнездо, сыном Юрия Всеволодовича. Основанием такой атрибуции явилось то, что Всеволод Юрьевич младший дважды княжил в Новгороде по полгода (в 1222 и 1224) в возрасте 10 и 12 лет. Известна и другая разновидность печатей с изображением св.Дмитрия и Георгия, где Георгий изображен в рост. Остальные иконографические признаки очень близки на обеих печатях, поэтому обе разновидности (3 экз.) В. Л. Янин относит к Всеволоду Юрьевичу младшему.

В 70-е гг. подобная печать была обнаружена при раскопках Биляра (Великого города). И вновь, публикуя эту находку, В. Л. Янин связал ее с тем же князем[126]. Однако такая атрибуция представляется нам не совсем убедительной. Слишком юн был этот князь (он родился в 1212 г. и погиб во время осады Батыем Владимира в 1237 г. в возрасте 25 лет), слишком мало успел сделать, чтобы оставить такое большое сфрагистическое наследие. В то же время печатей, связываемых с Всеволодом Большое Гнездо или с его сыном Юрием Всеволодовичем нет вовсе. Однако именно эти князья Владимиро-Суздальского дома отличались обширной и разнообразной деятельностью. Всеволод III неоднократно вмешивался в политическую жизнь Новгорода, сажал на новгородском столе своих ставленников (Ярослава Владимировича и Мстислава Давидовича) и сыновей (малолетнего Святослава в 1200 г. и Константина в 1205 г.). Любопытно сообщение В. Н. Татищева о том, что, когда в 1200 г. на новгородский стол был посажен сын Всеволода, тот потребовал, чтобы впредь только его дети сидели в Новгороде. Новгородцы, "**утвердя оную обсчею ротою, прислали за подписанием и печатию...**"[127]. Таким образом, печати Всеволода могли неоднократно попадать в Новгород с его посланиями и грамотами. Печать Всеволода III с большей вероятностью, чем печать Всеволода Юрьевича младшего могла попасть и в Великий город – Биляр, т. к. Всеволод Большое Гнездо неоднократно совершал походы на Болгар, а в 1184 г. длительно осаждал Великий город. "**Князь же Всеволод стояв около города 10 дни ... и болгаре выслалися бяху к нему с миром**"[128]. О Всеволоде Юрьевиче младшем известно, что в 1232 г. он ходил походом на мордву, а в 1237 г. потерпел поражение от монгол и бежал во Владимир.

Нельзя исключить возможность принадлежности печати сыну Всеволода Большое Гнездо – Юрию Всеволодовичу. Сочетание тезоименимых святых, помещенных на печати, позволяет это предположить. Юрий Все-

володович был великим князем Владимиро-Суздальским. Он принимал активное участие в походах отца на болгар. В 1220 г. он заключил с болгарами мир: "... и дав им мир по давному, как было при отце его Всеволоде"[129]. Это именно он направил в Новгород на княжение своего малолетнего сына Всеволода (в 1222 и 1224 гг.). В эти же годы (1222-1225 гг.) он строит в Суздале знаменитый Рождественский собор. Выгнанный братом Константином с великого княжения в Городец на Волге, он стал инициатором каменного строительства в Нижнем Новгороде. Перед ордынским нашествием он вновь стал великим князем владимирским и погиб в битве с войском Батыя в 1238 г. на р.Сити. Таким образом, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо и его сын Юрий Всеволодович – наиболее вероятные владельцы печати.

Наибольшее же вероятие отнесения печати Всеволоду Большое Гнездо представляет иконографический материал печати. Все изображения выполнены виртуозно, рукой очень умелого мастера. Фигуры не статичны, в них чувствуется движение. Прекрасно видны мельчайшие детали костюмов воинов и снаряжение всадника. Центральное положение, скорее всего, занимает фигура св.Дмитрия, держащего в руках меч. Именно на мече фокусируется внимание, он всегда в изобразительном материале Древней Руси являлся символом власти (в данном случае, княжеской)[130]. Горделивая непринужденность позы св.Дмитрия (патрона Всеволода) напоминает изображение этого святого на известной иконе из г.Дмитрова[131]. Изображение св.Георгия (Егория) – патрона отца Всеволода – Юрия Долгорукого находит близкую аналогию в конной фигуре св.Георгия на фреске Георгиевской церкви Старой Ладоги (около 1167 г.)[132]. То есть, уже во второй половине XII в. существовал образец конного изображения св.Георгия, получивший впоследствии широкое распространение как в монументальном, так и в прикладном искусстве. Отражением этой полюбившейся композиции могут быть мелкие литые образки с изображением св.Георгия, находимые в курганных могильниках и культурном слое древнерусских городов XII – нач. XIII вв.[133]

Особую же стилистическую близость фигура св.Георгия с печати находит в изображениях святых воинов на Дмитровском соборе во Владимире[134]. Как известно, Дмитриевский собор был выстроен между 1193-1197 гг. (скорее всего в 1194 г.) по заказу Всеволода III Большое Гнездо в честь его святого патрона. Удивительно сходна трактовка фигур всадников на рельефах собора и на маленькой печати. Та же посадка воина с вытянутой ногой, тот же летящий за спиной плащ, вздымающийся куполом на конце и другие детали.

Находка печати Дмитрия Георгиевича в Суздале, в центре Владимиро-Суздальской Руси, заставляет заново пересмотреть атрибуцию всей

серии находок. До сих пор во Владимиро-Суздальской Руси не было найдено ни одной печати, принадлежавшей местным князьям; находимы были печати лишь киевской администрации XI – начала XII вв.[135] Поэтому закономерно возникал вопрос, существовал ли вообще в Суздале обычай употребления княжеской буллы с изображением двух святых[136]. Находка печати в Суздале отвечает на этот вопрос положительно. Думается, что некоторые печати, обнаруженные в Новгороде и не идентифицированные с князьями, княжившими в этом городе, могли принадлежать князьям суздальского дома[137]. Дальнейшие раскопки как в Суздале, так и в других городах Владимиро-Суздальской земли принесут новые находки актовых печатей и уточнят их атрибуцию.

География находок трех идентичных печатей с изображениями Дмитрия и Георгия в Суздале, Новгороде и Биляре (то есть в пунктах, связанных с деятельностью Всеволода Юрьевича), стилистическая близость изображений на печатях со скульптурой Владимирской Руси конца XII в. – все это заставляет видеть во владельце печати Всеволода (Дмитрия) Юрьевича (Георгиевича) III Большое Гнездо. Именно его активная внешняя политика стала причиной известной характеристики, данной Всеволоду III автором "Слова о полку Игореве": "**Великий княже Всеволоде!... Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти – удалыми сыны Глѣбовы**"[138].

Постройка 29/1982 г. Наземная, 2-х камерная, размерами, примерно, 7,5 х 4 м. От ЮВ камеры сруба сохранились фрагменты дерева плохой сохранности. Печь-каменка зафиксирована в С углу ЮВ камеры. Размеры ее 1 х 1,4 м. В СЗ части находилась подпольная яма (рис. 55, 2). Она имеет форму прямоугольника со скругленными углами и размеры 3,8 х 4,0 м, слегка вытянута по линии СВ-ЮЗ. Стенки ямы отвесные, дно ровное. Она углублена в материк на 1,5 м. На дне ямы в затеке материковой глины прослежены остатки деревянных конструкций. В 4 углах расположены столбы диаметрами 0,2-0,38 м. Еще три столба расположены в середине ЮЗ стены, их диаметры 0,18-0,26 м. Все столбы углублены в материк на 0,12-0,2 м. Между этими столбами прослежены контуры деревянной обкладки из бревен. СЗ бревно сохранилось на длину 2,65 м, диаметр его около 0,2 м; СВ – длина 2,14 м, диаметр около 0,14 м; ЮВ – 3,1 м, диаметр около 0,2 м; ЮЗ – из двух фрагментов, общая длина около 3,0 м, диаметр около 0,2 м. Здесь же расчищены остатки досок – фрагменты рухнувшего в подполье пола. Вход, видимо, был с ЮЗ, где найдены ключи от замка, пробой с кольцом, 2 дужки замка. Среди находок обнаружен болгарский сосуд; железные ключи: 1) от замка типа В – втор. пол. XII – перв. четв. XV вв. (рис. 68, 8); 2) Б – XII – перв. пол. XIV вв. (рис. 68, 4),

В1 – кон. XII – нач. XV вв.[139], шпора железная с колесиком (20-30 гг. XIII в.)[140], 9 обломков амфор, 9 обломков стеклянных браслетов, 3 писала XII – нач. XIII вв. (рис. 76, 11-13)[141]. Бусы: 2 зонные зеленые, печеночно-красная, бирюзовая (стеклянные)и шаровидная хрустальная, гребень костяной двусторонний с накладками (тип К – втор. четв. XII – XIII вв.) и трапецоидный двусторонний[142], бронзовая бляшка, 5 шиферных пряслиц, крестик (рис. 72, 10) бронзовый четырехконечный позолоченный XIII-XIV вв.[143], железная копоушка[144] (рис. 69, 3).

Постройка 29, по-видимому, составляла единое целое с постройкой 28, то есть это были жилища хоромного типа. Находка актовой печати, трех писал, обломков амфор, шпоры с колесиком – все это говорит о нерядовом положении хозяина усадьбы. Усадьба погибла от пожара, скорее всего во время татаро-монгольского нашествия в 1238 г.

Постройка 30/1988 г. расположена в 1,5 м к востоку от постройки 29. Разная ориентировка построек не позволяет связать их в единый жилой комплекс, но находились они на одной усадьбе, о чем свидетельствует горелая прослойка, перекрывающая их обеих. Это наземное жилище, от которого сохранились остатки подпольной ямы размерами 3,4 х 3,8 м, глубиной 1,5 х 1,8 м. Стенки ямы отвесные, крепились столбовой конструкцией, от которой сохранились столбовые ямы диаметром 0,3-0,35 м, глубиной 0,4-0,45 м по углам и почти по середине северо-западной и юго-восточной стенок, а также отпечатки заведенных в столбы бревен или плах шириной до 0,3 м вдоль всех стенок ямы. Столбовые ямы и канавки от обшивки стен располагались на уступе шириной от 1,5 до 1,6 м, шедшем вдоль стенок ямы на глубине около 1,05-1,15 м. Пространство между юго-восточной стенкой ямы и столбовой конструкцией, шириной около 0,6 м, было забутовано сырой глиной. Яма ориентирована углами по сторонам света, и ее заполнении поверх мощного слоя древесного тлена лежали остатки сгоревших деревянных конструкций. Судя по находкам в заполнении ямы, она являлась подпольем жилого дома, остатками от которого, возможно, являются узкая полоска древесного тлена шириной 0,05-0,15 м, длиной 3,7 м и пересекающая ее под прямым углом полоса древесного угля шириной 0,05-0,1 м, длиной 2,3 м, образующие северный угол постройки, рубленной, видимо, "в обло". В яме обнаружена половина креста-энколпиона (рис. 72, 15), датирующегося по новгородским аналогиям концом XII – началом XIII вв.[145], стеклянные цилиндрическая зеленая и бочковидная бирюзовая бусины, датирующиеся XI – сер. XIII вв.[146], железный ключ индивидуальной формы, аналогичный ключу из Новгорода XII в.[147], два обломка гребней типа М, конца X – нач. XIII вв.[148], стеклянная бирюзовая лунница (рис. 75, 1), аналогии которой удалось обнаружить только в Старой Ладоге в слоях посл. четв. VIII – перв.

пол. IX вв.[149], и в ареале салтовомаяцкой культуры (Салтово-Маяцкий могильник, Центральное Предкавказье, Дагестан), где они относятся к тому же времени[150]. Кроме того, были найдены 8 обломков стеклянных браслетов различной формы и окраски, железный ключ типа В1 кон. XII – кон. XIV вв.[151], донце стеклянного желтого сосуда конца XI – перв. пол. XIII в.[152], овальноухая пуговица рубежа XI/XII-XV вв., оселок, несколько ножей и более 30 опиленных костей и рогов. Постройка, скорее всего, существовала в кон. XII – перв. пол. XIII вв. и, судя по обилию опиленных костей, могла быть жилищем мастера-костореза.

Постройка 30А/1988 г. От нее сохранилась подпольная яма прямоугольной формы площадью около 4 кв.м, глубиной около 0,6 м, ориентированная углами по сторонам света. Яма нарушена подпольем постройки 30. В заполнении ее найдены бронзовый бубенчик грушевидной формы с крестовидной прорезью, датирующейся X – сер. XII вв., стеклянная эллипсоидная фиолетовая бусина XII – перв. пол. XIII вв., костяной гребень типа М кон. X – нач. XIII вв., обломок стеклянного бирюзового сосуда XI – сер. XIII вв.[153], обломок стеклянного синего сосуда, обломок пряслица из розового шифера, обломок ножа, заготовка для пряслица из стенки горшка, а также бронзовая обкладка сосуда. Постройка, видимо, существовала во втор. пол. XII в.

Постройка 31/1988 г. От нее сохранилась подпольная яма прямоугольной формы площадью около 9 кв.м, глубиной до 1 м, ориентированная углами по сторонам света. В южной ее половине – столбовые ямы диаметром 0,15-0,18 м, глубиной 0,04 м. Многочисленные угольные довольно мощные прослойки в заполнении ямы свидетельствуют о том, что сооружение погибло от пожара. С С-З к яме примыкает развал печи-каменки, относящийся к тому же сооружению. В плане он имеет округлую форму и диаметр около 1 м. Постройка, несомненно, была жилой. В заполнении ее найдены обломок писанки X – втор. пол. XII вв.[154], железный цилиндрический замок типа Б или В нач. XII – нач. XV вв., овальное кресало XII-XIII вв., обломок калачевидного кресала с язычком X – нач. XII вв.[155], 9 обломков стеклянных браслетов, пряслице из розового шифера, обломок железного ювелирного пинцета, 12 кусков оплавленной бронзы, оселок, железный рыболовный крючок, бронзовая заклепка, обломок железной иглы, 3 обломка глиняных болгарских сосудов, глиняное грузило, костяной гребень типа Д кон. X – кон. XII вв.[156]. Учитывая довольно большое количество обломков стеклянных браслетов и ряд других находок (исключая калачевидное кресало), постройку следует отнести скорее ко втор. пол. XII в.

Постройка 32/1983 г. – это наземное, углубленное в землю сооружение, имеющее форму прямоугольника со скругленными углами, ориенти-

рованное по сторонам света. Размеры постройки 2,6 х 2,6 м; углублена в землю она на 0,6-0,75 м. С востока примыкает яма округлых очертаний глубиной 0,3 м, куда провалился развал глинобитной печи. В центральной части камеры прослежены три столба, расположенные по линии С-Ю. Находки: 14 фрагментов стеклянных браслетов, бронзовое перстневидное височное кольцо с заходящими концами, обломок шаровидного тисненого бубенчика (XI-XIII вв.), 2 железных ключа от замков типа В1 (кон. XII – нач. XV вв.), дверной крюк, обломок сковороды и глиняная ручка от нее, 2 железных кольца, 4 ножа, обломок венчика стеклянного сосуда киевского производства, фрагмент светильника киевского типа, обломок стеклянной зонной зеленой бусины киевского производства (кон. XI – нач. XIII вв.), 3 фрагмента поливных желтых плиток от пола (кон. XII – нач. XIII вв.), обломок поливной желтой писанки, орнаментированная костяная рукоять, фрагмент бронзового витого четверного браслета с треугольным завершением, бронзовое височное браслетообразное загнутоконечное височное кольцо, железный черешковый наконечник стрелы бронебойный пирамидальный квадратного сечения с короткой массивной головкой (втор. пол. XII в.). Дата постройки кон. XII – нач. XIII в.

Постройка 33/1982, 1990 гг. Углубленная в землю на 0,8-0,9 м постройка прямоугольной формы размерами 5 х 5,5 м. Стены ее были сделаны из горбылей расколотых пополам бревен диаметром 0,2-0,3 м (иногда использовались целые бревна диаметром 0,18-0,2 м), поставленные в канаву шириной 0,4-0,5 м, глубиной до 0,2 м, шедшую вдоль стенок ямы. Горбыли, видимо, крепились сверху и снизу поперечными брусьями, врубленными в угловые столбы диаметром 0,35-0,4 м, глубиной 0,25 м. Заполнение ямы было однородным; возможно, постройка была разобрана. Находки: 21 обломок стеклянных браслетов, бусы стеклянные – шаровидная бесцветная, битрапецоидные бирюзовая и фиолетовая, зонная бесцветная, печеночно-красная с желтой волнистой инкрустацией, кусочки янтаря, 5 железных игл, фрагменты амфоры и болгарской красной керамики, наконечник железной стрелы, опиленные куски кости, ключ железный (рис. 68, 16), мозаичная плитка от пола. Все находки датируют постройку концом XII – нач. XIII вв. Вероятно, это было хозяйственное сооружение, входившее в комплекс построек 28-29, 33. Во всяком случае, ориентировка всех этих построек идентична.

Постройка 34/1988 г. Большая часть этой постройки уходит в стенки раскопа, вскрыта лишь площадь около 6 кв.м, при глубине 0,7 м. Ориентирована сторонами с ССВ на ЮЮЗ, так же как и постройка 35. Вдоль стенок прослежены канавки шириной 0,1-0,3 м, глубиной 0,04 м, в которые опускался нижний венец срубной конструкции. Около угла выявлена

столбовая яма диаметром 0,15 м, глубиной 0,2 м. В канавках были расчищены остатки бревен в виде тлена шириной около 0,1 м. На 0,05 м выше уровня дна были выявлены остатки досок пола. Прослойка обожженной глины мощностью до 0,2 м указывает на то, что печь находилась в СВ углу жилища. Постройка погибла от пожара, на что указывает прослойка углей мощностью до 0,1 м, покрывающая значительную площадь ямы. В заполнении найдены серебростеклянная зонная бусина X – нач. XIII вв., обломок плоско-выпуклого стеклянного желтого перстня XI – нач. XII вв., бронзовая привеска-амулет в виде ложечки с плетеным орнаментом X – нач. XII вв.[157] (рис. 75, 10), 2 браслета стеклянных, 4 бронзовых пластины, обломок шиферного пряслица, обломок стеклянной голубой бусины, обломок поливного зеленого сосуда, 2 обломка глиняных болгарских сосудов, обломок железной скобы, сапожная подкова, костяное изделие в виде лопаточки (рис. 70, 11). В верхней части заполнения найдены овальнощитковый перстень из свинцово-оловянистого сплава (рис. 65, 10), бронзовый наконечник пояса, обломок стеклянного зеленого перстня. Дата постройки, вероятнее всего, XII в. Возможно, постройки 34 и 35 существовали одновременно.

Постройка 35/1988 г. вошла в раскоп не полностью, представляет собой прямоугольной формы столбовое сооружение площадью около 8 кв.м, углубленное в материк на 0,4-0,45 м, ориентированное по сторонам света с небольшим отклонением к В. Вдоль отвесных стенок ямы выявлена канавка шириной 0,1-0,25 м, глубиной до 0,05 м, куда были врыты столбы диаметром 0,12-0,15 м, скрепленные, видимо, внизу и вверху врубленными в них поперечными бревнами (рис. 55, 1). У ЮВ и ЮЗ стенок сохранились примерно посередине их столбовые ямки, диаметром 0,18-0,20 м, примыкавшие с внутренней стороны к канавкам от столбов. Столбы эти поддерживали поперечные бревна. В СЗ половине ямы, вдоль СЗ стенки, расположено 5 ям диаметром, от 0,45 до 0,5 м, глубиной до 0,25 м, возможно, оставшиеся от врытых в землю сосудов. В ней найдены: стеклянная бусина с линейно-волнистой инкрустацией (XI – нач. XII вв.), обломок стеклянного рифленого зеленого перстня (XI – XII вв.) – рис. 71, 15; обломок амфоры, привеска бронзовая в виде утиной лапки (рис. 75, 4), обломок плинфы, 2 обломка стеклянных браслетов, костяная обойма, железный пробой, обломок дужки замка, 3 ножа, 3 обломка глиняных болгарских сосудов, 2 железных шила, кусочек янтаря, 4 опиленные кости, опиленный рог, глиняная ручка от сковороды, 2 бронзовых пластины, кусочек оплавленной бронзы, 9 кусков шлака, полуфабрикат из кости. Постройка функционировала, вероятно, в XII в.

Постройка 36/1983 г. Наземная, углубленная и землю на 0,5 м. (Сохранилась лишь углубленная в землю часть). Яма имеет форму пря-

моугольника со скругленными углами, она ориентирована по сторонам света, размеры 3 х 2,8-3 м. Постройка имела столбовую конструкцию: вдоль С, З и В стен прослежены канавки со столбовыми ямками, расположенными вплотную друг к другу. Южная стена устроена из досок (или бревен), по углам забранных в столбы. В СЗ углу отмечено скопление столбов, что может свидетельствовать о том, что вход был расположен с запада, ближе к СЗ углу. Этому не противоречит направление половиц остатков пола: они ориентированы по линии З-В. Печь не прослежена. Керамика сероглиняная домонгольская. Из находок встречены: пряслице из розового шифера, обломок ножа, 2 бронзовых предмета, обломок железного кольца, оплавленная глазчатая бусина желтого цвета, фрагмент желтой поливной писанки, 2 оселка. Видимо, это хозяйственная постройка XII-XIII вв.

Постройка 37/1983 г. Наземный дом с подполом. Сохранилась подпольная яма. Она имеет подтрапецоидную форму, с выступом на юго-запад. Основания трапеции обращены на СВ и ЮЗ. Размеры: 5-3,6 х 4,5-6,2 м вместе с выступом. Глубина ямы около 1,5 м, выступа – 0,4 м. В ЮЗ половине расчищены остатки квадратного помещения, ориентированного по сторонам света, размерами 2,7 х 2,7 м. Восточная, западная и южная стенки были облицованы плахами, поставленными на ребро, которые крепились угловыми столбами, диаметр которых колеблется от 0,2 до 0,25 м. У северной границы камеры доска лежала плашмя, возможно, здесь был вход в другое помещение. Отпечатки описанной конструкции прослежены на дне ямы. В пределах ЮЗ камеры прослежены фрагменты досок, ориентированные по линии СЗ-ЮВ – это скорее всего рухнувший пол. В заполнении ямы прослежена линза обожженной глины толщиной около 0,05-0,1 м. На 0,5 м выше дна ямы – вероятно, развал глинобитной печи. Находки: писало XII – нач. XIII вв.[158] (рис. 76, 6), 6 ножей, 2 кольца, обломок ключа, кресало овальное заостренное втор. четв. XII – сер. XIV вв. (рис. 69, 7), обломок замка типа В (сер. XII – втор. четв. XV вв.), ключ от замка типа В1 (кон. XII – нач. XV вв.), пряжка, 2 височных перстневидных кольца с заходящими концами и одно загнутоконечное, привеска – лапка (рис. 75, 3), обломок витого тройного браслета, витой тройной перстень 70 гг. XII – 30 гг. XIII вв. (рис. 65, 19)[159], цепочка, обломок бляхи, обломок двустороннего гребня типа Л (кон. X – нач. XIII вв.), 17 обломков стеклянных браслетов, 13 бусин, среди которых преобладают бусы древнерусского производства, фрагмент оконного стекла, осколки сосуда, 3 обломка амфор, 2 фрагмента плинфы, 2 обломка донец с клеймами, 4 пряслица из розового шифера. Дата постройки кон. XII – нач. XIII вв.

Заканчивая обзор построек третьего строительного периода, существовавших в кон. XII – нач. XIII вв., следует отметить, в общем, сохранение планировки второго строительного периода, возникшей в первой половине XII в. после создания земляных укреплений по периметру кремля. Постройки ставятся на прежних местах (постройки 30 и 31 на месте построек 20 и 30А; постройки 28-29 перекрывают сооружение 18). Происходит некоторое увеличение количества сооружений. В то же время можно выделить постройки, входившие в один хозяйственный комплекс. Это постройки 28-29, составляющие хоромы, с примыкающей к ним хозяйственной постройкой 33. Эти постройки имеют одинаковую ориентировку, причем, фасад главного жилого дома 28 (где была найдена актовая печать), выходил, видимо, в проулок, проходивший перпендикулярно к главной улице, пересекавшей кремль от Ильинских до Дмитриевских ворот.

Постройки 30-31-32 являлись жилыми. Ориентировка их несколько иная, чем у домов 28-29, 33, поэтому, несмотря на отсутствие частоколов, предположительно можно отнести их к другой усадьбе, ориентированной входом на Главную улицу. Также ориентированы постройки 34-35-36-37.

Все описанные постройки погибли от пожара (исключение составляет дом 33). Судя по датировкам вещей, найденных в домах, этот пожар можно соотнести с разгромом Суздаля отрядами татаро-монгольских орд в 1238 г., когда "**Сту вцю разграбиша и двор княжь огнемь пожгоша и монастырь стаг Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша**"[160].

Во всяком случае, скорей-всего, именно с разрушительными последствиями этого нашествия связан нивелировочный слой светло-желтого речного песка, перекрывающий пожарище. Песчаная подсыпка толщиной в 0,02-0,04 м прослеживается во многих местах раскопанной части кремля. Выше этой прослойки всегда залегали культурные отложения XIV-XV вв. (рис. 34), объединенные нами в 4-ый строительный период.

Постройка 41/1982 г. – это наземная срубная постройка размерами 4 х 4,5 м. Построена на глиняной подушке, мощность которой колеблется от 0,1 до 0,2 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Прослежены остатки сильно обгоревших бревен и досок, в виде развала. Здесь и остатки рухнувшего перекрытия, и фрагменты нижних венцов СЗ и ЮВ стен, и фрагменты пола (он настлан по оси СЗ-ЮВ). Печь глинобитная, прослежена у СЗ стены сруба в виде развала. Сохранился ее под - в виде прямоугольника из обожженной глины размерами 1,4 х 1,2 м; мощность слоя обожженной глины 0,1-0,15 м. С ЮЗ к печи примыкала припечная яма. Она имеет округлые очертания, вытянута по линии СВ-ЮЗ, размеры: 1,9 х 1,66 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное, глубина от поверхности материка около 0,09 м, от поверхности пола постройки около 0,06 м. Среди

находок: костяной наборный двусторонний гребень, датируемый третьей четвертью XII – сер. XIV вв.[161], железные удила, пряжка, подкова, два обломка поливного зеленого сосуда. Среди керамики встречаются фрагменты красноглиняной подлощенной посуды, которая начинает бытовать в древнерусских городах с конца XIII в. и связана с заимствованием традиции у болгар. Несмотря на невыразительность находок, постройка довольно точно датируется кон. XIII – нач. XIV вв., так как она построена на слое пожарища и песчаной его нивелировки, который связывается с татаро-монгольским разрушением.

Постройка 42/1982 г. Это углубленная в землю часть сооружения, или хозяйственная яма (погреб?). Имеет форму прямоугольника размерами 2,2 х 1,3 м, ориентированного углами по сторонам света. От С угла к СВ стенке раскопа отходит "коридор" шириной 0,9 м, длиной 0,5 м. Стенки ямы вертикальные, дно ровное, углублена в материк на 0,1 м. Вдоль всех стенок расположены столбовые ямки диаметром 0,05-0,1 м, углубленные в дно ямы на 0,15 м (в среднем). Возможно, это остатки какой-то плетневой конструкции. Постройка 42 перекрывает постройку 29. Среди находок: бронзовый крест кон. XV – нач. XVI вв. (рис. 73, 8)[162], два тверских и три московских пула кон. XV – нач. XVI вв.[163], обломок сапожной подковы, фрагменты красно-глиняной подлощеной, так называемой "московской" посуды. Найдены также вещи более раннего периода: 2 обломка стеклянных браслетов, железный ключ (рис. 68, 15) от ларца (рубеж XI-XII – втор. пол. XIV вв.)[164], бронзовая привеска-ложечка (X – нач. XII вв.)[165] – рис. 75, 9. В постройку они попали в результате перекопа. Дата постройки кон. XV – нач. XVI вв.

Постройка 43/1982 г. Сохранилась плохо, в основном в виде пятен желтой глины, золы, угля, древесного тлена. Вероятно, это было наземное сооружение, ориентированное по сторонам света. Прослежена восточная граница здания в виде полосы древесного тлена длиной 2,4 м, шириной 0,15 м. Размеры постройки около 4,0 х 4,0 м. Печь, вероятно, располагалась в СВ углу; прослежен ее развал в виде пятна сырой и обожженной глины с золой и углями. С Ю он окаймлен полосой древесного тлена длиной 1,6 м, шириной около 0,1 м – возможно, остатки опечка. Здесь же прослежены столбовые ямки. Находки маловыразительные. Особо следует отметить две монеты удельного периода (одна – перв. пол. – сер. XV в., вторая – втор. пол. XV в.). Они-то и датируют жилище второй пол. XV в.*

Постройка 44/1983 г. Наземная, размерами, примерно, 4 х 4 м. Прослежено пятно горелого слоя толщиной до 0,1 м. Печь глинобитная, раз-

* Определение монет произвел П. Г. Гайдуков.

меры: 1 х 1,5 м, располагалась, вероятно, вблизи юго-западной стены. Под ней прослежены остатки пола; половицы ориентированы по линии СЗ-ЮВ. В горелом слое найдено скопление оплавленной бронзы размерами 0,4 х 0,3 м с берестой и лыком. Находок мало, они невыразительны: нож, обломок косы горбуши и т. п. Стратиграфически датируется XIV-XV вв., так как она возникает на нивелировочном песчаном слое, связанном с татаро-монгольским разрушением.

Постройка 45/1984 г. Наземная, размером 5,5 х 4 м. Прослежена по прослойкам сырой и обожженной глины (толщиной до 0,2 м) с интенсивной примесью золы и угольков. Печь, видимо, располагалась в середине СЗ стены. Сохранились следы от столбового опечка.

Размеры печи 2 х 2 м; развал ее смещен к югу. Находки крайне невыразительны: несколько фрагментов поливного зеленого сосуда, 2 сапожные подковы и т. п. Датировать можно широко: XIV-XVI вв. Но, скорее всего, по стратиграфическим условиям XIV-XV вв.

Постройка 46/1984 г. Сохранилась углубленная в землю часть. Яма имеет форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированными по сторонам света. Размеры: 3,4 х 2,3 м. Углублена в материк на 0,9 м. На дне вдоль стен прослежены столбовые ямки и канавки от нижних частей деревянных конструкций. Стены были выложены горизонтальными бревнами (или плахами), которые поддерживались вертикально стоящими столбами. Находки крайне невыразительны: 2 сапожные подковы, светец, бронзовый предмет в виде ножа для разрезания бумаги (часть застежки книжного переплета).

Постройка 47/1985 г. От постройки сохранилась яма в форме прямоугольника со скругленными углами, размерами 3,3 х 1,4 м (вытянута СЮЗ на СВ), углубленная в материк на 0,6 м. Среди находок: красноглиняный лощеный кувшин, красноглиняный водолей со сливом, оформленным в виде головы барана и обломок еще такого же водолея. Аналогии этим водолеям известны в слоях XV в. в Новгороде и Москве[166], колокольчик красноглиняный, ключ от замка типа В (втор. пол. XII – втор. четв. XV вв.)[167], обломок детской свистульки. Дата постройки – XV в.

Постройка 48/1987 г. Сохранилась ее углубленная в земли часть. Яма имеет форму овала, вытянутого с СЗ на ЮВ. Размеры 3,1 х 1,5 м. Она углублена в материк на 0,2-0,4 м. Среди находок: овальное кресало (XIII – втор. пол. XV вв.)[168], сапожная подкова, пружина от цилиндрического замка. Дата постройки – XIV-XV вв.

Таким образом, на всей площади раскопа к периоду XIV-XV вв. можно отнести восемь жилых и хозяйственных построек, то есть заметно меньше, чем в период XII-XIII вв.

Постройка № 42 перерезала постройку № 29; постройка № 44 была выстроена на месте дома № 32. Сооружения № 45 и 46 поставлены на новом месте, не освоенном в предыдущие века. По-видимому, это вызвано тем, что на слое пепелища ставить дома новые хозяева не захотели. Следует отметить довольно невыразительный, небогатый инвентарь в жилых домах. Видимо, значительная часть населения Суздаля переселялась вместе с князьями в Нижний Новгород, где шло бурное строительство и была нужда в различного рода ремесленниках. Во всяком случае на исследованном участке кремля ни одной ремесленной мастерской в этот период не обнаружено.

Примечания к разделу а. Главы IV

1. Воронин Н. Н. Раскопки в Суздале в 1936 г. С. 93-95, табл. XIV, 8.
2. Дубынин А. Ф. Археологические исследования г.Суздаля (1936-1940 гг.) // КСИИМК. Вып. XI. М.-Л., 1946. С. 93.
3. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. I. С. 35, рис. 5; История культуры Древней Руси. Т. I. М.-Л., 1951, Рис. 128.
4. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Древнего Новгорода // МИА. № 117. М., 1963. С. 107, рис. 1, 3, 4.
5. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. 1969. С. 80, рис. 66.
6. Равдина Т. В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 140.
7. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. С. 169, табл. 1, 10.
8. Дубынин А. Ф. Археологические исследования Суздаля. С. 97.
9. Смирнов А. П. Волжская Болгария. М., 1951. С. 262; Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. С. 61-68.
10. ПСРЛ. Т. I, Стб. 460; Александровский В. А. Поливные половые плитки детинца во Владимире // МИА. № 11. М.-Л., 1949. С. 239-243.
11. Дубынин А. Ф. Археологические исследования Суздаля. С. 96.
12. Goldschmidt A. Die Elfenbeisculpturen aus der Romanischen Zeit XI-XIII. Yahrhundert. Boll IV. Berlin, 1926, Taff LXXVIII. S. 59; Loomis R. Sh. Arthurian Legends in Medieval Art. London, 1938. Fig. 19-24; Родина М. Е. Культурные и внешнеторговые связи городов Владимиро-Суздальской земли // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 175-176; Даркевич В. П. Международные связи // Археология СССР. Древняя Русь (город, замок, село). М., 1985. Табл. 170, 9.
13. Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. Табл. 27, 8. С. 124, № 142.
14. Голубева Л. А. Новый образец свинцовой печати из Суздаля // КСИИМК АН СССР. Вып. XXIX. 1949. Рис. 28. С. 109-111.
15. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970. С. 148-149, № 317.
16. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. Рис. 8.
17. Там же, рис. 6.
18. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981. С. 10, рис. 2, 9.
19. Там же. С. 52, рис. 17, 4.
20. Там же. С. 54, рис. 16, 8, 13.
21. Беленькая Д. А. Медная пластика городов Московской Руси (XIII-XV вв.) // КСИА, вып. 208.
22. Седова М. В. Ювелирные изделия. С. 86, рис. 31, 1; 32, 6; рис. 31, 2, 4; С. 89, рис. 31, 15.

23. Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами // СА, № 4, 1971. С. 114-126.
24. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 98, рис. 4.
25. Культура Биляра. М., 1985. С. 126, табл. X IV.
26. Колчин Б. А. Указ. соч. С. 96, рис. 2.
27. Дубенский Н. Сельские постройки во Владимирской губернии // Журнал министерства государственных имуществ, 1855, VII. С. 191-192.
28. Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 65-66.
29. Варганов А. Д. К архитектурной истории Суздальского собора (XI-XVII вв.) // КСИИМК, вып. XI. М.-Л., 1945. С. 99-106; Он же. История одного здания // О родном крае. Ярославль, 1978. С. 19-30; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв., т. I. М., 1961; Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М., 1975.
30. Воронин Н. Н. Боголюбовский саркофаг // КСИИМК, вып. XIV, 1974. С. 78-83.
31. ПСРЛ. Т. I. Стб. 366.
32. Варганов А. Д. Обжигательные печи XI-XII веков в Суздале // КСИИМК, вып. 65, 1956. С. 51-54, рис. 17.
33. Воронин Н. Н. и др. Среднерусская экспедиция // КСИА, вып. 81, 1960. С. 86-88.
34. Воронин Н. Н. Отчет о работе Суздальского отряда Среднерусской экспедиции 1958 г. Архив ИА Р-I, № 1869. С. 20.
35. Вагнер Г. К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах // КСИА, вып. 81, 1960. С. 25-30.
36. Седов В. В. Отчет о раскопках в Суздале в 1967. Архив ИА, Р-I, № 3476; Он же. Отчет об археологических раскопках в Суздале в 1970 г. Р-I, № 4208.
37. Седов В. В. Отчет о раскопках в Суздале в 1967 г. Архив ИА, Р-I, № 3476. С. 2-4.
38. Седов В. В. Отчет о археологических раскопках в Суздале в 1970 г. Архив ИА, Р-I, № 4208.
39. Седов В. В. Исследования в Суздале // АО за 1970 г. М., 1971. С. 86-88.
40. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 98, рис. 4.
41. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ, вып. Е1-36. Л., 1973. С. 16.
42. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 94-95, рис. 1, 1.
43. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. С. 172-173, табл. 9, 11.
44. Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ, вып. 43. М., 1967. С. 215-216, рис. 28, 4.
45. Спицын А. А. Владимирские курганы. Рис. 281. С. 121.
46. Аладжов Д. Средневековни накити. Хасково, 1980.
47. Седов В. В. Две заметки по археологии Суздаля. С. 63-64.
48. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55, М., 1956. С. 230, рис. 3, 4б; рис. 4, 5.
49. Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е 1-55, 1968. С. 43-45.
50. Седов В. В. Две заметки... С. 63-64.
51. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня. С. 16.
52. Седов В. В. Исследования в Суздале // АО за 1970 г. М., 1971. С. 87.
53. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 156, рис. 62, 1-5.
54. Седов В. В. Отчет об археологических раскопках в Суздале в 1970 г. Архив ИА Р-I, № 4208. С. 7.
55. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. III. М., 1964. С. 479.
56. Писцовая книга города Суздаля 1617 г. // Ежегодник Владимирского статистического комитета, вып. I. Владимир, 1875. С. 252.
57. Список с писцовой книги г.Суздаля с 7136 по 7138 гг. // Труды Владимирской архивной комиссии, т. 6. Владимир, 1904. С. 1.
58. Клировые ведомости о церквах и приходах г.Суздаля и пригородных сел, состоящих в ведомстве Покровского монастыря за 1851 г. Архив Суздальского музея. Оп. 1, дело № 9, лист 42.
59. Варганов А. Д. Суздаль. Владимир, 1957. С. 52-53.

60. Новиков Н. Древняя российская вивлиофика, т. XIX. М., 1791. С. 356-367.
61. Седова М. В. Ювелирные изделия, рис. 16, 3.
62. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, рис. 5-6.
63. Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 1, 1.
64. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня, рис. 29, III; Данилов В. В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991, рис. 9, 6.
65. Седова М. В. Ювелирные изделия. С. 144, рис. 56, 1.
66. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 100-101.
67. Корзухина Г. Ф. Об Одине и кресалах // Средневековая Русь. М., 1976. С. 135-140.
68. Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. Новые находки скандинавских рунических надписей на террдтории СССР // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 182-186, рис. 1-2.
69. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. С. 164-179.
70. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 101, рис. 6.
71. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня, рис. 29, V; Данилов В. В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991, рис. 6,5; 9,3.
72. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. // САИ, вып. Е1-36, 1966. С. 62, табл. 30, 25; С. 64, табл. 15, 31-32, 18, 12, 20, 31; С. 83, 84, табл. 30, 17, 28, 19, 32, 25, 15, табл. 14, 30; Данилов В. В. Предметы вооружения..., рис. 1-3.
73. Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля... С. 133, 135, табл. 1,8.
74. Томсинский С. В. Наземные жилища раннесредневекового Суздаля, по материалам раскопок 1979 г. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. С. 102-113.
75. Arne T. La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914, Abb. 277-281; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. Abb. 920; Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. Н. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб., 1914, рис. 47. С. 27.
76. Спицын А. А. Гнездовские курганы..., рис. 61, 64, 66.
77. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 101.
78. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. С. 158; Данилов В. В. Предметы вооружения..., рис. 3,19.
79. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. // САИ. Е1-44. М., 1964. С. 19-20.
80. Корзухина Г. Ф. Русские клады. Л., 1954, таб. IX,9; XII,1.
81. Спицын А. А. Кочевнический курган близ г.Юрьева Польского // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 81, рис. 9.
82. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 104.
83. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. Л., 1983. С. 202-230, рис. 26.
84. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 110, табл. XVII,4.
85. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 66, рис. 23,1.
86. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. С. 84.
87. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 271, рис. 382.
88. Лелеков Л. А. Искусство древней Руси и его связи с Востоком // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 55-81.
89. Кондаков Н. П. Македония. Археологическое путешествие // ИОРЯС, СПб., 1909, табл. III.
90. Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. М., 1969. С. 292, 335 (илл. 218).
91. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. Л., 1981. С. 32, рис. 8, табл. XIII,5.
92. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. С. 146.

93. Овчаров Н. Два медни пандантива с изображения на архангели от Преслав. // Археология, книга 1-2, 1981. С. 89-95.
94. Древние сокровища Белоруссии. Минск, 1971, № 33.
95. Tonisson E. Die Gauja-Liven und ihre materialle Kultur (11jh-anfang 13 jhs). Tallin, 1974, s. 86-87.
96. Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, выл. 1, № 150, табл. XIV, 150.
97. Nordman. Karelska jarnaldersstudier Finska fornminnesforeningens, Tidskrift, XXXIV, Helsinki, 1924, S. 176, big. 153.
98. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере (X-XIII вв.). М., 1973. С. 129, рис. 12, 14.
99. Salmo H. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland, SMYA, XLII, Helsinki, 1930, big. VIII, 4; XII, 7, 9; Данилов В. В. Предметы вооружения... С. 82-83, рис. 3, 1-3.
100. Draktspannen fran Lunds // Archaeologica Lundensa, IV, Lund, 1970, abb. 85.
101. Данилов В. В. Предметы вооружения..., рис. 7,1.
102. ПСРЛ, т. 1. Стб. 238.
103. ПСРЛ, т. 1. Стб. 240.
104. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 171.
105. Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни, X-XIII вв. М., 1967. С. 272, рис. 31, 11; 33, 1.
106. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 166.
107. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 94-96.
108. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. С. 167 (вариант 2).
109. Щапова Ю. Л. Указ. соч. С. 167-168.
110. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 97, рис. 1, 15.
111. Колчин Б. А. Указ. соч. С. 100-101.
112. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы. С. 167-168.
113. Седова М. В. Ювелирные изделия. С. 94-96.
114. Там же. С. 14.
115. Там же. С. 86.
116. Там же. С. 98.
117. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 162.
118. Кирпичников А. Н. Снаряжение коня и всадника. С. 16; Данилов В. В. Предметы вооружения... С. 88, рис. 8,5.
119. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, табл. 30, 78, 98; Данилов В. В. Предметы вооружения... С. 81, рис. 3, 5, 29.
120. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 162.
121. Колчин Б. А. Указ. соч. С. 172.
122. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы. С. 177.
123. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв., т. 1. М.: Наука, 1970. С. 87.
124. Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928. С. 75-78.
125. Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. М.-Л., 1951, т. 11, рис. 223б, 16.
126. Янин В. Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 100-101, рис. 38.
127. Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.: Наука, 1964. С. 166.
128. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389-390; Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой половине XIII вв. // Историческая география России XII – нач. XX вв. М.: Наука, 1975. С. 39-42.
129. ПСРЛ. Т. 33. С. 62.

130. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 41-42.
131. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи, т. 1. М.: Искусство, 1963. Рис. 15-16 (№ 10).
132. Живопись древней Руси XI – начала XIII века (мозаики, фрески, иконы). Л.: Художник РСФСР, 1982. Рис. 133.
133. Образки с конным изображением св.Георгия известны из курганов близ с.Гочево Курской обл. (XII в., ГЭ ОИПК 819/184), близ с.Клименки Смоленской обл. (XII в. ГЭ ОИПК 812/644), а также из раскопов Т. Н. Никольской в г.Серенске (Архив ИА РАН Р-I, 1965 г.) и из раскопок в Новгороде из слоев XII в. (Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X-XV вв. М.: Наука, 1981. Рис. 20,11; 24).
134. Бобринский А. А. Резной камень в России, вып. 1. М., 1916, табл. 9, 10, 12; Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. М.: Искусство, 1969. Рис. 174, 175.
135. Янин В. Л. Актовые печати..., т. 1. С. 166, 229.
136. Янин В. Л. Указ. соч. С. 102.
137. Например, печать с изображением святых Георгия и Василия, которую Н. П. Лихачев определил как принадлежавшую отцу Всеволода III – Юрию Владимировичу Долгорукому. Помещенное на лицевой стороне буллы изображение св.Георгия, вынимающего меч из ножен, стилистически очень близко облику св.Дмитрия на публикуемой нами печати; Янин В. Л. Указ. соч. С. 101 (№ 230); Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. С. 79-81, рис. 37.
138. Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 381.
139. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 162.
140. Данилов В. В. Предметы вооружения... С. 88, рис. 7,4.
141. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X-XV, СА № 2, 1960. С. 74
142. Колчин Б. А. Хронология. С. 100, рис. 5-6.
143. Седова М. В. Ювелирные изделия. С. 55, рис. 16, 20.
144. Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на ул.Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 221, рис. 35.
145. Седова М. В. Ювелирные изделия. С. 57, рис. 17, 5.
146. Щапова Ю. Л. Стеклинные бусы древнего Новгорода. С. 175.
147. Колчин Б. А. Хронология. С. 95, рис. 1.
148. Колчин Б. А. Указ. соч. С. 100-101, рис. 5,4.
149. Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 69, рис. 27, 11-13.
150. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 135-143.
151. Колчин Б. А. Указ. соч. С. 97, рис. 2.
152. Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. С. 54-60.
153. Щапова Ю. Л. Указ. соч. С. 54-60.
154. Колчин Б. А. Хронология, рис. 8.
155. Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 4.
156. Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 6.
157. Седова М. В. Указ. соч. С. 26; рис. 7, 10-11.
158. Медведев А. Ф. Древнерусские писала. С. 76. Рис. 1, 6, 7.
159. Седова М. В. Ювелирные изделия Новгорода. С. 125.
160. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.
161. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 163.
162. Беленькая Д. А. Мелкая пластика Московской Руси // КСИА, вып. 208. М., 1992.
163. Определение П. Г. Гайдукова.

164. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 162.
165. Седова М. В. Ювелирные изделия. С. 26; Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. С. 98-99.
166. Розедфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. САИ Е1-39. М., 1968, табл. 13,7; Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985, рис. 270.
167. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 97, рис. 2.
168. Колчин Б. А. Указ. соч. С. 99, рис. 4.

б. ***Окольный город (острог)***

Первоначальное исследование окольного города было положено раскопками А. С. Уварова в 1851 г. на "Теремках" (см. выше в разделе историографии). В 1939 г. в восточной части окольного города (на территории двора Райлесхоза) А. Д. Варгановым проведены пробные раскопки, зафиксировавшие непотревоженный культурный слой толщиной 0,8 м. В предматериковом слое обнаружены подпольные ямы жилищ с провалившимися туда углем, обожженными камнями, обожженной глиной. Находки, обнаруженные в раскопе (обломки стеклянных браслетов, ножи и пр.) датируют этот слой предмонгольским периодом (XII-XIII вв.)[1].

В 1973 г. к северу от ц.Скорбящей Божьей Матери (пл.Торговая) во время прокладки кабеля в траншее был зафиксирован угол полуземляночного жилища. Археолог Суздальского музея П. И. Куглюковский сделал прирезку к этой траншее. В результате исследований были вскрыты две разновременные постройки, причем, одна из них перерезала другую (рис. 35, А). Постройка № 1 (частично вскрытая траншеей) расположена была северо-восточнее постройки № 2; размеры ее 4 х 5 м, в материк она углублена на 1,8-2 м, "отвесные стены были облицованы вертикально поставленными досками; пространство между досками и стенами плотно забито глиной. По углам, в материке обнаружены ямы от столбов диаметром до 0,3 м. Между столбами по периметру жилища проходит канавка глубиной 0,3- 0,4 м, куда ставились и присыпались грунтом нижние концы облицовочных досок"[2]. На полу, подмазанном глиной и покрытом слоем угля, расчищены обгорелые бревенчатые конструкции, возможно, от опечка (размерами 1,2 х 1,4 м). Найдены рухнувшие доски перекрытий, большое количество обуглившегося зерна. Сооружение погибло от пожара. Среди находок значительный интерес представляют фрагменты деревянной обгорелой посуды – редкие находки для городов Северо-Восточной Руси, в Суздале известные лишь по раскопкам В. В. Седова в 1970 г. Найдены выточенные на токарном станке блюдо и чаша на стояне (рис. 18, 7) близкие по форме новгородской посуде[3]. Довольно своеобразен резной ковш с рукояткой в виде стилизованной фигуры дракона (рис. 18, 11). Найдены также фрагменты трех ложек, причем, одна из них украшена плетеным орнаментом (рис. 18, 8-9).

В обнаруженном берестяном туеске (диаметром 10 см, высотой 20 см) находились остатки обугленной одежды, состоящей из меха и трех видов ткани – шерстяной, шелковой и льняной. По-видимому, среди этих остатков была юбка на подкладке, заложенная в крупную складку и часть одежды полотняного переплетения в мелкую сборку. Сохранились

остатки шелкового ворота с растительным орнаментом, вышитым золотной нитью* .

Уникальной находкой является целый поливной кувшин покрытый полихромной росписью (рис. 36). Тулово его окрашено в зеленовато-серый тон, а в пяти местах нанесен линейный эпиграфический орнамент белым цветом по синему фону. Надпись арабской вязью гласит: Аллах-помощь (опора)** . Кувшин (высотой 0,19 м) изготовлен из хорошо отмученной серой глины; по форме он подражает восточной металлической посуде; особенно это ощущается в очертаниях носика-слива. Довольно близкую аналогию ему по форме представляет глиняный монохромный кувшин XIII в. так называемого "Султанабадского" стиля из Ирана. По-видимому, суздальский сосуд происходит из Сирии или Ирана и датируется XII – нач. XIII вв.[4]

Кроме поливного кувшинчика, в постройке были найдены три целые сосуда болгарского происхождения. Один кувшин (высотой 23,5 см) серый, без слива, с вертикальным полосчатым лощением, характерен для домонгольской болгарской керамики (рис. 37, 1). Другой кувшинчик (высотой 14 см) коричневый, со сливом, с вертикальным полосчатым лощением и ямочным орнаментом, не является чисто болгарской формой (рис. 37, 2). Третий сосуд (высотой 26,3 см) – это сероглиняная корчага с двумя круглыми ручками-петельками, зигзагообразным лощением по горлу и линейным узором на тулове. Близкие по типу корчаги встречены среди болгарской керамики X-XI вв.[5] (Рис. 37, 3).

Из остальных находок следует отметить нож железный с деревянной рукоятью, украшенной плетенкой (рис. 38, 1), наконечник стрелы (X-XII вв.), фрагменты стеклянных сосудов и браслетов, бронзовую треугольную накладку с узором в виде пальметки (рис. 37, 5). В целом, постройку № 1 можно датировать XII в., скорее его первой половиной. Сооружение, безусловно, принадлежало зажиточному горожанину, так как в составе инвентаря оказались и предметы импорта, и разнообразные бытовые изделия с художественной обработкой.

Постройка № 2 в своей северо-восточной части перерезала постройку № 1, перекрыв две ее столбовые ямы. Следовательно, постройка № 2 возникла позднее. Форма ее подпрямоугольная с уступчатыми стенами, размеры 4,7 х 5,4 м, в землю заглублена на 1,3 м. На полу обнаружены остатки венца сруба, положенного в специально вырытые с восточной и

* Реставрация тканей проведена в 1990 г. в Центральных реставрационных мастерских им. И. Э. Грабаря реставратором А. Г. Волынцевой-Шуриной,

** Определение Г. А. Федорова-Давыдова. По мнению В. С. Сегаля, надпись на сосуде наносил мастер, не понимавший ее смысла, копировавший ее лишь в качестве орнамента.

западной сторон канавки. Внутри венца, по его периметру, прослежена прямоугольная конструкция, стенки которой образованы из 83 вбитых в материк кольев. Западная стена кольевой конструкции уходит за пределы сруба. Здесь находился, видимо, вход в постройку, представлявший собой прямоугольное сооружение площадью 2,4 х 2,2 м, возвышающееся над уровнем пола постройки № 2 на 0,7-0,8 м. Стены входа-тамбура были укреплены вертикальными кольями, для которых была вырыта канавка глубиной 0,3 м. В постройке № 2 найден целый стеклянный браслет черного цвета, каменный четырехконечный крестик (рис. 37, 4), бронзовый пластинчатый перстень (рис. 37, 6), большое количество керамики, обломки стеклянных браслетов, двусторонний костяной гребень, множество костей животных.

Вещевой материал датирует комплекс домонгольским периодом, скорее всего кон. XII – нач. XIII вв.

Яркие находки из раскопанных П. И. Куглюковским комплексов, а также необходимость детального изучения территории посада, его топографии и застройки, времени возникновения здесь жизни, превращения неукрепленного посада в "окольный город", характера занятий населения – все эти вопросы явились основанием для дальнейшего изучения площади около раскопа 1973. С 1974 по 1976 гг. в течение трех полевых сезонов археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под руководством автора исследовала территорию, непосредственно примыкавшую с юго-запада к раскопу 1973 г.[6] Раскоп общей площадью около 600 кв.м расположен к западу от Скорбященской и Цареконстантиновской церквей (пл.Торговая) – рис. 35, 6. Строительство существующих ныне церквей относится к XVIII в. (Цареконстантиновская церковь – 1707 г., Скорбященская церковь – 1787 г.). Однако писцовые книги г.Суздаля 1628-1630 гг. показывают, что на этом месте стояла "церковь ружная во имя Царя Константина древяна клецки, другая церковь теплая во имя Здвижения честнаго креста"[7]. Вероятно, деревянные церкви существовали на этом участке и в более древнее время, так как в южной и юго-восточной части раскопа было зафиксировано городское кладбище XV – нач. XVIII вв. Вскрыто около 100 погребений, расположенных ярусами, прекрывающими друг друга. Погребения ориентированы головой на запад, иногда с отклонениями на юго-запад или северо-запад. Прослеживаются деревянные гробовины. Захоронения, в основном, безынвентарные. Исключение составляют крестытельники, по которым, учитывая стратиграфию погребений, можно проследить развитие форм крестов и хорошо датировать кладбище. Наиболее древние формы крестов относятся к XV в. Эту же дату подтверждает находка медной монеты – тверского пула конца XV в.[8] Прослежены ин-

тересные архаические детали погребального обряда, в частности, обертывание покойника берестой, наличие углей в засыпке могилы, употребление перстнеобразных височных колец в женских прическах, положение усопшего с ножом у пояса. Погребения потревожили нижележащие напластования культурного слоя в юго-восточной части раскопа на площади свыше 100 кв.м. Граница кладбища идет в направлении северо-восток – юго-запад.

Стратиграфия раскопа очень сложная. Большая часть слоя нарушена поздними перекопами, в основном XVII-XVIII вв., что и понятно, так как именно в это время город переживал бурный расцвет и интенсивно застраивался. Напластования XIV-XV вв. на основной площади раскопа незначительны, что можно объяснить общим запустением города после монголо-татарского нашествия 1238 г. Разрушенный город в дальнейшем подвергался повторным разорениям монголо-татар в 1293 и 1382 гг.[9] Кроме того сильные моры 1352 и 1410 гг. уничтожили большое количество жителей, и город не смог восстановить свое былое величие.

Наиболее непотревоженные отложения культурного слоя относятся к домонгольскому периоду (рис. 35). На исследованном участке толщина этих отложений составляет 0,3-0,4 м. В северной части раскопа в направлении СВ-ЮЗ зафиксированы остатки немощеной улицы шириной 4 м, отгороженной с двух сторон частоколами двух усадеб, расположенных по обе стороны от улицы. Частоколы состояли из вертикальных бревен диаметром 0,12-0,15 м, поставленных в землю на глубину 0,3-0,4 м. От бревен сохранились лишь ямки и канавки, дающие представление о направлении частокола. Следует отметить, что способ устройства частоколов, расположенных по обе стороны улицы, различен. Северная линия частокола ставилась в заранее вырытую канавку шириной около 0,4 м, причем, концы кольев были обрублены плоско. Линия кольев придавливалась горизонтально лежащими лагами и присыпалась землей. Южная линия частокола состояла из вбитых в землю заостренных кольев. Частоколы неоднократно ремонтировались и при этом передвигались на 0,4-0,6 м, сохраняя в основном свою ориентировку.

Сопоставление исследованного отрезка улицы с планом г.Суздаля XVIII в. (1779 г.), снятого до перепланировки города (рис. 60), позволяет считать, что раскопками открыта часть улицы, носящей на плане название "Цареконстантиновский заулок". Улица эта шла радиально от кремля к одним из трех проезжих ворот окольного города, а именно к восточным воротам, ведшим в древности к Кидекше и далее к городам Стародубу, Ярополчу, Гороховцу, Нижнему Новгороду. До сих пор один из расположенных вблизи раскопа переулков носит название Воротищенского.

В домонгольских слоях, несмотря на небольшую их толщину, отчетливо выделяются три строительных периода. Древнейшим из них, относящимся ко времени первоначальной застройки этого участка, является период существования трех углубленных в землю построек. Все они ориентированы в направлении северо-восток – юго-запад, то есть ориентировка их соответствует направлению улицы, и отстоят друг от друга на расстоянии 6-10 м.

От постройки № 1 сохранилось подполье овальной формы, площадью около 16 кв.м, заглубленное в материк на 1,05 м. Вдоль стены сооружения по всему периметру прослежен уступ шириной 0,6 м, расположенный на 0,58-0,6 м ниже дневной поверхности. Дно сооружения с северо-востока на юго-запад пересекает материковый выступ шириной 0,4 м, высотой 0,1 м. В северо-западной половине прослежены остатки сползшей печи в виде обгоревших камней и кусков глиняной обмазки. От деревянной конструкции сооружения сохранились следы восьми опорных столбов: пять столбов вдоль внешней границы сооружения и три внутри сооружения, вдоль уступа западной стены. Земляные стены сооружения, судя по слою древесного тлена толщиной 0,14 м, были закрыты вертикально поставленными горбылями.

В заполнении постройки обнаружены два фрагмента киевских бокальчиков желтого стекла, датируемых втор. пол. XI – перв. пол. XII вв.[10]; битрапецоидная бусина желтого стекла, датируемая по новгородским материалам перв. пол. XII – сер. XIII вв.[11]; перстнеобразное с заходящими концами височное кольцо X-XIII вв.[12] (рис. 40, 8); трехбусинное височное кольцо XII-XIII вв.[13] (рис. 40, 9), шиферное пряслице X-XIII вв. (рис. 39, 4), фрагмент шиферного креста XII-XIV вв. (рис. 41, 3), типа, наиболее распространенного в XII в.[14] Перечисленные находки позволяют отнести сооружение к XII в.

В 6 м северо-западнее первого сооружения прослежена яма полуземлянки № 2, почти прямоугольной формы. Площадь сооружения около 20 кв.м. Дно опущено в материк на 0,6 м. У северо-западной границы сохранились следы входа в помещение. Из конструктивных деталей обнаружены также следы пяти опорных столбов: три из них помещались внутри сооружения у юго-западной его стены и два – вне сооружения, у его границ. Печь находилась в восточном углу полуземлянки. Здесь сохранилось пятно обожженной глины и фрагменты глиняной обмазки. Деревянные стены сооружения, по-видимому, состояли из плах толщиной не менее 0,06-0,07 м, так как по всему контуру полуземлянки прослежен слой древесного тлена.

Среди находок в заполнении полуземлянки № 2 имеются костяная петля для подвешивания колчана (рис. 41, 8) близкая находке из Смолен-

ска[15]; два шиферных пряслица X-XIII вв.[16]; железный стиль, датируемый по новгородским аналогиям кон. XI – нач. XII вв.[17] (рис. 76, 7), фрагмент венчика стеклянного киевского сосуда с завернутым краем, датируемый сер. XI – нач. XIV в. (наиболее распространены такие сосуды были в XII в.)[18]; круглая стеклянная бусина X – нач. XII вв.[19] Находки позволяют отнести полуземлянку к началу XII в.

В 10 м южнее второй полуземлянки открыта полуземлянка № 3, прямоугольной формы. Глубина сооружения 1 м, площадь около 20 кв.м. Стены ямы имели несколько небольших уступов. С северо-запада к основной яме сооружения примыкала прямоугольная вытянутая с северо-запада на юго-восток яма входа с чашеобразным дном, опущенным в материк на 0,45 м.

От деревянной конструкции сооружения сохранился один внутренний столб, диаметром 0,45 м, открытый в северо-западном углу полуземлянки, и след деревянной обшивки стен – полоса древесного тлена шириной 0,06 м, прослеженная по всему контуру ямы. В заполнении постройки обнаружены: мерянская подвеска X-XII вв. литая по восковой модели[20] (рис. 40, 11); крестик из янтаря, датируемый по новогородским аналогиям X – рубежом XII-XIII вв.[21] (рис. 72, 2); ключ типа Б (XII-XIII вв.)[22] – рис. 68, 4; игла железная с подвижным кольцом, датируемая XI-XIV вв. Наибольшее распространение этот тип изделий получил в конце XII – перв. пол. XIII вв.[23] Кроме того, при изучении полуземлянки найдены три стеклянных браслета XII-XIII вв., шиферное пряслице XI-XIII вв. Находки датируют постройку началом XII в.

Таким образом, первый строительный период на данной территории посада относился к началу XII в.

Второй строительный период на исследованном участке характеризуется наземными постройками. От них сохранились остатки печей и подпечных ям, хозяйственные ямы-подполья, иногда следы земляного пола, подмазанного глиной. На севере рассматриваемой территории, на площади около сорока квадратных метров, в непосредственной близости друг от друга зафиксированы остатки трех наземных построек (рис. 35).

Центральное место в раскопе занимают остатки печи одного из наземных сооружений (№ 4), состоящие из трех овальных ям разного диаметра. Основная часть – это овальная подпечная яма (диаметром 2,2 м), с чашеобразным дном, опущенным в материк на 0,5 м. Припечная яма (диаметром – 1,07 м) примыкает к ней с востока, округлое дно ее опущено в материк на 0,5 м. Дополнительная, третья яма (диаметром – 0,62 м) примыкает с северо-востока, дно ее заглублено в материк на 0,52 м. Все три ямы имеют небольшие уступы на стенках. С запада, юга и востока печь окружена пятнами утрамбованной глины, видимо, являющимися

остатками пола. На расстоянии 1,3 м восточнее остатков печи прослежен отпечаток угла срубной постройки, ориентированной по сторонам света.

В заполнении печной ямы обнаружена серебряная литая монетовидная привеска с растительным орнаментом (рис. 40, 3). Подобные привески, но выполненные в технике скани, найдены во владимирских курганах и Гнездовском кладе X в.[24] Аналогичные литые привески широко известны в костромских, орловских, смоленских, владимирских курганах XI-XII вв.[25] Найдены также костяной гребень (рис. 41, 4), относящийся к типу "Д" по новгородской классификации, датируемый кон. X – нач. XII вв.[26], два шиферных пряслица X-XIII вв., два фрагмента красноглиняных сосудов с желтой поливой XII-XIII вв.[27], фрагмент среднеазиатского сосуда с поливой синего цвета (XI – нач. XIII вв.)[28], три фрагмента стеклянных браслетов, фрагмент стеклянного щиткового перстня XI в.[29], фрагмент венчика стеклянного сосуда с завернутым краем, датируемый втор. пол. XI – нач. XIII вв.[30], фрагмент оконного стекла, датируемого периодом с сер. XI – сер. XIII вв.[31], зонная бусина синего стекла (X - нач. XII вв.), три бусины терракотового цвета, верхняя дата бытования которых кон. XI – нач. XII вв.[32] Состав находок позволяет отнести наземное строение к перв. пол. – сер. XII в.

В полутора метрах северо-восточнее наземной постройки № 4 прослежена подпечная яма сооружения, сменившего первую постройку. Яма имеет овальные очертания (в поперечнике до 1,4 м) и дно чашеобразной формы, опущенное на 0,8 м ниже материка. Припечная яма разрушена перекопом. Рядом с печью выявлен след нижнего венца наземного сруба, ориентированного с северо-востока на юго-запад.

В заполнении сооружения обнаружены: фрагмент стеклянного браслета, фрагмент стеклянного желтого бокала XI-XII вв.[33], три зонные бусины желтого стекла (нач. XII – нач. XIV вв.)[34], три шиферных пряслица (X-XIII вв.), ключ от цельнометаллического накладного замка (XII-XIII вв.)[35], фрагмент строительной плитки с бледножелтой поливой. Временем бытования наземной постройки № 4 является XII в., скорее его вторая половина.

Западнее наземного сооружения № 4 размещалась прямоугольная яма, ориентированная с северо-востока на юго-запад, размерами 2,2 х 1,6 м. Стенки ее пологие, дно горизонтальное, опущено на 0,24 м в материк. У северного угла ямы сохранялся след опорного столба. По-видимому, яма являлась подпольной частью наземного сооружения № 4, сменившего вторую постройку (№ 4а).

Все три жилые постройки, последовательно сменявшие друг друга (второй строительный период), учитывая дату первого строительного

периода и находки, связанные с ними, можно отнести к сер. – втор. пол. XII в.

В южной половице раскопа размещалась еще одна группа построек. У восточной стены участка находилось сооружение № 5, попавшее в черту раскопа лишь западной половиной и частично разрушенное захоронениями кладбища XV-XVIII вв. Постройка являлась наземной, была ориентирована с северо-запада на юго-восток, имела площадь не менее 18-20 кв.м. Стены сооружения – глинобитные, толщиной до 0,14 м. Колья деревянного каркаса опущены в материк на 0,18 м. С внутренней стороны стены сохранились следы светлой подмазки. В северном углу сооружения прослежено основание двух опорных столбов. Подпечная яма, заполненная прослойками древесного угля и обожженной глины, размещалась в центре сооружения.

При разборке сооружения № 5 обнаружены следующие предметы: фрагмент шарообразной стеклянной бусины типа, наиболее распространенного в период с кон. XI по кон. XII вв.[36], два фрагмента стенок сосуда тонкого желтого стекла, датируемого нач. XI – нач. XIII вв., но особенно распространенного в период с кон. XI по кон. XII вв.[37], фрагмент дна сосуда из тонкого желтого стекла (рис. 39, 1), датируемого коротким периодом времени (втор. четв. XII в. – кон. XII в.)[38], голубая зонная бусина нач. XII – сер. XII в.[39], бронзовый крест-энколпион сер. XII в.[40] (рис. 40, 10), две целые глиняные льячки для разлива металла (рис. 40, 21). Вблизи этой постройки обнаружена каменная литейная форма (рис. 40, 20).

Судя по находкам, сооружение № 5 можно датировать сер. – втор. пол. XII в. По-видимому, в нем размещалась меднолитейная мастерская.

На юго-запад от него находилось сооружение № 6. Это – наземная постройка вытянутой формы, столбовой конструкции, ориентированная в направлении СЗ-ЮВ. Северо-западный конец постройки оказался за линией раскопа, юго-восточный – разрушен кладбищем XV-XVIII вв.

Сохранившиеся части стен, состоявших из вертикально поставленных бревен диаметром 0,15-0,17 м, выявлены на протяжении 5,6 м и 4,4 м. По линии стен, на расстоянии 3 м друг от друга прослежены опорные столбы диаметром около 0,4 м. По-видимому, эти столбы имели пазы для горизонтально поставленных досок, связывающих бревна стен, так как нижние концы бревен опущены в материк лишь на 0,13-0,15 м. В центральной части постройки обнаружено подполье размерами 2,6 х 2,4 м с полом из сильно утрамбованной глины, опущенным на 1,9 м ниже материка. В углах квадратной ямы подполья размещались опорные столбы диаметром 0,30 м. Стены помещения были сооружены из бревен, поставленных вертикально. Нижние концы бревен опущены в материк на 0,15 м. Возможно, последнее говорит о том, что угловые столбы имели пазы. У

юго-восточной стены подполья обнаружена прямоугольная яма, очевидно, связанная со стоявшей здесь лестницей.

Заполнение подполья поясняет назначение всего сооружения № 6. Верхний слой глины и древесного угля последовательно сменяют слои обожженной глины с кусками глиняной обмазки, слои древесного угля и древесного тлена. Здесь встречены металлургический шлак, куски железной руды, несколько десятков фрагментов льячек, фрагмент весов. По-видимому, заполнение подполья – печь, находившаяся где-то рядом, на уровне земли, и обрушившаяся в подпольную часть сооружения. Так же как и сооружение № 5, сооружение № 6 являлось ремесленной мастерской.

Ко времени появления наземных построек относится окончательное оформление границ усадеб, обнесенных частоколом. Усадьба, расположенная к северу от улицы, вскрыта на незначительную площадь. Усадьба, лежащая к югу от улицы, исследована также частично. Но все же по остаткам частокола, прослеживаемого с трех сторон (северной, западной и южной), можно предположить, что площадь ее составляет около 600-800 кв.м. Примерно такой же площади были усадьбы X-XII вв., изученные в Новгороде[41].

Третий строительный период относится к рубежу XII-XII вв., когда вместо небольших частных домов, характерных для второго строительного периода, в северо-восточной части исследованного участка строится крупное деревянное сооружение, перекрывающее остатки нижележащих построек (рис. 35). Ориентировано оно строго по сторонам света. Уровень дневной поверхности сооружения расположен на 0,3 м выше линии материка. Вскрыты три фундаментные траншеи стен постройки: западной (длина 11 м), восточной (7,5 м), северной (10 м). Южная часть постройки уходила в стенку раскопа, под существующее здание Скорбященской церкви. Судя по длине стен, площадь сооружения была около 100 кв.м. Фундаментные траншеи имеют вертикальные стенки, плоское дно, опущенное в материк на 0,5 м. Ширина траншеи – 0,8 м. Фундамент состоял из столбов-стульев диаметром 0,9-1,0 м, поставленных с интервалом 1-1,2 м.

Профиль южной стенки раскопа сохранил очертания одного из фундаментных столбов. Диаметр его 0,9 м. Пространство между столбами заполнено материковым выбросом с включениями древесного угля. В заполнении обнаружено несколько фрагментов керамических половых плиток и фрагменты плинф. В двух случаях у стен сооружения с внешней стороны зафиксированы следы своеобразного крепления стен сруба, стоявшего на фундаменте из "стульев". Вертикально, вплотную к стене сруба

помещался плоской стороной к стене, горбыль шириной не менее 1 м и толщиной 0,2-0,24 м. Основание горбыля опущено в грунт на 0,4 м.

Отсутствие бытовых находок, связанных с этим большим сооружением, а также его местоположение вблизи улицы и строгая ориентировка по странам света говорит, по-видимому, о том, что это культовая постройка, может быть первая деревянная церковь посада. Керамические плитки от пола, найденные внутри сооружения, покрыты поливой молочно-желтоватого оттенка, тесто серое, толщина около 0,03 м, размеры не устанавливаются. Аналогичные поливные плитки были обнаружены Н. Н. Ворониным во Владимире при изучении церкви Иоакима и Анны, выстроенной в 1196 г. Всеволодом III. Найдены они и при раскопках Рождественского собора в Суздале (1222-1225 гг.)[42]. На основании этих находок описываемую постройку можно отнести к концу XII – началу XIII вв. Просуществовала она, видимо, до начала XV в., когда была разобрана. Никаких следов пожара прослежено не было.

Выявление деревянных памятников архитектуры в процессе раскопок – довольно редкое явление в древнерусской археологии. Впервые деревянный храм был обнаружен в 30-х годах XX в. при раскопках Р. Якимовича в Давидгородке[43]. В 1960 г. деревянная церковь XIII в. размером 6 х 6 м с апсидой шириной 1,5 м была открыта Б. О. Тимощуком в с.Мартынивцы на Буковине[44]. В 1968 г. П. А. Раппопорт исследовал остатки каменного фундамента деревянной церкви XIII в. в древнерусском городе Данилове (Тернопольская обл.)[45]. В 1977-1978 гг. в Звенигороде на Белке, входившем в состав Галицкого княжества, были исследованы О. М. Иоаннисяном, И. Р. Могитычем и И. К. Свешниковым остатки деревянной церкви Параскевы Пятницы XII – начала XIII в.[46] Во всех перечисленных памятниках, как и в Суздале, пол храмов был выстлан поливными плитками, выложенными без цемянки на глине. Размеры храмов колебались в пределах 6 х 6 м до 12 х 6 м, так что суздальская постройка площадью около 100 кв.м соответствует средним размерам таких храмов. Деревянные храмы могли состоять из одного или двух-трех срубов, соединенных внутренними проемами, с прирубом-апсидой или без нее. Верх их, скорей всего, был шатровым или купольным на световом барабане[47]. Таким представляется и суздальский храм – четверик , завершенный шатровым верхом. Следует отметить, что известные доныне деревянные храмы сосредоточены все на юго-западе Руси; суздальский – единственный памятник, открытый на севере.

Таким образом, на исследованном участке посада первые поселенцы появились в начале XII в., а к середине XII в. застройка здесь достигла наибольшей плотности.

Так как изученный участок довольно далеко отстоит от территории кремли, то казалось логичным предположить, что непосредственно у стен детинца неукрепленное поселение должно было возникнуть в более раннее время или одновременно с ним. С целью выяснения времени возникновения первоначального поселения на посаде в 1977 г. были заложены два раскопа у церкви Иоанна Предтечи, на краю так называемого "мытного" рва, невдалеке от Ильинских проезжих ворот кремля. Раскоп площадью 52 кв.м находился к юго-востоку, а другой, площадью 250 кв.м – к юго-западу от церкви. Толщина культурного слоя достигала здесь 2,5 м. Примерно половина исследованной площади раскопа оказалась потревоженной поздними перекопами. На остальной части вскрыты культурные напластования XII-XVII вв. Наибольший интерес представляют слои XII-XIII вв. Открыта часть усадьбы этого времени, огражденная с двух сторон частоколом и выходившая на улицу, протянувшуюся вдоль рва.

К первому строительному периоду на этом участке относится полуземлянка, обнаруженная в центре раскопа. Яма имеет неправильные очертания, дно опущено в материк на 1,2 м, площадь – около 18 кв.м. Сооружение состоит из двух помещений, северного и южного, разных по своему назначению. В южной половине полуземлянки обнаружена чашеобразная подпечная яма диаметром 1 м и глубиной 0,36 м от пола сооружения. В заполнении ямы – куски обожженной печной глиняной обмазки. По краю южного помещения проходил уступ шириной 0,4-0,45 м.

В северной половине полуземлянки прослежены остатки срубного сооружения. В одной из канавок, оставшихся от нижнего венца сруба, обнаружен древесный тлен. В центре помещения имеется овальная подпольная яма глубиной 0,4 м от уровня пола. След деревянного пола – доска, лежавшая в направлении с севера на юг – обнаружен в северо-восточной части сруба. Прослежено несколько опорных столбов, очевидно, связанных с конструкцией перекрытий. Вход в полуземлянку расположен с западной стороны. Довольно близкую аналогию конструктивному устройству полуземлянки представляет постройка, обнаруженная в Плесе[48].

В заполнении полуземлянки обнаружено много фрагментов керамики, куски глиняной обмазки, железоплавильный шлак, железная руда, два ювелирных пинцета, коромысло весов. Следует отметить также 41 фрагмент стеклянных браслетов, 4 фрагмента стеклянных сосудов, 2 стеклянных перстня (конец XI – сер. XIII вв.), две глиняные писанки с желтой поливой (кон. XI – сер. XIII вв.), фрагмент сосуда с желтой поливой, ключ железный, шпору железную (XII – сер. XIII вв.)[49]. Судя по этим на-

ходкам, полуземляночное жилище существовало не ранее середины, а скорее во второй половине XII в.

Ко второму строительному периоду относится несколько наземных сооружений. Рядом с восточной стеной раскопа обнаружена печь 1. Подпечная яма (диаметр 1,2 м) имеет чашеобразную форму. Дно ее опущено на 0,4 м ниже материка. Припечная яма имеет диаметр 0,6 м, дно ее опущено в материк также на 0,4 м.

Севернее печи 1, в двух метрах обнаружены следы второго наземного сооружения – печь 2. Подпечная яма имела форму, близкую к овалу, диаметр около 2 м, глубину 0,5 м. Припечная яма (диаметр 0,8 м, глубина 0,3 м) – расположена с запада от овала печи. По краю ямы проступала полоса древесного угля, в некоторых местах с заполнением слоя обожженной глины. Заполнение ямы – уголь и зола. Из вещей в заполнении печи найдено: шиферное пряслице, пять стеклянных бусин, игла железная, два медных креста (рис. 42,1-2), три ножа и оселок.

В южной половине раскопа, у его восточной стены, обнаружена яма овальных очертаний, диаметром около 2,4 м. Дно чашеобразной формы, опущено в материк на 0,6 м. Судя по присутствию в ее заполнении костей животных, кусков руды и шлака, яма имела хозяйственное назначение.

Весь изученный материал свидетельствует о том, что часть посада у "мытного рва" возникла не ранее середины XII в., т. е. примерно на полстолетия позднее чем северо-восточное поселение у Скорбященской и Цареконстантиновской церквей. Следовательно, рост посада не был последовательным от ядра детинца к валам окольного города. Вероятно, полукольцо валов окольного города охватило ряд отдельных мелких поселков, возникших на стратегических дорогах, ведших от проезжих ворот суздальского кремля к другим крупным населенным пунктам.

Вещевой материал, найденный во время раскопок суздальского посада, дает представление о многих сторонах хозяйственной и бытовой жизни горожан. В домонгольском слое обнаружены различные женские украшения, такие как медная витая швейная гривна, бронзовые браслеты, свинцовые грузики-пуговицы, бубенчики, стеклянные браслеты и перстни. Частой находкой являются такие бытовые предметы, как костяные гребни, костяные копоушки, глиняные поливные писанки, ключи, замки, стержни с кольцом наверху, служившие, возможно, своеобразными вилками, кресала, различные ножи, ножницы. О занятиях населения сельскохозяйственным трудом свидетельствуют находки серпов, фрагментов кос, особой формы ножа, медорезки.

Найдены также предметы вооружения и снаряжения всадника. Это различные наконечники стрел и шпоры.

О торговых связях можно судить по находкам поливной керамики среднеазиатского происхождения и многочисленных фрагментов красноглиняной подлощенной керамики болгарского производства, а также по находкам стеклянной посуды киевского производства и шиферных пряслиц, производство которых было налажено на Волыни. Среди находок, происходящих из слоев XIV-XV вв., следует отметить находки серег в виде вопросительного знака (рис. 40, 12), фрагмента каменного креста (рис. 41, 3), бронзовую накладку с симметричным зооморфным завершением, украшенную циркульным орнаментом (рис. 39, 9), железную шпору с колесиком и фрагмент стремени, иглу для плетения сетей, походную вилку-ложку, подсвечник, вбивавшийся острием в стену и др.[50]

В предматериковом слое усадьбы у ц.Иоанна Предтечи обнаружены следы корневой системы деревьев или кустов от находившегося здесь сада.

Коллекция керамики с территории суздальского посада содержит материал разных периодов его развития. В верхнем слое, датируемом XVIII-XIX вв., встречены многоцветные изразцы XVIII века, помадные банки, чернолощеные кувшины, кубышки, сковородки. В слое XVII в. найдена в основном чернолощеная (кувшины, кубышки) и поздняя красноглиняная керамика (горшки, кувшины). Для слоев XV-XVI вв. характерно сравнительно небольшое количество керамики. Однако здесь есть и красноглиняные (чаще горшки с коротким и сильно отогнутым венчиком), чернолощеные горшки и кувшины, краснолощеные корчаги XV в. В этом же слое впервые, в небольшом количестве, встречена так называемая "серая" керамика, т. е. плохо обожженная красноглиняная с серой поверхностью и серым или серо-бурым изломом.

Количество серой керамики резко возрастает в слоях XIII-XIV вв. Так, в слое XIV в. встречены лишь красноглиняные обожженные до красного цвета сосуды и "серая" керамика, составляющая не менее 50% всей керамики слоя.

Керамическая коллекция нижнего слоя территории посада состоит, в основном, из типов сосудов XII-XIII вв., встреченных в слоях древнерусских городов, таких как Москва, Старая Рязань, Кострома, Гороховец, Новгород[51]. Наибольшее количество фрагментов относится к широко распространенному типу сосудов с приподнятым плечиком и плавно отогнутым венчиком, имеющим завернутый внутрь край.

Кроме керамики XII-XIII вв. в слое присутствует небольшое количество фрагментов сосудов более раннего времени, по обжигу и тесту близких сосудам XII-XIII вв., но отличающихся небольшой отогнутостью высокого венчика и круто опускающейся линией плечика. Аналогии подобным сосудам встречаются в слоях X-XI вв. таких городов как Новгород,

Старая Рязань, Гороховец и т. д. Наиболее архаичные формы венчиков обнаружены среди керамики нижнего слоя участка, расположенного на северо-восточной окраине посада около Скорбященской и Цареконстантиновской церквей. От общего количества керамики слоя ранние формы составляют 16%. Наибольший процент керамики X-XI вв. позволяет датировать нижний слой этого участка периодом от рубежа XI и XII вв. до начала XII в.

Небольшая группа ранних форм сосудов присутствует и в нижнем слое участка, расположенного у края кремлевского рва около церкви Иоанна Предтечи. Здесь представлено всего четыре типа ранних форм сосудов. Ранняя керамика составляет 8% от общего количества керамики слоя[52].

Таким образом, исследование различных участков суздальского посада позволяет считать, что первоначально за стенами детинца в конце XI – начале XII вв. существовали отдельные гнезда поселений, состоящие из 2-3 усадеб, объединенные впоследствии при насыпке оборонительных валов в единую городскую территорию. К середине XII в. весь посад был уже плотно застроен, так как население из близлежащих сел и деревень стремилось при возникавшей опасности укрыться за стенами окольного города. XII – начало XIII века – период наиболее интенсивной жизни на посаде. Зафиксированные раскопками остатки большой по площади усадьбы (600-800 кв. м) заставляют предположить, что владельцем ее мог быть феодал. Однако, поскольку на этой же усадьбе размещались и две меднолитейные мастерские, то можно предположить, что обитавшие в этих постройках ремесленники находились в феодальной зависимости от владельца усадьбы.

Примечания к разделу б. главы IV

1. Варганов А. Д. Отчет о раскопках в Суздале в 1939 г. Архив ЛОИА, ф. 35, д. 1939/28.
2. Куглюковский П. И. Исследование древнего жилища в г.Суздале // АО 1973. М., 1974. С. 60, 61. Отчет о раскопках отсутствует.
3. Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ, вып. Е1-55. М., 1968, рис. 28.
4. Kühnel E. Islamic Arts. London, 1970. Fig. 75, S. 111; Даркевич В. П. Международные связи // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985, табл. 163, 3.
5. Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981. С. 95-115.
6. Полубояринова М. Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История и культура древнерусского города. М., МГУ, 1989. С. 181, рис. 1.
7. Список с писцовой книги г.Суздаля с 7136 по 7138 гг. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии, VI. Владимир, 1904. С. 13.

8. Монета определена П. Г. Гайдуковым.
9. ПСРЛ. Т. XVIII. С. 78, 82.
10. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода // МИА, 1963, 117. С. 118, табл. 5.
11. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА, 1956, 55. С. 170.
12. Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С. 40. Приложение 1.
13. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА, 1959. С. 65, рис. 1, 10.
14. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА, 1958, 2. С. 107, рис. 9. С. 106, рис. 8.
15. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв.) // САИ, Е1-36. М., 1966, табл. 9.
16. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей... С. 107, рис. 9.
17. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X-XIV вв. // СА, 1960, 2, рис. 1,5; 5,5.
18. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 115, рис. 3, 2.
19. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода... С. 167.
20. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА, 1961, 94, рис. 42, 12.
21. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 108, рис. 10, 6.
22. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 97.
23. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Древнего Новгорода // МИА, 1959, 65. С. 109; Голубева Л. А. О назначении железных игл с кольцами // СА, 1971, 4. С. 114-125.
24. Гущин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X-XIII вв. Л., 1936, табл. IV, 25; Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК, 1905, 15. С. 115, рис. 173.
25. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. С. 228, 229, рис. 94, 14; Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК, 15, рис. 9; Спицын А. А. Владимирские курганы..., рис. 236.
26. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей... С. 100, 101, рис. 5, 6.
27. Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ, Е1-38, 1967. С. 26, 28.
28. Макарова Т. И. Поливная посуда... С. 34.
29. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 107.
30. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 115, рис. 3,2.
31. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 141-142.
32. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода... С. 167, табл. 3.
33. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 117, табл. 5.
34. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода... С. 168.
35. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей... С. 97, рис. 2.
36. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода... С. 165.
37. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 117, табл. 5.
38. Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода... С. 118, рис. 5,6.
39. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода... С. 166-167, табл. 2.
40. Ханенко Б. И. и Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки, т. 1. Киев, 1899, табл. V, 65/66, VI, 74; Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель // СА, 1974, 3, рис. 1, 2; Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода, рис. 4, 16; Корзухина Г. Ф. О памятниках "корсунского дела" на Руси // Византийский временник, XIV, 1958, табл. III, 4.
41. Засурцев П. И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // МИА, 1963, 123. С. 83-126.
42. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962. С. 39; он же. Оборонительные сооружения Владимира XIV в. // МИА, 1949, 11. С. 227-228.
43. Jakimowicz R. Davidgródek. Pinsk, 1939.
44. Тимощук Б. О. Північна Буковина - земли словянська. Ужгород, 1969. С. 74.
45. Раппопорт П. А. Данилов // КСИА, вып. 125, 1971. С. 85-86.

46. Иоаннисян О. М., Могитыч И. Р., Свешников И. К. Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке - памятник деревянного зодчества домонгольской Руси // Памятники культуры. Новые открытия. 1981. Л., 1983. С. 494-507.
47. Логвин Г. Н. О деревянном зодчестве домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 151-159.
48. Ойнас Д. В. Средневековая печь в Плесе // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1989. С. 9-10, рис. 1.
49. Кирпичников А. Н. Снаряжение коня и верхового всадника на Руси IX-XIII вв. // САИ Е1-36. Л., 1973. С. 66, табл. XX, 1-3; Данилов В. В. Предметы вооружения.., рис. 7, 2.
50. Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981. С. 95-115, рис. 3, 4, 5, 6.
51. Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII-XVIII веков // САИ Е1-39. М., 1968, табл. 1, 2; Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА, 1961, № 49. С. 124-128; Фехнер М. В. Раскопки в Костроме // КСИА, 1952, вып. 47, рис. 38; Седов В. В. Раскопки в Гороховце // КСИА, 1959, вып. 77. С. 87; Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951-1954 гг.) // МИА, 1956, № 55.
52. Лапшин В. А. Керамическая шкала Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1993.

в. ***Раскопки за пределами оборонительных сооружений***

Наблюдения над культурным слоем города и его ближайших окрестностей постоянно проводил в 30-40-е годы директор Суздальского музея А. Д. Варганов.

В 1941-1942 гг. он вел наблюдения при земляных работах, сосредоточенных преимущественно на территории монастырей и слобод, а также в заречной части современного города. Исследователь отметил неравномерность древних культурных напластований на обследованной территории. В ряде участков левобережной части города мощность культурного слоя по мере приближения к берегу Каменки постепенно увеличивалась, а при отдалении от него на 200-250 м уменьшалась или исчезала совсем (рис. 43), причем культурный слой располагался отдельными пятнами.

Отложения культурного слоя XII-XIII вв. были зафиксированы А. Д. Варгановым на территории Спасо-Евфимиевского монастыря в виде компактного участка площадью примерно 200 х 200 м. Затем с небольшим перерывом слой XI-XII вв. появлялся на территории села Коровники, северо-западнее Спасо-Евфимиевского монастыря. Траншея на территории Александровского монастыря и прилегающих к нему усадеб также дала материалы XI-XII вв. Слой здесь также расположен компактным пятном размером 200 х 200 м.

Третий участок, обследованный А. Д. Варгановым находился на территории Ризоположенского и Троицкого монастырей. Здесь отмечен слой в 1,5-2 м, однако стратиграфия его сильно нарушена, хотя наличие следов поселения XII в. было несомненно.

В южной части города на территории Дмитриевского монастыря зафиксированы остатки поселения XI-XIII вв. с мощностью культурного слоя в 0,6 м. Отложения этого же времени были обнаружены и около Знаменской церкви в том месте, где в р.Мжару впадает пересохший ручей Грубица. Это место называемое в писцовых книгах Пинаихой, считается местом расположения древнего женского Введенского монастыря. Осмотр траншей в заречных слободах Суздаля на Борисоглебской, Ильинской (Иванова гора) и Тихвинской сторонах также дали материал XII-XIII вв., свидетельствующий о существовании отдельных поселений и в этих частях современного города. Не обследованными А. Д. Варгановым остались территории Покровского и Васильевского монастырей. Подученный материал свидетельствовал о наличии на территории города целого ряда поселений XI-XII вв., расположенных на возвышенностях вокруг древнего поселения в кремле[1].

В 1968 г. были начаты планомерные исследования городских посадов и монастырей с целью выяснения как хронологических этапов развития города, так и роли монастырей как одного из градообразующих факторов, а также для выявления характера застройки посадов и их социального облика.

Раскопки на Дмитриевской стороне (на территории б.Дмитриевского монастыря, ныне музея деревянного зодчества). Раскопки велись в 1968 г. (руководитель В. В. Седов) и в 1971-1972 гг. (руководитель В. П. Глазов).

Раскоп 1968 г. (площадь 52 кв.м) находился в 124 м от юго-восточного угла деревянной Преображенской церкви XVII в.[2] Культурный слой толщиной 0,3-0,4 м весьма насыщен древнерусской керамикой и вещевыми находками (стеклянные браслеты, шиферные пряслица, ножи, ключи). К XII в. относится полуземлянка, открытая в процессе раскопок. Размеры ее котлована 3,5 х 3,5 м, глубина 0,5 м. По углам котлована прослежены ямки от столбов, видимо, опор крыши и плетневых стен. Вырез для входа располагался с западной стороны, развал глинобитной печи – с противоположной.

В 1971 г. обнаружена была еще одна полуземлянка и большая домница с кузницей[3]. От кузницы остались только столбовые ямы, а также скопления шлаков и крицы, найденные за пределами домницы. Устьем домница ориентирована на север. Размеры ее по оси север-юг – 4,2 м, по оси запад-восток (загрузочная полость) – 4 м. Основание вырезано в материке. К загрузочной части подходят три ступени, по краям спуска к домнице – столбовые ямы для навеса. Во время раскопок найдены обломки стеклянных браслетов, керамика XII-XIII вв., крицы и болотная железная руда, каменный молот для дробления руды, зубильце и просадка кузнечная, ножи. Вокруг домницы имеется слой (0,2 м) горелой земли с окалиной железа. В северной части раскопа обнаружен ров глубиной 2,36 м. Сама домница находится на краю рва в 3 м.

Раскопки 1972 г. исследовали тот же производственный кузнечный комплекс XII-XIII в., доведя количество изученных помещений до четырех[4]. Выявлено производственное помещение с остатками горна. Обнаружены лепешковидные крицы, лежавшие на дне горшков.

Среди находок выделяется бронзовая ажурная привеска в виде петушка, аналогичная найденной в раскопках Н. Н. Воронина в Суздале в 1936 г., Е. А. Рябинин считает подобные шумящие привески характерным для Владимиро-Суздальской Руси типом[5]. Датируются они XII – сер. XIII вв. (рис. 15, 6-7). Интересной находкой является камень-оселок с нанесенным рисунком. На одной его стороне процарапано изображение человеческого лица в профиль в островерхом уборе. На другой стороне геометрический узор из лесенок и горок (рис. 15, 8).

На донцах гончарных сосудов часто изображались клейма в виде "птичьей лапки", свастики, креста в круге и др.

По материалам, весь производственный комплекс датируется XII-XIII в. Очевидно, он связан с монастырской слободой, располагавшейся у стен Дмитриевского монастыря. Известный летописный текст под 1096 г. упоминает "**дворъ монастырьскын Печерьскаго манастыря и церковь юже тамо есть святого Дмитрия юже бе далъ Ѳфрем и с селы**"[6]. По-видимому, одно из этих "сел" и было частично раскопано.

На территории музея деревянного зодчества на месте вновь установленной Преображенской церкви при строительных работах была сделана необычная находка (рис. 83). По устному свидетельству суздальского краеведа В. М. Снегирева на глубине 0,6-0,8 м был обнаружен белокаменный саркофаг трапециевидной формы с выделенным полукруглым оголовьем. Саркофаг был пустой. По-видимому, саркофаг был идентичен белокаменному же саркофагу, обнаруженному А. Ф. Дубыниным в южном притворе Рождественского собора и приписываемому им сыну Юрия Долгорукого – князю Святославу (ум. в 1174)[7]. Такой же саркофаг был обнаружен Н. Н. Ворониным в Боголюбове. Белокаменные саркофаги подобной формы явились новшеством на Руси в XII в., в них хоронились лишь представители знати. На территории Дмитровского монастыря в Суздале мог быть захоронен один из представителей рода Георгия Шимоновича, ибо по заключению составителя Киево-Печерского Патерика: "**Сего ради правнуци его любовь имеють к святому Дмитрию...**"[8].

Раскоп в Васильевском монастыре. Раскопки 1981 г. показали, что в западной части территории монастыря под слоем строительного мусора XIX-XX вв. удовлетворительно сохранился средневековый слой мощностью 0,8-1,0 м. Раскоп 6 х 6 м был разбит в северо-западной части монастыря у южной стены Настоятельского корпуса (рук. В. А. Лапшин).

Верхняя часть культурного слоя (до глубины 0,5 м) – серый аморфный гумус, насыщенный строительными остатками XVI-XVIII вв. (большемерный кирпич, обломки изразцов, чернолощенная и грубая позднесредневековая керамика). На глубине 0,48-0,52 м прослежена тонкая прослойка коричневатой глины. Ниже прослойки меняется характер культурного слоя: начинается слой темно-коричневого гумуса с вкраплениями угля и печины и более насыщенный средневековой керамикой. При разборке этого слоя постепенно сокращается число фрагментов чернолощеной керамики, увеличивается количество красноглиняной с лощением и грубой средневековой круговой керамики. При зачистке на глубине 0,94-1,09 м показалась желтая материковая глина и пятна материковых ям № 1, 2, 3.

Наиболее крупная яма № 3 (по-видимому, подполье наземной постройки) занимает площадь около 6 кв.м (она вошла в раскоп лишь частично). Наибольшая ее глубина 1,92 м (97 от уровня материка). На дне ее, в центре, прослежены две столбовые ямы диаметром 0,2 м. Находки крайне бедны: нож, 3 гвоздя, костыль. Яма № 2 имеет округлую форму, глубину 1,65 м (0,62 м от уровня материка), отделена от ямы № 3 небольшой перемычкой. Находки: ключ от висячего замка и черенок ножа. Яма № 1 попала в раскоп лишь частично. Ее глубина незначительна – 1,3 м (0,28 м от уровня материка). Яма № 1 соединена с ямой № 2 канавкой, возможно, это следы частокола. Находок нет.

Археологический материал в Васильевском раскопе представлен почти исключительно керамикой. Среди обломков грубой гончарной керамики выделено 5 типов. Чернолощеная, краснолощеная и белоглиняная керамика ввиду ее немногочисленности рассматривается без подразделения на типы. По пластам керамика распределяется следующим образом: (см. табл.).

Тип I соответствует типу VI в. по суздальской шкале – датируется второй пол. XII-XIII вв. Тип IIа соответствует суздальскому типу VIIIа – конец XI-XIII вв.[9] Ввиду отсутствия в Суздале надежно датируемых комплексов XIV-XV вв. приходится пока опираться на новгородскую шкалу. Тип IIб соответствует новгородскому типу Vб (XIV-XV вв.), тип IV – типу VIIIв (XV-XVI вв.)[10]. Тип V датируется по суздальскому материалу XVI-XVII вв.

Пласт	Всего	грубая круговая						краснолощеная	Белоглиняная	чернолощеная
		в т. ч. венчиков типов								
		I	IIа	IIб	III	IV	V			
2	60	-	-	-	-	-	-	-	-	51
3	66	-	-	-	6	2	3	7	3	13
4	873	-	-	9	34	4	12	29	-	6
5	463	1	-	14	12	5	7	3	-	2
материк.										
ямы	1019	13	18	27	9	2	-	-	-	-

Единственная датирующая вещь – найденный в заполнении ямы № 2 ключ от висячего замка типа В по Б. А. Колчину – относится к XII-XIV вв.[11]

Учитывая керамический материал, можно отнести время появления жилой застройки ко второй половине XII – первой трети XIII в.

Исследования на территории Ризоположенского монастыря. Монастырь расположен сразу за северным валом окольного города. Основан он был по преданию в нач. XIII в. В 1207 г., согласно Житию, сюда приходит будущая святая Евфросиния Суздальская, ставшая впоследствии основательницей соседнего Троицкого женского монастыря.

В 1983 г., к востоку от Трапезной палаты, построенной в кон. XIX в., был заложен шурф 16 кв.м, показавший, что культурный слой, относящийся к домонгольскому периоду, сохранился, хотя сильно нарушен позднейшим строительством. В шурфе вскрыта была часть ямы, видимо, от постройки, где были найдены фрагменты керамики XII-XIII вв., обломки стеклянных браслетов. Характер находок из ямы позволил предположить, что до основания монастыря здесь существовала обычная городская застройка. Территория эта была занята городским посадом.

Подтверждением этому послужили раскопки, предпринятые в 1990-1991 гг. на территории бывшего хозяйственного двора монастыря (рук. В. В. Данилов). Судя по планам XVIII в., этот участок не был застроен и был занят посадскими огородами.

Четыре шурфа по 16 кв.м по всей площади двора (1,5 га), показали, что культурный слой домонгольского времени хорошо сохранился, несмотря на значительные земляные работы, проведенные здесь уже в 1980-х гг. Мощность слоя неодинакова: на севере около 0,4-0,5 м, на юге, недалеко от укреплений окольного города, около 1 м. Шурфами были частично вскрыты постройки домонгольского времени, причем если в северной части двора были найдены керамика, стеклянные браслеты, бусы, ключи, гребни, а также змеевик с изображением Распятия с предстоящими (рис. 69, 3), в целом относящиеся ко втор. пол. XII – перв. пол. XIII вв., то в южной части двора в шурфе, вскрывшем часть наземной постройки, погибшей от пожара, были найдены керамика и вещи, датирующиеся в основном XI-XII вв., в том числе серебряный витой перстень с незамкнутыми концами, обломки стеклянного стакана с полихромной росписью, изображающей орла, византийской работы (рис. 70, 1, 5), железные ключи. По всей видимости, освоение этой территории начиналось от границ окольного города и распространялось далее на север по мере роста населения города.

В 1991 г. раскопки были продолжены. Раскоп площадью 300 кв.м был заложен в северной части двора, за пределами кирпичной западной стены монастыря. Ориентирован раскоп по оси З-В. Мощность культурного слоя достигает 0,8-1,0 м.

Под слоем поселения XII-XIII вв. были выявлены остатки курганного некрополя. Всего было расчищено 15 погребений в 8 курганах (курганные насыпи были спланированы при застройке территории). Кур-

ганы были окружены кольцевыми оградками, один – двойной кольцевой оградкой. Погребения совершены в могильных ямах глубиной до 0,7-0,8 м. В ряде случаев прослежены остатки погребальных сооружений – гробовин, аналогичных сооружениям некрополя Суздаля на Михайловой стороне. Погребенные лежат головой на запад, с отклонением к югу. Встречено 6 детских погребений, 4 мужских и пять женских. Находок мало, в основном это гвозди от гробовин и ножи. В одном из погребений встречены височные кольца из серебра, проволочные перстнеобразные, в другом серебряные же трехбусинные височные кольца с зернью и сканью, тонкой работы. Погребения располагались рядами, некоторые из них парные. Часть могил нарушена постройками более позднего времени. Границы могильника пока указать невозможно, но, судя по удаленности его от реки, площадь, им занимаемая, была очень велика, количество насыпей было не меньше, чем в Михайловском некрополе. Курганы оставлены, несомненно, жителями города. Верхняя граница существования могильника, по всей видимости, рубеж XI-XII вв.

По всей вероятности, заселение территории некрополя началось спустя 20-30 лет после последних захоронений (участок некрополя, вскрытый раскопом, находится, скорее всего, на окраине могильника). Во всяком случае, после снесения курганных насыпей при прокладке здесь улицы могильные ямы продолжали оседать.

Улица, появившаяся здесь, скорее всего в сер. XII в., шла с запада на восток, имела ширину около 5 м и была ограничена усадебными частоколами с севера и юга. Частоколы из бревен диаметром 0,1-0,25 м, по крайней мере 2 раза ремонтировались. В северном частоколе, в его восточной части, существовала калитка, отмеченная разрывом в линии частокола, ограниченным большими ямами диаметром около 0,55 м, глубиной до 0,5 м, предназначавшимися для воротных столбов.

Ко времени существования улицы относятся остатки 2 построек, исследованных частично. Одна из них, расположенная на северной усадьбе, представляла собой яму прямоугольных очертаний, размерами 1,9 х 3 м, глубиной 0,7 м, ориентированную по сторонам света. Печь, глинобитная на деревянном опечке, располагалась в ЮЗ углу постройки. Яма была, видимо, подпечной. По фрагментам керамики, обломку стеклянного браслета постройку можно отнести к сер. – втор. пол. XII в. Вторая постройка располагалась на южной усадьбе. Она была наземной, размерами 3 х 7 м. От нижнего венца сохранились отпечатки в виде древесного тлена. Печь располагалась в СЗ углу и была глинобитной. Постройка погибла от пожара. Материал (керамика, фрагменты стеклянных браслетов), а также стратиграфия позволяют отнести ее также к сер. – втор. пол. XII в.

Среди находок в слое вокруг построек следует отметить большое количество отходов косторезного производства – опиленные кости, рога, заготовки и почти готовые костяные рукояти для ножей, а также не оконченные производством костяные крестики с криновидными завершениями, форма которых повторяет форму крестиков из янтаря. По всей вероятности, жители усадеб занимались узкоспециализированным косторезным ремеслом.

В начале XIII в. происходит перепланировка участка. Улица исчезает, на ее месте ставятся дома. Происходит это, видимо, в связи с основанием Троицкого монастыря, который перекрыл выход улицы к дороге из северных городских ворот. Улица становится тупиком. К этому периоду относятся остатки 3 построек, но только одна из них исследована полностью. Это прямоугольных очертаний яма размерами 3 х 3,8 м, глубиной около 0,9 м. На дне ее прослежены остатки деревянной обшивки стен из горбылей, крепившихся на каркасно-столбовой конструкции (в углах прослежены ямки от столбов диаметром около 0,2-0,25 м). Яма была подпольем наземной постройки. Печь, рухнувшая вниз, была глинобитной. Постройка погибла от пожара. Судя по находкам керамики, большому количеству обломков стеклянных браслетов, постройку следует отнести к перв. пол. XIII в.

В слое, относящемся к этому периоду, также встречено много опиленных костей и рогов, а также металлургических шлаков от находившегося где-то поблизости железоделательного производства.

Верхняя граница домонгольского культурного слоя стратиграфически отмечена слоем пожарища. Таким образом, верхняя дата застройки этого участка – сер. XIII в. Обращает на себя внимание факт отсутствия построек XIV-XV вв. и вещей, относящихся к этому времени. По всей вероятности, этот участок в указанное время, да и позднее, более не застраивался.

Раскопки на территории *Александровского монастыря*, расположенного на левом берегу р.Каменки, северо-западнее Ризоположенского монастыря, не производились. Наблюдения в траншеях при прокладке коммуникаций показали наличие тонкой прослойки, относящейся к домонгольскому периоду (находки стеклянных браслетов и керамики).

В 1949 г. А. Д. Варганов провел раскопки печи для обжига плинфы на левом берегу р.Каменки, на откосе у Александровского монастыря. Стенки печи сложены были из сырцовой плинфы, обожженной лишь с внутренней стороны на чисто глиняном растворе. Печь – прямоугольная в плане, размерами 3,9 х 2,8 м. Внутренняя ее полость разделена шестью перегородками на семь секций и имеет двухярусное устройство, нижняя часть служила топкой. В печи одновременно могло обжигаться до 5 тыс.

плинф размером 0,32 х 0,2 х 0,04 м. Плинфа аналогична кирпичу, примененному при строительстве Рождественского собора 1222-1225 гг. и собора Успенского "княгинина" монастыря во Владимире 1202 г. Следовательно печь датируется началом XIII в.[12]

Раскопки в Спасо-Евфимиевском монастыре. В 1969-1970 гг. при реставрационных работах Успенской трапезной церкви В. П. Глазовым была произведена археологическая шурфовка.

В шурфе № 5 у западного фасада здания в завале строительных остатков были найдены плинфяные кирпичи со следами цемянки. Плинфа имеет размеры 0,27 х 0,175 х 0,055 м; 0,272 х 0,17 х 0,054 м и по размерам наиболее близка плинфе Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире. Здесь же найдены фрагменты гончарной керамики XIII-XIV вв. и железный нож с костяной рукояткой, покрытой циркульным орнаментом. Прослойка строительных остатков мощностью 0,7 м лежала на белокаменной кладке стены, состоящей из 3 рядов тесаных блоков, размерами 0,3-0,32 х 0,32-0,65 м. Длина выявленной части стены 2,2 м. Кладка состоит из двух рядов белокаменных блоков, пространство между которыми забутовано щебенкой, сколами белого камня и известковой заливкой. Стена лежит на фундаменте, сложенном из дикого камня. Глубина фундамента 1 м. По-видимому, В. П. Глазовым было открыто архитектурное сооружение XII-XIII в., разрушенное при строительстве существующей трапезной. Ориентировка стены этого сооружения заставила автора раскопок предположить не культовый характер постройки[13]. В слое, связанном с постройкой, обнаружена керамика домонгольского облика и фрагменты стеклянных браслетов XII-XIII вв. Невдалеке от западной стены монастыря при снятии бульдозером огородного слоя были обнаружены остатки несколько заглубленных в землю двух построек площадью 12-16 кв.м, в заполнении которых обнаружена керамика XII-XIII вв. и фрагмент стеклянного браслета. Т. е. как и на территориях других монастырей, Спасо-Евфимиевскому также, видимо, предшествовало какое-то поселение.

Работы в Покровском монастыре не проводились, велись лишь наблюдения, выявившие большую перемешанность слоя, отложение которого началось не ранее конца XIV в.

Шурфовка, проведенная А. И. Куглюковским у ц.Козьмы и Демьяна в юго-восточной части Суздаля, древних отложений, ранее XVII в., не выявила. Произведенные же здесь в 1851 г. А. С. Уваровым раскопки, обнаружили кладбище, видимо, XVI-XVII вв. Открыты две каменные надгробные плиты, несколько деревянных гробов, в одном из которых на остове сохранились куски платья, обшитого у горла золотою парчой и

кожаные башмаки. В слое найдены два каменных креста, образок со св.Николой и Георгием, рукоять меча, обломок бердыша, бусы и др.[14].

Таким образом, планомерные исследования монастырей и слобод показали время возникновения поселений на их местах, выявили гнезда этих поселений, входивших в общее понятие "Суздаля".

Примечания к разделу в. главы IV

1. Варганов А. Д. Из ранней истории Суздали (IX-XIII вв.) // КСИИМК, вып. 12, 1946. С. 127-134.
2. Седов В. В. Раскопки в Суздале // АО 1968. М., 1969. С. 74.
3. Глазов В. П. Исследования во Владимирской обл. и раскопки в Суздале // АО 1971. М., 1972. С. 76; Он же. Отчет об археологических раскопках в Суздале за 1971 г. Архив ИА Р-I № 4451. С. 24-49.
4. Глазов В. П. Работы во Владимирской обл. и г. Суздале // АО 1972. М., 1973. С. 58.
5. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ, вып. Е1-60. Л., 1981. С. 18, табл. III, 7-9; IV, 7-10.
6. ПСРЛ, т. 1, стб. 238.
7. Дубынин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля. С. 97-98.
8. Киево-Печерский патерик. С. 191.
9. Лапшин В. А. Керамическая шкала Суздаля. // Древнерусская керамика М., 1992. С. 97, рис. 2.
10. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА № 55. М., 1956. С. 231-233, рис. 1.
11. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок. М., 1982. С. 160.
12. Варганов А. Д. Обжигательные печи XI-XII вв. в Суздале // КСИИМК, 1956, вып. 65. С. 49-51.
13. Глазов В. П. Археологический надзор при реставрационных работах в Суздале в 1969 г. // Архив ИА Р-I № 4124, черт. 5; Он же. Археологический надзор при реставрационных работах в Суздале в 1970 г. // Архив ИА Р-I, № 4126, С. 8.
14. Журнал археологических розысканий, произведенных во Владимирской губ. в 1851 г. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, дело 209, л. 24-25.

Глава V

Некрополь г.Суздаля

На юго-восточной окраине современного г.Суздаля, на правом возвышенном берегу пересыхающей ныне р.Мжары, при ее впадении в р.Каменку расположен большой курганный могильник (рис. 44). От Суздаля он находится на расстоянии около 1 км, с юго-востока он почти подходит к домам Михайловской стороны (современная Михайловская улица г. Суздаля). Могильник занимает площадь 250 х 250 м, причем курганы расположены как бы двумя отдельными группами, находящимися на возвышенностях, отделенных друг от друга оврагами. Группа I лежит на надпойменной террасе р.Каменки, группа II – на надпойменной террасе р.Мжары. Со стороны могильника открывается прекрасный вид на город. В настоящее время в могильнике насчитывается 359 курганов, при этом выделяются насыпи или следы их, частично или полностью раскопанные прежними исследователями. Безусловно, первоначально количество насыпей было значительно больше.

В научную литературу могильник вошел под названием могильника на Михайловой стороне у Суздаля. Впервые археологические раскопки были произведены в 1851-1852 гг. А. С. Уваровым и его помощниками Г. Аляевым и А. Пискаревым. В 1851 г. было раскопано 12 курганов, в 1852 г. – 97 насыпей. Всего исследовано на Михайловой стороне 109 курганов. Все курганы содержали трупоположение с ориентировкой З-В. Высота курганов колебалась в пределах 0,7-1,0 м, диаметр от 3,5 до 17,5 м. Из находок А. С. Уваровым отмечены в публикации лишь "куски золотистой паволоки, подложенной берестой". Однако в дневниковых записях более подробно описываются раскопки 1851 г.; в частности кургана 2, в котором на глубине 2,5 аршина был обнаружен совершенно истлевший гроб. Покойник лежал лицом к востоку, голова раздроблена, "платье совершенно изгнившее. Кроме гробовых гвоздей, на груди покойника найдена серебряная монета с одной стороны совершенно стертая, а на другой – головное изображение". А. С. Уваров считал, что монета принадлежала Оттону I (936-973 гг.), т. е. датировалась X в.[1] Кроме того в дневниках упомянуты береста, обвитая позументом, головное украшение, состоящее из колец и пуговки от воротничков, гвозди от гроба. Бедность Михайловских курганов находками заставила А. С. Уварова перенести раскопки в иные пункты суздальского ополья. Это обстоятельство сохранило для последующего изучения 248 непотревоженных насыпей и сделало мо-

гильник на Михайловой стороне ценным памятником для истории древнерусских городов, некрополи которых, как правило, не сохранились. В свое время А. А. Спицын, взявшийся за приведение в систему огромного материала владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым, писал: "Грандиозные раскопки 1851-1854 гг. в Суздальской области будут долго оплакиваться наукой и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок. Если бы во Владимирской области нашлись еще сотни курганов, то это было бы большим облегчением"[2].

В послереволюционное время на территории могильника производились раскопки А. Ф. Дубыниным (1 курган в 1927 г. и 1 курган в 1937 году)[3]. В. В. Седовым (2 кургана в 1967 г., 11 курганов в 1968 году и 13 курганов в 1970 г.)[4], В. П. Глазовым (5 курганов в 1968 г.)[5] и нами (в 1974-1982 годах было раскопано 100 курганов)[6]. Таким образом, имеются сведения о 133 курганах, раскопанных современной методикой. Кроме того, в западной части могильника, к северу от группы II в 1975-1980 гг. были открыты погребении по обряду трупоположения в неглубоких ямах, не отмеченные курганными насыпями. При первичной публикации погребения эти были приняты за остатки бескурганного могильника. Однако при раскопках 1979-1980 гг. вокруг ряда погребений были зафиксированы ровики. Стало очевидным, что и эта часть могильного поля была занята курганами, срытыми при каких-то земляных работах. На планах Суздаля XIX в. местность на правом берегу р.Мжары обозначена как "солдатский огород". Во-видимому, при многолетних огородных перекопах курганные насыпи здесь были уничтожены. Однако на этом месте существовали не только огороды, но и отдельные постройки, не зафиксированные ни на одном городском плане. Раскопки 1981 г. выявили в поле кургана № 88 развал печи из кирпича XVIII-XIX вв., а также фрагменты поздней поливной посуды. Аналогичный битый кирпич и фрагменты поздней керамики неоднократно встречались на территории "бескурганного могильника", что позволяет отнести время уничтожения насыпей к рубежу XVIII-XIX вв.

Размеры сохранившихся курганов колеблются от 2,5 до 8 м диаметром, при высоте от 0,4 до 1 м. В каждой из групп могильника обнаружены курганы различной величины и формы – круглые и слегка удлиненные. Последние образовались или в результате сооружения новой насыпи над вторичными захоронениями, опущенными в край полы более раннего кургана или недалеко от него (курган № 62) – рис. 45. Установить зависимость между размерами курганов и их социальной принадлежностью не удается, так как размеры насыпей в настоящее время не соответствуют их размерам в древности.

Во всех курганах, раскопанных в наше время, обнаружены трупоположения, нередко со следами частичного сожжения. Погребения ориентированы на запад с небольшим отклонением на северо-запад или юго-восток в зависимости от времени года, когда было совершено конкретное захоронение. Положение рук различно: на животе, на груди, на лобке, у подбородка или с одной или двумя вытянутыми вдоль туловища. Ни в одном из участков могильника не преобладало определенное положение рук, хотя чаще всего руки сложены на животе. Видимо, разнообразное положение рук объясняется сползанием костей в ту или иную сторону в результате истлевания мягких частей тела, тем более, что погребальные сооружения были очень большими (гвозди от крышки гробовин встречаются на 25 и более сантиметров выше черепа).

Все погребения взрослых совершены в грунтовых ямах. Глубины ям в материке колеблются как в основных, так и во впускных могилах от 0,3 до 1,0 м. Детские захоронения во впускных могилах чаще находятся на материке или в неглубоких ямах (от 0,1 до 0,3 м). Размеры основных и впускных могил с погребениями взрослых колеблются от 2 до 3,8 м в длину, достигая ширины в 1,5 м. Причем в больших могильных ямах (размером 2,6 м и более) чаще похоронены мужчины. Захоронения мужчин-подростков обнаружены и в меньших ямах. Женские костяки, как правило, похоронены в небольших могилах (менее 2,6 м в длину). Исключение составляют женские захоронения из курганов №№ 59, 64, 72, где длина могилы равна 2,75, 3 и 2,9 метрам, а погребения сопровождаются богатым инвентарем. Таким образом, зависимость размера могилы и ее глубины от пола, возраста и социальной принадлежности погребенных безусловна.

В юго-западной части группы I обнаружены курганы, где погребены, главным образом, мужчины. Из 19 раскопанных здесь курганов только пять содержат женские захоронения (№№ 47, 50, 51, 67, 93). Выделяются примыкающие друг к другу курганы с погребениями молодых мужчин, рост которых более 1 м 80 см (№№ 27, 28, 41, 44, 46, 48, 92). Мужчины похоронены в больших ямах, длина которых достигает 3 м, а яма в кургане № 28 имеет размеры 3,45 х 1,3 м. Погребения эти безинвентарные. Возможно, при доследовании юго-западной части группы I могильника выделится группа насыпей, в которых были похоронены молодые воины.

Для всех курганов, раскопанных на разных участках могильника, характерно наличие выжженного горизонта. Могильные ямы перерезают темный золистый слой древнего горизонта, а выкид материкового слоя из ям лежит на нем, что свидетельствует о существовании обряда очищения огнем поверхности земли перед погребением.

Большинство курганов имело ровики, из которых выбирали землю для холмообразной насыпи. Нередко ровики выкапывали с какой-нибудь одной стороны от могилы и тогда они имели вид полукольца. В некоторых случаях ровики были общими для двух курганов (курганы №№ 27 и 28; 78 и 79). Поэтому для выявления ровиков необходимы раскопки сплошной площадью. Интересно, что для группы II, расположенной на надпойменной террасе р.Мжары, характерны глубокие ровики, огибающие могилу со всех сторон. В группе I чаще наблюдаются ровики в виде полукольца и отдельных ям, расположенных вокруг могилы.

Помимо ровиков, в группе I под насыпями курганов уже в предматериковом слое прослеживаются кольцевые канавки, окружающие могилы. Диаметр канавок – 3-4 м, глубина в материке от 0,1 до 0,25 м, ширина около 0,2 м. Заполнение их – темный тлен, нередко с угольками и остатками от деревянных столбиков. Обнаруженные в подошве 28 курганов кольцевые канавки явились углублениями от несохранившихся оградчастоколов, которые сооружались вокруг могил. Оградки делались из бревен диаметром 0,1-0,2 м. Наличие нескольких канавок под одной курганной насыпью говорит о том, что курган сооружался не сразу. Вначале невысокие холмики насыпались внутри кольцевых оградок. Затем, по прошествии какого-то времени (скорее всего, после смерти последнего члена семьи) над несколькими холмиками и оградками возводили единый курган. В этом отношении интересен курган № 52 с двумя могилами, в которых похоронены мужчина и женщина. Вокруг погребения мужчины была сооружена ограда в виде эллипса размером 2,6 х 3,2 м. Позднее похоронили женщину, могила которой с южной стороны частично перерезала могилу мужчины. Диаметр ограды вокруг двух могил стал 3,6 х 3 м. Для того, чтобы расширить ограду, вбить бревна в материк вокруг вновь вырытой могилы, нужно было видеть и прежнюю ограду и ранее вырытую могилу внутри нее. Это было возможно только при отсутствии большой насыпи кургана, перекрывшей впоследствии обнаруженные нами конструкции на подошве кургана. Может быть, наличие не полных ровиков, а отдельных ям, окружающих могилы в группе I, связано с тем, что курган сооружался не сразу: из одной ямы брали землю, чтобы насыпать холмик над ранней могилой внутри ограды, а из других – чтобы возвести холмики над более поздними могилами родственников и общую насыпь. Такие ямы вокруг кургана найдены именно в группе I, где обнаружены кольцевые канавки.

В кургане № 62 группы I обнаружены 2 могильные ямы. Они имеют разную ориентировку, что говорит о разновременном захоронении (рис. 45). Кольцевая канавка вокруг погребения 3 и 4 (парного) перекрывала кольцевую канавку вокруг погребения 5 (женского). При совершении

парного захоронения разобрали оградку с севера от могилы 5, соорудили новую ограду вокруг могилы с погребением 3 и 4 и засыпали весь курган сперва песком, а затем суглинком. В профиле кургана была прослежена небольшая насыпь над могилой 5 в пределах кольцевой канавки. В насыпи кургана с западной стороны от кольцевой канавки, окружавшей женское захоронение 5, были обнаружены 2 детских захоронения, помещенных на глубине 5 и 10 см в материке. Нередко под курганными насыпями можно встретить до 8 захоронений (курган № 65), что позволяет считать курганы целыми семейными кладбищами. Такие курганы образованы из нескольких основных могил и впускных в насыпь или в полу кургана, а иногда могил, вырытых рядом с полой основного кургана, где насыпался дополнительный холм "присыпка" (курганы №№ 69-71, 72-70).

Благодаря большому числу захоронений в курганах можно установить относительную хронологию могил. В этом отношении интересен курган № 70 (с курганом – "присыпкой" № 72) (рис. 46), в котором были зафиксированы основные и впускные погребения, а также погребения из соседних курганов, частично перекрытые более поздней насыпью (кург. 72). В центре кургана № 70 находилась могила с кольцевой канавкой (погребение головой на запад, кости скелета почти не сохранились, за исключением длинных костей, грудная клетка кальцинирована, в засыпке могилы есть зола, осталась часть гробовины с гвоздями). Кольцевая канавка могилы 1 в юго-западной ее стороне перерезала кольцевую канавку могилы 2 (погребение головой на юго-запад, кости скелета не сохранились, кроме кальцинированного черепа; засыпка с золой; в погребении найдены 2 перстневидных височных колечка и гвозди от гробовины). Под кольцевой канавкой могилы 2 в южной стороне прослежены еще две могилы, перекрывающие друг друга так, что могила 6 перерезала южную сторону еще более ранней могилы 5. В могиле 5, ориентированной на юго-запад, кости скелета кальцинированы, сохранились лишь части черепа и длинных костей. Засыпка с золой. В погребении найдены железные гвозди, 3 перстневидных височных кольца с заходящими концами и 2 трехбусинных узелковых. В погребении 6, самом южном, обнаружены остатки сожженного погребального сооружения (в виде черного тлена), кальцинированный череп и остатки берцовых костей. Пространство между черепом и остатками берцовых костей заполнено углем и золой. В могиле найдены лишь гвозди. Иными словами, в южной половине кургана № 70 находились четыре могилы с последовательно захороненными людьми, ранние из которых содержали частичное сожжение на месте погребения. В северной поле кургана № 70 обнаружены впускные погребения детей (могилы 3 и 4) и погребение взрослой женщины (№ 1), над могилой которой был насыпан курган (№ 72), слившийся впоследствии с

курганом № 70. 0 том, что курган № 72 не ранний, не перекрыт насыпью кургана № 70, а присыпан к нему, свидетельствует не только характер слоев насыпи, но и необычное расположение кольцевой канавки под курганной насыпью кургана 72. Кольцевая канавка в восточной стороне могилы не окружает последнюю, а перекрывает. Видимо, насыпь кургана № 70 мешала соорудить здесь оградку из столбиков. В кургане № 72 обнаружено погребение женщины в обгоревшей колоде; засыпка могилы – с золой. Погребение ориентировано на северо-запад. В нем найдены: железные гвозди, нож, 2 бронзовых височных перстневидных кольца и 2 трехбусинных с бусинами из однорядной зерни, бусы стеклянные с золотой прокладкой[7], маленькое бронзовое колечко – застежка от бус, бронзовая подковообразная фибула со спирально загнутыми концами[8]. Весь комплекс находок не выходит за пределы XI – начала XII века, следовательно, более ранние могилы с частичным сожжением могут быть отнесены к началу XI в. или даже к рубежу X-XI вв.

В отличие от курганной группы I, в группе II обнаружены впускные могилы взрослых, погребенных уже после возведения насыпи над основным погребением (курган № 11). В группе II, где нет кольцевых канавок, ровики чаще окружают курган со всех сторон, или с какой-либо одной его стороны.

Во всех курганах прослежены пережитки культа огня. Об этом свидетельствует золистый слой на подошве всех курганов, зола в засыпке могильных ям, зола и угли выше и ниже погребенных. В некоторых курганах отмечены остатки частичного сожжения костяков, в результате чего кости грудной клетки и черепа кальцинированы. Видимо, это пережитки сожжения покойников на горизонте, известного в Ярославском Поволжье[9], с той разницей, что в суздальском могильнике сжигали покойников не полностью и хоронили останки под курганами. В Тимереве же известны захоронения в неглубоких ямах, вырытых в грунте после сожжения на горизонте[10]. От погребальных сооружений сохранился тлен коричневого и черного цвета, остатки дерева и гвозди. Они как бы очерчивают форму не дошедших до нас конструкций. Можно констатировать три их вида: клети, гробовины и колоды. Они имели форму правильных и неправильных прямоугольников различных размеров, иногда с округлыми углами; изредка погребальные сооружения расширялись или сужались у головы погребенного. В нескольких случаях за пределами погребального сооружения зафиксированы дополнительные детали.

Наиболее полно сооружение в виде клети сохранилось в погребении 1 кургана № 57 (рис. 47). В западной стороне могильной ямы на глубине 0,3 м обнаружен череп, перекрытый четырьмя досками, идущими с запада на восток между стенками ямы. Доски прослежены с глубины 0,1 м в

материке, толщина их 0,05 м, ширина 0,15-0,18 м. Доски являлись перекрытием погребального сооружения шириной 0,7 м и длиной 2,55 м. Клеть была сделана из таких же досок, поставленных на ребро. Вдоль ее длинных сторон находилось по две доски, одна на другой. Они были скреплены поперечно идущими досками и входили в углубленные пазы продольных досок, положенных вдоль длинных стен ямы. Поперечных досок было по две с каждой стороны клети: нижняя поперечина скрепляла длинные доски между собой, верхняя была вставлена в один уровень с верхним краем длинных сторон. Ширина поперечных досок около 0,1 м, толщина – 0,05 м. Доски, скрепляющие длинные стороны погребального сооружения, также упирались в стенки могильной ямы. Под клетью находился деревянный настил из 4 досок, аналогичный перекрытию. Он был расположен на глубине 0,47 м, так что высота всего сооружения была около 0,4 м. Под перекрытием находилось погребение мужчины, лежащего головой на запад, вытянуто на спине, с руками на животе. Вещей в погребении не оказалось. Скелет лежал в клети размером 2 х 0,7 м. Под головой и ступнями погребенного были подложены доски, лежащие поперек клети. Под деревянным сооружением было найдено много углей и золы. Интересно, что наличие дощечек под головой погребенного отмечали и исследователи курганов кривичей[11].

Аналогичные погребальные сооружения были найдены в курганах №№ 64, 70, 75. В западной стороне могильной ямы кургана № 64 на глубине 0,55 м в материке обнаружен женский череп. На этом же уровне прослежен тлен коричневого цвета. Он шел полосой шириной 0,05 м, обрисовывая прямоугольник размером 2,3 х 0,6 м. Длинные стороны прямоугольника продолжались за пределы клети и шли к западной и восточной стенкам могилы. В юго-западном углу могилы прослежен тлен от поперечной доски, продолжавшийся вдоль южной стенки могилы. В отличие от погребального сооружения кургана № 57, в погребальном сооружении кургана № 64 были обнаружены 4 железных гвоздя, вбитых в длинные стороны клети. Гвоздями, очевидно, прибивалась крышка. Погребенная женщина лежала на спине, руки и ноги были вытянуты. В кисти левой руки ее был зажат железный нож и игла. По сторонам черепа были обнаружены 4 перстневидные серебряные височные кольца с заходящими концами, 2 бронзовые трехбусинные узелковые и одно серебряное с тремя бусинами из однорядной зерни (рис. 49, 1-6, 9). Над погребением прослежено скопление золы.

Очевидно, большинство прямоугольных погребальных сооружений являлись клетью с настилами под скелетами и перекрытиями из досок.

В кургане № 15 было обнаружено детское впускное погребение в могильной яме глубиной 0,4 м в материке. На дне могилы сохранилось де-

ревянное погребальное сооружение, перекрытое двумя досками. Ширина досок 18 см, длина – около 1 м. Под перекрытием находился гроб, сделанный из таких же досок, поставленных на ребра. В вырубленные пазы длинных досок были вставлены поперечные короткие доски. Размер гробовины 1 х 0,35 м. По углам были вбиты железные гвозди с фигурными шляпками. Гвозди были пробиты через перекрытие и входили в поперечные доски в месте их соединения с длинными сторонами. В гробе был погребен ребенок в возрасте около двух лет, лежащий на спине, головой на запад, руки сложены у подбородка. Вещей не было.

В кургане № 62 от гробовины сохранились фрагменты трех досок от пола и одна от длинной стороны, а также 2 железных гвоздя.

Погребальные сооружения неправильной прямоугольной формы – с расширением в головах покойника или в области ног отмечены рядом особенностей. Цвет тлена, сохранившийся от них – коричнево-черный и черный. При расчистке погребального сооружения поверхность его оказывается часто слегка выпуклой, а дно вогнуто и в разрезе имеет эллипсоидную форму (курганы №№ 72 (рис. 46), 54, 77, 82). При разрушении верхняя часть погребального сооружения не распадалась на отдельные доски, а как бы целиком была смещена (курганы №№ 78 и 82), хотя в отдельных случаях обнаружены и доски, перекрывающие подобные погребальные сооружения (курган 79). К этому же типу, очевидно, относятся и остатки погребальных сооружений со скругленными углами. У них также различна ширина в головах и в ногах (курганы №№ 1-3, 6, 7, 31, 51, погребение 1, 54 погребение 2, 3 и др.). Подобные погребальные сооружения, очевидно, делались из выдолбленных стволов деревьев, причем, нередко крышка их сделана также из выдолбленного дерева (курган № 77). Размеры колод разные, некоторые достигают величины: 2,6 х 0,8 м в головах и 2,6 х 0,5 м в ногах (курган № 72, погребение 1). Высота долбленых погребальных сооружений достигает 0,2 м (курган № 79). К гробовинам, сделанным из выдолбленных деревьев, крышки крепились поразному: без гвоздей, с помощью гвоздей или скоб с вбитыми в них гвоздями (курган № 79). В могилах с колодами нередко встречаются столбики, стоящие по углам ямы. Очевидно, они ставились для устойчивого положения гробовины (курганы № 72, погребение 1 и № 82). В отдельных случаях на коротких сторонах крышек обнаружены небольшие выступы (курганы 27, погребение 1 и 82).

А. С. Уваров ошибочно полагал, что находимые в могилах X-XIII вв. "гвозди и деревяшки не суть остатки гробов, а остатки особенных деревянных незначительных построек, воздвигаемых над некоторыми особыми гробницами для защиты их от тяжести насыпаемой земли"[12].

Благодаря раскопам последних лет наличие в могилах домонгольской поры различных погребальных сооружений доказано для многих регионов. Так, например, в курганах вятичей, как и в нашем могильнике, были обнаружены гробовины из деревянных досок в виде ящиков[13].

Из 133 раскопанных современной методикой курганов находки встречены в 51 погребении в курганах и "бескурганном могильнике". Причем в 21 мужском погребении инвентарь состоит из единичных находок бронзовых овальноухих пуговок (курганы №№ 91/1970 г. 3, 13, 14, 32, 33, 50, 77, 83; "бескурганные погребения" 1/1975, 2/1976, 16/1980) или в сочетании этих пуговок с остатками тканевых воротников (курганы №№ 101/1970, 12, 19, 54, 73, 74, 86, "бескурганные погребения" № 4/1976, 14/1979). В кургане № 60 вместо пуговки употреблен бронзовый грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью. Бубенчики этого типа датируются X – началом XII вв.[14] (рис. 48, 15). Кроме того, в 9 курганах, раскопанных А. С. Уваровым, также отмечено сочетание ткани с бронзовыми пуговками[15].

Среди женских захоронений довольно частой находкой являются серебряные и бронзовые перстневидные височные кольца. Чаще всего они встречаются в погребениях молодых женщин (девушек и девочек), причем слева и справа на висках находятся от 1 до 12 колец, вплетавшихся в волосы в виде цепочки). Только перстневидные височные кольца встречены в курганах №№ 48/1968 (1 экз.), 16 (5 и 7 экз.), 23 (1 экз.), 39 (1 экз.), 47 (по 1 экз. справа и слева), 50 (3 экз. справа), 54 (по 1 экз. справа и слева погр. 1), 54 (4 и 4 экз. погр. 4), 56 (4 и 10 экз. погр. 2), 64 (6 экз.), 67 (4 и 5 экз.), 70 (3 и 1 экз.), 72 (по 1 экз. справа и слева), 84 (по 1 экз. справа и слева), в "бескурганных погребениях" №№ 2/1976 (4 и 5 экз.), 8/1976 (12 и 8 экз.).

Наиболее полные и интересные комплексы зафиксированы совместно с трехбусинными височными кольцами в группе 1 (над р.Каменкой). Это комплексы из курганов 6 и 9 из раскопок 1967 г.[16] В кургане № 6/1967 у висков погребенной с обеих сторон найдено по 6 серебряных височных колец, вплетенных в сохранившиеся волосы. У правого виска 3 кольца были перстневидные круглопроволочные, а 3 – трехбусинные филигранные. Самое нижнее имело напускные бусинки, украшенные пирамидками зерни (рис. 48, 4). Выше располагалось узелковое кольцо, а над ним – кольцо с бусинами из однорядной зерни (рис. 48, 3). На левом виске 5 колец были перстневидные, а нижнее – трехбусинное с цилиндрическими бусинами, украшенными рядами зерни (рис. 48, 2). На фаланге среднего пальца левой руки находился серебряный пластинчатый перстень с цилиндрическим щитком, украшенным треугольниками зерни и синей стеклянной вставкой (рис. 48, 6). Аналогичные перстни найдены во

Владимирских курганах, причем А. А. Спицын отмечал их западный характер. Близкий по типу перстень найден и среди великоморавских древностей X в.[17]

Узелковые височные кольца встречаются во Владимирских курганах конца XI в., а в Новгороде одно такое кольцо найдено в слое второй четверти XI в. С монетой XI в. обнаружено узелковое височное кольцо и в кургане 6 Курской губернии Суджанского уезда (Белогорский Николаевский монастырь)[18].

Трехбусинные височные кольца с цилиндрическими бусинами и бусинами из крупной зерни в 1-2-3 ряда известны в сельских курганах с XI в. Одно такое кольцо найдено в кургане XI в. у д.Малы Псковской области (с монетой 818-819 гг.)[19], другое – в кургане у д.Сязниги в Южном Приладожье (с западноевропейской монетой 1027-1054 гг.), еще одно – в кургане у с.Леплява Черкасской обл. (с монетой X в.)[20]. В целом, вышеперечисленные находки позволяют отнести время сооружения кургана № 6 к более раннему времени, чем было указано при первоначальной публикации (конец XII – начало XIII вв.). Видимо, по совокупности находок курган следует датировать XII в., может быть первой половиной его. Однако зерненые височные кольца с цилиндрическими бусинами, аналогичные находкам из этого кургана, известны по кладам и более поздней поры[21].

Комплекс кургана № 9/1967 состоит из перстневидного серебряного височного кольца, чуть ниже которого обнаружена у правого виска серебряная зерненая бусина. У левого виска найдено золоченое перстневидное височное кольцо с сужающимися концами и утолщением в средней части. Аналогичные кольца встречены в городском слое конца XI в. Суздаля на усадьбе "А". На черепе сохранился кусок шерстяной ткани от головного убора. В области шеи найдены 2 малые боченковидные золоченые стеклянные бусины, служившие, вероятно, пуговицами. Бусы эти датируются по новгородской хронологии X-XI вв.[22]. Серебряный перстень, найденный в области груди – пластинчатый, массивный, украшен растительным орнаментом (рис. 48, 5). Слева у бедра найден железный нож. Захоронена была взрослая женщина. Время захоронения, судя по золоченым бусам и перстневидному височному кольцу с утолщением – конец XI в.

Концом XI в. можно датировать и курган № 16/1968, с двумя погребениями, в комплекс инвентаря которых входят 4 бронзовых перстневидных височных кольца (1 с загнутым концом) (рис. 48, 1), железная тордированная шейная гривна с раскованными гладкими концами (рис. 49, 16), 5 стеклянных зонных белых непрозрачных бусин. Наибольший интерес представляет находка железной шейной гривны. Шейные гривны этого типа распространены в Северной Европе – Швеции, Норвегии, Дании, на

Аландских островах. На нашей территории они, в основном, сосредоточены вдоль основных торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока. Время бытования тордированных железных гривен – X – нач. XII вв.[23] Вероятно, наш курган следует датировать XI в.

Интересен комплекс из кургана № 14/1968 из раскопок В. П. Глазова. В него входят 5 серебряных трехбусинных височных колец с зерненными бусинами (по 3 и 2 у каждого виска). Бусины четырех височных колец имеют цилиндрический каркас с напаянными рядами зерни, бусины пятого кольца – ажурные. На правой руке был найден круглодротовый бронзовый браслет с сужающимися концами. Браслеты такого типа были распространены во все времена и не имеют точной даты, однако близкую аналогию ему представляют золотые браслеты усадьбы "А" в Суздале. Скорее всего курган датируется XII в.

В состав находок кургана № 28/1970 входят перстневидные с заходящими концами височные кольца (2 у левого виска и 1 у правого) и трехбусинные зерненые (по 1 у каждого виска). В области груди найдено бронзовое колечко с двумя обрывками плетеной цепочки. На правой руке – бронзовый перстень с черневым гравированным узором, а на левой – пластинчатый серебряный перстень с линейным рельефным узором. Кроме украшений, в инвентарь входило шиферное пряслице с сильно сработанными краями. Перстень с черневым узором находит аналоги в курганной группе у г.Петушки[24]. Весь комплекс можно датировать скорее всего первой половиной XII в.

Трехбусинные височные кольца с зерненными бусинами в сочетании с перстневидными входят в состав находок кургана № 59 (2 перстневидных и 1 зерненое на правом виске и 1 перстневидное и 1 трехбусинное с бусинами из однорядной зерни на левом). Кроме того, на левой руке был обнаружен бронзовый пластинчатый перстень.

Интересный комплекс серебряных изделий представлен в кургане № 61 (в женском захоронении 3), где на висках слева и справа находились два трехбусинных зерненых височных кольца диаметром 2,3 см. Бусины, разделенные сканной нитью, цилиндрической формы с плотной ровной зернью. Эти височные кольца являются наиболее тщательно и профессионально выполненными экземплярами во всей коллекции находок из курганов Михайловской стороны. У нижней челюсти лежали еще 7 височных колец: одно массивное перстневидное с заходящими концами и 6 малых трехбусинных колец с зерненными бусинами (диаметр 1,5 см). В целом, находки кургана № 61, свидетельствуют о богатстве и знатности погребенной женщины.

В кургане № 62 было обнаружено 5 погребений. В одном из них (погребение 5) комплекс находок состоял из 3 бронзовых трехбусинных

колец с узелковыми бусинами и трех перстневидных, а также из бронзового круглодротового браслета с сужающимися концами (рис. 48, 12-14, 16-18).

В кургане № 96 комплекс находок также свидетельствует о богатстве погребенной. В состав находок входят серебряные украшения: перстневидные височные кольца (6 справа и 9 слева) и два трехбусинных с зерненными бусинами (по 1 справа и слева ниже перстневидных), пластинчатый перстень с выступающей средней частью и гравированным растительным узором, а также пластинчатая круглая фибула с растительным узором (рис. 50). Аналогичные фибулы известны среди находок владимирских курганов, причем А. А. Спицын отмечает их раннюю дату, "может быть даже X в."[25]. У пояса погребенной находился железный нож с деревянной рукояткой с колечком для подвешивания. Перстни с выступающей средней частью и гравированным растительным орнаментом, видимо, характерны только для Владимиро-Суздальской земли. Они известны в городском слое Суздаля, в Веси, Сунгире, Муроме. Весь комплекс украшений кургана № 96 производит впечатление стилистического единства и изящества.

В кургане № 7 на правом виске погребенной найдено 3 перстневидных и 3 трехбусинных височных кольца с бусинами из однорядной зерни, а на левом – 3 перстневидных и 2 трехбусинных с бусинами из двух рядов крупной зерни.

В кургане № 9 комплекс состоит из одних только трехбусинных височных колец: справа 2 кольца с цилиндрическими зерненными бусинами, слева – 2 с крупнозерненными двухрядными бусинами (рис. 48, 8-11).

Таким образом, все перечисленные комплексы с трехбусинными височными кольцами обнаружены в курганах, расположенных в группе I над р.Каменкой.

Кроме перечисленных комплексов в других курганах как группы I так и группы II встречены лишь единичные находки. К их числу относится бронзовый круглодотовый браслет из кургана № 25 (погребение 2), аналогичный найденному в кургане № 62 (рис. 49, 14), железные ножи (курганы №№ 25, 28, 58, 67), бронзовое поясное кольцо (бескурганное погребение 11/1977) (рис. 49, 13), бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью (курган № 62, погребение 3 – детское), нитка бус из крупного бисера желтого, зеленого и черного цвета (рис. 48, 20). Лишь один раз в кургане № 30 в детском погребении обнаружен глиняный гончарный горшок. В насыпях же курганов фрагменты гончарной керамики встречены неоднократно (курганы №№ 7, 8, 12, 26, 29, 30, 38, 51, 54, 59, 62, 64, 65). Вероятно, это остатки погребальной тризны.

Из раскопок А. С. Уварова во Владимирской губернии известно большое количество фрагментов тканей: "паволоки" и "позументы", которые он относил к головным уборам, вороту и нагрудникам[26]. Большая часть этих деталей находится в собрании Государственного Исторического музея в Москве. Благодаря исследованиям М. В. Фехнер и Н. М. Климовой подготовлен атлас с описанием тканей, хранящихся в Историческом музее, в том числе тканей, найденных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым во Владимирской губернии[27].

Из дневников А. С. Уварова известно, что в курганах на Михайловской стороне были найдены фрагменты тканей в 14 курганах[28]. В одном из них они принадлежали головному украшению, а в остальных украшали рубашку. Среди этих фрагментов указаны "позументы", "галуны", береста, обвитая "позументом", "куски паволоки", положенные на "бересте", шитье "шелком" и "золотом".

Для исследования одежды по материалам раскопок необходимо учитывать, что хоронили на Руси, судя по материалам поздней этнографии, в праздничном наряде, вместе с верхней одеждой, строго соблюдая возрастные характеристики: девушек хоронили в наряде невест; девочек, женщин и старух в одежде, соответствующей их семейному положению, с обязательным покрытием головы полотенчатым или платкообразным убором[29].

В могильнике не обнаружены достаточно крупные фрагменты одежд, однако, в отдельных случаях прослежен войлокообразный тлен черного цвета, толщиной более 2 см, покрывающий скелет погребенного (курганы №№ 1, 3, 5, 13; курганы № 50, погр. п-1; курганы №№ 65, 77, 86 и курган № 9). Наличие его в погребениях свидетельствует, скорее всего, об использовании при похоронах верхней одежды из меха.

В курганах на Михайловской стороне найдено 11 воротников с шитьем металлической и шелковой нитками, 5 воротников с золототканной лентой, 1 воротник с окантовкой красным шелком и 2 воротника, не определенных из-за плохой сохранности. Кроме того, в кургане № 55 найдена золототканная лента в области запястья левой руки. И золототканные, и шитые детали от указанных воротников имели, как правило, берестяную прокладку. Воротники, как золототканные, так и фрагменты с шитьем, встречены и в мужских, и в женских погребениях, причем воротники с шитьем чаще встречаются в женских погребениях, а золототканные – в мужских. С достаточной степенью достоверности выделяются воротники в виде стоечки с разрезом слева, где располагались металлические пуговки (от 1 до 3)[30], (рис. 51, 1-3). Такие воротники были встречены в кургане 12/1968 г., где ворот был золототканный и в курганах №№ 12, 33, 50, п-1, п-2, 55, 61, 71, п-1, 73, 74, а также в "бескурган-

ном" могильнике (п-2 1979 г. и п-3 1976 г.), где воротники изготовлены из шелка с шитьем.

Дважды встречены воротники в виде "каре"[31]. В одном случае воротник имел застежку слева (курган № 54, п-3), где было две пуговицы (рис. 51, 4). Он был сделан из золототканной ленты с геометрическим орнаментом. По верхнему краю воротника и разрезу шла окантовка из полоски шелковой ткани красного цвета полотняного переплетения. Снизу лента была окантована толстой крученой нитью из красного шелка. Она была пришита вертикальными стежками. Вдоль разреза ворота шла вертикально пришитая та же лента длиной 2 см. Под лентой сохранился кусок ткани красного шелка полотняного переплетения. В кургане № 19 воротник также имел форму "каре", но застегивался сзади (рис. 51, 5).

В погребениях сохранились и фрагменты ворота, имевшего округлую форму, приближающуюся к "голошейкам", но и для них были характерны пуговки слева. Так, воротник из кургана № 23 был окантован красным шелком, нашитым на бересту, слева к воротнику примыкали три пуговки с овальной петелькой[32]. Очевидно, такой же воротник был и в кургане № 22, о чем говорит расположение бересты и пуговка слева.

Перечисленные формы ворота одежд свидетельствуют о многообразии самих одежд, которые до нас не дошли. Найденные фрагменты грубой ткани полотняного переплетения и шелковой ткани под берестой на изнанке воротников, очевидно, и были той тканью, из которой были сшиты сами одежды. Возможно, стоячие воротники с разрезом слева принадлежали рубахам-косовороткам, о бытовании которых писал А. В. Арциховский[33]. Этнографы считают, что глубокий запах и "застежка на левой стороне отличает русскую одежду от однобортной одежды народов Востока, а также от одежды западных соседей..."[34].

Найденные стоячие воротники с застежкой слева, свидетельствующие о наличии одежд типа косоворотки, позволяют поставить вопрос и о формировании двубортной одежды еще в домонгольские времена (рис. 51, 6, 7).

Орнаментика на шитье воротников та же, что и на предметах прикладного искусства домонгольского периода. Она характеризуется сочетанием геометрического и растительного орнамента. Основные мотивы: побежик, S-видные фигуры, древа в кругах, лунницы, крины, плетенки. Иными словами, преобладал тот растительный орнамент, который был распространен на памятниках архитектуры и прикладного искусства Владимиро-Суздальской Руси[35], а также на украшениях из драгоценных металлов, известных нам по кладам и раскопкам на территории древнерусских городов[36]. Широкий круг аналогий орнаментам на тканях описываемого могильника составляют узоры на тканях из курганов древней

Руси, а также из гробниц древнерусских городов, что еще раз говорит о единстве древнерусской культуры в домонгольское время[37].

Если в XVI-XVII вв. на Руси была распространена техника шитья, получившая название "шитья на аксамитное дело" и "шитья на чеканное дело"[38], то в домонгольское время было распространено шитье, подражавшее орнаменту привозных тканей и лент. Так, в кургане № 71, в погребении 1 на воротнике вышиты круги, орнамент внутри которых подражает геометрическому узору, известному на золототканных лентах Византии.

Каждый воротник с шитьем является произведением прикладного искусства, не уступающим ювелирным изделиям. В качестве примера можно привести воротник женского погребения 1 из кургана № 50 (рис. 51, 2). Основным полем воротника являлась шелковая ткань (самит) синего цвета[39]. Сверху ткани и по ее разрезу слева была пришита лента с геометрическим орнаментом. Золото ленты, ее контраст с синей тканью был подчеркнут красной обшивкой ворота и красным шнурочком, пришитым под лентой. Обшивка сделана тафтой, а шнурочек скручен из шелковых ниток и пришит вертикальными стежками. Под красным шнурочком на фоне синего шелка была уложена золотая спиралька (канитель) в орнамент типа плетенки. Ворот был подложен берестой и поэтому не потерял форму. Он, очевидно, украшал льняную одежду белого цвета, остатки которой найдены на изнанке воротника.

Значительный интерес представляет комплекс находок из женского захоронения кургана № 11 (рис. 51, 5, 6). Он состоит из остатков одежды в виде стоячего воротника, застегивавшегося слева на три бронзовые пуговицы, а также из большого количества желтого "рубленого" бисера и двух бронзовых перстневидных височных колец с заходящими концами. Перстневидные кольца находились в области ушей слева и справа. Бисер особенно густыми рядами располагался в нижней части затылка, украшая, видимо, головной убор. Да и все донце головного убора также, по-видимому, было расшито бисером. Ворот одежды был стоячим, так как по всей длине, дошедшей до нас ткани, сохранилась берестяная прокладка. По данным исследования, произведенного А. К. Елкиной, ткань ворота шелковая, византийского производства, окрашена была в красный цвет иранским кермесом. Ворот состоял из двух частей, расшитых плотной нитью. На правом бóльшем фрагменте (размером 20 х 4 см) орнамент состоит из растительного S-видного вьюна, в кругах которого помещены древа жизни. На левом меньшем фрагменте (размером 8 х 4,5 см) также вышиты два древа жизни, но иного рисунка, чем на правом (рис. 51, 6). Орнаменты на обоих фрагментах находят аналогии как в вышивках других древнерусских памятников, так и в резьбе Георгиевского собора

г.Юрьева-Польского, в узорах "золотых ворот" Рождественского собора г.Суздаля, в рисунках на изделиях прикладного искусства (в частности, на монетовидных привесках, обнаруженных в Суздале и во владимирских курганах)[40]. Рубленый желтый бисер относится к числу ранних находок, датирующихся X – началом XII вв.[41] Остальные находки (золотный воротник, перстневидные височные кольца) не поддаются точной датировке. В целом комплекс находок кургана № 11, вероятно, можно датировать XI – первой половиной XII вв.

По материалам могильника прослеживается возрастная разница в женском головном уборе, от которого сохранились украшения из металла, бисер (курган № 11) и фрагменты тканей (курганы №№ 9, 16, 56, погр. 1, курганы №№ 72, 75). Для девочек до 10-12 лет характерно наличие большого количества перстневидных височных колечек, расположенных от виска до плеч и вплетавшихся, видимо, в волосы (погр. 8/1976 "бескурганного могильника", кург. 56, впускное погреб. 2). Аналогичное ношение перстневидных колец сохранилось у финских народов Сибири[42].

В погребениях молодых женщин перстневидных колец, как правило, меньше. Помимо таких колец в них найдены и трехбусинные височные кольца (в группе I). Кольца располагаются на черепе погребенной разным образом: либо горизонтально перекрывают область уха (курганы №№ 7, 9, 16), либо ниспадают от виска. Если в погребении есть трехбусинные височные кольца, то они находятся ниже перстневидных колец, под ухом погребенной (курган № 59, погреб. 1).

В погребениях молодых женщин содержатся наиболее полные комплексы украшений. Возможно, среди них были и погребения молодух (замужних женщин до появления у них первого ребенка). Одежда молодух по материалам этнографии XIX – нач. XX вв. отличалась богатством и включала разнообразные украшения[43]. Для головных уборов старых и средних лет женщин обычно небольшое количество перстневидных колечек, чаще по одному кольцу на уровне уха (курганы №№ 47, 54, погр. 1, курганы №№ 72, 84, 88, 93, погр. 2, курган № 94, впускное погребение).

* * *

На отдельных участках курганного могильника в группе I на уровне древнего горизонта зафиксирован культурный слой толщиной 0,15-0,2 м (под курганами №№ 27, 28, 38, 39, 41, 52, 54, 56-65, 67, 68, 92, 93). Там, где курганы отсутствуют, культурный слой полностью разрушен и смыт. В подошвах курганов в культурном слое обнаружены очаги в виде скопления обгоревших камней с углями и золой, куски железного шлака, фрагменты лепной керамики с орнаментом в виде вдавлений по верхнему

краю венчика. В кургане № 57 под погребением девочки, ориентированном головой на запад, которое сопровождалось перстневидными височными кольцами, были обнаружена хозяйственная яма размером 3,2 х 1,95 м. В ней найдены кости коровы, чешуя рыбы, куски обожженной глины, скопление обгорелых камней и фрагментов лепной керамики. В насыпях курганов, расположенных на участке с культурным слоем, встречаются вещи, переотложенные из этого культурного слоя. Это фрагменты лепной керамики (курганы №№ 44, 45, 50, 51, 53, 57, 58, 64, 67 типа I по Суздалю)[44], кремневые ножевидные пластины (курганы №№ 39, 57) железный втульчатый наконечник стрелы (курган № 41, рис. 49, 15). Иногда обгорелые камни, куски шлака и фрагменты лепной керамики были встречены даже в заполнении могил (курганы №№ 50, 51, 53, 57). Судя по фрагментам лепной посуды, а также по двушипному наконечнику стрелы, датирующемуся VIII-XII вв.[45], культурные отложения относятся к IX-X вв. Видимо, к этому же времени относится и целый лепной сосуд, найденный в ямке, вырытой на дне ровика кургана № 81 (рис. 52). Близкую аналогию этому сосуду составляет керамика нижнего слоя городища Изборск, а также посуда из Шихино и Млевского бора Тверской области[46].

Подводя итоги, следует отметить, что курганный могильник на Михайловской стороне возник, видимо, на рубеже X-XI вв. или в самом начале XI в. О ранней дате его возникновения говорит и находка монеты X в. в раскопах А. С. Уварова* [47]. могильник возник на месте славянского неукрепленного поселения X в., оставленного выходцами из северо-западных регионов Руси. Время существования могильника – XI – середина XII в. Распространение погребального обряда в виде трупоположения в грунтовой яме обычно относится исследователями ко второй половине XII в.[48] Такой хорошо исследованный памятник как Тимеревский могильник, существовавший с конца IX до первой половины XI в., содержит лишь 7% курганов с обрядом трупоположения в ямах[49]. Однако вокруг таких крупных городских центров как Киев, Новгород, Псков погребения в подкурганных ямах получили распространение уже в X в.[50] Суздальский курганный могильник также, видимо, относится к числу подобных памятников, возникших в непосредственной близости от города. Близкую аналогию ему составляет некрополь Старой Рязани XI-XII вв.[51], курганный могильник у с.Доброго близ Владимира и др.[52]

По деталям погребальной обрядности в суздальском могильнике довольно четко выделяются две группы. Так, для группы I, расположенной над р.Каменкой, характерной особенностью являются кольцевые канав-

*Монета была утрачена и в дальнейших публикациях А. С. Уварова не упоминалась.

ки вокруг могил. Подобные кольцевые канавки от деревянных оградок в небольшом количестве известны во всех восточнославянских землях в X-XII вв.: у полян, древлян, дреговичей и кривичей, а в более раннее время, во второй половине I тыс. н. э., кольцевые канавки были характерны и для курганов вятичей[53]. В группе I обнаружены наиболее полные комплексы и богатые погребения с трехбусинными височными кольцами, в основном изготовленными из серебра в технике зерни. Изделия эти явно очень дорогие, производились, по всей видимости, городскими ремесленниками-ювелирами. Аналогии им можно найти в кладах феодальной верхушки, зарытых в минуту опасности в XI-XII вв. Некоторые украшения (например, височные кольца узелковые и с бусинами из однорядной зерни, а также золоченые височные кольца перстневидные с утолщением в средней части) находят полную аналогию в слое городских усадеб XI в. Суздаля и выполнены как бы рукой одного мастера.

Кольцевые канавки полностью отсутствуют в группе II, находящейся над р.Мжарой. Курганы, расположенные в центре могильника, отличаются очень большими размерами могильных ям (2,8-3,6 х 1,3 х 1,5 м). Большие ямы есть и в других частях могильника как в группе I, так и в группе II, но наибольшая концентрация их отмечена именно в центре. Захоронены в этих могилах, в основном, молодые мужчины. Большие размеры могил, возможно, отражают социальный статус погребенных. Может быть, в большие погребальные ямы помещали представителей суздальской аристократии, дружинников, ибо другие способы выражения высокого их социального положения уже были недопустимы по нормам христианской религии.

Курганы группы II выделяются наличием полностью откопанных ровиков вокруг насыпей и полным отсутствием кольцевых канавок от оград вокруг могил. И это обстоятельство нельзя объяснить хронологическим различием, так как находки в этих курганах датируются так же, как и в курганах группы I (например, комплекс кургана № 11 датируется XI – началом XII вв. – см. выше). Инвентарь курганов группы II характеризуется наибольшим числом золототканных и вышитых золотой нитью фрагментов одежды и полным отсутствием в них трехбусинных височных колец с зернью.

Интерес представляют погребения с частичным сожжением костяка, расположенные в обеих группах могильника. Частичная кремация, по-видимому, является пережитком обряда трупосожжения, характерного для славян раннего периода. Аналогичные случаи частичной кремации зафиксированы и в других синхронных суздальскому могильниках, например, в д.Кориново под Костромой (кон. XI в.), в с.Малы Псковской обл. и др.[53]

Нельзя сказать ничего определенного о динамике роста могильника в целом, так как обе группы существовали одновременно. Динамика роста улавливается лишь внутри группы по топографическим и стратиграфическим наблюдениям.

Особенности погребальной обрядности двух групп одного могильника отражают, по-видимому, наличие двух групп городского древнерусского населения Суздаля. Сказать с определенностью, откуда они происходят, пока не представляется возможным.

Курганный могильник на Михайловской стороне безусловно является городским некрополем* . Он и расположен в непосредственной близости от города, менее, чем в 1 км от него. Состав погребального инвентаря в нем характеризуется полным отсутствием этноопределяющих украшений, таких, например, как височные кольца, характерные для отдельных племенных групп, а также отсутствием бытовых предметов и орудий труда, столь распространенных в инвентаре сельских курганных кладбищ. Наличие во многих погребениях дорогих серебряных изделий ювелирного ремесла, привозных шелковых и золототканных одежд говорит о том, что многие люди, похороненные в могильнике, относились к знатной и зажиточной прослойке суздальского населения. Значительной степени достигла и христианизация этого населения (все погребения совершены в ямах, а в большинстве курганов отсутствует инвентарь). По-видимому, в материалах могильника находит отражение свидетельство летописи о Суздале как о городе старого боярства, старой чади.

Примечания к V главе

1. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопам. Труды I Археологического съезда в Москве 1869. М., 1871, т. I. С. 794, 809, 818; дневники раскопок с указанием инвентаря хранятся в ГИМе. ОПИ. Фонд 17, оп. 1, дело № 209. С. 35; дело № 210 № 3.
2. Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК, вып. 15, 1905. С. 86.
3. Дубынин А. Ф. Отчет о раскопках в Суздале // Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1937, № 205-206.
4. Седов В. В., Седова М. В. Раскопки во Владимирской земле // АО 1967. М., 1968. С. 55-57; Седова М. В. Раскопки суздальских курганов в 1967 г. // КСИА, вып. 120, 1969. С. 97-99; Седов В. В. Раскопки в Суздале // АО 1968. М., 1969. С. 73-74; Он же. Исследования в Суздале // АО 1970. М., 1971. С. 86-88.
5. Глазов В. П. Исследование суздальского ополья // АО 1968, М., 1969. С. 75. Архив ИА РАН, Р-I, дело № 4112.

* К такой мысли пришли еще первые исследователи могильника: "Группа курганов между Михайловскою стороною и Пинаихою было древнее кладбище, принадлежавшее некогда городу Суздалю, простиравшееся некогда по Мжаре до Минина селища" (ГИМ ОПИ. Фонд 17, дело 209, С. 35).

6. Седова М. В., Беленькая Д. А., Сабурова М. А. Раскопки в Суздале // АО 1974. М., 1975. С. 76-77; Они же. Раскопки в Суздале и Юрьеве-Польском // АО 1975. М., 1976. С. 85-86; Сабурова М. А., Седова М. В. Раскопки курганов во Владимирской области // АО 1976. М., 1977. С. 68; Седова М. В., Беленькая Д. А., Сабурова М. А., Громова Н. И., Яковлева Т. Ф. Раскопки в Суздале // АО 1977. М., 1978. С. 82-88; Они же. Раскопки в Суздале // АО 1979. М., 1980. С. 74-75; Сабурова М. А. Раскопки курганов во Владимирской области // АО, 1980, М., 1981. С. 80; Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь г.Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91-130; Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г.Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси. М., 1991. Рис. 1-2, С. 53.
7. Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд. МГУ, 1972. С. 87.
8. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. С. 86.
9. Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963. С. 5-20, табл. 4,3.
10. Там же. С. 11, табл. 4,3.
11. Шмидт Е. А. Особенности погребального обряда кривичей XI – начала XII вв. в верховьях Днепра в связи с вопросом их этногенеза // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 87-89.
12. Уваров А. С. Меряне... С. 691.
13. Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст.Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 40-56, рис. 4.
14. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 156.
15. ГИМ ОПИ. Фонд 17. Оп-1 № 209-210.
16. Седова М. В. Раскопки суздальских курганов. С. 97-99.
17. Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 264, 266; Hruby V. Staré Mesto. Velkomoravsky Velehrad. Praga, 1965, tabl. XL, S. 145.
18. Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 140; Седова М. В. Ювелирные изделия, рис. 3, 6; Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 145.
19. Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА, вып. 146. М., 1976. С. 93, рис. 2.
20. Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР, № 18, 1895, табл. IV, 4; Выезжев Р. И. Новые материалы из раскопок Леплявского могильника // КСИА АН УССР, вып. 3. Киев, 1954. С. 36-37.
21. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л., 1954. С. 130, № 123, 2; табл. XXXI, 10; XXXIV, 2-3; 7-8; XILVIII, 34-35, 1, 3.
22. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. С. 171-172.
23. Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни. М., 1967. С. 62-63.
24. Глазов В. П. Отчет о раскопках курганов у г.Петушки Владимирской области в 1980 г. // Архив ИА РАН, Р-I, дело № 5129.
25. Спицын А. А. Владимирские курганы. С. 119, рис. 247.
26. Уваров А. С. Меряне... С. 732-733.
27. Фехнер М. В. Шелковые ткани и вышивки X-XIII вв. в древней Руси (рукопись хранится в ГИМе).
28. ГИМ, ОПИ. Фонд 17, № 208, л. 86 и № 209, л. 35.
29. Волков Ф. Украинский народ в его прошлом и настоящем // Этнографические особенности украинского народа. Пг., 1916. С. 555 и 640; Лебедева Н. И. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей. Раздел "Одежда" // Тр. Ин-та Этнографии АН СССР, новая серия, т. VII, 1960 г. С. 56 и 67; Кавтаськин Л. С. Пережитки обрядов причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем свадьбы при похоронах умершей девушки // Фольклор и Этнография. Л., 1974. С. 271 и 273.
30. Сабурова М. А. Стоячие воротники и "ожерелки" в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976. С. 226-230.

31. Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г.Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси. М., 1991. С. 53-77.
32. Раскопки В. В. Седова в 1970 г. Хранится в ГИМе в V отд.
33. Арциховский А. В. Одежда // История культуры Древней Руски. М.-Л., 1948, т. I. С. 234, рис. 146.
34. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белоруссов // Восточнославянский этнографический сб. Тр. Ин-та этнографии, XXXI. М., 1956. С. 581, 702.
35. Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г.Юрьев-Польский. М., 1964. С. 140; он же. Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966. С. 11; он же. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975. С. 97-142.
36. Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X-XIII вв. Л., 1971. С. 25, 87, 113, рис. 23, 119, 160.
37. Фехнер М. В. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 222-225; Новицька М. О. Гаптування в Київській Русі // Археология, т. XVIII. Київ, 1965. С. 24-38.
38. Маркова В. И., Вишневская И. И. Итальянские и французские ткани на Руси в XVI-XVIII столетиях. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1976; Маслова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 7.
39. Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды. С. 57.
40. Сабурова М. А. Стоячие воротники... С. 227-228; Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г.Юрьев-Польский. М., 1964. С. 140; Овчинников А. Н. Суздальские златые врата. М., 1973, рис. 3-4; Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981. С. 101, рис. 4,13; Спицын А. А. Владимирские курганы, 1905, рис. 173, 236.
41. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. С. 172-173.
42. Lehtinen Y Naisten Korut. Keski-Venäjällä ja Läksi-Siperiassa. Womens Yewellery in Central Russia and Sibiria. Museovirasta. Helsinki, 1979. Рис. 58 на С. 84 представляет наряд девочки с прической в виде длинных кос, с вплетенными в них колечками по всей длине косы.
43. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. С. 555.
44. Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля. С. 130, рис. 1,1.
45. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. С. 56, табл. 30,2.
46. Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА, 1978, №155. С. 63-67; Фехнер М. В. Отчет о раскопках в Калининской области в 1965 г. – Архив ИА, Р-I, дело № 3089а. С. 28, рис. 29. С. 29, рис. 30; С. 31, рис. 32.
47. ГИМ ОПИ, Фонд 17, Оп-1, дело № 209. С. 35.
48. Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей XI-XIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1974. С. 8-9.
49. Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963. С. 10, рис. 4; С. 14, 17.
50. Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА № 11, М-Л., 1949. С. 106-112; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 117, рис. 32; Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА, вып. 166. М., 1981. С. 75.
51. Даркевич В. П. Старорязанская экспедиция // АО 1973. М., 1974. С. 48; Он же. Раскопки в Старой Рязани // АО 1974. М., 1975. С. 55; Он же. Работы в Старой Рязани // АО 1975. М., 1976. С. 62; Он же. Старорязанская экспедиция // АО 1976. М., 1977. С. 51.
52. Спицын А. А. Владимирские курганы. С. 91.
53. Русанова И. П. Курганы у с.Буки Житомирской обл. // КСИА, вып. 110. М., 1967. С. 42-47; Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник. С. 93, рис. 1,2.

Глава VI

Материальная культура города

а) *Домостроительство, застройка, планировка*

Весь рассмотренный в предыдущих разделах материал дает основания для утверждения о том, что с самых ранних этапов возникновения Суздаля характерной чертой материальной культуры его населения являлось наземное срубное домостроительство. Тут сказалась преемственность традиций домостроительства предшествующей эпохи, хотя жилище населения центральных районов Волго-Окского междуречья I тыс. н. э. остается мало изученным[1].

Жилища в мысовой части детинца, относящиеся к X в., не изучены полностью ввиду снятия здесь слоя для досыпки и ремонта земляного вала. Сохранились лишь очажные ямы. Самой древней постройкой является жилище № 8а X в. в северо-восточной части кремля. Оно предшествовало дому № 8 усадьбы "А" и было значительно потревожено подпольем последнего, поэтому о конструктивных его особенностях также говорить трудно. Возникший на пожарной прослойке 1023-1025 гг. дом, открытый в траншее у ц.Николы из с.Глотова в западной части кремля у вала относился к срубным, рубленным "в обло" постройкам (детали его устройства не изучены). К наземным срубным постройкам следует отнести и жилой дом первой половины XI в., выстроенный на месте засыпки рвов древнейшей оборонительной системы детинца. Второй половиной XI в. датируются наземные срубные дома на усадьбах "А" и "Б", в северо-восточной части кремля (рис. 31). В силу того, что большинство их погибло от пожара, удается более подробно зафиксировать обгорелые конструктивные детали построек. Это были, по большей части, однокамерные дома площадью 16-25 кв.м (4 х 4 м – 5 х 5 м). Они ставились прямо на землю, без угловых столбов-"стульев". Подклеты, характерные для северных жилищ, здесь отсутствовали. Дощатые полы в тех случаях, когда их удается зафиксировать, лежали прямо на земле (рис. 53, 2). Подобные жилища с низким полом, лежавшим прямо на земле, без подклета, бытовали во владимирском ополье еще в XIX в. Запасы продуктов при этом сохранялись в подпольях[2]. Обширные подпольные ямы, занимающие площадь меньшую, чем само жилище, являются характерной особенностью и археологически исследованных жилищ (рис. 54). В тех случаях, когда не удается проследить остатки дерева от стен построек, они рекон-

струируются по наличию развалов печи, подполью, скоплению находок и керамики. Довольно часто подполья укреплялись деревянными конструкциями (рис. 55, 1-2).

Печи складывались или только из глины, или из глины с применением мелкого камня или только из крупного камня насухо. Размеры их 1,5 х 1,5 м – 2 х 2 м. Располагались печи слева или справа от входа, но часто и в углу, противоположном от двери. Зафиксировано несколько случаев расположения отопительного сооружения в центре жилищ. Возможно, это были открытые очаги.

Глинобитные печи в зависимости от конструктивных особенностей подразделяются на два типа. Это, во-первых, печи, сложенные непосредственно на грунте, которым сопутствуют околопечные (или припечные) ямы, куда спускались хозяйки при стряпне. Печи второго типа сбивали из глины без употребления камня и ставили на деревянные конструкции над подпечными ямами (рис. 56). Печи этого типа были распространены в крестьянских жилищах Северо-Восточной Руси еще в середине XIX в. А. Преображенский описывает процесс устройства такой глинобитной печи на деревянном опечке, свод которой выводился по деревянному (дощатому) шаблону[3]. Подобное печное устройство было описано в 1937 г. А. Д. Варгановым, зафиксировавшим в д.Оликово Суздальского района еще обитаемую курную избу. Размеры избы внутри были 3,54 х 3,48 м, высота внутри 1,85 м. Печь размерами 1,35 х 1,7 м была сбита из глины на деревянном опечке, под которым находилась подпечная яма. Печь топилась "по черному" без трубы: дым выходил из волоковых окон (размеры их 25 х 40 см). Печь располагалась слева от входа, устьем к окнам. Снаружи имелась завалинка, облицованная плетнем и "загата" из соломы и прутьев. Крыша была двускатная, крыта соломой, прижатой жердями. Пол в доме – дощатый, лежавший непосредственно на земле[4].

Все эти сведения дают представление о длительной традиции в сооружении жилищ Суздаля, поскольку зафиксированные раскопками детали построек находят непосредственные параллели в этнографическом материале.

Особенностью жилищ XI в. являются большие размеры некоторых из них, достигающие площади 60-70 кв.м (7 х 7 м – 8 х 8 м). При этом в этих жилищах отмечены некоторые скандинавские этнографические аналогии, в частности наличие двускатной деревянной крыши с глиняно-земляной засыпкой, без потолка[5]. Каменно-глинобитные печи принципиально не отличались от описанных выше и известных на памятниках лесной зоны XII-XIII вв.[6] В жилище № 8 усадьбы "А" реконструируется наличие полатей и сусека для хранения зерна, а также, возможно, сеней. В жилище № 9 реконструируется небольшое крылечко и сени столбовой конструкции.

Конструктивной особенностью жилищ XI в., исследованных на усадьбах "А", "Б" и "В" в северо-восточной части кремля, является их хоромность, т. е. соединение нескольких жилищ в единое целое с внутренними переходами. Зафиксирована также трехчленная связь: изба – сени – клеть с входом через сени.

Наземные срубные постройки оставались основным типом жилищ суздалян и в последующие века (XII-XV вв.), не претерпевая существенных изменений. Однако в первой половине XII в. наблюдается появление полуземляночных жилищ южнорусского типа. Одна полуземлянка открыта в раскопе у ц.Успения в северо-восточной части кремля, 11 полуземлянок – в раскопках А. Ф. Дубынина в центральной части кремля (рис. 11), 4 полуземлянки – в окольном городе (рис. 35) и три – на территории Дмитриевского монастыря. Жилища эти имеют различную заглубленность в землю (от 0,8 до 1,5 м), квадратную форму, размеры по сторонам от 3,0 до 5,0 м, а в одном случае даже до 6 м. В котлованы полуземлянок иногда впускались срубные конструкции, а иногда стены делались из плах, закрепленных в пазы угловых вертикальных столбов. Изредка встречаются и конструкции из вертикальных, часто поставленных столбов и плах. Печи в полуземлянках часто были глинобитные квадратные, но дважды встречены и круглые. Располагались печи по большей части в углах полуземлянок, но в двух случаях – в середине жилища. Почти всем полуземлянкам сопутствуют небольшие подполья, что подразумевает наличие в них деревянного пола. Отмечены также уступы вдоль стен, служившие, возможно, основаниями лавок. Вход в полуземлянку обычно оформлен в виде полукруглого выступа. Видимо, это была легкая постройка типа тамбура, из которой ступени вели в жилое помещение. Размеры крытого входа достигали длины 1,5 м при ширине 1 м. Жилища полуземляночного типа скорей всего появились в Суздале в результате переселения на север жителей юга Руси. Известна поощрительная политика князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского в привлечении на северо-восток южнорусских ремесленников, крестьян, воинов. Постепенно принесенные переселенцами традиции домостроительства нивелировались и возобладала традиция строительства срубных жилищ, присущая лесной зоне. Интересен своеобразный тип полуземляночной постройки, зафиксированный в Суздале дважды: первый раз в окольном городе на раскопе у ц.Иоанна Предтечи (рис. 57) и второй раз в кремле на раскопе у ц.Успенской. Датируются обе полуземлянки XII – нач. XIII вв., имеют подпрямоугольную форму, близкую к овалу, площадь 12-16 кв.м, глубину дна 1,0-1,1 м. Для этих сооружений характерно деление на две части, из которых одна имеет прямоугольные очертания с впущенным в яму срубом, а другая – полукруглую форму со стенами,

укрепленными горбылями. В этой части располагалась печь смешанного каменно-глинобитного типа на опечке с круглым сводом и подпечной ямой. Назначение этих построек остается не вполне ясным. Обнаруженное аналогичное сооружение в Плесе авторы раскопок трактуют как своеобразные печи для выпечки хлеба или помещения, где можно было мыться[7].

На всех раскопах как в кремле так и в окольном городе прослежено определенное количество небольших каменных очагов, располагавшихся возле домов. По-видимому, эти очаги являются остатками летних кухонь, которые были хорошо известны еще в XIX в. в деревнях Судогодского, Меленковского и Покровского уездов Владимирской губ.[8] Хозяйственные постройки прослеживаются с большим трудом. По-видимому, это были ямы или погреба с наземными легкими деревянными конструкциями над ними.

Выявлены и производственные постройки. В частности, в окольном городе обнаружены две меднолитейные мастерские, располагавшиеся в наземных постройках столбовой конструкции. Стены первой постройки состоят из кольев, вбитых в землю на 18-20 см. Стены второй постройки также состоят из вертикально поставленных кольев, но основания их вбиты в дно специальной канавки и были, очевидно, закреплены. И в том, и в другом случае прослежены опорные столбы, очевидно, имевшие пазы для поперечных плах. Вертикальными кольями укреплена и стена подполья второй мастерской. В углах подполья также обнаружены столбы (рис. 58, 1).

Застройка жилых участков города восстанавливается с большим трудом и достаточно фрагментарно. Ничего нельзя сказать о характере застройки детинца в самый ранний период существования Суздали. Ясно только, что в X в. жилища находились не только внутри древнейших укреплений, но некоторые из них располагались на восток от детинца, вдоль крутого берега р.Каменки.

В XI в. в северо-восточном углу нового укрепленного "города Ярослава" сохраняется приречно-рядовой характер застройки (рис. 31), при котором дома фасадами были обращены к реке, а входы в них были с противоположной стороны. Кроме того, дома располагались вдоль восточного вала, где проходила, видимо, небольшая улица или переулок. Однако намечаются и границы усадеб, которые в дальнейшем станут характернейшей особенностью планировочной структуры как кремля, так и окольного города (рис. 58, 2). С XII в., после создания замкнутой оборонительной линии кремля застройка изменяется, т. к. выход к реке закрыт земляным валом. Усадьбы ориентируются на главную улицу, идущую от восточных к западным воротам (рис. 32-34). Кроме того, воз-

никает проулок, отходящий перпендикулярно от главной улицы к Водяным или Тайницким воротам на обрыве р.Каменки. Этот характер застройки сохраняется вплоть до XVIII в. Любопытен рисунок-чертеж, выполненный, возможно, Ананией Федоровым в качестве иллюстрации к книге "Историческое собрание о Богоспасаемом граде Суждале"[9] (рис. 59). На этой схеме отчетливо видна главная улица кремля с отходящим от нее к северу проулком, на который выходят частоколы усадеб, расположенные в направлении З-В. Эти частоколы хорошо прослежены нами в раскопках для напластований XVI-XVII вв., но границы усадеб, видимо, сложились значительно раньше, т. е. в XII в., о чем свидетельствует жилая застройка 2-3-4 строительных периодов. На этом же чертеже видны две небольшие улицы или проулки, отходящие от главной улицы в направлении к юго-востоку (номера на рис. 21-22). С уверенностью можно сказать, что возникновение их также относится к XII в., т. к. раскопками А. Ф. Дубынина зафиксирована жилая застройка именно этого направления, идущая с СЗ на ЮВ. Причем частокол, отделявший жилые постройки, как раз, видимо, разделял усадьбы, въездной своей частью обращенные на разные улицы (рис. 11). Обращает на себя внимание тот факт, что к северу от этого частокола расположены полуземляночные жилища, а к югу – наземные. Возможно, это свидетельствует об этнографических особенностях славянских обитателей этих усадеб, одни из которых могли быть переселенцами из Поднепровья, сохранявшими присущие югу Руси черты домостроительства.

На исследованном В. В. Седовым южном участке кремлевской территории (по ул.Ивановской, ныне ул.Варганова) выявлены остатки двух усадеб, огражденных частоколом. Возникла застройка в этой части города в XII в., а наиболее интенсивная жизнь там относится к XIV-XV вв. Это единственный участок городской территории, где в XIV-XV вв. ощущается интенсивное строительство. В остальных частях Суздаля слои XIV-XV вв. незначительны.

Центром городской жизни с древнейшей поры с начала XII в. являлся собор, расположенный в западной части кремля. Он был той градостроительной основой, к которой сходились улицы и проулки. Перед собором находилась городская площадь, к западу от собора располагался княжеский дворец. Именно южный и западный порталы входов в собор украшены наиболее пышно. Именно эти входы украшены были знаменитыми "Суздальскими златыми вратами" (северный портал собора довольно скромный, а бывшие будто бы там третьи двери с золотой наводкой, по преданию, были вывезены в XV в. в Москву, где следы их теряются). По-видимому, на городской площади собиралось вече, о котором летопись упоминает под 1176 г.[10] Княжеский дворец упоминается в летописи под

1237 г. в связи с взятием татарами Суздаля: "**двор княжь огнемь пожгоша**"[11]. Впоследствии на месте княжеского двора было выстроено здание архиепископского дома. Однако в толще западной стены Рождественского собора сохранился проем двери, который вел из церкви в княжеские покои[12]. Писцовые книги XVII в. не называют в кремле ни одной улицы. По тексту только можно догадываться о существовании главной улицы, ведущей от Ильинских к Дмитриевским воротам, т. к. в описи 1628 г. сказано: "**Отъ илинъскихъ воротъ идучи въ городъ, на праве...**"[13], а в писцовой книге 1617 года: "**Отъ Ильинскихъ воротъ, на правой сторонѣ ... отъ Ильинскихъ воротъ по левой сторонѣ...**"[14].

План Суздаля XVIII в. (рис. 60), снятый в 1779 г. до перестройки времени Екатерины II, показывает в кремле главную улицу, идущую от Ильинских к Дмитриевским воротам (Рождественская, ныне Кремлевская), ул.Афанасьевскую (соответствующую современной ул.Лебедева) и ряд переулков, в том числе упомянутый выше проулок, ведущий к Тайницким воротам, 2 проулка, соединяющие соборную площадь с Афанасьевской улицей. Именно на них выходили фасадом усадьбы, открытые раскопами 1936-1940 гг. А. Ф. Дубыниным.

Указана и улица, идущая параллельно южному отрезку вала (б.Никольская, Ивановская, ныне ул. А. Д. Варганова). На нее выходили фасадом усадьбы, открытые В. В. Седовым в 1967-1968 гг.[15] (рис. 5).

Значительный интерес представляет северо-западный участок кремлевской территории, где обозначены проулки, как бы повторяющие конфигурацию древнейших оборонительных сооружений Детинца X – нач. XI вв. Возможно, что древнейшая планировка этого участка, возникла после разрушения рвов и вала в начале XI в. Проулки как бы огибали древние оборонительные сооружения (рис. 2).

Таким образом, мы видим, что планировка кремлевской территории, в основном, сложилась в XII в. и сохранила свои черты вплоть до XVIII в., когда комиссией Бецкого были предприняты некоторые шаги по приданию характеру застройки более регулярного вида.

Судя по описи Суздали 1628-1630 гг. и чертежу 1779 г. в Окольном городе от Ильинских ворот кремля вдоль берега р.Каменки к Ризоположенским воротам Острога проходила Большая улица (ныне отрезок ее носит название Старой). От Ризоположенных ворот к восточным воротам (Нижегородским) проходила около ц.Константина и Елены Цареконстантиновская улица и Цареконстантиновский заулок. Упоминается также Воскресенская ул., идущая от Большой ул. к острогу. Историк Суздаля Анания Федоров особо выделяет два места в "острожной осыпи" – это место, именуемое "Теремки" (в северо-западной части) и место "Красная гора" (в юго-восточной части), где по преданию существовали

княжеские дворы[16]. Главная торговая площадь находилась при въезде из Ильинских ворот Кремля в окольный город. Она отмечена в описях XVII в. расположением типичных для торжищ церквей Параскевы Пятницы и Ильи Пророка.

Длина валов Окольного города составляла около 2,5 км. В валах имелись трое ворот: на север – к Ризоположенскому монастырю и далее вдоль Спасо-Евфимиева монастыря в сторону Костромы, Ярославля и Ростова. Поворот налево вниз от ворот вел на Москву и в XVII в. носил название "Стромынка". Восточные ворота (в районе современного Воротищенского переулка) выводили к Васильевскому монастырю и далее к Кидекше и городам Поклязьменья: Стародубу, Ярополчу, Гороховцу и Нижнему Новгороду. На плане Суздаля XVIII в. улица, ведшая от восточных ворот, названа Нижегородской. Юго-восточные ворота были в районе Красной горы[17]. Они выводили в сторону Козьмодемьянского и Введенского монастырей (XIII в), а также к курганному могильнику на Михайловой стороне (XI-XII вв.), а позднее к селищу, будто бы принадлежавшему брату Всеволода Большое Гнездо – Михалке[18].

Характерной особенностью застройки окольного города, как и Кремля, является улично-усадебная планировка. Эта же система застройки отмечена на посаде в районе Ризоположенского монастыря. Этот факт очень важен для понимания особенностей городской жизни Суздаля. Владея на правах собственности отдельными участками городской территории, дворохозяева вместе оказывались ее коллективными собственниками. Каждый в отдельности и все вместе они выступали по отношению к внешнему миру, в том числе и к княжеской власти как городские землевладельцы или корпорация землевладельцев.

Нелишне напомнить, что площади раскопанных усадеб колебались в размерах от 1-1,2 тыс. кв.м, в Кремле до 0,6-0,8 тыс. кв.м (в Окольном городе).

На территориях усадеб Кремля и Окольного города уже с XII в. существовали фруктовые сады и огороды, дважды зафиксированные археологически, и ставшие столь характерной деталью городской застройки более поздней эпохи.

Рассматривая план Суздаля 1756 г. (рис. 61)[19], на котором не отмечена застройка внутри Кремля и Окольного города, но четко видны жилые участки посада, мы видим, что все постройки тянутся вдоль улиц, отходящих от проездных ворот и группируются около монастырей. Такая радиальная система расселения была отмечена нами археологически для Окольного города уже с XII в. Она традиционно просуществовала вплоть до XVIII в. Посад начал складываться уже в XII в., причем первыми посадскими территориями были районы Ивановской стороны и

Дмитриевского и Ризоположенского монастырей. На Ивановской стороне (ныне ул.Володарского) Н. Н. Воронин в 30-е гг. исследовал слои XII – нач. XIII в.

Дмитриевский монастырь некоторые исследователи склонны помещать на территории Кремля, основываясь на летописном тексте 1096 г.: "... **Олег же повеле зажещи Суждаль город, токмо остася дворъ манастырьскыи Печерьскаго манастыря и цркы яже тамо есть стаг Дмитрея...**"[20]. Однако при этом упускался из виду другой летописный текст под 1228 г.: "... **Кирилъ епспъ Ростовьскыи и оставивъ епспью приде в Суждаль к стому Дмитрию в свою келью...**". Никоновская летопись дополняет этот текст: "**Иде в кѣлию свою въ митрополичь монастырь святого Дмитрея иже въ Суздалѣ на посадѣ**"[21]. Таким образом, монастырь с самого своего возникновения находился на правом берегу р.Каменки, где возникла посадская часть города. Монастырь рисуется как крупный культурный центр, своего рода "северная Киево-Печерская лавра". Отсюда вышел ряд ростовских епископов. Здесь, скорее всего, велось и летописание.

В заречной же части города с XIII в. известен Андреевский монастырь.

Жилая застройка вблизи Ризоположенского монастыря начала осуществляться в XII в. на месте существовавшего ранее курганного могильника XI в.

Исследуя градостроительное развитие Суздаля с XII по XX вв., Е. М. Караваева отметила устойчивость плана города на всем протяжении его древней истории, в силу чего развитие его шло в основном путем дополнения старого плана новыми частями[22]. При этом старые части города остаются, а роль их и взаимоотношение меняются. Археологические исследования значительно дополняют данные по наиболее древнему периоду существования Суздаля, которые не могла привести в своей работе Е. М. Караваева в силу отсутствия в ее время этих материалов.

Итак: с X в. существовало укрепленное поселение площадью 1,5-2 га. Могильник этого периода пока не найден. Но уже с рубежа X-XI вв. начинает функционировать могильник на Михайловой стороне, в устье р.Мжары. В первой половине XI в. возникает "город Ярослава" площадью в 14 га. Жилая застройка в нем, в основном, располагалась вдоль береговой линии р.Каменки и вдоль восточного напольного вала. Южная часть городища оставалась незастроенной. Кроме могильника на Михайловой стороне, функционировал курганный могильник вблизи будущего Ризоположенского монастыря. Во второй половине XI в. возникает Дмитриевский монастырь, расположенный на сухопутной дороге к р.Клязьме (и в дальнейшем в г.Владимир). В начале XII в. строится замк-

нутая система обороны, "город Мономаха", появляется первый каменный собор и княжеский двор. Происходит перепланировка усадеб в северо-восточной части Кремля, ориентирующаяся на новые улицы. Застраивается южная часть Кремля. Одновременно вдоль дорог, ведущих из города к другим центрам, также возникает жилая застройка, т. е. возникает посад.

В эпоху правления Юрия Долгорукого строится к востоку от Кремля оборонительная система Окольного города площадью 35 га. Застройка приобретает улично-усадебный характер. Во второй половине XII в. прекращает свое существование некрополь на р.Мжаре. Возникает поселение на Михайловой стороне. За пределами окольного города в XIII в. возникает ряд монастырей, служивших оборонительными форпостами на подступах к Суздалю. На большой ярославской дороге в 1207 г. основывается Ризоположенский девичий монастырь, а затем и соседний – Троицкий. С именем Александра Невского связывается легенда о строительстве монастыря во имя Александра Перского в 1240 г. – Большой лавры. К XIII в. относится возникновение Васильевского монастыря на востоке. Под 1213 г. упоминается монастырь св.Козьмы и Демьяна, созданный владимирским епископом Иоанном. На юг от Суздаля расположен был Введенский монастырь (XIII в.). В 1222-1225 гг. строится новый собор во имя Рождества Богородицы.

В XIV в. сеть монастырей дополняется строительством еще двух: Спасо-Евфимиевского (около 1352 г.) и Покровского (1364 г.). В XVI в. возник Борисоглебский монастырь вблизи Дмитриевского в заречной части города и Андреевский (в районе Тихвинской церкви).

Такова древняя планировка Суздаля. Она дополняется существовавшими с древности слободами и сторонами: Дмитриевская, Борисоглебская, Иванова, Андреева, Михайлова стороны. Кожевенная слобода, монастырские слободки (рис. 62).

Облик древнего города можно представить по изображению на иконе Евфросиньи Суздальской 1700 г. (рис. 84).

б). ***Ремесло***

Уровень развития ремесла является ярким показателем экономической жизни любого города. Суздаль же в эпоху средневековья был одним из крупнейших ремесленных центров Древней Руси. Об этом говорит летописец под 1194 г., отмечая мастерство строителей Рождественского Богородицкого собора: "**иже не ища мастеровъ от немецъ но налезе мастеры от клевретъ святое Богородицы и своихъ, иныхъ олову льяти,**

иных крыти, иных известью белити"[23]. И действительно исследованиями А. Д. Варганова было зафиксировано местное производство кирпича-плинфы для нужд церковного строительства. На откосе левого берега р.Каменки между Александровским монастырем и Покровским мостом им была открыта обжигательная печь для изготовления плинфы[24]. Судя по размерам печи (3,9 х 2,8 м), в ней одновременно могло обжигаться до 5 тыс. штук кирпича. Причем, это была не единственная обжигательная печь, т. к. разведками обнаружено еще несколько остатков печей на правом берегу Каменки, ближе к Кремлю. В самом Кремле, вблизи Рождественского собора А. Д. Варганов открыл еще одну обжигательную печь иной конструкции, служившую для производства строительной извести. Обе печи датируются концом XI – нач. XII вв. и функционировали во время строительства собора, возведенного по сведениям летописи "Владимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом"[25].

Заманчивым представляется в связи со строительством этого же собора текст новгородской грамоты на свинцовой пластине: "**От Носъка к Местяте Заожеричъ отрокъ лони крили соуждалъцъ Ходоутиничъ. Возъми дове гривъне на намъ**"[26]. Возможно, речь в грамоте идет о купле отрока, как отметили А. В. Куза и А. А. Медынцева[27]. Но более вероятным представляется мнение первых публикаторов свинцовой грамоты А. В. Арциховского и В. И. Борковского о том, что речь здесь идет о покрытии свинцом какого-то здания. Этого же мнения придерживается и А. Б. Страхов. То, что текст грамоты процарапан на свинце, т. е. на том материале, которым покрывали своды церквей, а также дата находки (1096-1134 гг.) – все это заставляет предполагать в "суздальце Ходутиниче" мастера-кровельщика собора Владимира Мономаха. В этом случае мы имели бы редчайшее для Древней Руси известие об имени мастера начала XII в.

Среди раскопанных в разное время построек, носящих следы ремесленной деятельности, наибольшее количество связано с медеплавильным и ювелирным делом. Всего раскопано 6 меднолитейных и ювелирных мастерских. Из них пять расположено на территории посада. Наиболее древними являются мастерские, открытые на усадьбе "А" и "Б" в Кремле в слое конца XI в. Их остатки обнаружены в слое пожарища в раскопе 1970 г. В. В. Седова, а также в жилищах № 7 и № 14-1 строительного периода (см. выше). Среди ремесленного инвентаря: литейные формы, клещи для захвата тиглей, многочисленные фрагменты тиглей и дьячок (рис. 19, 11-14). Обращает на себя внимание то, что жилища ювелиров находились на тех же усадьбах, что и жилища их хозяев. По-видимому, они обслуживали нужды хозяев. В постройке № 7 на одном из тиглей остались следы золота, т. е. в этой мастерской изготавливались самые дорогие

украшения, предназначавшиеся знати. Кстати, на этой же усадьбе был обнаружен клад золотых браслетов, а в доме владельца усадьбы – золотое перстневидное височное кольцо.

В слоях XII – нач. XIII вв. зафиксированы четыре мастерские по обработке цветных металлов: одна в постройке № 21-2 строительного периода северо-восточного кремлевского раскопа, одна в центральной части Кремля в полуземлянке № 1 (раскопки 1936 г. А. Ф. Дубынина) и две – в Окольном городе. Интересной находкой в полуземлянке № 1 являются три слитка свинца, напоминающие по форме новгородские серебряные слитки – гривны. Видимо, это именно то сырье, которое поступало в Суздаль из Новгорода, и о котором речь идет в берестяной грамоте № 439 о продаже олова и свинца новгородским купцом в Суздаль[28].

Среди находок, не связанных с определенными постройками, есть ряд предметов, относящихся к инструментарию ювелиров. Это ювелирная наковаленка (рис. 63, 10), клещи для захвата тиглей (рис. 63, 6), пинцеты (рис. 63, 1-2), небольшой молоток-чекан (рис. 63, 5), различной величины долота (рис. 63, 7-8), штихель (рис. 56, 11) и др. Обнаружен и литейный полуфабрикат – криновидная подвеска, не завершенная обработкой, с массивными заусеницами, отлитая из оловянисто-свинцового сплава (рис. 56, 4). Образцом для нее послужили дорогие серебряные тисненые подвески, хорошо известные по кладам домонгольской поры[29]. Любопытна и бронзовая накладка на пояс с криновидным узором (рис. 40, 2), также имеющая литейные заусеницы. При этом накладка была вызолочена, что наводит на мысль о том, что на ней пробовали рецептуру ртутного золочения, столь хорошо известную по "Суздальским златым вратам". Находка эта служит косвенным подтверждением местного изготовления и самих "золотых врат".

Изделия ремесленников-ювелиров составляют довольно представительную коллекцию (рис. 64, 65). Здесь есть разные виды женских украшений (височные кольца, привески к ожерелью, браслеты, перстни), а также кресты и нагрудные иконки, пряжки, фибулы и пр. Среди этноопределяющих украшений – височные семилопастные кольца вятичей (рис. 13, 6) и браслетообразные завязанные кольца кривичей (рис. 13, 1); финно-угорские, мерянские бляхи (рис. 21, 3; 40, 11), подвески (рис. 15, 5, 6) и сюльгамы (рис. 64, 1, 2); скандинавские фибулы и бляхи (рис. 24, 3; 29, 1; 20, 3-4). Все эти изделия свидетельсвуют о полиэтичности города, начиная с самых ранних этапов его развития. А такие изделия, как вышеназванная криновидная подвеска, накладка с изображением крина, привеска с "древом жизни" и ряд других предметов говорят об усвоении городскими ремесленниками форм украшений, характерных для феодальной верхушки и известных по кладам XI-XIII вв. К XII в. складывается

местная иконография медного культового литья, а продукция суздальских ювелиров в виде привесок-иконок находит широкое распространение по всей Северо-Восточной Руси. Меньшее распространение получило косторезное ремесло. В Кремле исследованы всего две мастерские по обработке кости. На раскопе 1958 г. Н. Н. Воронина найдены полуфабрикаты, отходы и готовые изделия – костяные кресты-тельники. На кремлевском раскопе 1988 г. в жилище № 30 (3 строительного периода) – остатки мастерской по изготовлению гребней и рукояток ножей.

Но наибольшее количество ремесленников-косторезов жило, видимо, на посаде вблизи Ризоположенского монастыря, где в каждой исследованной жилой постройке XII-XIII вв. обнаружены остатки косторезного производства: опиленные кости, полуфабрикаты рукояток ножей и криновидных крестиков, готовые изделия.

Продукция косторезов представлена многочисленными находками гребней, рукояток ножей, булавок, проколок, накладок и пр. Многие образцы изделий косторезного ремесла отличаются высоким профессионализмом, декоративностью и художественностью исполнения (рис. 66, 67).

В Кремле в слое XII – нач. XIII вв. в раскопе 1970 г. В. В. Седова зафиксированы следы обработки камня: куски розового шифера, полуфабрикаты пряслиц, неопределенные поделки. Находка эта в какой-то степени меняет устоявшееся мнение о том, что все пряслица из розового шифера изготовлялись на Волыни и оттуда развозились торговцами по всей Руси. По-видимому, часть их могла изготовляться на месте из привезенного для каких-то иных нужд материала.

Продукция камнерезов – пряслица, крестики, иконки, оселки, жернова, вкладные кресты (например, крест на восточной стене Рождественского собора), саркофаги и др. Нельзя забывать и о мастерах, резавших белокаменные рельефы собора Рождества Богородицы – этого шедевра древнерусской пластики[30]. Их работа служила образцом для подражания на многие годы.

Следов собственного стеклодельного производства в Суздале не зафиксировано. В ранних слоях X-XI вв. все изделия из стекла носят привозной характер. Возможно, о простейших поделках из стекла, свидетельствует находка полуфабриката стекольного производства, так называемая "гладилка", обнаруженная в слое засыпки рвов Детинца (нач. XI в.) – рис. 4, 8.

В слоях XII-XIII вв. обнаружено большое количество стеклянных браслетов, перстней и бус, рецептура изготовления которых присуща всей продукции стекольщиков Владимиро-Суздальской Руси. Сюда же надо отнести изготовление поливы для плиток пола и мозаик, служивших неотъемлемой частью убранства храмов[31], а также поливной посуды и

писанок – погремушек с желтой поливой (рис. 67, 15-16). То есть местное производство стекла к середине XII в. уже сложилось, но основная часть ремесленников, видимо, сосредоточена была во Владимире, а не в Суздале. Сделано 33 спектральных анализа суздальских стеклянных браслетов*, показавших их местное производство. Причем рецептура изготовления и цветовой состав браслетов имеют наибольшую близость с новгородскими изделиями. Возможно, какая-то часть новгородской стеклянной продукции поступала в Суздаль после татаро-монгольского нашествия в XIII – нач. XIV в., поскольку в Новгороде варка стекла в это время продолжалась.

Безусловно, одной из распространенных ремесленных профессий была профессия мастера по обработке дерева. Однако в силу того, что органика в Суздале не сохраняется, об этой продукции судить трудно. Лишь наличие деревообрабатывающего инвентаря – топоров, тесел, сверл, скобелей, токарных резцов (рис. 63, 3, 9) может дать некоторое представление об этой специализации ремесла. Находки немногочисленных обугленных фрагментов резной и токарной посуды (рис. 18), выполненных с высоким профессионализмом, несколько восполняют этот пробел. Представлены токарные тарели, блюдо, стоян, братина, резные ложки и ковш, некоторые с орнаментацией.

К числу распространенных ремесленных специализаций следует отнести и кузнечное мастерство. Следы его были обнаружены на территории, примыкавшей к древнему Дмитриевскому монастырю раскопками 1971-1972 гг. В. В. Глазова.

Следы железоделательной мастерской в виде шлаков и криц зафиксированы также в Кремле в полуземлянке № 7 (раскопки А. Ф. Дубынина), а в северо-восточной части на кремлевском раскопе в 1984, 1989 гг. – в виде скопления кузнечных полуфабрикатов.

Собранная в результате раскопок большая вещевая коллекция дает наглядное представление об ассортименте ремесленной продукции. Среди кузнечных изделий это такие категории, как инвентарь ремесленников, предметы оружия и снаряжения всадника и коня[32], предметы домашней утвари, сельского хозяйства и промыслов, а также предметы костюма (рис. 68-69).

Результаты металлографического анализа коллекции показали, что суздальские кузнецы владели такими технологиями, как изготовление стали с последующей термической закалкой, причем термически обработанные изделия среди стальных составляют здесь 93%. Обращает на себя внимание факт широкого применения сварной технологии (61%) – ввар-

* Анализы произведены Ю. Л. Щаповой в лаборатории кафедры археологии МГУ.

ка стали в железную основу, торцовая и косая наварка на железную основу, сварка из нескольких полос. Появление трехслойной технологии в Суздале можно объяснить приходом в X-XI вв. нового населения с северо-запада, принесшего с собой свои традиции обработки черного металла. Оценивая в целом уровень технического развития железообрабатывающего ремесла, можно констатировать высокий профессионализм во владении техникой кузнечного производства. По техническим достижениям и использованию прогрессивных технологий Суздальская земля опережала даже южнорусские земли[33].

Наиболее же многочисленной продукцией ремесленников Суздаля были изделия гончаров, в огромных количествах встречающиеся в напластованиях всех веков. Это горшки, миски, блюдца, крышки, игрушки и др.[34]

Почти все исследованные археологически ремесленные мастерские как в Кремле, так и в Окольном городе располагались на усадьбах, принадлежавших богатым землевладельцам – феодалам. Следовательно, все вышеперечисленные ремесленники разных профессий обслуживали нужды большого коллектива феодальной усадьбы и в первую очередь ее хозяина – то есть для эпохи средневековья в Суздале мы должны констатировать феодально зависимое, вотчинное ремесло. Археологически не зафиксировано длительное существование на одной усадьбе мастерских, переходивших бы по наследству из поколения в поколение.

Иллюстрацией бытования на Руси вотчинного ремесла служит Завещание 1499 г. боярина И. Ю. Патрикеева, в котором он упоминает мельника, повара, портного мастера, бронника, хлебника, огородника, домоткача (ткача), серебряного мастера, других ремесленников и слуг, трудившихся в боярском хозяйстве[35].

Ту же картину мы видим и по описи Суздаля 1617 г., где на дворах бояр упомянуты проживающие ремесленники: иконник, рудомет, луковник, медник, портной мастеришко[36].

Несколько иная картина складывалась на территории формирующегося посада, где на раскопе у Ризоположенского монастыря во всех почти жилых домах находились косторезные мастерские, существовавшие длительное время даже после перестройки и перепланировки этого участка.

в) *Торговля*

Торговые связи составляют одну из важных сторон экономической жизни каждого древнерусского города, в том числе и Суздаля.

Однако вопросам торговли посвящено сравнительно немного научных работ. Впервые торговые связи Владимиро-Суздальской Руси со странами Запада, Востока и Византии охарактеризовал на материалах раскопанных курганов А. С. Уваров[37]. Этим же вопросам на основании находок в курганах остатков шелковых тканей с золотной нитью посвятила свои исследования М. В. Фехнер[38]. На экспорт из Руси льняных тканей и одежд обратил внимание Ю. А. Лимонов[39]. Он же посвятил торговым связям Владимиро-Суздальской Руси специальный раздел своей книги, в основном обращаясь к письменным источникам[40]. Культурным и внешнеторговым связям городов Владимирской земли, в том числе и Суздаля, посвящена также специальная работа М. Е. Родиной, построенная в основном на археологических материалах[41].

Безусловным свидетельством торговых отношений города с другими странами и городами являются находки монет. Ранее уже говорилось о находках в Кремле византийского медного фолиса императора Романа I (931-941 гг.) и 4-х западноевропейских денариев, чеканенных во Фризии епископом Вильгельмом де Понте (1054-1076 гг.), в Майнце епископом Бардо (1031-1051 гг.) и двух подражаний германским денариям. С XIV-XV вв. связаны находки 9-ти серебряных золотоордынских монет. Это монета хана Узбека, чеканенная в Сарае около 1317 г.; монета хана Орду-Малик, чеканенная в Азаке в 1360-1361 гг.; монета хана Бирдибека, чеканенная в Сарай-ал-Джедит в 1357-1358 гг.; монета Джанибека, чеканенная в Новом Гюлистане в сер. XIV в.; подражание саманидскому дирхему Наср-ибн-Ахмада (914-943 гг.), обрезанная в XIV в.; монеты чеканенные в Новом Сарае в начале XV в.* Обнаружены в раскопках 10 русских монет удельного периода – это медные пулы XV в. – нач. XVI в., чеканенные в Москве и Твери** .

Для взвешивания монет и другого металла употреблялись весы. В раскопках усадьбы "А"-1 строительного периода в Кремле была обнаружена бронзовая чашечка весов (рис. 24, 9). Кроме того в Кремле и в окольном городе найдены 2 коромысла от весов и гирька (рис. 70, 4, 13). Со взвешиванием монет золотоордынского периода связаны находки двух костяных лопаточек (рис. 70, 10, 11), широко бытовавших для этих целей на Востоке.

При раскопках кургана XI в. в с.Новоселки было обнаружено захоронение, по-видимому, купца: у пояса его были найдены остатки кожаного кошелька, в котором находилась бронзовая гирька, 1/4 серебряного германского денария и сливовые и вишневые косточки для счета (абаки) –

* Определение монет Золотой Орды произвел Г. А. Федоров-Давыдов.
** Определение монет П. Г. Гайдукова.

т. е. все атрибуты торговых операций, которые усопший мог совершать и в загробном мире.

Владимиро-Суздальская Русь была посредником в торговле между северо-западным регионом и Востоком. Торговля с Востоком шла по Волжско-Каспийскому пути. Предметами вывоза из Владимиро-Суздальской Руси традиционно считаются мед, воск, драгоценные меха, рыба, древесина и льняные ткани. Так, об экспорте льна через Каспийское море в Иран говорится в персидском сочинении начала XIII в. "История Табаристана", где упомянуты льняные одежды. Мечи и льняное полотно из Руси были известны и в Индии. Льняная нить употреблялась в качестве основы при изготовлении золотых нитей, производство которых было налажено и в Средней Азии и на Ближнем и Среднем Востоке, в Малой Азии, Византии, Италии и Испании[5]. В Суздальскую землю по Волге при посредничестве Волжской Болгарии поступали предметы роскоши: шелковые и хлопчатобумажные ткани, золотые нити, драгоценные камни, жемчуг, серебро в монетах и изделиях, стеклянная и поливная посуда, стеклянные бусы, ковры, нефть, раковины каури и др. К числу древнейших находок восточного происхождения, найденных в Суздале и его округе и датирующихся X-XI вв., относятся фрагменты красноглиняной лощеной керамики болгарского происхождения, обнаруженные на усадьбе "А" в напластованиях X в. и на поселении в с.Гнездилове X-XI вв. Нельзя не вспомнить в связи с этим упоминание Болгар в первом летописном тексте о Суздале под 1024: "**идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша (жито) и тако ожиша**". (ПСРЛ, т. 1. С. 148). Торговые контакты с Болгарами были плодотворны и в более позднее время, хотя они перемежались военными столкновениями и походами. Число находок болгарской керамики в XII в. значительно возрастает. В раскопках А. Ф. Дубынина в полуземлянке № 8 болгарская керамика составила 10% всего керамического материала. При раскопках В. В. Седова в 1967-1968 и 1970 гг. в кремле и в Дмитриевском монастыре и наших – в кремле и окольном городе болгарская керамика была найдена в слоях второй половины XI-XIII вв. Это ручки и горла кувшинов, днища и стенки сосудов, форму которых установить трудно. Обломки болгарской керамики в общей массе древнерусской посуды составляют сотые доли процента, но они фиксируют торговые связи. Особый интерес представляют материалы из раскопанной в 1973 г. П. Н. Куглюковским в окольном городе полуземлянки нач. XIII в., где вместе были найдены 4 целые сосуда: это поливной полихромный кувшин с арабской надписью "Аллах – опора" иранского или переднеазиатского происхождения (рис. 35) и три болгарских сосуда – большой и малый кувшины и небольшая двуручная корчага (рис. 36). Кроме того, здесь же был найден фрагмент красноглиняного

сосуда с орнаментом "граффито" по ангобу, выполненного желтой, коричневой и зеленой поливой (техника "резерва"), происходящего, видимо, из Византии или Крыма[42]. Подобный набор посуды наглядно демонстрирует восточное направление торговых связей Суздаля, указывает на посредническую роль Волжской Болгарии в Волжско-Каспийском транзите. Болгарские купцы по заключенному в 1229 г. с князем Юрием Всеволодовичем торговому договору могли свободно торговать в русских городах по Волге и Оке: "Купцам ездить в обе стороны невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно"[43].

Из Ирана этим путем поступили поливные сосуды, несколько обломков которых были обнаружены в слое XI в. на усадьбе "А" в кремле. Наибольший интерес среди них представляет фрагмент тонкостенного сосуда из высококремнеземистой белой фарфоровидной массы со спиралевидным ажурно-прорезным узором, выполненным в технике "грандери" ("рисовое зерно") – рис. 71, 1. Он, безусловно, принадлежит к первоклассным изделиям, производившимся в Хорасане с XI в. Наиболее близкую аналогию представляют сосуды, найденные на городище Орен-Кала (средневековый Байлакан) в Азербайджане. Другой фрагмент, аналогичный по тесту предыдущему, расписан на внутренней стороне размытым кобальтом по сырой щелочной глазури (рис. 71, 2). Полную аналогию этому фрагменту составляет целый кубок из собрания Музея истории Азербайджана в Баку. Производились подобные сосуды в Хорасане или каком-либо неизвестном центре Южного Прикаспия, начиная с XI в. Первой половиной XII в. можно датировать фрагмент бортика чаши с гравированным подглазурным декором и бирюзово-голубой прозрачной глазурью, фарфоровидное тесто которого очень напоминает два предыдущих фрагмента. Происходит этот сосуд также, по-видимому, из Хорасана (рис. 71, 3). Еще несколько фрагментов иранских сосудов имеют бирюзовую или бирюзово-зеленую глазури и "рассыпчатую" мелкозернистую массу черепка (характерную для изделий Мерва и Нишапура), а изготовлены они были в каком-либо производственном центре Ирана, возможно, в Южном Прикаспии в XIII в. (рис. 71, 4). Наконец, еще один фрагмент (так называемый "сине-серый" фаянс) с росписью кобальтом и хромом по сырой глазури изготовлен был в Иранском Азербайджане (рис. 71, 5), возможно, в Султании или в районе Тебриза или в Кошане, в центральном Иране, в конце XIII – первой половине XIV в.* Этот фрагмент сосуда относится уже к эпохе владычества Золотой Орды. С этим периодом связаны также находки фрагментов сосудов с белой росписью по ультрамариновой глухой поливе (ладжварду) (рис. 71, 6, 7),

* Определение фрагментов иранской посуды произвела Т. Х. Стародуб.

подражающие иранским изделиям "ладжвардина", и многочисленные фрагменты бирюзовой поливной посуды (рис. 71, 9-11), происходящие из городских центров Золотой Орды и Хорезма и датирующиеся в пределах XIV-XV вв.[44] К этому же периоду относятся и немногочисленные находки кашинных бус, большей частью ребристых, покрытых бирюзовой поливой (около 10 экз.). Из Индии, Средней Азии и Кавказа волжским путем поступали полудрагоценные каменные изделия и жемчуг. В первую очередь ими украшались предметы культа: оклады икон, напрестольные кресты, переплеты книг и пр. Рассказывая о деятельности Андрея Боголюбского, летописец упоминает, что он украсил церковь "**каменьем драгым, и жемчюгом великымь безьценъным, и устрои е различными цятами и аспидными цатами украси и всякими узорочьи**"[45]. Среди суздальских находок из полудрагоценных камней встречены, в основном, бусы. Кроме сердоликовых и хрустальных бус, получивших широкое распространение на Руси в X-XII вв., в Суздале найдены и более редкие изделия. Это 2 экз. халцедоновых овальных бус, 1 аметистовая бусина и 1 коралловая (все они найдены в слое XI в. на усадьбе "А"). В раскопках А. Ф. Дубынина была обнаружена треугольная уплощенная подвеска из красноватого камня с белыми вкраплениями (И СЗ/39 331) – рис. 13, 13. По форме она близка многочисленным подвескам, характерным для стран Востока в X-XIV вв.[46] Найдена также аналогичная костяная подвеска, подражающая каменным украшениям, изготовленная, видимо, уже в Суздале из более доступного и легко обрабатываемого материала, по-видимому, выходцами из Болгарии. В раскопках Н. Н. Воронина 1938 г. был найден золотой перстень с крупной круглой вставкой из альмандина (XIV-XV вв.) – рис. 15, 4.

После татаро-монгольского нашествия привоз каменных бус резко сокращается, хотя отдельные предметы еще долго продолжают бытовать.

В курганном некрополе Суздаля обнаружены шелковые ткани иранского и среднеазиатского происхождения. Так, в курганах № 55 и № 74 встречены фрагменты шелковых однослойных тканей саржевого и полотняного переплетения азиатского производства, характерной особенностью которых является отсутствие крутки шелковых нитей основы и утка. Окрашены ткани червецом в красно-малиновый цвет и красителем индиго в синий тон, есть и полихромные образцы[47] (рис. 51).

Косвенным свидетельством того, что караванные пути с восточными товарами доходили до Северо-Восточной Руси является находка в кремле Суздаля в раскопках В. В. Седова 1967-1968 гг. кости двугорбого верблюда.

Южное направление торговли отмечают товары, поступавшие в Суздальскую землю из Византии, Крыма, Сирии и Египта днепровским вод-

ным путем через Киев. Суда шли по Днепру, затем волоком – на Вазузу, а оттуда – на Верхнюю Волгу. С Волги суда сворачивали в ее приток Нерль, затем волоком и системой малых рек переправлялись в Нерль Клязьменскую и Каменку. Письменные источники XII в. упоминают реку Вазузу на пути из Днепра в Суздаль. В "Сказании о чудесах Владимирской Божьей Матери" говорится о том, как князь Андрей Боголюбский ехал в 1155 г. из Киева в Суздаль: "**Ѥдущу к ему путем, поя с собой проводника и прнеха к реце Вазузе**"[48]. С усилением в XII в. могущества Владимиро-Суздальского княжества кружной путь из Киева в Суздаль через Верхнюю Волгу теряет свое значение и связь с Поднепровьем осуществляется более коротким путем через земли вятичей. Южное направление торговли становится наиболее интенсивным. К числу наиболее распространенных предметов роскоши, поступавших из Византии этим путем, были шелковые ткани с золотой нитью. Они обнаружены в суздальском некрополе. Византийская шелковая ткань была многослойной и представляла уточную саржу типа самит. Для нее характерно наличие нитей основы, не участвующих в переплетении и свободно лежащих между двумя утками. При этом нити ткани крученые[49].

Наиболее ценными являлись золототканые образцы, иногда одежда украшалась более дешевой золототканой тесьмой (рис. 51).

Высоко ценились и произведения византийской глиптики, резьбы по драгоценным камням, которую не знала Древняя Русь. В собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранятся нагрудные иконки из суздальских монастырей. Это образок св.Георгия (IX в.), вырезанный на агате, св.Николая – на сапфире, св.Георгия – на жадеите (XI-XII вв.) и Архангела Михаила (XIV в.) – на стеатите[50].

Из Византии привезены были многие стеклянные изделия: бусы, пуговицы, перстни, браслеты, сосуды. Из бус к византийскому импорту можно отнести изделия, выполненные методом накручивания стеклянной массы: ягодовидные зеленые и коричневые XI в. и золоченые с каймой по краям прокладки из фольги (X – нач. XII в.) – рис. 71, 13. Довольно редкой находкой являются шаровидные пуговицы с бронзовым ушком, семь экземпляров которых обнаружено в кремле. 2 экз. синих пуговиц, стекло которых окрашено кобальтом, безусловно, происходит из Византии. Одна зеленая пуговица найдена на усадьбе "А" XI в. в комплексе с другими византийскими предметами (рифлеными зелеными перстнями, ягодовидными бусами), остальные 4 экз. (зеленого, желтого и голубого цвета) происходят все из домонгольских напластований (рис. 71, 12). К числу византийских перстней относятся голубой треугольного сечения (из полуземлянки конца XI в. на посаде), 5 экз. синих плосковыпуклого сечения, 4 экз. зеленых рифленых (рис. 71, 15), 2 экз. голубых щитковых и 1

экз. синего с волнистой белой инкрустацией. Изготовлены они из традиционного для византийских мастерских стекол состава Na-Ca-Si, в качестве красителей использовались окись меди и окись кобальта* . Среди нескольких сотен стеклянных браслетов древнерусского производства выделяются синие мелкокрученые браслеты византийского производства и около 10 экз. изделий, имеющих характерную плоско-выпуклую или треугольную в сечении форму. Судя по цвету (синий, голубой, желтый, черный) и присутствие следов росписи браслеты эти являются также привозными (рис. 71, 16). Все они сварены по так называемому "античному рецепту" из натриево-калиево-кальциево-кремнеземного стекла и окрашены окисью меди, кобальтом и окисью марганца** . Все эти браслеты датируются XI – нач. XII вв. Среди фрагментов стеклянной посуды следует отметить находки фиолетовых сосудов с белой росписью (XI-XII вв.) и желтых сосудов с синим фигурным краем (рис. 71, 14), а также сосуда расписанного белой эмалью фигурами птиц (орлов) с повернутыми вправо головами (втор. пол. XII в.) – рис. 70, 1.

Найдены также фрагменты византийских оконниц второй половины XII в.

К южному импорту относятся стеклянные изделия, поступавшие из Сирии и Египта. Это такие типы бус, как золотостеклянные (без каймы), лимоновидные полосатые, двойные и тройные пронизки этих же типов, а также разнообразные глазчатые бусы, синие зонные и рубленный бисер. Все они изготовлены из трубочек, относятся к X-XI вв.[52] и в обилии найдены в древнейших слоях кремля и в суздальском некрополе, составляя количественно почти половину всей коллекции. Близ Ризоположенского монастыря обнаружен также фрагмент стеклянного кубка желтоватого цвета с росписью красно-коричневой и золотой эмалью в виде сложного растительного узора или пальметы (рис. 71, 5). Подобные сосуды изготовлялись в стекольных мастерских г. Ранка в северной Сирии в XII в.

С южным направлением торговли связаны находки византийских и херсонесских амфор. Одна целая амфора с надписью "Оле" обнаружена (как сказано выше) на усадьбе "А" XI в. Развал амфоры найден также в жилище первой половины XI в., возникшем на слое засыпки рвов детинца. На территории кремля всего обнаружено около 100 фрагментов амфор, а на территории окольного города их не более 10 экз.

---

* Спектральный анализ стекол произвел В. А. Галибин в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. №№ анализов 175/13-24 и Ю. Л. Щапова в лаборатории кафедры археологии МГУ №№ анализов 476/21-22.

** Анализ № 476/13-14, 38-44 в лаборатории кафедры археологии Истфака МГУ.

Вся южная торговля Залесской земли осуществлялась при посредничестве Киева. Оттуда поступали и предметы христианского культа, такие как кресты – энколпионы и многочисленные изделия стеклоделательного производства: кубки и стаканы, оконницы, бусы, перстни, браслеты, а также шиферные пряслица, изготавливавшиеся на Волыни в районе Овруча, где были единственные на Руси выходы розового шифера[53]. В Суздале были найдены не только сами пряслица (свыше 300 экз.), но и отдельные куски волынского шифера. Это позволило В. В. Седову сделать предположение о возможности небольшого местного производства пряслиц из привозного шифера[54].

Татаро-монгольское нашествие отрицательно сказалось на развитии торговли по днепровскому пути. Многие города, села, деревни были разрушены, а в первую очередь сам Киев. С конца XIII в. заметно усилилось значение Донского пути для связей с югом, и в особенности с Крымом, где обосновались генуэзские колонии. Митрополит Пимен, совершая поездку в Царьград в 1339 г., ехал из Москвы через Коломну и Рязань, затем вниз по Дону до Азова. Затем Азовским морем до Сурожа, оттуда Черным морем до Константинополя[55]. Сурож в XIV-XV вв. играл особенно заметную роль в торговле с Русью. Купцы, торговавшие с Сурожем, получили особое название "Сурожан". Отголоском такой торговли для Суздаля может служить упоминающийся в сборнике Кирши Данилова "**Суровец – богатырь Суздалец, богатого гостя, заморенин, сын**"[56]. По-видимому, "Суровец" – это искаженное "Сурожанин", сын богатого гостя (купца). "Заморенин" также скорее всего указывает на заморскую торговлю богатого гостя[57].

Традиционны были связи Суздаля и Суздальской земли со Скандинавией, Прибалтикой, странами Западной Европы. Выше уже упоминались любопытные сведения, сохранившиеся в "Саге о Хаконе, сыне Хакона" о торговых операциях некоего Огмунда из Спанхейма, который в 1222 г. "поехал на восток, в Сюрдаларики, со своими дружинниками и с товаром"[58]. Перезимовав в Суздальской земле, он возвращался в Норвегию через Константинополь по Средиземному морю, огибая почти всю Зап. Европу.

Из Скандинавии ввозилось оружие и цветные металлы (в основном медь, олово, свинец), начиная с самой древнейшей поры. Свидетельством такого импорта может служить клад из 14 слитков оловянисто-свинцового сплава (весом 129-140 гр.), обнаруженный на городище Выжегша Юрьев-Польского р-на вместе с кладом 1274 куфических монет IX в. и скандинавскими ланцетовидными наконечниками стрел[59]. Видимо, оба клада попали в глухой район Ополья при посредничестве жителей Сарского городища.

Связи Северо-Восточной Руси со Скандинавией шли через Ростов и Новгород. Саги неоднократно упоминают о восточных товарах, в том числе мехах, привезенных непосредственно из Владимиро-Суздальской Руси[60]. Новгород выступал посредником в торговле с Суздальской землей цветными металлами. Подтверждением этому служит текст берестяной грамоты № 439 рубежа XII-XIII вв., найденной в Новгороде на усадьбе купцов-складников. В грамоте говорится: "**Я тебе олово продал и свинец и клепанье все. Мне не ехать в Суздаль**"[61].

В грамоте № 675 рубежа XII-XIII вв. упоминаются Киев, Луки и Суздаль как пункты торговли новгородского купца[62]. Широкий размах суздальско-новгородской торговли ощущается и в таких фактах, как захват в 1215 г. князем Ярославом Всеволодовичем только в Переяславле Залесском 150 новгородских купцов. В договоре 1270 г. Новгорода с князьями отражено стремление новгородцев торговать в Суздальской земле: "**А гости нашему гостити в Суждальской земле без рубежа**"[63]. Из "Низовской" земли везли в Новгород зерно, воск, мед, пушнину, предметы восточного импорта, поступавшие Волжским путем. Из Новгорода в Суздаль поступали цветные металлы, янтарь, предметы западноевропейского импорта. В самом Суздале найдено свыше 10 кусков необработанного янтаря, около двух десятков янтарных бус (в основном зонных), 4 янтарных крестика (рис. 72, 1, 2, 7), заготовка янтарной иконки (И $^{СЗ}/_{40}$ 509) и янтарный целый перстень (рис. 70, 3) плоско-выпуклого сечения с овальным щитком (И $^{СЗ}/_{40}$ 524). В основном, все эти предметы датируются домонгольским временем, но часть их обнаружена и в слоях XIV-XV вв., т. е. торговля янтарем производилась на всем протяжении средневековой истории города. Причем, янтарь был прибалтийский, а не приднепровский, так как до XVIII в. последний не подвергался разработкам.

Любопытным свидетельством поступления западноевропейских товаров во Владимиро-Суздальскую землю являются находки витражных стекол. Четыре фрагмента витражного стекла найдены в северо-западной части Суздальского кремля[64] (рис. 70, 12). Один фрагмент обнаружен в слое заполнения жилища вместе с золотоордынской монетой XIV в. (подражание Саманидам). Три других фигурных оконных стекла найдены в переотложенном слое. Все они сварены из калиево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла по западноевропейскому рецепту* . Цвета стекол: прозрачный с беловатой росписью, бутылочно-зеленый, светло-оливковый. Форма – трапециевидная, в виде половинки полумесяца и в виде язычка пламени. Скорее всего все эти фрагменты витражей попали

* Анализы лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ (№ 609:39 и 613:15) выполнены Ю. Л. Щаповой.

на Русь в XIV-XV вв. и могли употребляться для украшения интерьера церкви или жилого дома и как цветные вставки в оклады икон, крестов, реликвариев, шкатулок. К числу западноевропейских стеклянных изделий относятся также три голубых непрозрачных перстня и голубая пуговица, датирующееся XIII-XIV вв., а также два целых колбообразных сосуда зеленоватого цвета, датирующиеся XV-XVI вв. (рис. 70, 7).

В одном из погребений суздальского некрополя найдена золототканая лента с геометрическим узором испанской работы[65]. Довольно значительно и число предметов западноевропейского художественного ремесла, выполненных из цветных металлов. Так, в конце прошлого века при разборке церковной утвари в "палатке" Рождественского собора была обнаружена дарохранительница в виде полой фигуры голубя, выполненная в знаменитой технике выемчатой эмали в Лиможе[66]. Фигурка голубя медная, золоченая, покрыта гравировкой, имитирующей оперение; подвижные крылья украшены зеленой и красной эмалью; глаза инкрустированы вставками черного камня. Подобные дарохранительницы, символизирующие образ Святого духа, хранятся во многих музеях и частных коллекциях Зап. Европы, в основном Франции и Германии[67]. Судьба суздальской дарохранительницы довольно трагична: она была передана в Исторический музей в 90 гг. XIX в., а оттуда продана в 20-30-е годы в частную коллекцию заграницу. Дарохранительница являлась частью церковной утвари, предназначалась для хранения запасного агнца, и висела в алтаре над престолом. По-видимому, она составляла часть убранства вновь отстроенного князем Юрием Всеволодовичем в 1222-1225 гг. Рождественского собора.

С Рождественским же собором связаны шесть фигурок львов, четыре из которых находятся в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника, а две – в ГИМе. Фигурки отлиты из бронзы из двух половинок, морды зверей подняты и оскалены, хвосты захлестнуты на спину. Скульптуры львов идентичны произведениям нижне-саксонских мастеров XV в. и служили основаниями для монументальных подсвечников или церковных купелей[68].

К северу от Рождественского собора в раскопках жилого дома была обнаружена бронзовая накладка явно западноевропейского происхождения. Она представляет собой голову бородатого человека с трехчастной короной, причем прямо из головы вырастают головы двух драконов на длинных изогнутых шеях (рис. 70, 6)[69].

Близкие по сюжету изображения известны на фибулах скандинавского облика из музея в Копенгагене, на костяной накладке из музея в Стокгольме, на орнаменте армянской рукописи XIII в., на печати князя А. П. Шуйского 1556 г.[70] Накладка найдена вместе с фрагментом витражного

стекла и золотоордынской монетой XIV – нач. XV вв. и может быть отнесена именно к этому времени. Вторая накладка (рис. 70, 2) представляет собой также композицию из двух голов драконов, выходящих из общего центра, но человеческая голова отсутствует.

Скорее всего западноевропейский сюжет представлен на бронзовой копоушке с изображением мужчины, играющего на лютне (рис. 70, 8). Аналогичная копоушка происходит из Асотского городища из слоя XI-XII вв., а костяная – из Новогрудка[71].

Среди костяных изделий суздальской коллекции к западноевропейскому импорту можно отнести шахматную фигурку (рис. 70, 9)[72] и накладку на шкатулку кельнской работы из раскопок А. Ф. Дубынина в 1937 г. (рис. 13, 12).

Западноевропейские товары поступали большей частью через Ригу и Новгород. В "Рижской долговой книге" в записях 1286 г. дважды упоминается немецкий купец Любберт из Суздаля, а в записи 1387 г. говорится о том, что купец Николай Волк ездил в Суздальскую землю[73]. Для понимания направления торговых путей важен маршрут поездки суздальского епископа Аврамия в 1437 г. на Флорентийский собор. Путь посольства лежал через Москву-Тверь-Торжок-Волочек – в Новгород. Оттуда через Псков и Юрьев – в Ригу. Это был хорошо наезженный и привычный маршрут. Из Риги мимо о.Готланда морем плыли в Любек. Из Любека – в Магдебург-Лейпциг-Нюрнберг-Инсбрук-Тренто-Падую и, наконец, во Флоренцию. Обратный путь путешественников шел уже иным, южным маршрутом: Флоренция-Венеция-Пула-Загреб-Белград-Буда-Кошица-Краков-Львов-Галич-Холм-Берестье-Каменец-Волковыйск-Трокай-Вильно-Друцк-Смоленск-Вязьма-Можайск-Москва-Суздаль[74]. Видимо, именно этими путями поступали западные товары на Русь в послемонгольский период. Во второй же половине XII – перв. пол. XIII вв. торговые связи осуществлялись, в основном, по направлению: Регенсбург-Прага, Киев-Чернигов-Рязань-Владимир[75].

Торговые связи Суздальской земли были широки и традиционны. Археологический материал, обнаруженный в результате раскопок, дает лишь незначительное представление о всем объеме торговых операций. Летописец же, рассказывая о событиях в княжестве в 70-х годах XII в., констатирует: "Гость приходил из Царяграда и от иных стран, из Русской земли, паче Латинин, и до всего хрестьянства"[76].

г) ***Занятие сельским хозяйством***

Само местонахождение Суздаля в центре плодородного ополья определяло занятие населения сельским хозяйством. Земледелие здесь было развитой отраслью хозяйства, знакомой с большим количеством культур. Из 39 образцов зерна XI-XIII вв., найденных в жилищах, погибших от пожара, наибольшее количество относится к культуре озимой ржи. Второй культурой была пшеница. Затем по количеству зерен в образцах идут овес, ячмень, горох, конопля, просо, лен. По найденным среди зерен ржи семенам сорняков удается вычислить коэффициент засоренности образцов. Материалы Суздаля дают коэффициент в пределах 0,001-0,016. Такое количество сорняков могло содержаться в зерне, собранном с полей, где применялась паровая система земледелия с формой ранних паров. О паренине говорится также в двух документах (1462 и 1503 гг.), относящихся к Суздальскому уезду[77].

Из орудий обработки почвы найден (в раскопе 1936 г. у Никольской церкви) плужный отрез, а в раскопе 1970 г. у Ильинских ворот – мотыга. Судя по неоднократным находкам серпов, сбор зерновых являлся неотъемлемой частью трудовой деятельности горожан. Находки досок жерновов свидетельствуют о домашней обработке зерен в муку и крупу. О стойловом содержании скота можно судить по находкам кос-горбуш, служивших для заготовки сена. Огородничество фиксируется находками семян огурцов и железной оковки деревянной лопаты; рыболовство – находками рыболовных крючков и грузил от сетей; охота – по находкам специализированных костяных и железных наконечников стрел на пушного зверя, бортничество – находкой медорезки. В двух случаях на городских усадьбах XII в. выделялись участки земли со следами развитой корневой системы. Скорей всего, это остатки садов, расположенных один – в кремле, а другой – на посаде. Таким образом, результаты археологических исследований дают представление о материальной культуре средневекового города во всем его многообразии.

Примечания к VI главе

1 Томсинский С. В. Жилище населения Волго-Окского междуречья в I – нач. II тыс. н. э. Автореферат канд. диссертации. Л., 1986.

2 Дубенский Н. Сельские постройки во Владимирской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ, 1855, VII. С. 191-194.

3 Преображенский А. Волость Покровско-Сицкая Ярославской губернии Моложского уезда // Этнографический сборник, 1. Спб, 1853. С. 73-74.

4 Варганов А., Моздаков. Курная изба. Газета "Колхозный клич". Суздаль, 1937, 20 мая.

5 Томсинский С. В. Наземные жилища раннесредневекового Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 101-113.
6 Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ, Е1-32. Л., 1975. С. 155.
7 Ойнас Д. В. Средневековая печь в Плесе // Археологические памятники Волго-Клязьменского междуречья. Иваново, 1989. С. 9; Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля. С. 107, рис. 8.
8 Дубенский Н. Сельские постройки во Владимирской губ. С. 200.
9 Архив Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № В-6675, л. 96.
10 ПСРЛ, т. 1, стб. 377-379.
11 ПСРЛ, т. 1, стб. 462.
12 Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. С. 24.
13 Суздаль. Список с писцовой книги г.Суздаля с 7136 по 7138 гг. С. 1.
14 Писцовая книга города Суздаля 1617 г. // Ежегодник Владимирского статистического комитета, вып. 1. Владимир, 1875. С. 252.
15 Военно-исторический архив. Фонд ВУА, дело № 18628, 21543.
16 Федоров А. Историческое собрание... С. 181.
17 Варганов А. Д. Суздаль. Владимир, 1957. С. 12.
18 Федоров А. Историческое собрание... С. 182.
19 РГАДА, фонд 383, дело 66.
20 ПСРЛ, т. 1, стб. 238.
21 ПСРЛ, т. 1, стб. 452; ПСРЛ, т. 9-10. М., 1965. С. 97.
22 Караваева Е. М. Градостроительное развитие Суздаля // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. М., 1964. С. 150-152.
23 ПСРЛ, т. 1, стб. 411.
24 Варганов А. Д. Обжигательные печи XI-XII веков в Суздале // КСИИМК, вып. 65, 1956. С. 49-54.
25 ПСРЛ, т. 1, стб. 445.
26 Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. М., 1963. С. 154-155.
27 Куза А. В., Медынцева А. А. Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. М., 1974, т. XI. С. 217; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., 1986. С. 246; Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М., 1963. С. 154-155; Страхов А. Б. Филологические наблюдения над берестяными грамотами // Palaeoslavica, II, 1994, P. 205-233.
28 Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). М., 1978. С. 42-44.
29 Корзухина Г. Ф. Русские клады, табл. XXXV, 5.
30 Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975.
31 Чукова Т. А. Древнерусские керамические поливные плитки // КСИА, вып. 190, 1987. С. 13-19.
32 Данилов В. В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля. С. 78-100.
33 Розанова Л. С. Кузнечная продукция и техника ее производства на северо-востоке Руси в X-XIII вв. // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси. М., 1991. С. 201-224.
34 Лапшин В. А. Керамическая шкала Суздаля // Керамика Древней Руси. М., 1992. С. 90-102.
35 ДДГ, № 86. С. 345-347.
36 Писцовая книга города Суздаля 1617 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, вып. 1. Владимир, 1875. С. 252-254.
37 Уваров А. С. Меряне и их быт..., С. 74-90.
38 Фехнер М. В. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; Она же. Испано-русская торговля XII в. // Труды ГИМ, вып. 51. М., 1980.

39 Лимонов Ю. А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
40 Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 174-200.
41 Родина М. Е. Культурные и внешнеторговые связи городов Владимиро-Суздальской земли // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 170-180.
42 Полубояринова М. Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История культуры древнерусского города. М., 1989. С. 179-189; Макарова Т. И. Поливная посуда (из истории керамического импорта и производства Древней Руси) // САИ, вып. Е1-38. М., 1967. С. 24-27, табл. IX, 1-2; X, 1-4; XI, 1-10.
43 Татищев В. Н. История Российская, т. III. М.-Л., 1964. С. 454.
44 Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 148, или 102-103.
45 ПСРЛ, т. II, 1926, стб. 581.
46 Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. С. 61-69, рис. 4, 6, 5, 6-7.
47 Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 65; Фехнер М. А. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 222.
48 Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери // Издание Общества любителей древней письменности, вып. XXX. Спб., 1878.
49 Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды. С. 65.
50 Русское прикладное искусство XIII – нач. XX вв. Из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., 1982. С. 125-126, 203.
51 Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 87-88; рис. 33, 24-32.
52 Щапова Ю. Л. Указ. соч. С. 177, рис. 33, 1-23.
53 Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 189.
54 Седов В. В. Исследования в Суздале // АО, 1970. М., 1971. С. 87.
55 ПСРЛ, т. XII. С. 95-96.
56 Сборник Кирши Данилова. М., 1977. С. 201.
57 Даль В. Толковый словарь, т. 4. С. 263; т. 1. С. 604.
58 Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. М., 1978. С. 71-72.
59 Фомин А. В. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 103-115; Леонтьев А. Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры. С. 94-102; Леонтьев А. Е. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). Автореферат докт. диссертации. М., 1991. С. 23-25.
60 Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 190.
61 Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. С. 42-44.
62 Рыбина Е. А. Древнерусские города в Новгородских берестяных грамотах // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1992. С. 52-53.
63 ГВНП № 3. С. 13.
64 Родина М. Е. Витражные стекла из раскопок во Владимире и Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 114-119.
65 Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды. С. 64, рис. 1, 10.
66 Воронин И. Н. Археологические заметки // КСИИМК, вып. 62. М., 1956. С. 23-26, рис. 12.
67 Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X-XIV вв.) // САИ, Е1-57. М., 1966. С. 47.
68 Даркевич В. П. Указ. соч. С. 47, табл. 9, 5-6.
69 Родина М. Е. Культурные и внешнеэкономические связи. С. 176.

70 Ворсо И. И. Северные древности Королевского музея в Копенгагене. Спб., 1861. С. 102, рис. 428-429; Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulptur aus der Romanischen Zeit XI-XIII Jahrhundert Bd. 4, Berlin, 1926, Taf LXXVIII, S. 59; Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1887, табл. CXVI, 6; Иванов П. Сборник снимков древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1852, табл. V, 72.

71 Шноре Е. Д. Асотское городище. Рига, 1961, табл. V, 34; Гуревич Ф. Д. Изображения музыкантов Древней Руси // СА, 1965, № 2. С. 276-281.

72 Рыбина Е. А. Из истории шахматных фигур // СА. 1991, № 4. С. 96, рис. 6.

73 Hildebrand H. Das Rigische Schuldbuch (1286-1352 гг.). St.-Petersburg, 1872. S. 69, 111; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 189.

74 Хождение на Флорентийский собор // Памятники литературы древней Руси XIV – сер. XV вв. М., 1981. С. 468-493.

75 Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла. С. 101.

76 ПСРЛ, т. П. Пг., 1926, стб. 591.

77 Кирьянова Н. А. Земледелие Северо-Восточной Руси // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 182-201.

Глава VII

Духовная культура города

а. *Введение христианства; предметы христианского культа*

Вопрос о том, когда христианство проникло на территорию Северо-Восточной Руси, освещался во многих исторических трудах. Целый ряд поздних источников (в том числе Супрасльская, Никоновская, Типографская, Холмогорская и другие летописные своды) приписывают крещение Ростово-Суздальской земли самому князю Владимиру Святославичу и относят это событие к 986-993 годам[1]. Е. Голубинский, детально исследовавший историю русской церкви, писал, что "первыми водворителями христианства в Ростове и его области были епископы, кафедра которых была учреждена ... при первом разделении России на епархии..., именно в 991-м году"[2]. По мнению А. А. Зимина, сведения о крещении Русской земли и появлении первых четырех епархий в своей основе восходят к ростовским и новгородским источникам домонгольского происхождения. "**В лето 6496 во царство Василия и Коньстантица от патриарха Фотея крестися Владимир в Корсуни и приведе с собою из Грек первого митрополита Леона и с нимь 4 епископы и крести всю землю Руськую. И се бысть 1 митрополит Леон и нарече Владимир митрополию в Кневе. А тех 4 епископов посади по градом: Белъград нарече архиепископью, посади в нем 1 епископа; другаго Ростову, Феодора именем, посла его с мучеником Борисом, тъи бысть 1 епископ в Ростове, крести всю землю Ростовскую и Суздальскую; 3-го в Чернигове, 4-го в Волынскую землю**"[3].

Наиболее достоверной датой крещения Ростово-Суздальской земли в настоящее время считается 992 г.[4]

Христианские миссионеры сталкивались с огромными трудностями в своих проповедях среди местного славянского и финно-угорского (мерянского) населения. Первый ростовский епископ Федор, родом грек, построил в Ростове великолепный деревянный храм. После Федора место на епископской кафедре занял Илларион, которого сменил знаменитый проповедник христианства, святой Леонтий. Из жития последнего становится ясным, что первые два епископа мало преуспели во внедрении христианской религии.

Преемником св.Леонтия был св.Исайя, родом русский, постриженник Киево-Печерского монастыря, бывший игуменом Дмитровского мона-

стыря в Киеве. Неслучайно, что и первый суздальский монастырь, основанный, по-видимому, при Исайе, также носил имя св. Дмитрия и был частью Киево-Печерской обители. С этим монастырем связано летописное упоминание епископа Ефрема Переяславского, также постриженника Печерской обители, который создал ц. св.Дмитрия и передал суздальскому Дмитриевскому монастырю свои села. Во всяком случае выходцы из Печерского монастыря (монахи Дмитриевского монастыря и епископы Исайя и Ефрем) сыграли большую роль в христианизации суздальского края.

Скорей всего, в городе должна была быть выстроена христианская церковь, но она, по-видимому, была из дерева и местонахождение ее не выяснено. Вероятнее всего, как и в Киеве Десятинная церковь, суздальская также находилась вне пределов древнего детинца.

На основании археологического материала о ранней дате принятия христианства говорят материалы суздальского некрополя, в котором обряд трупоположения в ямах, головой на запад, почти без инвентаря зафиксирован уже на рубеже X-XI вв. Интерес представляет и беспаспортная находка во Владимирских курганах креста-энколпиона (рис. 72, 22) ранней формы X-XI вв. с гравированным изображением Христа с воздетыми руками[5]. В отличие от крестов-тельников, часто входивших в состав женских ожерелий в качестве украшений, энколпионы, служившие вместилищем мощей, являлись принадлежностью верующих христиан. Аналогичные кресты получили широкое распространение в Средиземноморье в памятниках VI-XII вв. Местом их производства считаются Сирия или Палестина, откуда паломники разносили их в отдаленные уголки христианского мира[6]. Наибольшего расцвета, по мнению Н. П. Кондакова, изготовление этих энколпионов достигло в X в. В славянских землях кресты-энколпионы с гравированными изображениями известны на памятниках великой Моравии, с территории Болгарии и Югославии[7]. На территории древней Руси они единичны. Ближайшую аналогию представляет находка гравированного энколпиона на селище в Гнездове, датируемого второй половиной X в.[8] По-видимому, также можно датировать и энколпион из Владимирских курганов. Таким образом, это древнейшая вещь, свидетельствующая о проникновении христианства на территорию Ростово-Суздальской Руси в X в. Окончательная христианизация края протекала, на протяжении всего XI века, причем, по мнению Е. Голубинского, "христианство водворено было скорее не в области Ростовской, а Суздальской"[9]. По-видимому, в самом начале XII в. (1101-1102 гг.) в Суздале строится каменный храм во имя Успения Богоматери, а в загородной княжеской резиденции Кидекше каменный же Борисоглебский храм на месте предполагаемого становища святого князя Бориса[10].

К первой половине XII в. относится и начало сложения местной иконографии в произведениях прикладного искусства. В первую очередь это относится к интересной серии изделий, состоящей из свинцовой актовой печати и привесок-иконок[11]. Напомню, что печать была найдена в кремле на усадьбе "А" конца XI в., в доме ее владельца; диаметр ее 25 мм. На лицевой стороне помещено изображение Богоматери в рост с младенцем на правой руке. По сторонам этого изображения была надпись (вероятно, эпитет), от которой четко сохранилась лишь последняя буква альфа. На оборотной стороне помещена сцена Успения Богоматери, причем вся композиция повернута в правую сторону (рис. 22, 1). Количество фигур апостолов – шесть вместо двенадцати, да и то боковые фигуры еле различимы. Исследовавшая печать В. С. Шандровская сопоставила ее с другими печатями со сценой "Успения" и пришла к выводу, что, скорей всего, печать византийского происхождения. Наиболее же ярким доказательством этого является фигура Богоматери Одигитрии в рост с младенцем на правой руке. Такое "обратное" изображение Богоматери в полный рост (а не поясное) известно лишь в византийской сфагистике[12]. Полную аналогию суздальской печати представляет фрагмент моливдовула из коллекции Н. П. Лихачева в Эрмитажном собрании (М-12373). Несмотря на фрагментарность этой печати, все же удается проследить на лицевой стороне изображение Богоматери с младенцем на правой руке, а на обороте – сцену Успения Богоматери, повернутую вправо. Место находки этого фрагмента печати неизвестно. Таким образом, в настоящее время известно два экземпляра печатей с тождественными изображениями. Еще одна интересная находка была сделана в Галиче при случайных обстоятельствах. Это бронзовая круглая привеска-иконка диаметром 24 мм с ушком для подвешивания и двусторонними изображениями. На одной стороне помещена уже знакомая нам по печати фигура Богоматери в рост с младенцем на правой руке, на другой стороне – сцена Успения Богоматери, повернутая вправо. Сходство изображений на суздальской печати и галичской иконке настолько очевидно, что ясно, что отливка привески сделана с оттиска печати. Галичская находка заставила обратить внимание на все известные привески с изображением "Успения Богоматери". На экземпляре из Ярополча Залесского на оборотной стороне имеется полустертое "обратное" изображение фигуры Богоматери в рост. Диаметр этой привески 24 мм[13]. Такой же диаметр имеет привеска из кургана № 53 у д.Кирьяново Ярославской области[14], однако на обороте ее фигура Богоматери уже не просматривается. Судя по четкости изображений и диаметру, близкому печати, привески из Галича, Ярополча и д.Кирьяново относятся к наиболее ранним отливкам. Все остальные экземпляры таких привесок имеют диаметр 22 мм, обратная сторона их

гладкая, а схематизированные заглаженные изображения лицевой стороны свидетельствуют о многократных переливках с оригинала. Найдены они в следующих пунктах: 2 экз., отлитые в одной форме, – в кургане № 38 у с.Ненашевское Владимирской области[15], 8 экз. происходят с территории Вологодской области (6 экз. в женском погребении кургана № 1 близ дд.Мятино и Зворыкино, 1 экз. из женского погребения кургана № 69 у д.Нефедьево, 1 экз. из слоя поселения у с.Шуклино)[16]; 1 экз. в женском погребении кургана № 3 у д.Студенец (Могилище) Ивановской области[17], 1 экз. из слоя Старой Рязани[18], 2 экз. из женского погребения у д.Которск и 1 экз. из кургана № 26 у д.Раглицы Псковской обл.[19] Кроме того, 1 экз. такой иконки происходит из кургана у д.Бегуницы на Ижорском плато[20]. Место находки еще трех экземпляров неизвестно. Это экземпляры из собрания Государственного Исторического музея в Москве, Государственного Исторического музея в Киеве и случайная находка в Новгород-Северском районе Черниговской области[21].

Из сказанного видно, что как печать с двусторонними изображениями Богоматери и Успения, так и 13 экземпляров привесок-иконок с Успением (из 22) найдены в пределах Владимиро-Суздальской Руси. Среди этих иконок есть экземпляр из Ярополча, где еще просматривается на оборотной стороне фигура Богоматери с младенцем, т. е. это одна из ранних отливок с оригинала, которым, возможно, являлась суздальская печать. Наиболее близкая, аналогичная печати привеска-иконка, отлитая, скорее всего, по ее образцу, найдена в Галиче-Волынском, что лишний раз свидетельствует о тесных политических и семейных связях княжеских родов Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси. Привеска могла попасть в Галич вместе с кем-то из выходцев с Северо-Востока. Находки 4-х иконок в Новгородской земле также подтверждают тесные политические и торговые связи северо-западных и северо-восточных областей Руси. Наконец, 2 привески из собраний киевского и черниговского музеев имеют полустертые сглаженные изображения, а диаметр их – 22 мм. Все это указывает на то, что привески изготовлены путем многочисленных повторных отливок с оригинала, а также на то, что производились они не в Поднепровье. Иначе находки их не были бы там столь единичны.

Закономерно возникает вопрос о том, кому могла принадлежать печать, послужившая оригиналом для целой серии подражаний. Это должно было быть не случайное, а хорошо известное в Суздальской земле лицо. Правом прикладывания печати на Руси пользовались лишь представители высшей светской и духовной власти. Судя по тому, что на нашей печати помещено изображение Богоматери, владельцем ее был человек духовного звания, причем, высокий иерарх. Ведь, как известно, традици-

онное изображение Богоматери с младенцем (чаще всего в полный рост) было общецерковной эмблемой Константинополя и в течение более пяти столетий, начиная с IX в., помещалось на буллах патриархов. Русской общецерковной эмблемой она становится на рубеже XI-XII вв.[22], причем, изображается Богоматерь "Знамение" поясная.

Сцена "Успение Богоматери" появляется на византийских печатях в XI в. Существуют изображения, повернутые как в традиционную левую, так и в правую сторону, а количество фигур в сцене варьируется от 6 до 12[23]. В русской сфрагистике известен всего один недатированный экземпляр печати с Успением, повернутым в левую сторону, из Новгорода[24].

По условиям нахождения с монетами (1031-1051 гг. и 1054-1076 гг.) суздальская печать может быть датирована второй половиной или даже последней четвертью XI в.[25] Весь комплекс построек усадьбы, как сказано было выше, погиб в пожаре, который можно сопоставить с пожаром, упомянутым в летописи под 1096 г.: "**Олег же повеле зажещи Сѹждаль город. токмо остася дворъ монастырьскын Печерьскаго монастыря и цркы юже тамо есть стаго Дмитрея. юже бе дальъ Ефремъ и с селы**"[26]. В этом тексте большой интерес представляет упоминание древнейшего на всем Северо-Востоке Дмитриевского монастыря, основанного выходцами из Киево-Печерской обители, и епископа Ефрема, пожертвовавшего в этот монастырь села. Переяславский епископ Ефрем, сподвижник Владимира Мономаха, неоднократно упоминается на страницах летописи. Под 1089 г. говорится о создании им в Переяславле церкви св.Михаила, надвратной церкви св.Федора, церкви св.Андрея, каменных бань и городских стен, а также других зданий. В этом отрывке Ефрем назван митрополитом: "**В се же лето священа бысть церкы святого Михаила (Переяславская) Ефремом митрополитомъ тоя цркы юже бе создалъ велику сѹщю, бе бо преже в Переяславли митрополья**"[27]. Под 1091 г. летопись упоминает епископа Ефрема в числе участников церемонии перенесения мощей св.Феодосия в Успенский собор Киево-Печерского монастыря[28]. И из летописи, и по сведениям Киево-Печерского патерика восстанавливается облик Ефрема. Он был "скопец, высок телом", происходил из знатной семьи ("каженик некто от княжа дома"), в числе первых был пострижен монахом в Печерский монастырь, причем, с его приходом значительно увеличилось достояние монастыря. В 60-х годах он удалился в Константинополь, где пребывал до 1072 г. и переписал студийский устав для Феодосия. На Переяславскую митрополию вступил после 1077 г. В юрисдикцию епископа переяславского входили дела смоленские и суздальские[29]. Поэтому с именем Ефрема связана активная строительная деятельность в Суздале. Так, под 1222 г. в летописи есть упоминание о том, что "**великый князь Гюрги заложи церковь каменьну святыя Богоро-**

дица в Суждали на первемъ месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушитися старостью и верх ее впал бе. та бо цркы создана прадедом его Володимером Мономахом и блженымь еппомь Ефремом"[30]. Эта "первая" церковь, открытая А. Д. Варгановым, была посвящена Успению Богоматери[31]. Строительные приемы, употреблявшиеся при ее создании, близки постройкам времени Ефрема в Переяславле[32]. Образцом же для суздальского собора послужил Успенский собор Киево-Печерского монастыря.[33] Временем создания древнейшей каменной постройки на Северо-Востоке Руси можно считать период между 1096-1105 гг. В сведениях летописи о пожаре 1096 г. нет упоминания каменного собора, говорится лишь о церкви св.Дмитрия. По-видимому, собор еще не существовал. Год смерти митрополита Ефрема неизвестен, но в 1105 г. на переяславскую кафедру был уже возведен епископ Лазарь. Наиболее вероятной датой строительства Успенского собора в Суздале считается 1101-1102 гг.

Подводя итог сказанному, хочется отметить ту большую роль, которую играл Ефрем в жизни Ростово-Суздальской Руси – это и церковное строительство, и покровительство Дмитровскому монастырю, и передача ему сел, владельцем которых, вероятно, он сам являлся. Логично поэтому предположить, что свинцовая актовая печать, найденная в Суздале в слоях, датирующихся временем наиболее интенсивной деятельности Ефрема, принадлежала именно ему. Тогда становится легко объяснимым и то явление, что печать этого иерарха стала образцом для целой серии привесок-иконок, получивших распространение, в основном, в пределах Ростово-Суздальской земли. То, что печать Ефрема носит византийский облик, можно объяснить его длительным пребыванием в Константинополе, где могла быть изготовлена матрица. Однако существенно и упоминание Н. П. Кондакова о появлении в 70-х гг. XI в. в Киеве одной из самых чтимых икон – "Царьградской Божьей матери" (в полный рост с младенцем на правой руке)[34]. Она могли послужить образцом для мастера-резчика матрицы. Небезынтересно также свидетельство Густынской летописи под 1092 г.: "**В сие лето посвящен есть Ефрем Грек на митрополию Киевскую от Николая третьего патриарха**"[35]. Исследователи дружно отрицают эти сведения летописи в отношении Ефрема – митрополита Переяславского[36]. Но если принять это свидетельство, то становится объяснимым присутствие на публикуемой печати изображения "обратной" Богоматери – эмблемы константинопольских патриархов, патронов киевской митрополии.

Сцена "Успение Богоматери" вполне закономерно должна была присутствовать на печати Ефрема, так как он был выходцем из Печерского Успенского монастыря, и в Суздале выстроил также Успенский собор. В

позднем летописце XVIII в. есть очень интересный текст о строительстве в Суздале церкви Успения князем Владимиром (ошибочно дана дата 910 г.): "**Великий князь Владимир всея России приде во град Суждаль и крести Суждальскую землю и в кремли городе заложи церковь первую Пречистыя владычицы честнаго и славного ея Успения, в ней же и место себе сделал и вырезал и подписал на свое имя, тут же и двор себе устроил возле церкви Успения Богородицы и сия подпись с начала в церкви Успения Богородицы на тябле пишет, а в тябле поставлены иконы греческого письма, и те иконы и до днесь в тябле целы суть**"[37]. Это, безусловно, сведения, происходящие из самого Суздаля. Вероятно, при постройке первого Успенского собора в него была вложена и храмовая икона греческого письма с нетрадиционным для Руси композиционным изображением сцены "Успение", повернутой вправо. Это композиционное решение было воспринято и мастерами, создававшими знаменитые "Суздальские златые врата", где клеймо с этим сюжетом также повернуто вправо. Идентичность решения композиции Успения на Суздальских вратах, суздальской актовой печати и привесках-иконках с территории Владимиро-Суздальской Руси позволяет предположить, что местом производства привесок-иконок был Суздаль, а всю серию иконок следует датировать первой половиной – серединой XII века.

Сложение местной иконографии медного литья на территории Владимиро-Суздальской Руси прослеживается и на других примерах, таких, например, как иконки с изображением Богоматери Умиление, Богоматери Оранты[38], а также иконках с изображением парных святых. Все эти иконографические типы изделий встречаются в одних и тех же погребальных комплексах, следовательно, возникли они и бытовали синхронно. Обнаруженная в Суздале круглая привеска, с изображением двух святых в пояс (рис. 72, 8) – одна из 13 экз. известных пока археологических находок. Найдена она вне комплексов в слое XII-XIII вв. Имеет диаметр 2,3 см, односторонняя. Изображены, по-видимому, апостолы Петр и Павел, хотя детали из-за плохой отливки не читаются. Остальные иконки найдены, в основном, на северо-востоке Руси: 1 экз. в Заколпском могильнике Владимирской обл.[39], 1 экз. у ст.Яуза в Московской обл., 5 экз. из погребений у дд.Зайкова[40], Пустошь Босиха, Пустошь Кузнецовка, у с.Васильевское Ивановской обл.[41], 1 экз. из кургана у с.Нефедьево Вологодской обл.[42], 1 экз. из культурного слоя городища Старая Рязань[43], из слоя 1116-1134 гг. Неревского раскопа Новгорода[44], 1 экз. из кургана у д.Раглицы Псковской обл. [45] и 1 экз. из собрания Львовского исторического музея. То есть за исключением Новгорода и Галицко-Волынской земли, ареал этих привесок-иконок связан с территорией Владимиро-Суздальской Руси, а бытовали иконки на протяжении всего XII в. Из

Поднепровья, по-видимому, попала в Суздаль двусторонняя иконка с изображением на лицевой стороне образа Спаса, а на оборотной – процветшего креста. Иконка происходит из переотложенного слоя из раскопок А. Ф. Дубынина в 1940 г.[46] Диаметр ее – 1,3 см. Изображения выполнены инкрустацией серебром по меди, в технике, характерной для ювелирных мастерских Киевской земли XI-XII вв. Шесть аналогичных образков происходят из с.Стайки[47], из раскопок в с.Витичево Киевской обл.[48], из с.Пекари и Григоровка Черкасской обл.[49], с.Красное б.Волынской губ.[50] На севере Руси они обнаружены при раскопках П. С. Савельева у с.Городище Ярославской губ.[51], 3 экз. в курганах у с.Нефедьево Вологодской обл.[52], Кнутиха Ивановской обл., с.Павловское Владимировской обл., с.Хрепле Новгородской обл.[53] Датировка этих привесок-образков не вполне ясна, но наибольшее распространение они получили в первой половине XII в.

Кресты – энколпионы встречены в Суздале в небольшом количестве – всего 5 экз. Во-первых, это лицевая сторона креста с Распятием с предстоящими, найденная в сооружении XII в. в Окольном городе[54] (рис. 40, 10). Во-вторых, это створка креста с Распятием из сооружения 30/1988 г. в кремле, датирующегося также XII в. (рис. 72, 15). Наибольший интерес представляет бронзовый массивный энколпион с рельефными двусторонними изображениями (рис. 73, 4). На лицевой стороне его помещено Распятие с предстоящими, на оборотной – Богоматерь с младенцем и по бокам, по-видимому, апостолы Петр и Павел. Подобные энколпионы Г. Ф. Корзухина датирует XII-XIII вв.[55] Еще один энколпион (рис. 72, 14) из-за плохой сохранности не поддается точной атрибуции, но по-видимому это Глебо-Борисовский крест, так как на лицевой стороне улавливается изображение святого, держащего в руках храм[56]. Еще одна створка креста-мощевика была найдена в кремле при раскопах Н. Н. Воронина (рис. 15, 1). Такой тип энколпионов датируется первой третью XIII в.

Кресты-тельники обнаружены в большем количестве, чем энколпионы (их более 20 экз.). Древнейшие из найденных тельников – это крестики, вырезанные на боковой стороне каменной литейной формы с усадьбы "А" конца XI в. (рис. 20, 5). Они относятся к типу четырехконечных с шариками на концах. Подобные кресты были широко распространены в средневековых древностях Киевской губ., Старой Рязани, костромских и Владимирских курганах, в Тульской обл., в Латвии и Эстонии. В Новгороде аналогичный крест обнаружен в слое второй четверти XI в.[57]. Два бронзовых креста-тельника обнаружены были в одном помещении в окольном городе у ц.Иоанна Богослова. Один из них, так называемый крестик "скандинавского" типа (рис. 42, 1), другой имеет закругленные

лопасти и квадратное средокрестие и глубоко врезанное очертание креста в центре (рис. 42, 2). Оба экземпляра датируются XI – сер. XII вв.[58] Близкий по типу последнему тельнику крест обнаружен также в постройке № 9 XI в. на усадьбе "А" – (рис. 24, 15). Такую же дату, т. е. XI – сер. XII в. имеет и еще один крест (рис. 73, 1), четырехконечный с трехчастным завершением лопастей. Близкую аналогию ему составляет крестик из кургана у с.Веськово[59].

По-видимому, XI – сер. XII вв. датируются два крестика с шариками на концах. Один из них (рис. 29, 8) найден в слое XI в. на усадьбе "А" в кремле, другой (рис. 40, 1) в окольном городе в яме XII-XIII вв.

Два бронзовых креста (рис. 72, 13) имеют полукруглые завершения лопастей и рельефное изображение Распятия в центре. Аналогичные кресты в Новгороде бытовали в XI – первой половине XII в.[60]

Интересный и довольно редкий образец тельника четырехконечного с расширяющимися концами обнаружен в постройке № 29 в кремле. Он имеет массивное ушко для подвешивания, а на лопастях и в средокрестии прочерчены кресты (рис. 72, 10). В Новгороде близкий по форме крест обнаружен в слое XIV в.[61], однако в Суздале весь комплекс находок жилища № 29 позволяет датировать его началом XIII в.

Очевидно, XIII в. датируются два крестика маленьких (дл. 1,8 см) с квадратным средокрестием и цилиндрическими утолщениями на концах (рис. 29, 2). Один из них происходит из слоя конца XII – нач. XIII вв. в кремле, другой из материковой ямы XIII в. в окольном городе. Близкие по форме кресты из Новгорода обнаружены в слоях середины – конца XIII в.[62]

Несколько крестов-тельников связаны со слоями XIV-XV вв. Во-первых, это два крестика с так называемыми криновидными концами (рис. 72, 3, 5). Они имеют трехлепестковые завершения лопастей и изображение креста в центре. По новгородским аналогиям датируются XIV – нач. XV вв.[63] Видимо, так же следует датировать массивный четырехконечный крест, лицевая сторона которого покрыта косой штриховкой, имитирующей плетенку. Ушко у креста также массивное, как будто воспроизводящее ушки энколпионов. Точных аналогий тельнику не найдено, но орнаментация крестов плетеным узором получает распространение в конце XIV – нач. XV вв.[64] (рис. 72, 9).

Видимо, этим же временем следует датировать крестик с прочерченным крестом на лицевой стороне и плетенкой – на обороте. Происходит он из раскопок А. Ф. Дубынина (рис. 13, 21).

И, наконец, к концу XV – нач. XVI вв. относятся три массивных креста с полукруглыми лопастями, несколько утяжеленным низом, с многофигурными изображениями. Все кресты односторонние (1 экз. из рас-

копок А. Ф. Дубынина), но напоминают створки энколпионов. Они относятся уже к московской школе медного литья (рис. 73, 5, 8). Кроме металлических в суздальской коллекции имеется несколько крестиков-тельников из янтаря, камня и кости.

Так, два экземпляра так называемых "процветших" крестов из янтаря найдены один – в раскопках 1938 г. А. Ф. Дубынина (рис. 13, 8), другой, фрагментированный – в окольном городе в 1975 г. (рис. 72, 2). По Новгородской хронологической шкале стилизованные янтарные крестики этого типа датируются самым концом XI – нач. XIII вв. Два четырехконечных простых крестика связаны со слоями XIV-XV вв. (рис. 72, 7) И наконец, к этому же времени относится маленький крестик (1,5 х 1,5 см) с квадратным средокрестием (рис. 72, 1).

Восемь экземпляров простых сланцевых крестиков определенной датировке не поддаются, т. к. такие формы бытовали длительное время (рис. 72, 4, 12; 73, 2, 6, 7, 9). Из них интерес представляет каменный крестик из полуземлянки XII в. (раскопки П. И. Куглюковского в 1973 г.), на котором процарапан крест на треугольном основании и с круглым завершением наверху (рис. 36, 4). Случайной находкой является костяной крестик "процветшей" формы с циркульным орнаментом на лицевой стороне (рис. 72, 16).

Из находок, связанных с христианским культом можно еще отметить одну створку круглой медной путной панагии, найденную в верхнем потревоженном слое детинца (рис. 72, 6). Диаметр ее 37 мм. На лицевой стороне помещено Распятие с 4-мя предстоящими и двумя летящими ангелами наверху. На внутренней – ветхозаветная Троица с надписью **СТАЯ ТРЦА**; причем на втором плане сцены нет ни горок, ни палат, а дуб маврикийский изображен условно в виде широкого листа на стебле. И лицевое и оборотное изображения заключены в два концентрических круга, подражающих сканной проволоке. Ушко отсутствует, вместо него пробито отверстие.

Путные панагии употреблялись для хранения частиц богородичного хлеба. Изображение Троицы ветхозаветной широко распространилось на путных панагиях с XV в. и употреблялось и в XVI в. в кости, дереве, камне и металле[66].

Археологические находки составляют незначительную часть предметов христианского культа древнерусского времени. Основная их масса находится в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника и других музеев и собраний страны[67]. Описание их не входит в мою задачу, т. к. требует специального детального исследования. Во всяком случае с уверенностью можно сказать, что искусство художников и мастеров Суздаля в эпоху средневековья достигло необычайной высоты и на про-

тяжении длительного времени являлось образцом в становлении местных русских художественных школ.

6. *Пережитки языческих верований*

Христианское вероучение в начальный период с трудом проникало в народные массы. Свидетельством сопротивления местного населения проникновению христианской религии явилась волна восстаний, прокатившихся в XI в. по всей Северо-Восточной Руси[68]. Волнения происходили в переходный период от родового строя к феодальному и были направлены против родовой знати и формирующейся феодальной верхушки. Верховенствующую роль в волнениях играли языческие жрецы-волхвы.

Уже само первое упоминание Суздаля на страницах летописи связано с рассказом о представителях языческих слоев населения[69]. Как сказано было выше, в 1024 г. в Суздальском ополье в результате неурожая и голода вспыхнули мятежи под предводительством языческих жрецов-волхвов. Восстание носило антифеодальный характер и было направлено против "старой чади". Прибывший из Новгорода в Суздаль Ярослав Мудрый жестоко расправился с восставшими, арестовав и казнив зачинщиков – волхвов. Судя по вложенным летописцем в уста Ярослава назидательным словам, восставшие протестовали и против христианской религии. Новгородская IV летопись при изложении событий в Суздале приводит дополнительные сведения. "**Слышав же Ярослав вълхвы, приде к Суздалю, и изимав убийца ты, и расточи, иже беху бабы избили и домы их разграби, а другыми показни. И устави ту землю...**"[70].

Языческие же капища сохранились в Суздальской земле еще в конце XI в. Любопытно в этом отношении позднее свидетельство жития Ростовского епископа Исайи (ум, в 1090 г.). Приехав из Киева в Ростов, Исайя обошел "**все грады и веси по области Ростовской и Суздальской, и еще где обретоша идолы и капища, разоряше их и огню предаваше**".[71]

В топографии современного Суздаля сохранились следы древней языческой обрядности. Так, напротив северо-западной мысовой части суздальского кремля на холме правого берега р.Каменки высится церковь Ильи Пророка, перенесенная сюда в XVIII в. с торга, располагавшегося за восточным валом кремля. Сам холм, на котором она ныне расположена, всегда привлекал множество народа, особенно весной, так как с него ранее других сходил снежный покров и молодежь устраивала здесь весенние игры (устное свидетельство А. Д. Варганова). Холм этот издревле носил название Ивановой горы. Возможно, название это связано с языче-

ским культом Ивана Купалы. Любопытно, что к церкви пророка Ильи примыкала теплая церковь во имя Иоанна Богослова, не сохранившаяся ныне. По-видимому, церковь эта могла быть выстроена на месте языческого капища Купалы. Правда, суздальский историк XVIII в. Анания Федоров считал, что "... **от Купала место на Сполье, где во время идолопоклонения народ собирался месяца июня 24 дня...**"[73]. Сполье – это местность в северо-восточной части Суздаля. На планах города XVIII-XIX вв. на сполье указывается церковь Иоанна Златоуста, ныне не сохранившаяся. Видимо, с этой церковью, воздвигнутой на месте языческого капища также следует связывать следы культа Купалы.

В своем труде А. Федоров пишет, что "**обыватели во граде Суждале прежде просвещения святым крещением бяху идолопоклонники, и и имеяху богов языческих, кроме их Яруна, Пиная, Облупу, Купала, по которым и места были во граде особливые, где их богомерские были молбища, или капища. От Яруна – Ярунова улица, от Пиная – Пинаиха, от Облупы – Облупа, где ныне кабак**". Кроме сведений о Купале, остальные языческие местные божества представляются недостоверными. Так, Ярун – это нехристианское личное мужское имя, известное по письменным источникам древней Руси с XII в.[74] В частности, в юридических актах 1579 г. известен крестьянин Суздальского уезда Яруня Никитич[75]. Следовательно, названия Яруновой горки и Яруновой улицы происходят от личного имени какого-то суздальца. "Божество" Пинай, по которому названа улица Пинаиха, на самом деле упомянут в писцовой книге 1617 г.: "**за рекою за Каменкою, за острогом в Введенской улице ... место Пинайки портного мастера...**"[76]. Наконец, "Облупа" происходит от слова "облупливать, облуплять", т. е. обдирать, обобрать. Облупа (псковск.) – кабак на выезде"[77]. Так что не даром в XVIII в., во времена Анания Федорова суздальский кабак и стоял в местности, носившей название "Облупа". В дальнейшем местность эта носила название Кабацкой горы, известное и поныне.

В местных суздальских преданиях, приводимых В. М. Снегиревым, говорится об идоле Перуна, стоявшем в кремле на княжеском дворе и об идоле Велеса на месте Васильевского монастыря, где суздальцы приняли крещение. Кроме того, есть предание об идолах богини любви Ладо и ее мужа Тура, стоявших на Пинаевской улице (на Аскольдовой и Михайловской горах). В честь этих божеств будто бы был установлен праздник "Семик"[78]. Однако никаких достоверных свидетельств об этих идолах нет и, по-видимому, предания эти являются литературными домыслами XIX-XX вв. Более любопытно приводимое В. М. Снегиревым описание праздника Флора и Лавра (покровителей скота) 18 августа. В этот день в Суздале около Богоявленской церкви, стоявшей на лугу, на правом бере-

гу р.Каменки напротив Окольного города, собирали всех городских лошадей (до 800 голов) и по древнему обычаю кропили их святой водой. В этом обряде прослеживаются древние языческие традиции, которые считали коня священным животным.

Для выяснения устойчивости языческих верований у населения Суздаля большой интерес представляет городской курганный некрополь[79]. Следует отметить синкретизм обряда захоронения в могильнике на Михайловской стороне. Трупоположения в могильных ямах, ориентированные головой на запад, лицом к восходящему солнцу, характерны для христианского обряда захоронения. Сама же традиция сооружения курганных насыпей является языческим пережитком. Отголоском обряда трупосожжения, господствовавшего на Руси до принятия христианства являются следы частичного сожжения костяков, а также прокаливания почвы в основании курганных насыпей. Могильные ямы прорезают темный золистый слой подошвы кургана (отличный от слоя погребенной почвы), а выкид материкового слоя из ям лежит на нем, что свидетельствует о существовании обряда очищения огнем поверхности земли перед погребением. В этом отношении любопытно сообщение "Жития Константина Муромского" о том, чтобы "не жечь дымы" над могилами усопших. Обычай "греть" покойника сохранялся до XIX в. Неоднократно в насыпях курганов встречались фрагменты гончарной посуды, вероятно, от погребальной тризны. В одном случае (в кургане № 30, в детском погребении) обнаружен глиняный гончарный горшок с заупокойной пищей. Инвентарь, сопровождавший погребенных, состоял, в основном, из украшений и ножей (преимущественно в женских захоронениях). Следы погребальной тризны и сопровождавший погребенных инвентарь – все это следы языческих верований в загробную жизнь усопших. Любопытно отметить, что в исследованном на территории Суздаля у ц.Скорбящей Божьей Матери кладбище XVI-XVIII вв. эти архаические черты погребальной обрядности прослеживались также. В частности, отмечены случаи обертывания покойника берестой, наличие углей в засыпке могилы, употребление перстнеобразных височных колец в женских прическах, положение усопшего с ножом у пояса[80]. Следовательно, устойчивая языческая традиция дожила до XVII – нач. XVIII вв.

Ярким свидетельством пережитков языческого мировоззрения в городской культуре Суздаля являются остатки "строительных жертв", т. е. жертв, совершаемых при сооружении каких-либо построек. Принесение в жертву священного животного или иногда и человека, было распространено во всем мире, у всех народов. У славянских племен священными являлись петух и конь. Их приносили в жертву при сооружении жилых домов, укреплений и общественных зданий, чтобы охранить обитателей по-

стройки от злых духов и обеспечить прочность здания. Археологические следы строительных жертв хорошо зафиксированы в Новгороде[81]. В Суздале они отмечены около 10 раз. Так, при исследовании оборонительных сооружений первой половины XII в. в северо-восточной части Окольного города были открыты внутривальные деревянные сооружения, состоящие из трех рядов срубов. Около угла центрального сруба был обнаружен череп лошади в возрасте 4-5 лет. Поставленный на шейное основание, он лежал затылком к углу сруба, мордой – к северу. Принесение в жертву коня должно было обеспечить всему оборонительному сооружению прочность, долговечность и неприступность. Известно аналогичное фольклорное свидетельство о совершении человеческого жертвоприношения (купеческой жены Марьи) при строительстве каменных крепостных стен в Нижнем Новгороде в 1372 году[82].

Остальные случаи совершения строительной жертвы связаны с сооружением жилых построек. Наиболее древнее жертвоприношение относится к середине или даже первой половине XI в. Оно было совершено (как сказано выше) при постройке жилого дома на месте снивелированных древнейших оборонительных сооружений детинца. Второй половиной XI в. следует датировать остатки жертвоприношения, совершенного при сооружении жилой постройки № 8 на усадьбе "А" в кремле. Под северо-восточный угол дома в специальном углублении был положен череп лошади, рядом с которым находилось раздавленное днище гончарного горшка и обрывок медной цепочки из четырех скрученных длинных звеньев, разделенных небольшими колечками. Под, юго-восточный угол дома были подложены 2 нижние челюсти лошади. По-видимому, вход в дом находился с восточной стороны и оба угла, обращенные к входу были "укреплены" принесенной жертвой коней.

Также ко второй половине XI в. относится совершение конского жертвоприношения на соседней усадьбе "Б", где конский череп лежал в специально вырытой овальной яме размером 300 х 180 см, глубиной 97 см, под углом жилого дома № 10.

Остальные находки целых черепов лошади, помещенных в специально вырытые ямки, не удалось связать с постройками, в виду плохой сохранности слоя. Однако с уверенностью можно говорить о неслучайном, преднамеренном помещении в ямах черепов. Все они принадлежали взрослым особям 4-5 лет, в ямах были поставлены на шейные основания.

Осталась не вполне понятой находка женского черепа под углом дома, вскрытого частично в траншее в 1987 г. у западной части кремлевского вала, к северу от Никольской деревянной церкви. Основная часть дома в раскоп не вошла, поэтому ничего определенного сказать нельзя, одна-

ко, предположение о человеческом жертвоприношении остается реальным.

Подводя итоги о строительных жертвах в Суздале следует отметить, что распространены они были в основном в XI-XII вв. К XIII в. эта традиция в быту горожан исчезает.

Для характеристики идеологических представлений средневековых жителей Суздаля значительный интерес представляет фигурка языческого божества, найденная при случайных обстоятельствах и хранящаяся ныне в суздальском музее. Это – литая бронзовая объемная фигурка с двусторонним изображением мужчины в полный рост (рис. 75, 14). Видимо, фигурка являлась завершением ложечки или копоушки и подвешивалась на шнурке или цепочке (на голове ее приделано массивное ушко для подвешивания). Общая длина изделия 8,8 см, длина фигурки 5,8 см. Изображен подбоченившийся мужчина в длинной до колен рубахе, верхняя часть которой разделена косыми штрихами, а нижняя – подобием оборок. Ноги также разделаны косой штриховкой, напоминающей обмотки. Лицо фигурки довольно хорошо смоделировано: глаза, нос, рот четко обозначены. Трудно понять, в силу дефектов отливки, наличие бороды и усов; волосы подстрижены в кружок, причем с двух сторон на уши как бы натянута плотная шапочка. Фигурка опирается ногами на столб и в этом отношении напоминает известную скульптуру Перуна из Новгорода[83]. Наиболее же близкую, почти точную аналогию представляет скульптурка из Прикамья, из Перми. От суздальской она отличается лишь формой ушка для подвешивания и деталями разделки одежды[84]. Как и другой тип культовых антропоморфных привесок, найденных в Прикамье[85], привеска, аналогичная суздальской, видимо, была завезена туда выходцами из Руси. Скорей всего близкую аналогию суздальской находке идольчика представляла фигурка, найденная А. А. Титовым во второй половине XIX в. на берегу Ростовского озера и переданная им Обществу любителей естествознания: "На крупной подножке мужская фигура с небольшой бородой и длинными расчесанными в кружок волосами. На голове шапка в виде скуфьи с шишкой наверху и большими горизонтальными придатками, сообщающими ей вид короны. От пояса спускается ниже колен пышная юбка с широкой меховой опушкой по подолу. Руки прижаты к телу локтями и сложены кистями на животе"[86]. Суздальская фигурка божества входила, вероятно, в набор привесок-оберегов, хорошо известных по находкам в курганах. Так, близкое изображение человечка происходит из кветуньских курганов, где оно служило завершением амулета-ложечки[87].

Вообще привески-ложечки часто входят в набор амулетов, носившихся женщинами. Ложка – символ сытости, достатка в языческих пред-

ставлениях. В Суздале найдено 2 экз. привесок-ложечек (рис. 75, 9, 10). Обе они круглой формы, но у одной из них ручка гладкая, а, у другой покрыта рельефным плетеным узором. Близкая аналогия последней известна из кургана у д.Исаково Владимирской губернии[88]. Обе привески-ложечки происходят из культурных напластований XII в. В городах эти предметы встречаются редко, в основном на севере Руси (Новгород, Серенск, Ярополч-Залесский, Рязань), подавляющая же часть находок из курганных погребений сельского населения Руси XI-XII вв. сосредоточена в междуречье Днепра, Западной Двины и Волги[89]. В этом же регионе сосредоточены, в основном, находки еще одного типа амулетов-оберегов. Это так называемые подвески-коньки, плоские миниатюрные изображения животных с загнутым вверх хвостом, с ушами в виде колечек, украшенные циркульным орнаментом. Коньки составляют самую массовую серию привесок-амулетов XI-XIII вв., встреченных как в сельских курганах, так и в городских центрах Руси[90]. В Суздале найден 1 экз. привески-конька, сохранившийся лишь частично (рис. 75, 20) и происходящий из слоя конца XI в. Из привесок-оберегов часто встречающихся вместе с коньками и ложечками, следует отметить еще амулет в виде ключика (рис. 75, 11). Ключ символизировал собой сохранность, целость. Суздальский экземпляр происходит из слоя первой половины XII в.

Несколько особняком стоит находка привески-амулета в виде миниатюрного боевого топорика, покрытого циркульным орнаментом (рис. 75, 15). Топорик сохранился не полностью, обнаружен он в непотревоженном слое конца XI в., на усадьбе воинов "Б". Исследователи древнерусских амулетов-топориков В. П. Даркевич и Н. А. Макаров отмечают, что топорики были общерусским типом амулета, причем, больше половины их найдено в городах. Среди сельского населения этот тип амулетов не получил распространение. Встреченные в курганах находки топориков принадлежали (в отличие от других вышеперечисленных типов оберегов) мужским захоронениям, в основном, мальчикам и подросткам. Изображения топориков были связаны с воинской дружинной средой и специфическими для этой среды верованиями и обрядами[91]. Изучение различных форм привесок-оберегов позволяет глубже проникнуть в мир языческих верований славян, а также проследить процесс взаимопроникновения различных представлений в полиэтничной городской среде Суздаля. В этом отношении значительный интерес представляют ажурные привески в виде птиц с острым клювом и гребешком на голове. Изображения эти очень напоминают священную для славян птицу – петуха, хотя привески снабжены отверстиями для шумящих подвесок в виде утиных лапок, характерных для финно-угорской мифологии. Амулеты с петушиным гребешком получили наибольшее распространение в городских цен-

трах Северо-Восточной Руси[92], где соприкасалось славянское и мерянское население. В самом Суздале найдено 3 экз. таких привесок, одна из которых обнаружена в домонгольском слое на территории слободы у Дмитровского монастыря[93] (рис. 75, 16, 19), а другая – в слое XII – середины XIII вв. на территории кремля при раскопках Н. Н. Воронина[94] (рис. 15, 5). Фрагмент еще одной такой привески найден в подъемном материале на Мининском селище близ Суздаля (рис. 75, 6).

До сих пор не встречено ни одной целой привески-уточки, характерной для финно-угорского костюма; найдены лишь 1 фрагмент плоской зооморфной фигурки и шумящие подвески: 5 экз. лапчатых, 3 экз. в виде колокольчика, 1 экз. треугольный (рис. 75, 3, 4, 8). Любопытно отметить одну шумящую лапчатую привеску (рис. 75, 5), которая своими очертаниями напоминает крест, а на ее лицевой стороне также изображен небольшой крестик. На этом образце отчетливо прослеживается проникновение христианской символики в мир языческих представлений. Эта же особенность видна и на таком интересном предмете, как литейная форма, обнаруженная на усадьбе "А" в постройке № 7 (рис. 20). Уже только один этот предмет дает представление о смешении скандинавских и славянских языческих верований в среде горожан и о приходе в XI столетии на смену им новой христианской веры, а с ней и символики.

Лунницы – также распространенный языческий символ – встречены в Суздале в незначительном количестве. Это уже упомянутая выше круторогая лунница на литейной форме, а также небольшая широкорогая серебряная лунница (рис. 75, 2), происходящая из слоя первой половины XII в. и стеклянная бирюзовая круторогая лунница IX-X вв. (рис. 75, 1).

Из других видов амулетов-оберегов следует отметить бобровые пяточные кости с просверлинами (рис. 75, 7, 12), зубы медведей (рис. 75, 18), кабаньи клыки (рис. 75, 17). Этническая их принадлежность трудно определима, однако, бытовали они не только в предмонгольский, но и в послемонгольский период. Эти амулеты связаны с наиболее древними охранительными представлениями. Наибольший интерес среди них представляют обереги, сделанные из когтей медведя, с частью фаланги, имеющей просверлину для подвешивания. В самом Суздале эти амулеты не найдены, но они обнаружены в близлежащих селищах в Васильках, Веси и Гнездилове в слоях X-XI вв. Найден такой амулет и в Муроме. Вообще амулеты из когтей медведя были широко распространены в памятниках IX-XIV вв. Известны они в Хазарии, Литве, Новгороде, Белоозере и др. Иногда эти амулеты оковывались в металлическую оправу как, например, находка из Владимирских курганов у с.Ворогово[95]. Находки эти безусловно связаны с культом медведя, получившем особое распространение в Ярославском Поволжье[96].

С эпохой феодализма, с феодальной городской культурой связаны амулеты-змеевики, заимствованные Русью из Византии. На лицевой стороне этих амулетов помещены изображения христианской символики – Христа, Богоматери с младенцем, архангелов, святых. На оборотной – "змеиного гнезда", в центре которого – голова Медузы Горгоны с отходящими от нее туловищами змей, т. е. сюжет, перешедший из античной мифологии. Употреблялись змеевики как обереги от различных болезней и иных напастей. На большинстве экземпляров их на оборотной стороне, обращенной при ношении к телу помещалась круговая надпись, содержащая заклинания против болезней, лихорадок. Христианская церковь вела ожесточенную борьбу с употреблением змеевиков-оберегов, отразившуюся во многих поучениях XIV-XV вв. и в законодательном запрете употреблять их в Кормчей книге. В слове святого отца Моисея о ротах и клятвах XIV в., приписываемом новгородскому архиепископу Моисею, говорится: "**Жертвы приносят бесом, недуги лечат чарами и наузы и немощняго бесы, глаголемого трясцю, мняться пригоняюще, некэми ложными письменами**"[97]. Из Суздаля происходят четыре змеевика: три – из раскопок и один каменный, хранившийся в ризнице Рождественского собора. Этот последний, так называемый "Суздальский змеевик" привлекал к себе внимание большого количества исследователей, ему посвящена огромная литература[98]. Принадлежал он, скорее всего жене князя Всеволода III "Большое гнездо" Марии Шварновне и заказан был ею для исцеления своих детей и себя самой в 1189 году[99]. Наиболее древним из найденных при раскопках является бронзовый змеевик XI в., обнаруженный на усадьбе "А" в постройке № 10. На лицевой стороне его помещено изображение святого воина, скорее всего, Георгия (рис. 74, 1). По-видимому, змеевик должен был охранять хозяина в ратном деле. На оборотной стороне амулета помещена наиболее древняя змеиная композиция, в которой змеи как бы вырастают из туловища медузы Горгоны.

Второй змеевик (диаметр 4,5 см), отлитый из бронзы, обнаружен в кремле на усадьбе третьего строительного периода, т. е. датируется концом XII – нач. XIII вв. На лицевой стороне его довольно грубо изображен архангел Михаил (?), держащий в руках лабар и сферу. На оборотной стороне помещена женская голова с отходящими от нее как от центра двенадцатью змеиными головами, причем, иногда две змеиные головы отходят от одного туловища (рис. 74, 2). Близкую аналогию этому предмету составляет змеевик, найденный в Новгороде в слое конца XII в.[100] Заклинания на этих змеевиках отсутствуют.

Третьим экземпляром является бронзовый амулет (диаметром 3,5 см), найденный вблизи Ризоположенского монастыря. Сохранность его очень плохая; на лицевой стороне изображено Распятие с предстоящими, а на

обороте змеиное гнездо, имеющее скорее вид ленточного орнамента. Единственную аналогию представляет недатированный змеевик из собрания П. И. Щукина (ГИМ)[101] (рис. 74, 3). О дате говорить трудно, т. к. суздальский оберег обнаружен в переотложенном слое.

Множество языческих сюжетов, глубоко продуманных сакральных тем можно проследить в орнаментации белокаменных соборов XII-XIII вв., выстроенных владимиро-суздальскими князьями, а также в таких предметах декоративно-прикладного искусства как "суздальские златые врата" или предметы княжеско-боярского убора, известные по кладам[102]. Все они свидетельствуют о сложности и многообразии представлений горожан, соединявших в своем мировоззрении христианские догмы с языческими обычаями и взглядами.

На основании комплексного анализа письменных, археологических и этнографических данных (письменных свидетельств, данных топографии, топонимики, вотивных изображений, изобразительного искусства и архитектуры) удается проследить устойчивость языческих представлений и связанных с ними ритуальных действ и атрибутов на протяжении длительной исторической традиции, а также уловить проявление синтеза языческих и христианских верований в культуре средневекового Суздаля[103].

в. *Распространение грамотности (эпиграфические находки)*

Распространение грамотности является одним из ярких проявлений развития духовной культуры народа. О развитии в Суздале грамотности свидетельствуют в первую очередь следы местного летописания, относящиеся к рубежу XI-XII и началу XIII вв. По мнению исследователя летописания Владимиро-Суздальской Руси Ю. А. Лимонова при дворах князей Юрия и Андрея велись личные летописцы, содержавшие не только летописные известия, но и местные литературные сочинения. Ростовский сборник ("старый ростовский летописец" как назвал его в начале XIII века епископ Симон в переписке с Поликарпом) включал в себя Повесть временных лет, Ростово-Суздальские записи первой половины XII в., Житие Леонтия Ростовского, "Завещание" Георгия Симоновича[104]. Первые записи были составлены в Суздале (запись о нападении болгар на город в 1107 г.), затем летописание было перенесено в Ростов[105]. Возобновляется летописание в Суздале после длительного перерыва в начале XIII в. Начиная с 20-х годов в текстах летописей находятся хорошо датированные известия о Суздале (о закладке церкви в 1222 г., об освящении ее в 1225 г., о начале росписи в 1230 г. и завершении работ в 1233 г.). К

суздальским записям можно отнести известия о снеме князей в 1228 г. и о смерти епископа Кирилла в 1230 г. в Дмитриевском монастыре. Видимо, суздальского же происхождения запись о взятии татарами города в 1237 г.

Многие суздальские предметы прикладного искусства снабжены надписями, свидетельствующими о грамотности их изготовителей. Общеизвестны такие знаменитые домонгольские памятники эпиграфики как "Суздальские златые врата" – южные и западные входные двери в Рождественский собор. Созданные практически одновременно в начале XIII в. как памятник фамильной княжеской патронимии, приуроченный к княжескому снему 1228 г., "Суздальские врата" представляют бесценный материал для изучения палеографии Северо-Восточной Руси[106].

Не менее знаменит и Суздальский змеевик, начертания букв на котором позволяет отнести время изготовления его к концу XII в. (1189 г.)[107].

В кладке южного углового пилястра восточного фасада Рождественского собора вставлена вертикально белокаменная плита (размерами 0,99 х 0,32 х 0,09 м). Плита была вставлена, видимо, в 1222-1225 гг., при перестройке храма Георгием Всеволодовичем. От надписи, выбитой, скорей всего, в форме креста, сохранились обрывки четырех строк (от верхней строки сохранились лишь нижние концы букв). Надпись представляет собой "похвалу кресту": **ХРАNЬНИКЪ ВСЕН ВСЕЛЕ ОЕУКРАШЕНІС КРЕТЪ** (крест храньник всей вселенной ... украшение крест). Любопытно двоякое написание буквы "эн" – N и Н, что свидетельствует о принадлежности надписи к концу XII в.[109]. Найденный при раскопках А. Ф. Дубынина в 1939 г. медный медальон с эмалевым изображением Христа в центре, имеет по бортику круговую надпись: **АЗЪ ЕСМЕ СВѢТ** и инициалы **ІС – ХС**. (рис. 13, 5). По надписи, выполненной мастерски, медальон может быть датирован концом XII в. "Характерны широкое А с "накрытием"; З с маленьким хвостом; треугольный кузов у Ъ; "развалистое М с "накрытием"; неудавшаяся буква ѣ, перекладина которой лежит на строке". В конце фразы не хватило места для Ъ, а в букве Ь мастер опустил нижнюю линию кузова[109].

Еще два предмета с надписями из Суздаля опубликованы Т. В. Николаевой. Это произведения каменной мелкой пластики, которые по характеру резьбы и начертанию букв могут быть датированы XIII в. Одна из них – иконка с изображением св.Пантелеймона и надписью **ПАNТЛЬМОН** происходит из Борисоглебской церкви в Кидекше. Другая с изображением св.Тимофея и надписью **АГИОSЪ ТИМОФѢИ**, происходит из Васильевского монастыря.

Помимо перечисленных подписных предметов, в золотой кладовой Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится еще несколько произведений прикладного искусства с надписями XIII-XV вв.[100]

При реставрационных работах в конце 50-х гг. в Рождественском соборе А. Д. Варганов обнаружил в цоколе храма белый камень, сохранивший часть древней резной шестистрочной надписи, относящейся, по определению М. В. Щепкиной, к XIV в.[111] Все эти предметы связаны с христианским культом.

Для археологии же особый интерес представляют отдельные предметы с надписями, обнаруженные в культурном слое города. Именно они являются свидетельствами распространения грамотности среди городского населения. К сожалению, в культурном слое Суздаля не сохраняются органические остатки, поэтому находок берестяных грамот ожидать здесь не приходится. Но орудия для письма на бересте и вощеных дощечках – писала – найдены неоднократно. Всего за годы раскопок в Суздале обнаружено 14 писал. Все они, за исключением одного, изготовлены из железа. Формы их очень близки аналогичным предметам из других древнерусских городов и, в частности, из Новгорода. К типу 2 по классификации А. Ф. Медведева, специально занимавшегося исследованием этой категории предметов, относятся писала с полукруглой лопаточкой (рис. 76, 2)[112]. Дата подобных писал – середина XI – первая половина XII вв. Два писала имеют лопаточки в виде бокальчиков. Одно из них (рис. 76, 10), относится к типу 3, датирующемуся XI – первой половиной XIII вв.[113]. Другое (рис. 76, 8) ближе всего к типу 7, у которого лопаточка имеет форму изящного бокальчика с оттянутыми краями. Этот самый распространенный во всей Древней Руси тип писал датируется XII – первой половиной XIII вв[114] Вместе с этим экземпляром найдено еще два писала. Одно из них (рис. 76, 11), к сожалению, не имеет завершения, а другое (рис. 76, 12) имеет треугольную лопаточку и, видимо, относится к типу 13, бытующему в XII-XIII вв. Больше всего оно напоминает бронзовое писало из Новогрудка, датируемое XI-XII вв.[115] Наконец, еще два писала имеют лопаточки в виде Т-образного завершения. Эти писала относятся к типу 8, датируемому второй половиной XII – серединой XIII вв. (рис. 76, 6-7). Близкую аналогию экземпляру (с ромбическим расширением под лопаткой) представляет писало из раскопок в Ярополче Залесском[116].

По-видимому, также частью писала является костяное острие с навершием в виде лопаточки, найденное в суздальском кремле в раскопках 1940 г. А. Ф. Дубынина (рис. 13, 20)[117]. Лопаточка имеет расширяющуюся трапециевидную форму с тремя зазубринками с каждой стороны. В Новгороде костяные писала близких форм встречены в слоях середины X –

первой половины XI вв. Видимо, и эта находка является наиболее ранней во всей перечисленной коллекции.

Из числа предметов с надписями особо следует остановиться на находках, происходящих с одной усадьбы "А" XI в. на территории кремля. Во-первых, это каменная литейная форма из жилища № 8 ювелира (рис. 20), с рунической надписью: "Это Олавов", т. е. с указанием имени владельца или заказчика. Во-вторых, это амфора южнорусского происхождения с надписью-монограммой. Амфора имеет высоту 41 см, наибольший диаметр тулова 29 см, диаметр горла 7 см. Она изготовлена из хорошо отмученной глины розовато-серого оттенка, ручки ее выступают над горлом. Надпись нацарапана в верхней части сосуда острым предметом уже после обжига. Это монограмма из трех букв: ОЛЄ (рис. 16). Автор раскопок в Суздале в 1970 г. В. В. Седов считал, что в сосуде хранилось оливковое масло – олеи (олѣи)[118]. Но сама надпись, выполненная кириллицей в виде монограммы, скорей всего называет владельца сосуда, что более характерно для содержания надписей других амфор. Палеографические признаки в начертаниях букв уловить трудно. Можно предположить лишь, что на амфоре написано в славянской транскрипции скандинавское имя Олав.

Аналогии написанию рун хорошо представлены в скандинавских памятниках XI в.[119] Таким образом, в Суздале обнаружен редкий эпиграфический памятник рунической письменности, свидетельствующий о том, что в составе населения города были выходцы из скандинавских стран. Постепенно скандинавы растворялись в славянской среде, вливаясь в ее феодальную верхушку. Об этом процессе можно судить как по изображениям славянских украшений – лунниц на оборотной стороне литейной формы, так и по находке амфоры с обозначением имени ее владельца уже в славянской транскрипции. Стратиграфически в одном слое с амфорой находились многочисленные фрагменты сгоревших деревянных сосудов. На одном из них была процарапана надпись, от которой сохранилась лишь последняя буква, определить которую не удалось[120].

Таким образом, из одних и тех же слоев городской усадьбы "А" XI в. происходят три предмета с надписями – литейная форма, амфора и деревянный сосуд, свидетельствующие о довольно значительном развитии грамотности среди обитателей усадьбы. Косвенным доказательством того же может служить и находка свинцовой актовой печати византийского происхождения с изображением Успения Богоматери и Богоматери с младенцем и следами греческой надписи (возможно, NKOIMNGIG)[121]. Печать была подвешена к какому-то несохранившемуся документу, написанному на пергамене (рис. 22).

Многообразие эпиграфического материала, выполненного различными письменами: скандинавскими рунами, греческим и славянским алфавитами говорит о широких международных контактах жителей усадьбы и подтверждает вывод о том, что хозяин усадьбы относился к верхушке феодальной знати. Эти надписи являются древнейшими в Суздале.

К XII веку относятся находки еще двух актовых свинцовых печатей с надписями. Одна с изображением св.Феодосия и надписью **ОФЄОДОСІОС** и изображением Богоматери "Знамение" с подписью **МР ѲU** (рис. 22). Другая с изображением св.Дмитрия в рост с надписью **ОДМІТРІ**, и конной фигуры св.Георгия и подписью справа налево **ЄГОРИІ** (рис. 22, 3). Характерно написание буквы "И" в виде современного "эн" с горизонтальной перекладиной на середине высоты буквы. Буква "О" узкая, состоящая из двух полуовалов. У буквы "р" прямая мачта и полукруглая суженная головка. Буква "Э" не очень узка, хорошо изогнута, язычок ее не выступает за границы полуовала. Все перечисленные признаки позволяют датировать надпись XII в.[122] Конечно, актовые вислые печати не являются в полном смысле памятниками эпиграфики, они служат объектом изучения специального раздела науки – сфрагистики. Но в то же время печати косвенно указывают на наличие в тех или иных слоях и постройках письменных документов, не дошедших до нас в силу условий сохранности культурного слоя.

Подлинным памятником вещевой эпиграфики является пряслице из розового шифера с надписью, найденное в 1939 г. в раскопках А. Ф. Дубынина и Л. А. Голубевой (рис. 13, 9). Надпись на пряслице не была замечена авторами раскопок и обнаружена мною при знакомстве с коллекцией находок, хранящихся в ГИМе. В верхней части пряслица по кругу расположена надпись **СЄПРѪСТЛ**..., то есть "это пряслень" того-то... Кому именно принадлежало пряслице осталось неизвестным из-за скола камня. Надписи на пряслицах, показывающие их принадлежность какому-либо лицу, нередко встречаются в древнерусских городах. Таковы пряслица из Киева ("Потворин прясльнь"), из Преслава в Болгарии ("Лолин прялень"), из Вышгорода под Киевом ("Невесточ")[123], из Витебска ("Бабино пряслене")[124], из Теребовля ("Ромадинъ")[125].

Правда, во всех тех случаях, когда обозначен сам предмет, он назван "пряслень". На суздальской же находке он назван "прястлень" (через букву Т). Такое написание, видимо, указывает на этимологическое происхождение слова пряслень от "прясть". Палеографические особенности букв в слове выражены слабо. Можно отметить букву "Р" (расположенную косо в отличие от остальных букв) с прямой мачтой и треугольной головкой, широкую букву "Е" с развитой верхней частью, также широ-

кую букву "ѧ" с перпендикулярной черточкой, опускающейся ниже боковых мачт. Эти признаки как будто указывают на XIII в.[126]

Интересным свидетельством проникновения письменной культуры в сельскую среду является находка шиферного пряслица с надписью при раскопках Н. Н. Мошениной на селище Весь[127]. Пряслице бочонковидной формы имеет размеры 2,5 х 1,7 см. В средней его части процарапаны буквы **НЛИЖ** – Илия. В палеографическом отношении интерес представляет двоякое написание буквы "И". В начале имени буква изображена с поперечной перекладиной в форме буквы "Н", а во втором случае – в современном начертании. Такое написание букв говорит в пользу датировки пряслица XIII в. (рис. 76, 16).

Видимо, XIII-XIV вв. следует датировать граффити из Рождественского собора. Оно расположено в южной апсиде на северной стене древней арки, которая вела из диаконника в основной объем собора. При ремонте и перестройке собора в начале XVI в. арка была заложена кирпичом и вновь открыта лишь при реставрационных работах, проводившихся в 1940 и 1967 годах. В настоящее время граффити находится на высоте 40-45 см от уровня современного пола, т. е. на высоте 100-120 см от уровня древнего пола. Такая высота расположения граффити скорее всего говорит о том, что человек писал, стоя на коленях. Граффити процарапано на слое штукатурки светлого тона со следами фресковой росписи красновато-коричневого цвета. Узор фресковой росписи составляют растительные побеги, расходящиеся от криновидной пальметки. Фактура слоя штукатурки и краски растительного узора совпадают с фресками, сохранившимися в верхней части диаконника, в оконных проемах и аркосолиях, изображающих растительный узор и святых[128]. Эти фресковые росписи были сделаны в 1230-1233 гг.[129] Обратимся к анализу надписи (рис. 76, 4). Трижды в разных местах повторяется начало одной и той же фразы: **СѢЖЗ** (вместо церковно-славянского **СѢАЗЪ**). В палеографическом отношении интерес представляет буква "З". Верхняя линия ее горизонтальна, слева ограничена довольно длинной чертой. Наклонная правая черта выходит за воображаемую линию строки, а хвост буквы отклоняется вправо. Такое написание встречается в памятниках письменности XIII в.[130]

Основная надпись сделана в две строки. Вероятно, это продолжение фразы, от которой сохранились несколько букв выше и левее ее. Читается в ней лишь отдельные слова, полный смысл фразы не ясен: **NѺ ХѺ БЪІ(Л)Ѻ ПѺ NѢ(У)Є**
ТѦ ТѺ ИМѺ П(Р)ѺСТИ

"... **было по нечетя, то имо прости**". Вероятно, это отрывок богослужебного текста. Характерно "И" современного начертания, что указывает

на конец XIII-XIV вв. На это же время указывает петля "Ъ" большая, почти примыкающая к мачте, что характерно для памятников письменности не ранее XIII в. Буква "Ѧ" написана так, что перпендикулярной черточки и перекладины нет, а прочерчен треугольник. Такое написание этой буквы встречается в берестяных грамотах XIII-XIV вв.[131] В целом, несмотря на некоторую архаизацию начертания отдельных букв считать временем написания граффити следует вторую половину XIII-XIV вв.

В археологическом материале Суздаля есть еще фрагменты фресок с процарапанными буквами. Происходят они из раскопок А. Д. Варганова и А. Ф. Дубынина в 1937 г. около Рождественского собора. Куски фресок довольно четко различаются по фактуре: у одних окрашенная поверхность имеет гладкий, глянцевитый характер, а цвета ярче и гуще; у других поверхность шероховатая, цвет краски матовый и более бледный. На обломках последнего типа, обычно зеленого цвета имеются процарапанные буквы[132]. Фактура штукатурки и цвет этих фресок близки к сохранившимся росписям XIII в. в диаконнике и аркосолиях. Буквы граффити квадратные, широкие. Сохранилось пять фрагментов. На первом процарапан четырехконечный крест и буквы **ІСХ N**, на втором фрагменте (рис. 76, 2) **(Г)РѢШЄ**. В этой надписи характерным для XII в. является написание буквы **Ѣ** с выходящей за уровень строки мачтой и коромыслом на уровне строки. На третьем фрагменте написано **ШНN** (рис. 76, 3). Характерной особенностью почерка фрагментов 2 и 3 являются ограничительные черточки у буквы Ш. На четвертом фрагменте процарапано: **НѲУНВ** и, наконец, на пятом фрагменте **ФКФЄКЛ** (рис. 76, 5), т. е. имя Фекла. Однако в написании имени допущена ошибка, так как Фекла должна быть написана через фиту, а не ферт. В целом, в манере написания букв отличимы черты, присущие почеркам XII-XIII вв. Учитывая дату создания фресок (1230-1233), граффити следует отнести к XIII в.

К более поздней поре XV в. относятся еще три предмета с надписями. Это прикладные печати, предназначавшиеся для воско-мастичных оттисков на документах. Появились они на Руси в послемонгольский период, постепенно сменяя подвесные буллы; изготавливались из кости или цветных металлов. Преобладали, в основном, две формы: первая – в виде миниатюрной шахматной фигурки с отверстиями для подвешивания и вырезанными изображениями на плоской нижней части; вторая – в виде плоского медальона с ушком для подвешивания. Носились прикладные печати на шее и груди на шнурках или цепочках. В. Л. Янин, публикуя печати для воско-мастичных оттисков из Новгорода, продатировал их первой четвертью XV в.[133] Довольно полная сводка находок древнерусских костяных печатей приведена в работах М. Д. Полубояриновой[134].

Снимки с печатей, приложенных к различным документам XIV-XVII вв. были опубликованы еще в середине XIX в. П. Ивановым[135].

В г.Суздале в разные годы были найдены три печати, хранящиеся ныне в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника[136].

В 1976 г. в посадской части города вблизи раскопов у Скорбященской церкви была найдена плоская костяная печать миндалевидной формы с двусторонними вырезанными изображениями. Печать имеет размеры 2,4 х 1,6 х 0,4 см и прямоугольное ушко для подвешивания. На лицевой стороне ее (рис. 77, 1) в центре, в ободке, помещена фигурка птицы с хохолком на голове, с пышным хвостом, обозначенным четырьмя уверенными линиями. Скорее всего, изображен петух. Вокруг этой фигуры по контуру подвески расположена надпись, вырезанная в зеркальном изображении так, чтобы на оттиске получалась хорошо читаемая надпись. Надпись гласит: **ПЄЧАТЬ БОГДАНОВА**.

На оборотной стороне по углубленному фону вырезано изображение шестикрылого серафима, а на ушке над ним ошибочная надпись: **ХІР**.

Изображения птицы и шестикрылого серафима отличаются лаконичностью и изяществом линий. Миниатюрные фигуры очень удачно вписаны в заданное пространство. Буквы надписей четки и хорошо читаемы. Видимо, изготавливал печать умелый резчик. Наиболее близкие аналогии описываемой печати представляют находки костяной привески-печати овальной формы с именем Ивана Коровы из слоя второй половины XV в. Великого посада Москвы[137] и печати новгородского посадника Василия Никитича (годы посадничества – 1411, 1420, 1421 и 1423) с изображением в центре птички и с круговой негативной надписью вокруг нее[138]. Такой датировке не противоречит и написание букв на суздальской печати. Среди букв, написание которых может дать хронологические отличия, следует выделить букву **А**. Мачта у нее прямая, петля заостренная, слегка оторвавшаяся от строки. Аналогичное написание этой буквы встречается на произведениях прикладного искусства первой четверти XV в., в частности, на изделиях Владимиро-Суздальских мастеров[139]. Мачты букв **Б** и **Ь** вертикальны, петли написаны с изломом, что характерно для полуустава XV в. Петля буквы **Р** написана более архаично и имеет подчетырехугольные очертания, что является признаком, характерным для XIV в.[140]

Лигатура **АН** является характерной чертой надписей рубежа XIV-XV веков и первых десятилетий XV в.[141], когда полуустав переходит в скоропись. Особенно интересно в палеографическом отношении написание буквы **У** в виде галочки, без мачты. Такая форма также типична для памятников письменности конца XIV – первой четверти XV в.[142] Именно

этим временем, т. е. рубежом XIV-XV вв., по-видимому, и следует датировать печать.

Вопрос о том, кому она могла принадлежать, пока не ясен, скорее всего, она была должностная. Близкая по характеру изображений новгородская печать принадлежала посаднику, принадлежность московской печати Ивана Коровы не выяснена. На свинцовых Новгородских печатях, принадлежавших посадникам и тысяцким XV в., иногда встречаются изображения птиц[143].

На оттисках печатей, приложенных к различным юридическим документам XIV-XV вв. также встречаются изображения, близкие по характеру суздальскому. Так, фигурки птиц помещены на печатях келаря Кириллова монастыря Федора (XIV в.), судьи Андрея Перелешанина, послуха Фарисея, архимандрита Симонова монастыря Афанасия, игуменов Кириллова монастыря Кассиана и Нифонта, игумена Ферапонтова монастыря Филорея, а также бояр Никиты Васильевича Беклемишева и Михаила Глебовича Коровы-Кутузова (XV в.). Особенно близок по форме суздальскому оттиск миндалевидной печати XV в. Ивана Федорова, сына Константиновича (№ 38)[144].

Близкая эмблематика имеется и на монетах удельного периода. Например, петух вправо помещен на монетах великих князей Дмитрия Ивановича Московского (1352-1389 гг.), Бориса Александровича Тверского и Василия Васильевича Темного (1425-1462 гг.). Петух влево изображен на монетах Дмитровского князя Петра Дмитриевича (1389-1428 гг.)[145].

Начертание надписей на монетах с их палеографическими особенностями также близки нашей печати.

Изображенный на оборотной стороне суздальской печати шестикрылый ангел является, скорее всего, эмблемой церковной иерархии. Судя по наблюдениям В. Л. Янина, это изображение на свинцовых печатях XI в. с надписью "**Дьнъслово**", служило эмблемой киевской митрополии[146]. Среди суздальских иерархов неизвестен деятель с именем Богдан, так как это имя не христианское, а мирское. Видимо, владелец печати являлся высокопоставленным административным лицом и находился в зависимости от церкви. В письменных документах имя Богдана среди суздальских деятелей не упоминается. Но в данной грамоте Спасо-Евфимиеву монастырю, датирующейся около 1444-1445 гг., упомянут в качестве послуха "**Данило Богданов суздалец**"[147] (возможно, сын Богдана – владельца печати).

Вторая печать (рис. 77, 2) была найдена в 1953 году в восточной части кремлевского земляного вала на ул.Кремлевская. Печать отлита из белого металла, имеет овальную форму и шестигранное ушко для подвешивания, размеры 2,4 х 1,5 см. На лицевой стороне помещено углубленное

изображение крылатого коня с рыбьим хвостом (гиппокампа), по краю строчная надпись: **ПЄЧѦТЬ ПРОКОШАРАСО**. На оборотной стороне в середине печати помещена тамга **Х**; по краю проходит ободок, внутри которого размещен сетчатый орнамент – слева несколько более широкий, чем справа. Предмет отличается прекрасной сохранностью, ясностью и четкостью всех деталей. Изображение крылатого летящего коня, несомненно, интересно в художественном отношении. Мастеру в полной мере удалось передать динамизм, живость фигуры.

Наиболее близкой по форме аналогией суздальской печати является бронзовая миндалевидная привеска-печать с изображением зверя, найденная на Славне в Новгороде. А. В. Арциховский продатировал ее временем не ранее XIV в. и указал аналогию ей в Прикамье[148]. Оттиски с печатей, носящих изображения гиппокампа также обнаруживают определенную близость с суздальской печатью. Наиболее близка по манере изображения (особенно головы и крыльев) печать Васюка Гаврилова Бобкова под грамотой 1519 г. по Суздальскому уезду[149]. Привлекают внимание также оттиск печати судьи Василия Никифоровича Аксакова под грамотою начала XVI в., по Суздальскому уезду[150]. На печати Василия Никифоровича Аксакова, правда, крылатый конь меньше похож на нашу печать, чем изображение его на печати Васюка Гаврилова Бобкова.

Изображение крылатого коня с рыбьим хвостом есть и на монетах удельного периода. Например, на монетах великого князя Бориса Александровича Тверского (1425-1461 гг.), а также на московских монетах рубежа XV-XVI вв.[151] Близкая по рисунку фигурка конька помещена на перстне-печатке, обнаруженном в Кидекше близ Суздаля[152].

Сетчатый орнамент, помещенный на оборотной стороне суздальской печати, также встречается на монетах удельного периода (например, на ростовских XV в.)[153].

Датировка описываемой суздальской печати может быть уточнена благодаря анализу начертаний букв строчной надписи. Широкое и короткое начертание почти всех букв надписи; написание буквы **А** с округлой петлей, не касающейся строки; одностороннее Ч, написание Т из трех палочек, позволяют предположить почерк мастера конца XV в.[154] Обращает на себя внимание то, что в слове "печать" буквы "П" и "Ч" оттиснуты зеркально. Видимо, мастер был несилен в грамоте, а данный вид работ был ему не вполне знаком, т. к. он не рассчитал места для надписи и последнее слово оказалось написанным несколько мельче других.

Наличие аналогий, художественные и палеографические особенности позволяют датировать эту печать концом XV в.

Вопрос о том, кому она могла принадлежать, пока остается не ясным. Скорее всего, это было должностное лицо, однако, ни в каких письменных документах этого времени найти его пока не удалось. Остается не ясным также слово **РАСО**. Возможно, это было прозвище владельца, или недописанная фамилия.

Третья печать обнаружена вблизи Тихвинской церкви, расположенной на правом берегу р.Каменки вне земляных укреплений города. В древности на месте Тихвинской церкви находился Андреевский монастырь, сожженный в период польского нашествия в начале XVII в. В отличие от двух предыдущих печатей, эта именная печатка помещена на щитке массивного серебряного перстня весом 8,6 г. Перстень диаметром 20 мм имеет восьмигранный, скругленный щиток размерами 1,5 х 1,5 см, на котором в 5 строк размещена надпись:

ПЄЧАТЬ ХАРЛАМП ІѪАНДРѢ ІАНВАСЫНАПОСНІКА

т.е. печать Харлампия Андреянова сына Посника (рис. 77, 3). Буквы вырезаны зеркально, чтобы на оттиске получалось правильное чтение.

Уже на первый взгляд надпись перстня-печатки дает представление о более позднем времени его создания, чем две предыдущие печати. Здесь полууставное письмо переходит уже в вязь: буквы разновелики, некоторые из них уменьшены, мачты букв укорочены, много лигатур (ар, ан, юн, ап). Для палеографического анализа наибольший интерес представляют буквы Ч, А, N, М. Буква Ч односторонняя с прямой мачтой и скругленной верхней частью. Буква А также с прямой мачтой и заостренной узкой петлей, идущей почти от верхнего конца мачты. Буква Н имеет горизонтальную перекладину, иногда даже слегка наклоненную вправо. Буква М широкая с прямыми мачтами и со скругленной средней частью. Все вышеперечисленные признаки характерны для начертания букв на изделиях прикладного искусства конца XV – начала XVI вв.[155] Среди снимков оттисков печатей, изданных П. Ивановым, имеются образцы, очень близкие нашему. Так, 1492 г. датируется данная грамота старца Рождественского монастыря во Владимире Дионисия Ханыкова; XV в. датируется печать келаря Троице-Сергиева монастыря Саввы под духовным завещанием; к 1552 г. относится печать писца-межевика Федора Васильевича Ржевского по Бежецкому уезду[156]. Все эти печати со строчными надписями объединяет то, что они оттиснуты перстнями-печатками. Близко суздальскому перстню и написание букв на этих печатках (одностороннее Ч, Н с прямой перекладиной, многочисленные лигатуры и другие признаки). Так что, по-видимому, в конце XV в. в качестве личной печати распространение стали получать перстни-печатки с вырезанными надписями. Принадлежали они чаще всего некрупным

должностным лицам, каким, видимо, являлся и Харлампий Андреянович Посник, живший на рубеже XV-XVI вв. Харлампий – довольно редкое имя, поэтому обращает на себя внимание печать Тимофея Харлампиева Усова под правою разъезжею грамотой 1554 г. на спорный луг Суздальского уезда под деревнею Холмом[157].

Не был ли Тимофей Харлампиевич Усов сыном Харлампия Андреяновича Посника? Тогда, возможно, Посник – это не фамилия еще в прямом смысле, а скорее прозвище. Правда, имя Посник встречается в письменных документах с XVI в., в том числе и в Суздале (Посник Щекин, дворцовый сытник и Посник Колачов, дворцовый ключник)[158]. В Писцовой книге г.Суздаля, составленной в 1628-1630 гг. в кремле упомянут "двор Степана Посникова сына дмитреева"[159]. "Посников" тут уже употреблено в качестве фамилии.

Итак, находки в Суздале трех личных печатей с указанием имен, отчеств, прозвищ и фамилий, дают нам новые сведения о жителях Суздаля, не известных по письменным документам. По данным палеографии и аналогиям все печати относятся к XV веку, начиная с самого его начала и до рубежа с XVI веком. На их примере можно проследить эволюцию форм прикладных форм печатей для воско-мастичных оттисков.

Весь рассмотренный выше эпиграфический материал позволяет расширить общее представление о возникновении и развитии письменной культуры в Суздальской земле, с большей конкретностью судить о развитии грамотности в городской среде Суздаля в XI-XV вв. Становится более понятным и то, что при широком распространении грамотности среди горожан, на общем фоне развития культуры в предмонгольский период и позднее могли быть созданы такие шедевры прикладного искусства и эпиграфики как суздальские златые врата и другие выдающиеся памятники культуры Владимиро-Суздальской Руси.

Примечания к VII главе

1. ПСРЛ, т. XVII, Спб., 1907. С. 1; ПСРЛ, т. IX. С. 64; ПСРЛ, т. XXIV, Пг., 1921. С. 39; ПСРЛ, т. XXIII. С. 29.
2. Голубинский Е. История Русской церкви, т. I. М., 1901. С. 199.
3. Зимин А. А. Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. М.-Л., 1961, т. V. С. 26-27.
4. Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988. С. 277-329.
5. Спицын А. А. Владимирские курганы..., рис. 231 (Спицын считал крест скандинавского происхождения).
6. Корзухина Г. Ф. О памятниках "Корсунского дела" на Руси (по материалам медного литья) // В. В., том XIV, 1958. С. 132, табл. 1.

7. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Спб., 1914, т. I, С. 259; Dekany, Velká Morava. Bratislava, 1976, т. 127; Марјановић-Вујовић Г. Крстови. Београд, 1987, №№ 41, 49, 57.
8. Асташова Н. И. Энколпион из Гнездова // СА, 1974, № 3. С. 249-251.
9. Голубинский Е. Указ. соч. С. 205.
10. Чукова Т. А. Раскопки на городище в с.Кидекша под Суздалем // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 139-147.
11. Седова М. В. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 272-279.
12. Шандровская В. С. Византийские печати со сценой "Успения" // Восточное Средиземноморье и Кавказ. Л.: Изд. Искусство, 1986. С. 87-92.
13. Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978, табл. 6, 1.
14. Раскопки А. И. Кельсиева и Я. А. Ушакова. ГИМ. Инв. № 78607, оп. 78/124; Кельсиев А. И. Отчет о раскопках, произведенных им в Ярославской и Тверской губ. – Известия ИОЛЕАЭ, XXXI, 1878-1889. С. 295-308.
15. Раскопки А. С. Уварова 1852 г. ГИМ, Инв. № 54746, оп. 1280/ 1-2, Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I АС. М., 1871. Альбом, табл. XXXIV, 2.
16. Спицын А. А. Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. 1-2, СПб., 1896, рис. 11; Макаров Н. А. Отчет о раскопках 1989 г. в Вологодской обл. Архив ИА, Р-I; Кудряшов А. В. Отчет о раскопках 1992 в Вологодской обл. Архив ИА, Р-I.
17. Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1985 и 1986 гг. МАВГР, т. III, 1899. С. 21-219, табл. 6, 6.
18. Монгайт А. Л. Старая Рязань. МИА № 49. М., 1955, рис. 138, 20.
19. Мусин А. Е. Предметы христианского культа из погребений Водской и Шелонской пятины Новгородской земли (XI-XV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1990. С. 75.
20. Национальный музей Финляндии. Хельсинки. Инв. № 1420:7. Раскопки 1873 г.
21. Из собрания П. И. Щукина (ГИМ, инв. № 3896, оп. 2339/8); ГИМ Украины, Киев (инв. № В-594Н); Экспозиция музея в Чернигове.
22. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М.: Наука, 1970, т. 1. С. 47, 53.
23. Шандровская В. Н. Византийские печати со сценой "Успения", С. 87-92.
24. Янин В. Л. Актовые печати. С. 226, № 343.
25. Определение монет сделано А. С. Беляковым и В. М. Потиным.
26. ПСРЛ, т. I. Стб. 237-238.
27. Там же. Стб. 208.
28. Там же. Стб. 211..
29. Голубинский Е. История русской церкви, т. I. М., 1901. С. 677, 686-687; Poppe A. Państvo i kósciol na Rusi v XI wieke. Warzawa, 1963. S. 165.
30. ПСРЛ, т. I. Стб. 445.
31. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв., т. I. М., 1961. С. 28.
32. Варганов А. Д. История одного здания // О крае родном. Ярославль, 1978. С. 22.
33. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 429.
34. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери, т. II. Спб., 1915. С. 277, рис. 150-151.
35. ПСРЛ, т. II. С. 278.
36. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси, т. I. С. 45.
37. Древняя российская вивлиофика, т. XIX. М., 1791. С. 366-367.
38. Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 119-120, табл. 6, 8, 18.
39. Макаренко. Заколпский могильник. Раскопки 1897 г. А. П. Поливанова // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1908. С. 45, рис. 11, 21.
40. Ерофеева Е. Н. Отчет о раскопках в 1951 г. Архив ИА, Р-I, № 542.
41. Раскопки Д. Ф. Нефедова в 1895 г. ГЭ ОИПК, 624/940, 949, 952; раскопки Н. М. Бекаревича в 1896 г. Архив ИИМК, 1896/55.

42. Макаров Н. А. Отчет о работах Онежско-Сухонского отряда в 1983 г. Архив ИА, Р-I, № 10604.
43. Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА № 49, рис. 138, 16.
44. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, рис. 20, 3.
45. Мусин А. Е. Предметы христианского культа. С. 75.
46. Хранится в Ивановском историческом музее $И^{С3}/_{40}257$.
47. Ханенко Б. И. и В. Н. Древности русские. Кресты и образки, вып. 2. Киев, 1900, табл. XXVIII, 323, XLI; ГИМ, оп. 1880, инв. № 49578.
48. ГИМ оп 1880, инв. № 49578-49579.
49. Киевский Госуд. исторический музей, в-4626/266, в-3727.
50. КГИМ в-3505.
51. Уваров А. С. Меряне..., табл. XXXIV, 2.
52. Макаров Н. А. Отчет о раскопках 1987 г. Архив ИА, Р-I, № 12571.
53. Раскопки А. В. Арциховского 1936 г. ГИМ, оп. 11, инв. № 69597, хр. 64/1.
54. Содова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля. С. 105, рис. 4, 4.
55. Корзухина Г. Ф. О памятниках "корсунского" дела на Руси. В. В., 1958, XIV, табл. III, 4; Корзухина Г. Ф. Указ. соч., табл. II, 2а-б. Хранится во Владимиро-Суздальском музее. Инв. № В-2908.
56. Алешковский М. Х. Русские глебо-борисовские энколпионы 1072-1150 гг. // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 104-125.
57. Седова М. В. Ювелирные изделия др. Новгорода. С. 50, рис. 16, 3.
58. Фехнер М. В. Крестовидные привески скандинавского типа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210-214.
59. Спицын А. А. Владимирские курганы..., рис. 225.
60. Седова М. В. Ювелирные изделия, рис. 16, 1, 5.
61. Седова М. В. Указ. соч., рис. 16, 20.
62. Седова М. В. Указ. соч., рис. 16, 14-15.
63. Седова М. В. Указ. соч., рис. 16, 8, 13.
64. Седова М. В. Указ. соч., рис. 16, 21.
65. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 171, рис. 7.
66. Рындина А. В. Влияние творчества Андрея Рублева на древнерусскую мелкую пластику XV-XVI вв. // Древнерусское искусство XV – нач. XVI вв. М., 1963. С. 119-132.
67. Русское прикладное искусство XIII – начала XX в. Из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., 1982; Николаева Т. Е. Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. // САИ, вып. Е 1-60. М., 1983; Георгиевский В. Г. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927.
68. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси (XI-XIII вв.). М., 1955. С. 64-81.
69. ПСРЛ, т. I. Стб. 148.
70. ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Пг., 1915. С. 111-112.
71. Житие преподобного отца нашего Исайи, епископа Ростовского. М., 1854.
72. Варганов А. Д. Суздаль. Ярославль, 1971. С. 6.
73. Федоров Анания. Историческое собрание о граде Суждале. С. 70.
74. ПСРЛ, т. I. М., 1962. Стб. 492, 493, 507, 508.
75. Тупиков Н. М. Собрание древнерусских личных имен. ЗОРСА РАО, т. VI, Спб., 1903.
76. Писцовая книга города Суздаля 1617 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Вып. I, Владимир, 1875. С. 258.
77. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1979.
78. Снегирев В. М. "Суздальские записки", 1973. Рукопись. Архив Владимирских научно-производственных реставрационных мастерских. Инв. № С-77, Д 14934.
79. Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь г.Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91-130.
80. Седова М. В., Беленькая Д. А., Яковлева Т. Ф. Работы в Суздале // АО за 1976 г. М., 1977. С. 69.

81. Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. Жертва строителей // КСИИМК, вып. 68. М., 1971. С. 2.
82. Нижегородские предания и легенды. Сост. В. Н. Морохин, Горький, 1971. С. 21-35.
83. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 175, рис. 75.
84. Aspelin Y. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, II, Helsinki, 1877. S. 135. Abb. 570.
85. Седов В. В. Восточные славяне в VI-XII вв. Археология СССР. М., 1982. С. 266, табл. XXIII, 6.
86. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА, № 94, 1961. С. 139.
87. Седов В. В. Восточные славяне... Табл. XXIII, 2.
88. Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК, вып. 15, СПб., 1905. С. 126, рис. 400.
89. Рябинин Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 58.
90. Там же. С. 55-57; Седов В. В. Амулеты-коньки в древнерусских курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 151-157.
91. Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 30-32; Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА, № 4, 1961. С. 94-102.
92. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. // САИ, 1981, вып. Е1-60. С. 18-19.
93. Глазов В. П. Работы во Владимирской области и г.Суздале. // АО за 1972 г. М., 1973. С. 58.
94. Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941. С. 93-95, табл. XIV, 9.
95. Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984, Рис. 20, 5; Lietuvos archeologija. Obeoiu kapinynas. Vilnius, 1985. Рис. 95, 2, 3; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белоозере. М., 1973, рис. 49, 6; Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 202.
96. Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье // МИА, № 6, 1941. С. 163.
97. Янин В. Л. Свинцовая крышка с тайнописью // КСИИМК, вып. 54, 1954. С. 46.
98. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 82-83.
99. Медынцева А. А. Суздальский змеевик // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 34-52.
100. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 69, рис. 23, 5-6.
101. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики, табл. XVIII, 2.
102. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 559, 561, 589, 643-648, 731.
103. Седова М. В. Пережитки языческих верований в средневековой культуре Суздаля // КСИА, вып. 208, 1992. С. 77-86.
104. Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967. С. 185-186.
105. Воронин Н. Н. К вопросу о начале Ростово-Суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 38-39.
106. Овчинников А. Н. Суздальские Златые врата. М.: Искусство, 1978; Медынцева А. А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991. С. 154-213.
107. Филимонов Г. Д. Змеевик суздальского Рождественского собора // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1875, отд. IV, смесь. С. 73-75; Щепкина М. В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 74-77; Медынцева А. А. Суздальский змеевик. С. 34-52.
108. Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. // СА, № 6. М.-Л., 1940. С. 311-313.
109. Воронин Н. Н. Археологические заметки // КСИИМК, вып. 62, 1956. С. 26-27, рис. 14.
110. Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. САИ Е1-60. М., 1983. С. 120-121; Русское прикладное искусство XIII – нач. XX вв. в собрании Владимиро-Суздальского музея. С. 124-131.

111. Варганов А. Д. Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора XI-XIII вв. // СА, 1960, № 4. С. 148, рис. 8.
112. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X-XV вв. // СА, № 2, 1960. С. 72.
113. Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 76, рис. 1, 6, 7.
114. Там же. С. 76, рис. 3, 2,3.
115. Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 78, рис. 5, 4.
116. Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 78, рис. 3, 4-6; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 131, табл. 2, 4.
117. Ивановский музей, № $И^{С3}/_{40}89$.
118. Седов В. В. Исследования в Суздале. С. 87-88.
119. Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. Новые находки скандинавских рунических надписей. С. 182-186, рис. 1-2.
120. Седов В. В. Исследования в Суздале. С. 87-88.
121. Шандровская В. С. Византийские печати со сценой "Успение". С. 87-92.
122. Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 113-114; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 181-210.
123. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 197-202.
124. Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии // КСИИМК, вып. 57. М., 1955. С. 129-132.
125. Алексеев Л. В. Еще три шиферных пряслица с надписями // СА, № 2, 1959. С. 242-245.
126. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 208; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 253.
127. Мошенина Н. Н. Отчет о раскопках селища Весь за 1988 г. Архив ИА, Р-I. С. 26, табл. 37.
128. Варганов А. Д. Фрески XI-XIII вв. в Суздальском соборе // КСИИМК, вып. V. М., 1940. С. 38-40; Власов И. И. Живопись 1233 г. в дьяконнике Рождественского собора Суздаля и ее реконструкция // СА, 1976, № 1. С. 226, рис. 5.
129. ПСРЛ, т. I. Стб. 455, 460.
130. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 191.
131. Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 253.
132. Дубынин А. Ф. Отчет по археологическим исследованиям в Ивановской области за 1937 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп.1, № 205; фрески хранятся в фондах археологического отдела Владимиро-Суздальского музея-заповедника, шифр $^{С3-С}/_{37}$, № 59, 136, 137, 139, 141.
133. Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // МИА, № 65. М., 1959. С. 304, рис. 1, 9-9а.
134. Полубояринова М. Д. Костяная печать из Серенска // КСИА, 1971, вып. 125. С. 95-97, рис. 33; Она же. Две костяные печати из Болгара // КСИА, 1983, вып. 175. С. 95-97, рис. 1.
135. Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858.
136. Седова М. В., Курганова Н. М. Три случайные находки печатей XV в. в Суздале // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 257-264.
137. Рабинович М. Г. Материалы по истории Великого посада Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 74, рис. 16.
138. Янин В. Л. Указ. соч. С. 304-305.
139. Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XI – первой четверти XVI в. САИ. М., 1971. С. 10, 32, 171.
140. Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 244; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. САИ. М., 1964, табл. XI-XII.
141. Рыбаков Б. А. Указ. соч., табл. XI-XII; Николаева Т. В. Указ. соч. С. 10.
142. Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 245; Щепкин В. Н. Русская палеография. С. 132, рис. 55.

143. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970, т. 11. С. 218, 224; № 698. С. 724-731.
144. Иванов П. Указ. соч., табл. 1, 5, табл. 11, 22, 23, 35-39, 47.
145. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. 11, 51; табл. VIII, 321; табл. X, 433; табл. XIII, 639; Чернецов А. В. Об одном изображении на монетах Дм. Донского // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 175; Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries An iconographic study A. V. Chernetsov. BAR international Series 167. 1983. Plate XVIII, 12-24.
146. Янин В. Л. Актовые печати, т. I. С. 82.
147. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. III. М., 1964. С. 470, № 490.
148. Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА 11, 1949. С. 149, рис. 21, г.
149. Иванов П. Указ. соч., табл. IV, 20. С. 5, № 14.
150. Там же, табл. VII, № 160. С. 13. Архимандрит Спасо-Ефимиева монастыря Константин упомянут в 1503 г. в связи с пожаром монастыря. В списке настоятелей Спасо-Евфимиева монастыря больше Константинов нет. Л. Сахаров. Историческое описание первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря, изд. 3-е, 1905. С. 37, 43-44.
151. Орешников А. В. Русские монеты, табл. III, 103, 104; № 640, рис. 488.
152. Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 198.
153. Орешников А. В. Русские монеты, табл. XV, 699. С. 170, 174, рис. 9-10.
154. Черепнин Л. В. Русская палеография, табл. 5. С. 249-250.
155. Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями. С. 10-11, табл. 81.
156. Иванов П. Сборник снимков, табл. 1, 9, 11, 21, VI, 60.
157. Там же, табл. V, 68.
158. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен // ЗОРСА, т. VI, СПб., 1903. С. 373.
159. Список с писцовой книги г.Суздаля с 7136 по 7138 гг. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии, т. 6. Владимир, 1904. С. 6.

Заключение

Подводя итоги исследованию Суздаля следует отметить своеобразие природно-климатических условий региона, плодородного Ополья, привлекавшего сельское население с глубокой древности.

До появления славян на этой территории проживало финно-угорское племя меря, оставившее немногочисленные памятники конца I тыс. н. э. и значительный пласт в топонимии.

Укрепленному славянскому поселению в излучине р.Каменки также предшествовал небольшой мерянский поселок. Славяне появляются в Ополье во второй четверти X в. В результате раскопок установлено, что Суздаль как укрепленное поселение возник в первой половине X в., т. е. археологически доказано возникновение города на 100 лет раньше его первого летописного упоминания. Доказательством служат открытые древнейшие оборонительные укрепления, состоявшие из трех линий рвов и вала, окружавших мысовое городище - детинец площадью около 1,5 га.

Время засыпки рвов - не позднее первой четверти XI в. По-видимому, ликвидация древнейших укреплений славяно-мерянского поселения была связана с восстанием волхвов 1024 г. и установлением Ярославом Мудрым феодальных правовых норм в Суздальской земле. Новая линия укреплений в виде вала и рва была сооружена с напольной стороны в самом узком месте излучины р.Каменки и охватила территорию в 14 га. Территория эта заселялась постепенно, а первоначальная застройка располагалась рядами на обрыве реки. Могильник периода возникновения Суздаля не сохранился. Возможно, он располагался к востоку от напольного вала, на территории будущего посада.

В северо-восточной части суздальского кремля исследовано свыше 3 тыс. кв.м, прослежена смена застройки на протяжении пяти веков.

Поблизости от въездных ворот раскопками открыты три усадьбы XI в., погибшие в результате мощного пожара. На усадьбах изучены остатки полутора десятка наземных срубных жилищ, среди которых выделяются своими размерами два дома хозяев усадеб. Богатый инвентарь, множество предметов вооружения и снаряжения коня и всадника, наличие предметов северного, скандинавского происхождения (в том числе рунической надписи) - все это заставляет считать обитателей усадеб принадлежащими к дружинной среде. Возможно, открыты городские усадьбы кого-то из дружинников известного по письменным источникам варяга Шимона. Все постройки погибли от пожара, по-видимому, в 1096 г.,

т. к. монеты-денарии, обнаруженные в постройках, датируются последней четвертью XI в.

Таким образом впервые в древнерусском городе исследован славяно-скандинавский усадебный комплекс дружинников, прослежены процессы ассимиляции скандинавской дружины, растворение ее в славянской среде.

Новая линия укреплений в виде земляного вала была сооружена Владимиром Мономахом в начале XII в. Она охватила по периметру всю площадь кремля, значительно усилив обороноспособность города. Новые укрепления позволили суздальцам выдержать осаду болгар во время их похода 1107 г. К востоку от кремля, вдоль дорог, ведущих от Ильинских ворот, на рубеже XI-XII вв. возникла первоначальная застройка посада.

На посаде исследована площадь свыше 800 кв.м. Она зафиксировала часть древней улицы, огражденной с обеих сторон частоколами усадеб. На усадьбах, каждая площадью 600-800 кв.м, размещался дом хозяина и жилища челяди, зависимых ремесленников. Так же, как и кремль, посад был застроен усадьбами бояр, что на археологическом материале подтверждает сведения летописей о Суздале как о городе крупного боярства.

В княжение Юрия Долгорукого, когда Суздаль становится столицей княжества, посад обносится новой линией укреплений - земляным валом, охватившим территорию в 35 га и превращается в Окольный город.

В связи с бурным строительством в эпоху Юрия Долгорукого в Суздале появляется новое население, прибывавшее с юга, из Поднепровья. Это население принесло южные традиции домостроительства, выразившиеся в появлении полуземляночной застройки и некоторых особенностей погребальной обрядности. В 1 км к юго-востоку от города, при впадении р.Мжары в р.Каменку исследовался городской некрополь. Раскопано свыше 100 курганных насыпей, относящихся к XI-XII вв. Богатый инвентарь курганов, состоящий из серебряных зерненых украшений, фрагментов золототканных и вышитых золотом шелковых тканей, свидетельствуют о том, что в могильнике захоронены представители верхушки городских слоев Суздали. Некоторые найденные в курганах предметы имеют точные аналогии с изделиями из культурного слоя города: они сделаны одними и теми же мастерами.

Русские средневековые города были по замечанию Б. А. Рыбакова своеобразными "узлами прочности", "точками роста" феодальной общественно-экономической формации. Не отрицая роли торговли или военной опасности как градообразующих факторов, на первое место среди них следует поставить связь городов с определенной округой. Город - всегда центр большей или меньшей округи, центр не только экономический, а военно-политический, идеологический, административный. В

древнерусских городах концентрировались феодальная знать (светская и духовная) окрестных территорий, представители государственного аппарата власти. Здесь обосновывались князья. В этом первопричина господства городов над сельской округой и их важной роли в процессе феодализации Руси. Суздаль не являлся исключением, поэтому проблему возникновения города невозможно решать без изучения его ближайшей округи.

Синхронные Суздальскому городищу поселения цепочкой вытянулись по правобережью Нерли и ее правому притоку - р.Ирмезь.

В 1974-1990 гг. были предприняты исследования древнейших поселений X-XI вв. у сел Васильки, Весь, Гнездилово, Кидекша, Новоселка. - Эти поселения соответствуют наиболее ранним в Суздальском ополье курганным могильникам, раскопанным в XIX в. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым. Селище Гнездилово-2 стояло на сухопутной дороге, ведущей из Суздаля на юг, к Клязьме, селище и городище у с.Васильки прикрывало южные рубежи ополья с р.Нерли, селище Весь стояло в устье р.Ирмес на дороге на север, к Ростову. Селища носят черты как славянской, так и мерянской культур. Для них характерны наземные постройки с подпольными ямами, глинобитные печи и печи-каменки в одном из углов дома, обилие лепной керамики горшковидных и баночных форм, многочисленные каменные и стеклянные привозные бусы и пр. Находки оружия, предметов роскоши, привозных изделий сближает эти поселения с такими центрами как Тимеревское селище, Гнезово и другими местами размещения дружины.

Тот же характер дружинной культуры, носят находки из курганов у д.Новоселки, расположенных к востоку от Суздаля на правом берегу р.Каменки при ее впадении в р.Нерль. Раскопано свыше 20 курганов с трупоположениями XI в. Наличие предметов вооружения, серебряных зерненых украшений, обилие привозных бус говорит о нерядовом положении погребенных в курганах лиц. Формы лепной посуды указывают на устойчивый компонент мерянской культуры. Заслуживает внимания само расположение Новоселкинского могильника, лежащего вблизи синхронного селища, расположенного на мысу р.Каменки и Нерли как раз напротив знаменитого с.Кидекша на левом берегу р.Каменки, возникшего в XI в. и ставшего впоследствии княжеским замком. Видимо, поселение у с.Кидекша и Новоселки прикрывали и обороняли устье р.Каменки, контролируя проникновение судов вверх по реке к Суздалю.

Таким образом археологически установлено, что Суздаль как укрепленное поселение возник, в первой половине X в. одновременно с древнейшими поселениями и могильниками в его округе. Уже на раннем этапе Суздаль выполнял как административные и военно-политические, так

торгово-ремесленные функции. Целый ряд привозных предметов украшений, изделий городского ремесла, найденных в сельской местности, говорят о Суздале как о центре поставки их в округу. Памятники X в. располагались на расстоянии от 5 до 15 км друг от друга. В течение первого периода заселения (до начала XII в.) преобладают крупные поселения площадью 3-4 га со средней численностью населения к концу этого периода около 150 человек (по расчетам В. А. Лапшина).

По-видимому, это был не стихийный акт заселения, а целенаправленное движение, осуществляемое раннегосударственной, княжеской властью. Во всяком случае, создание тройной линии рвов и вала суздальского детина X в. требовало значительного людского резерва и самого этого поселения и ближайшей сельской округи.

На основании археологического материала, в том числе лепной керамики, выделяются два региона, откуда шел поток переселенцев в суздальское ополье. В первую очередь это районы северо-западной Руси, псковско-новгородские области. Многие формы лепной керамики суздальщины имеют параллели именно на Северо-Западе. Ряд этнографических особенностей обряда погребения и погребальный инвентарь курганов XI в. указывают на то, что в них погребены выходцы из южных районов Руси, в частности из Поднепровья (кольцевые оградки вокруг могил, трехбусинные височные кольца и др.). В XI в. существенно увеличивается плотность заселения: поселения располагались через 3-6 км, а иногда и чаще. В XII в. плотность заселения еще возрастает, начинает заселяться левый берег Нерли, однако значительно увеличивается число мелких деревень, а соответственно и малых курганных групп. Письменные источники XV-XVI вв. характеризуют численность крупных сел, примерно, в 70-75 человек.

Формирующаяся округа Суздаля или городская волость XI-XII вв. имела примерные размеры 20 х 25 км, общее число поселений - около 30.

Значение сельских поселений в суздальской округе постоянно усиливалось. На них сосредотачивались социальные верхи местного общества со своей челядью и окружением. Находки в курганах и на селищах предметов вооружения, роскошных изделий из драгоценных металлов княжеско-дружинного облика - яркое тому доказательство.

Актовый материал XIV-XV вв. позволил В. А. Кучкину наметить границу суздальского удельного княжества. Она поразительным образом совпадает с размерами суздальской округи, которая охватывает древнейшие археологические памятники ополья X-XI вв. Актовый материал характеризует, например, с.Васильки как великокняжеское владение, переданное в монастырь. Таким же, безусловно, являлись с.Сельцо, Кидекша, Весь и, вероятно, Новоселки, т. е. древнейшие и крупнейшие сельские

поселения суздальского ополья находились во владении княжеского рода. Видимо, именно эти села подразумеваются в летописном тексте 1096 г., когда "**Мстиславъ приде Суждалю и сѣдя ту ... Мстислав же ... распусти дружину по селам**" (ПСРЛ, т. I, стб. 238). Свои села выходец из княжеского рода епископ Ефрем передал Дмитриевскому монастырю в Суздале, положив, таким образом, начало формированию монастырского феодального землевладения: "**Токмо остася дворъ манастырьсын Печерьскаго монастыря и цркы юже тамо есть стаго Дмитрея юже бѣ даль Ефрем и с селы**" (ПСРЛ, т. I, стб. 237). Примером княжеско-боярского землевладения является Мининское селище, упомянутое в "Данной" грамоте черницы Марины XV в. и отражающее земельные приобретения потомков боярина Шимона. Суздальская городская округа, как она нам представляется по ранним археологическим памятникам X-XI вв., по-видимому, и являлась ядром той "Суждальской земли", которую мы знаем по письменным источникам. И если сам термин "Суздальская земля" в его расширенном понимании появляется в письменных источниках с XII в., то выражение летописца "**по всеи тои странѣ**" (ПСРЛ, т. I, стб. 148 - 1024 г.) как раз и определяет границы городской волости, т. е. власти города над сложившейся сельской округой. Сложившаяся округа находит отражение в пределах Суздальского удельного княжества и доживает вплоть до XIX в., очерчиваясь границами Суздальского уезда (рис. 78).

То есть экономические основы тяготения сельской периферии к городу оказываются на редкость стабильными на длительном историческом отрезке времени.

Весь комплекс выполненных работ, связанный с возникновением города, постепенным его развитием, с многообразием и богатством его материальной и духовной культуры, а также с освоением сельской округи позволяет более глубоко проникнуть в суть происходивших в X-XV вв. в суздальском ополье исторических процессов.

Отделение
ИНИБОН АН СССР
при Институте археологии

Список сокращений

АО	Археологические открытия
АС	Археологический съезд
ВАК	Владимирская архивная комиссия
ВВ	Византийский временник
ВГВ	Владимирские губернские ведомости
ГАВО	Государственный архив Владимирской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ГЭ ОИПК	Государственный Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ЗОРСА РАО	Записки отделения русской и славянской археологии Российского археологического общества
ЗРАО	Записки русского археологического общества
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
ИИМК	Институт истории материальной культуры
ИА	Институт археологии РАН
ИАК	Известия археологической комиссии
ИОЛЕАЭ	Известия общества любителей естествознания, археологии и этнографии
ИОРЯС	Известия отделения русского языка и словестности
КСИА	Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАВГР	Материалы по археологии восточных губерний России
МАР	Материалы по археологии России
МГУ	Московский Государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОИДР	Общество истории и древностей Российских
ОПИ	Отдел письменных источников
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская Академия наук
РГБ	Российская государственная библиотека
СА	Советсткая археология
САИ	Свод археологических источников
ЦГАДА	Центральный Государственный архив древних актов

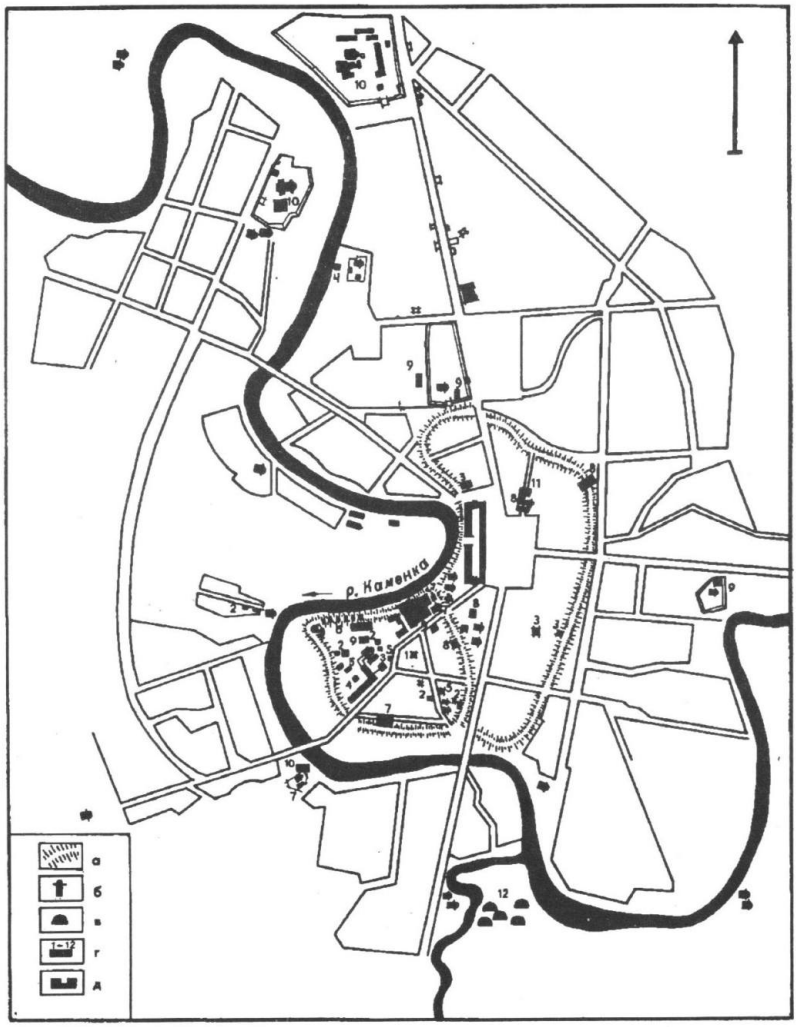


Рис. 1. План г.Суздаля с нанесенными местами раскопок:
а – земляные валы кремля и окольного города; б – церкви; в – курганы; г – места раскопов (1 – раскопы А. Ф. Дубынина 1936-1940 гг.; 2 – раскопы Н. Н. Воронина 1934-1936 гг.; 3 – раскопы А. Д. Варганова 1938-1940 гг.; 4 – раскопы А. Д. Варганова 1949-1950 гг.; 5 – раскоп Н. Н. Воронина 1959 г.; 6 – раскоп П. А. Раппопорта 1958 г.; 7 – раскопы В. В. Седова 1967-1970 гг.; 8 – раскопы М. В. Седовой 1974-1977 гг.; 9 – раскопы М. В. Седовой 1978-1991 гг.; 10 – раскопы В. П. Глазова; 11 – раскоп П. И. Куглюковского 1973 г.; 12 – раскопки курганов на Михайловой стороне С. А. Уварова 1851 г.; А. Ф. Дубынина 1927, 1937 г.; В. В. Седова 1967-1970 гг., В. А. Глазова 1968 г.; М. А. Сабуровой 1974-1985 гг.); д – каменные здания.

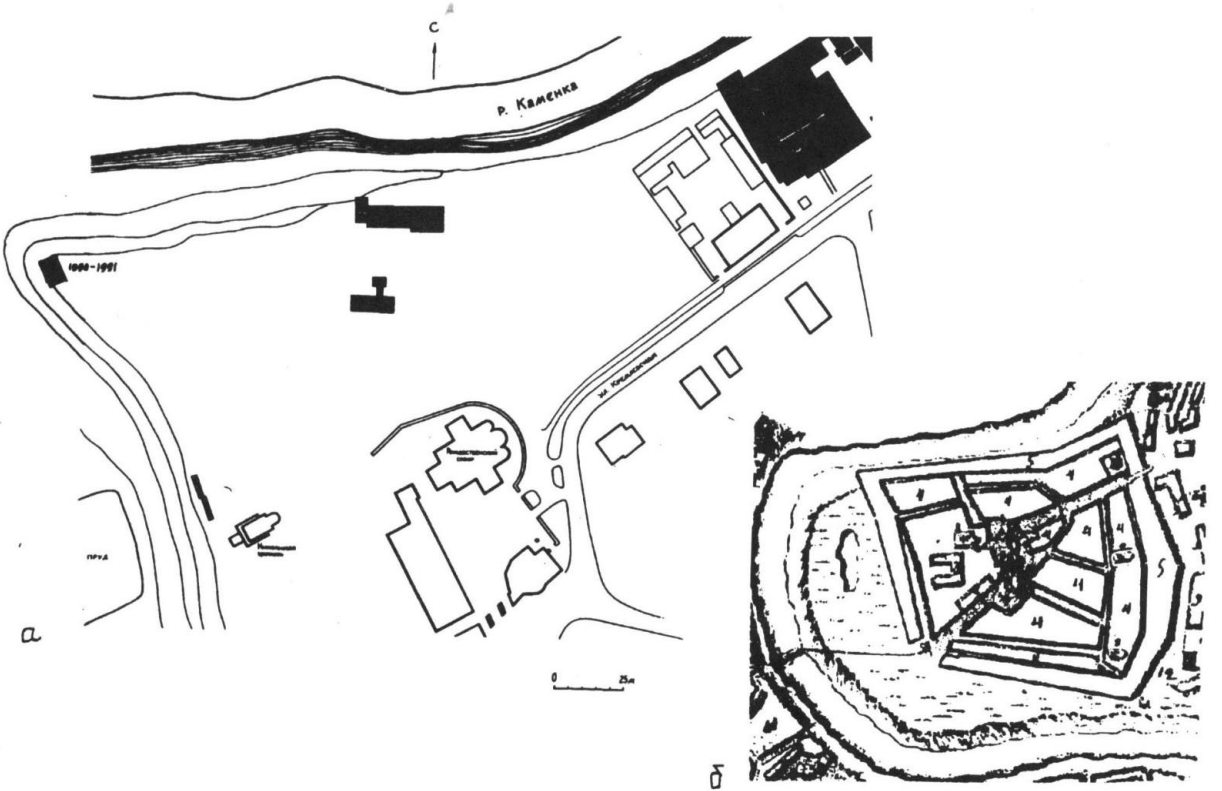
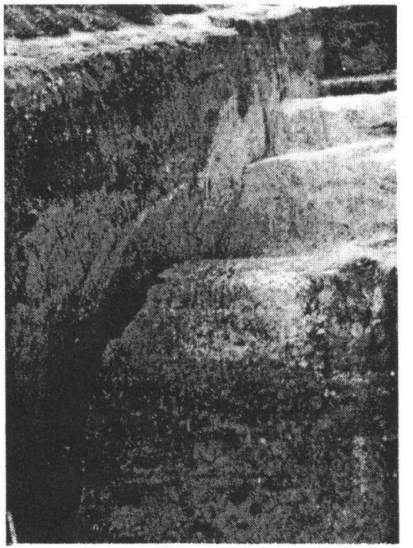
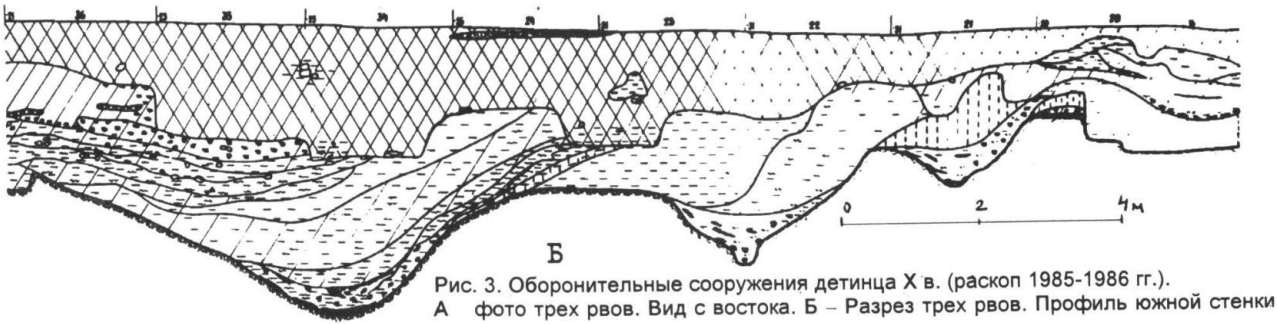


Рис. 2. А. План северной части кремля с обозначением мест раскопов 1967, 1970, 1978-1991 гг.
Б. Фото северо-западной мысовой части кремля. Пунктиром показаны предполагаемые границы детинца X в.





Б

Рис. 3. Оборонительные сооружения детинца X в. (раскоп 1985-1986 гг.).
А фото трех рвов. Вид с востока. Б – Разрез трех рвов. Профиль южной стенки раскопа.

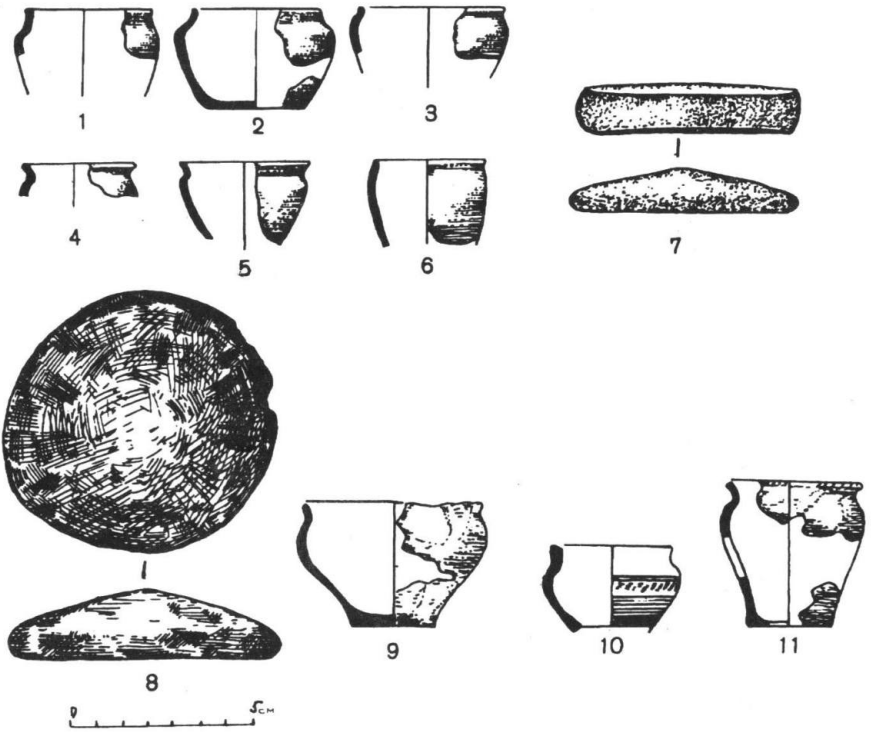


Рис. 4. Предметы, найденные в заполнении рвов детинца X в.:
1-6 – фрагменты лепной посуды; 7 – каменный "утюжок"; 8 – стеклянный полуфабрикат ("гладилка"); 9-11 – лепная и гончарная посуда из жилища XI в. в засыпке рва.

Рис. 5. Византийская медная монета императора Романа I (931-944 гг.).

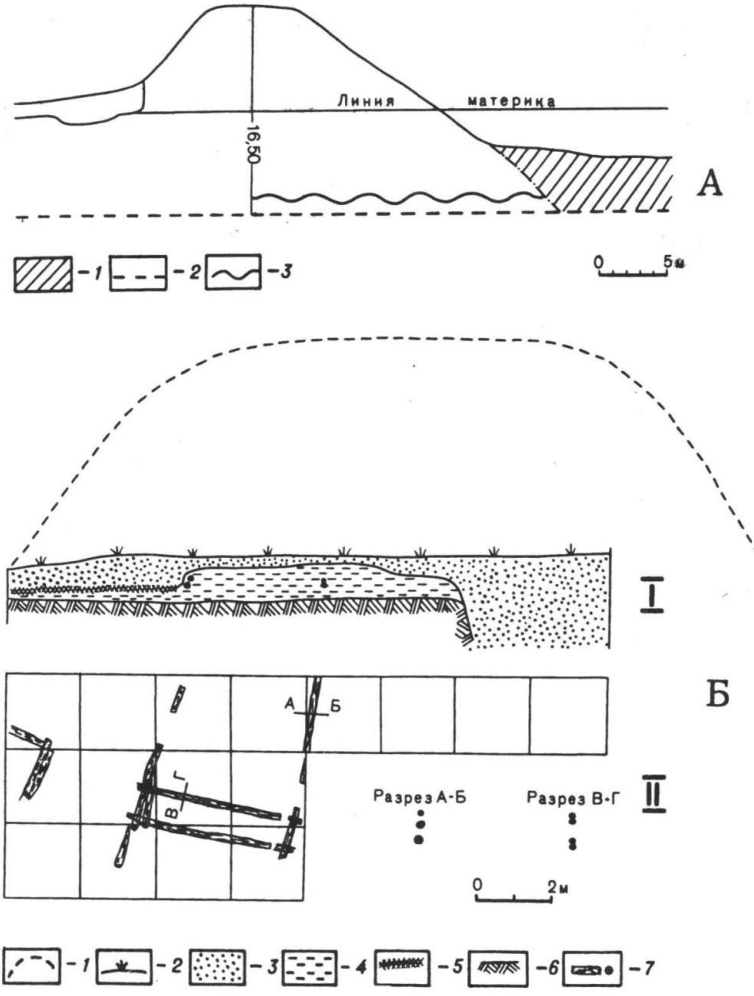


Рис. 6. Разрез восточного вала кремля.
А. – по А. Д. Варганову: 1 – засыпка рва; 2 – дно рва; 3 – уровень воды во рве.
Б. – по В. В. Седову: 1 – контуры вала; 2 – дерновый слой на месте разреза вала; 3 – насыпь вала XII в.; 4 – древнейшее ядро вала; 5 – темно-коричневая гумусная прослойка культурного слоя XI в.; 6 – линия материка; 7 – дерево.

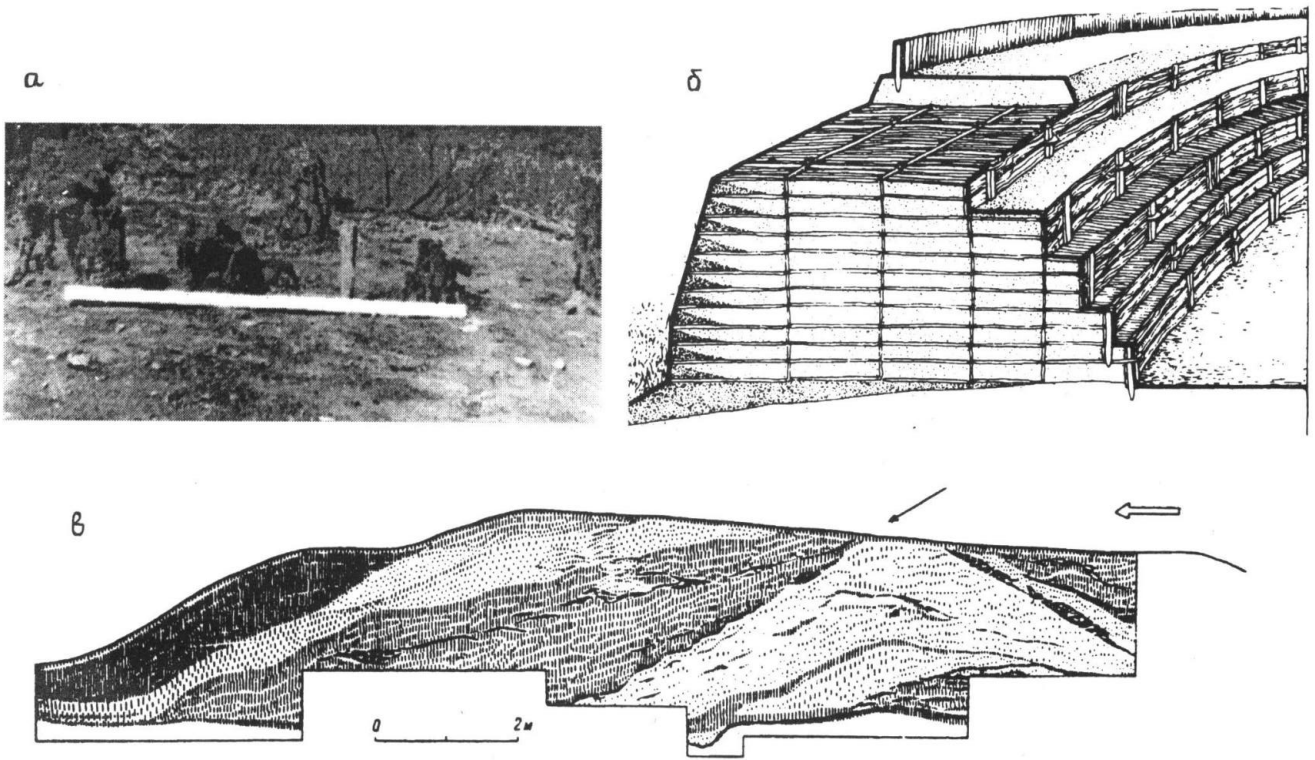


Рис. 7. Конструкции северного вала кремля:
а. – Фото разреза северного вала нач. XII в. с выявленными в его толще вертикальными столбами. б. – Реконструкция деревянных укреплений вала VII в. в Мекленбурге (по П. Донату). в. – Разрез северного вала (по П. А. Раппопорту).

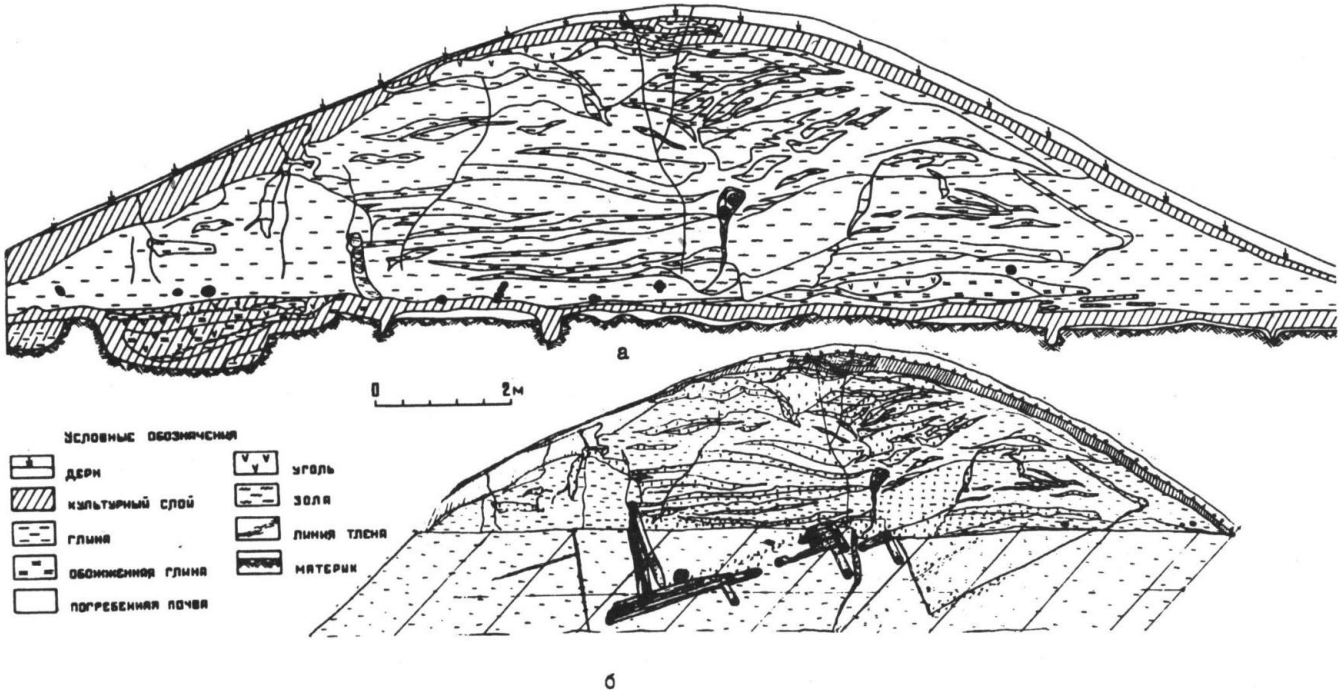


Рис. 8. Разрез вала в северо-восточной части Окольного города:
а – общий вид с востока; б – остатки деревянных конструкций (аксонометрия).

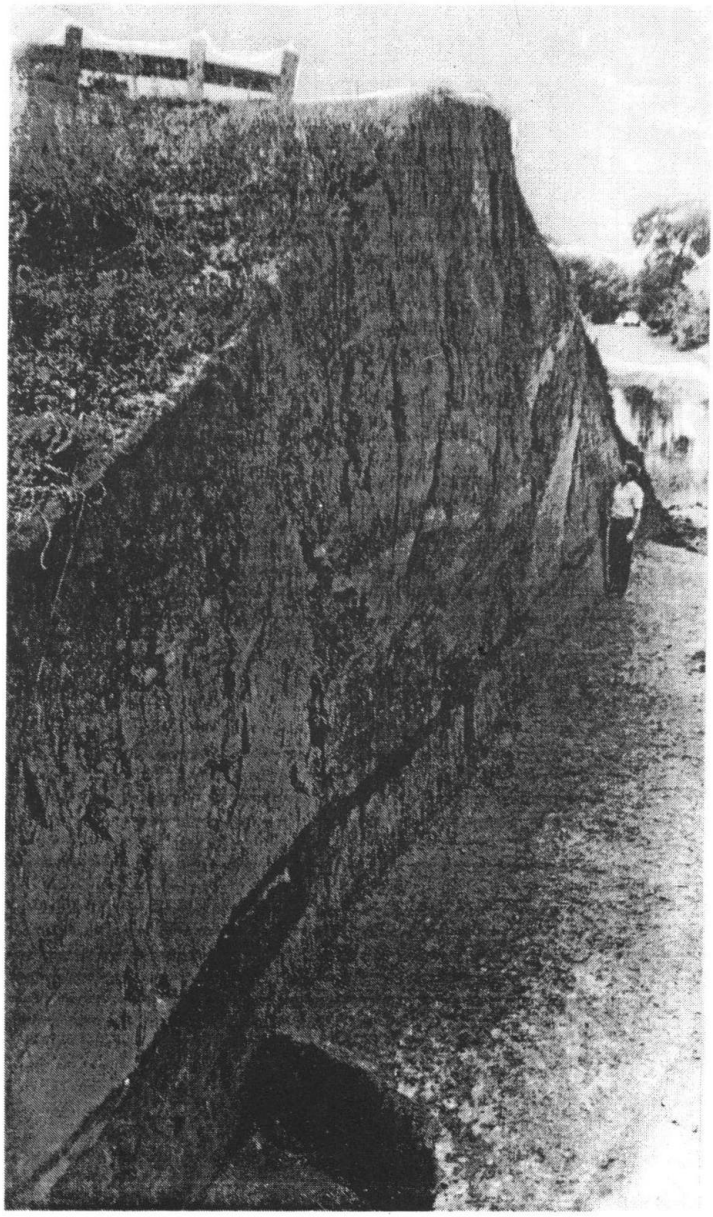


Рис. 9. Разрез вала XII-в. в северо-восточной части Окольного города. Вид с юга.

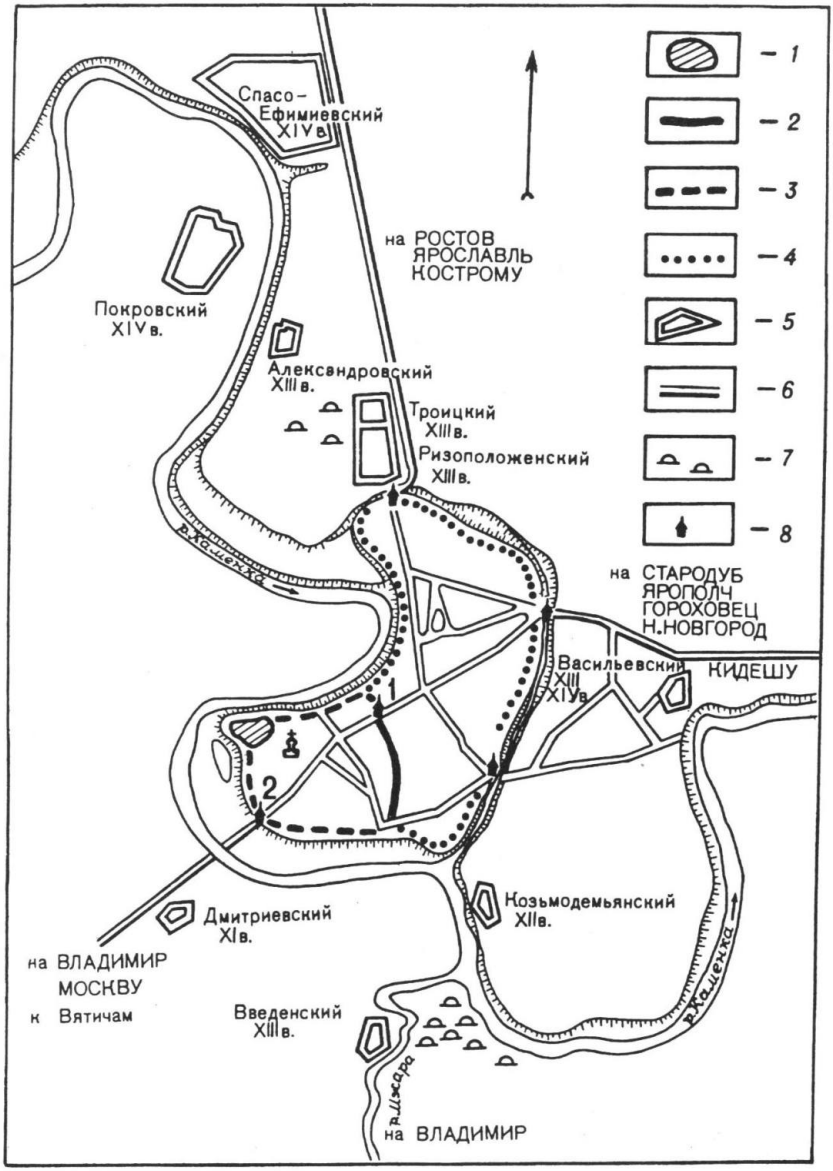


Рис. 10. Схема развития Суздаля:
1 – Детинец X в.; 2 – земляной вал сер. XI в.; 3 – земляные укрепления нач. XII в.; 4 – укрепления Окольного города сер. XII в.; 5 – монастыри; 6 – дороги в города Владимиро-Суздальской Руси; 7 – курганные могильники; 8 – проездные ворота в кремле (1 Ильинские; 2 – Дмитриевские) и в Окольном городе.

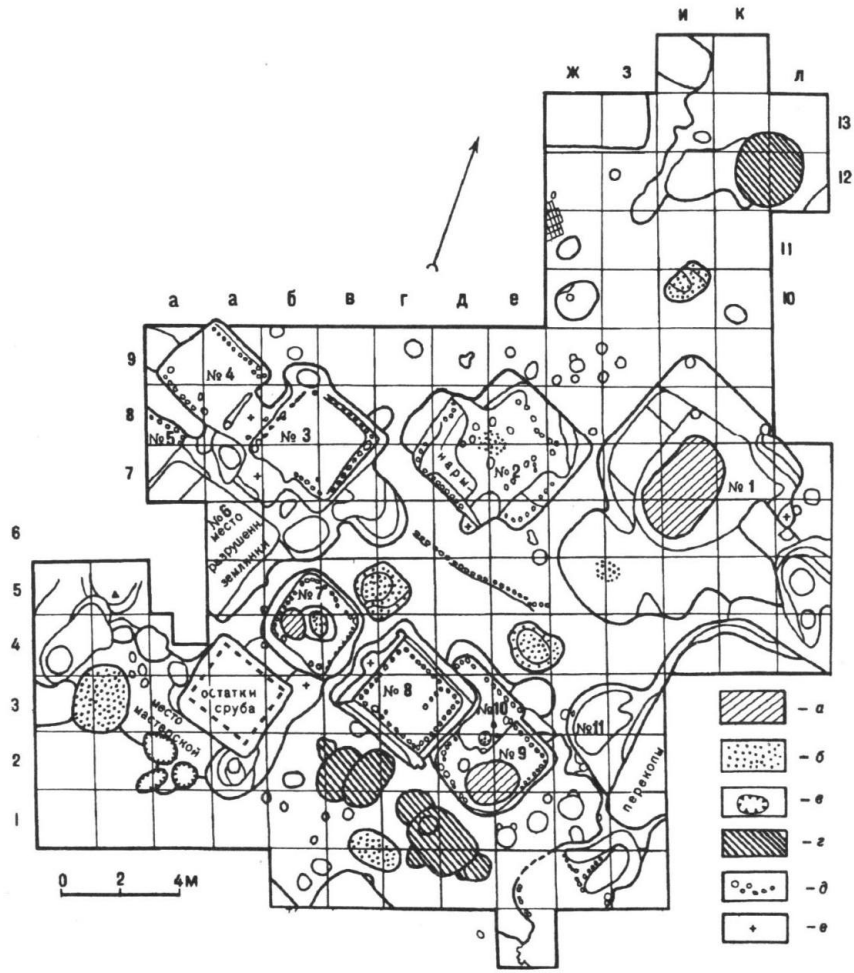


Рис. 11. Общий план раскопов 1936-1940 гг. по ул.Коммуны (по А. Ф. Дубынину):
а – подпольные ямы; б – очажные ямы и прокал почвы от очагов; в – ямы для хранения запасов; г – подпольные ямы наземных домов; д – ямки от столбов; е – вход в полуземлянку.

А

Б

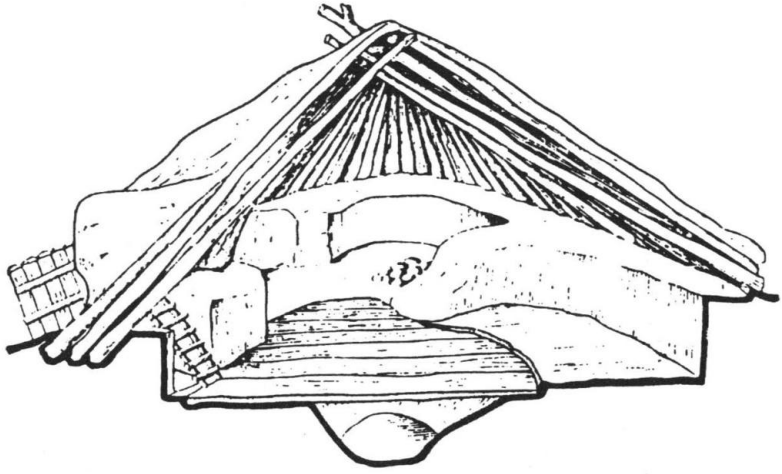


Рис. 12. Остатки жилых построек в раскопках А. Ф. Дубынина 1936-1940 гг.
А. Фото полуземлянки № 2. Вид с юга.
Б. Реконструкция полуземлинки № 1.

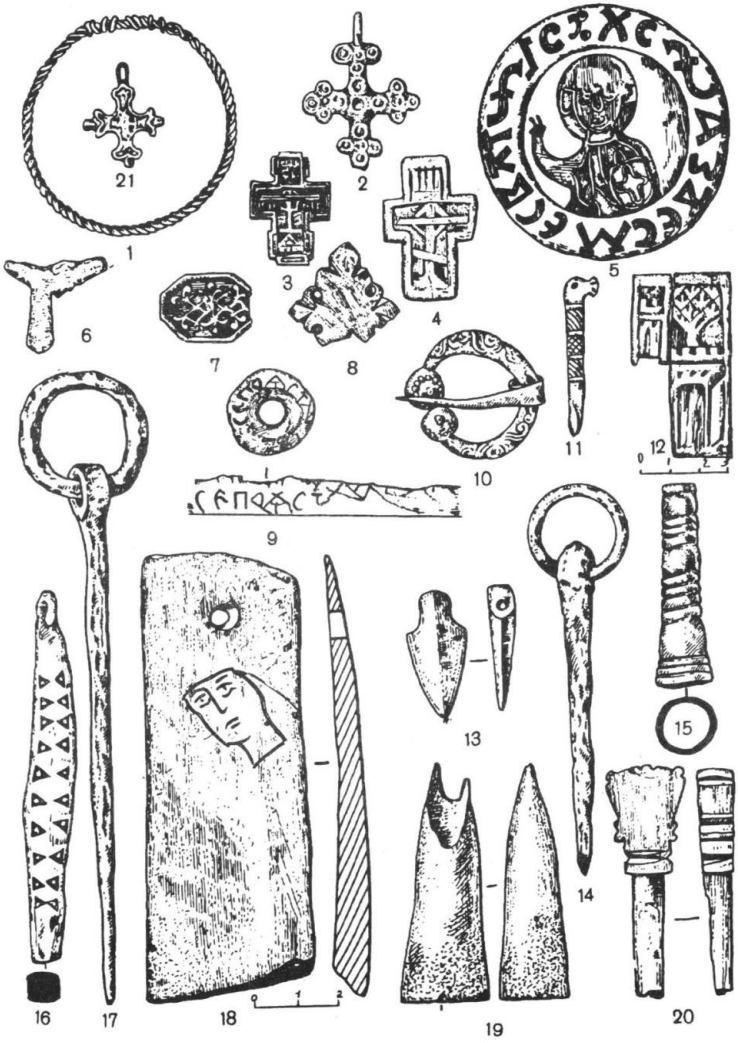


Рис. 13. Находки из раскопок 1936-1940 гг. А. Ф. Дубынина:
1,6 – височные кольца; 2 –4, 8, 21 – кресты-тельники; 5 – пластина с перегородчатой эмалью с изображением Иисуса Христа; 7 – перстень; 9 – пряслице с надписью "се прастл"; 10 – подковообразная фибула; 11 – копоушка; 12 – резная накладка; 13 – привеска; 14, 17 – стержни с кольцевидной головкой; 15 – футляр для трута; 16 – пластина от шейной гривны; 18 – оселок с процарапанным рисунком; 19 – навершие; 20 – писало (1, 2, 5, 6, 7, 10, 15, 16, 21 – бронза; 3, 4, 11, 12, 19, 20 – кость; 9, 13, 18 – камень; 14, 17 – железо).

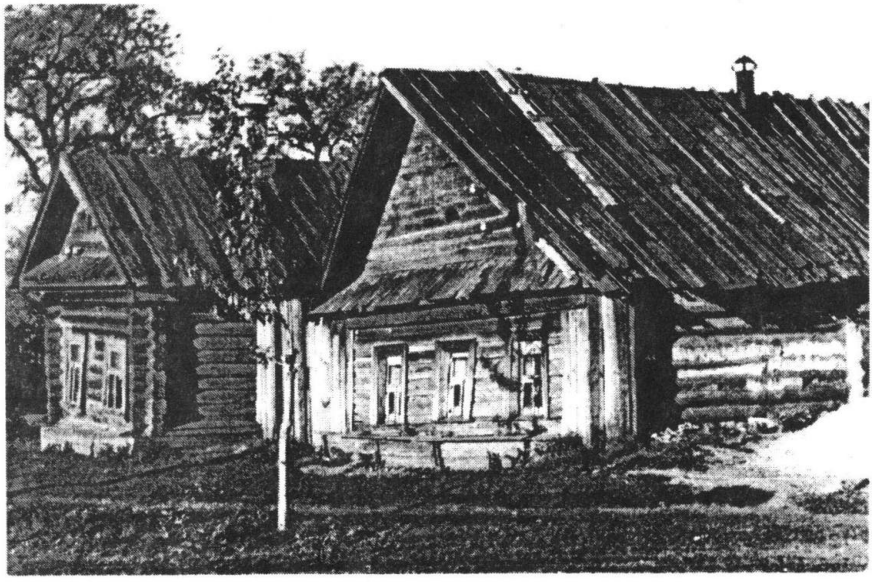


Рис. 14. Жилая застройка "уступами" нач. XX в. на территории Александровского монастыря в Суздале.

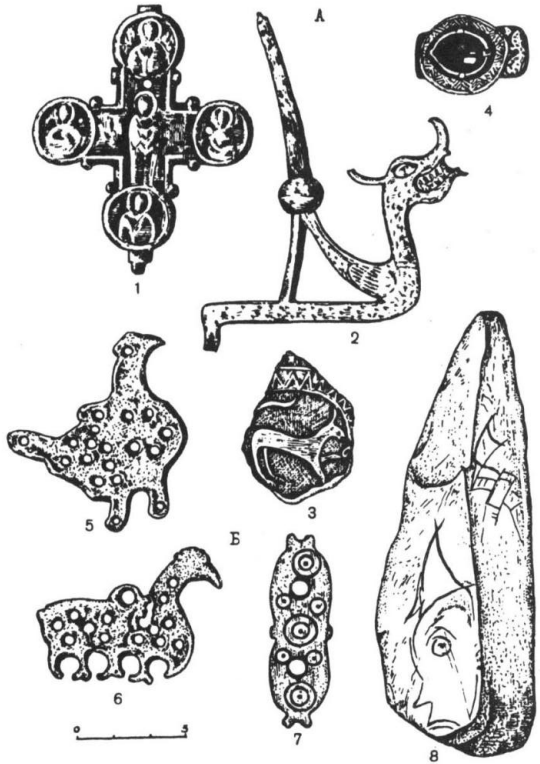


Рис. 15. А – Находки из раскопок Н. Н. Воронина в кремле: 1 – бронзовый крест-энколпион; 2 – часть медного хороса; 3 – обломок керамического сосуда с изображением барса; 4 – золотой перстень с альмандином; 5 – бронзовая привеска-петушок.
Б – Находки из раскопок В. П. Глазова на Дмитровской стороне: 6 – привеска-петушок; 7 – костяная накладка; 8 – оселок с рисунком.

Рис. 16. Амфора с надписью "Оле" (из раскопок 1970 г. В. В. Седова).

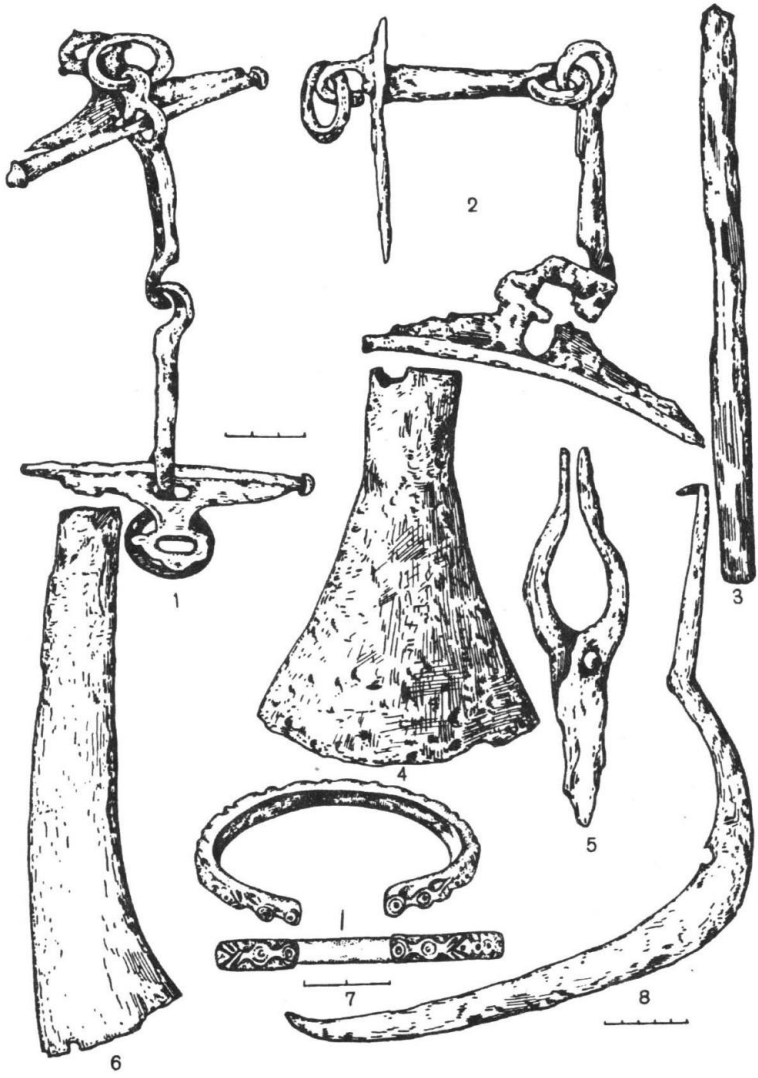


Рис. 17. Находки из раскопок 1970 г. В. В. Седова:
1-2 – псалии; 3 – стержень; 4 – мотыга; 5 – клещи; 6 – клевец: 7 – браслет; 8 – серп (1-6, 8 – железо; 7 – бронза).

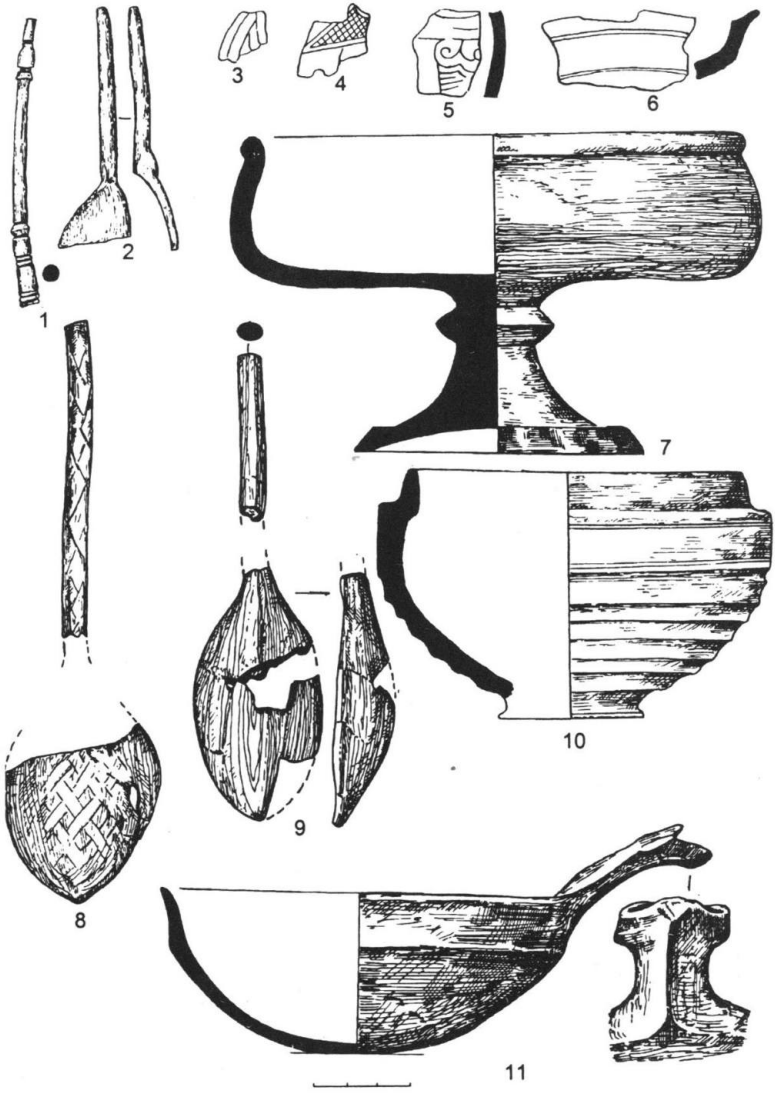


Рис. 18. Деревянная резная и точеная посуда (из раскопок П. И. Куглюковского 1973 г. и В. В. Седова 1970 г.):
1-2, 8-9 – ложки; 3-6 – фрагменты стенок; 7 – ваза на поддоне; 10 – братина; 11 – ковш с ручкой в виде головы дракона.

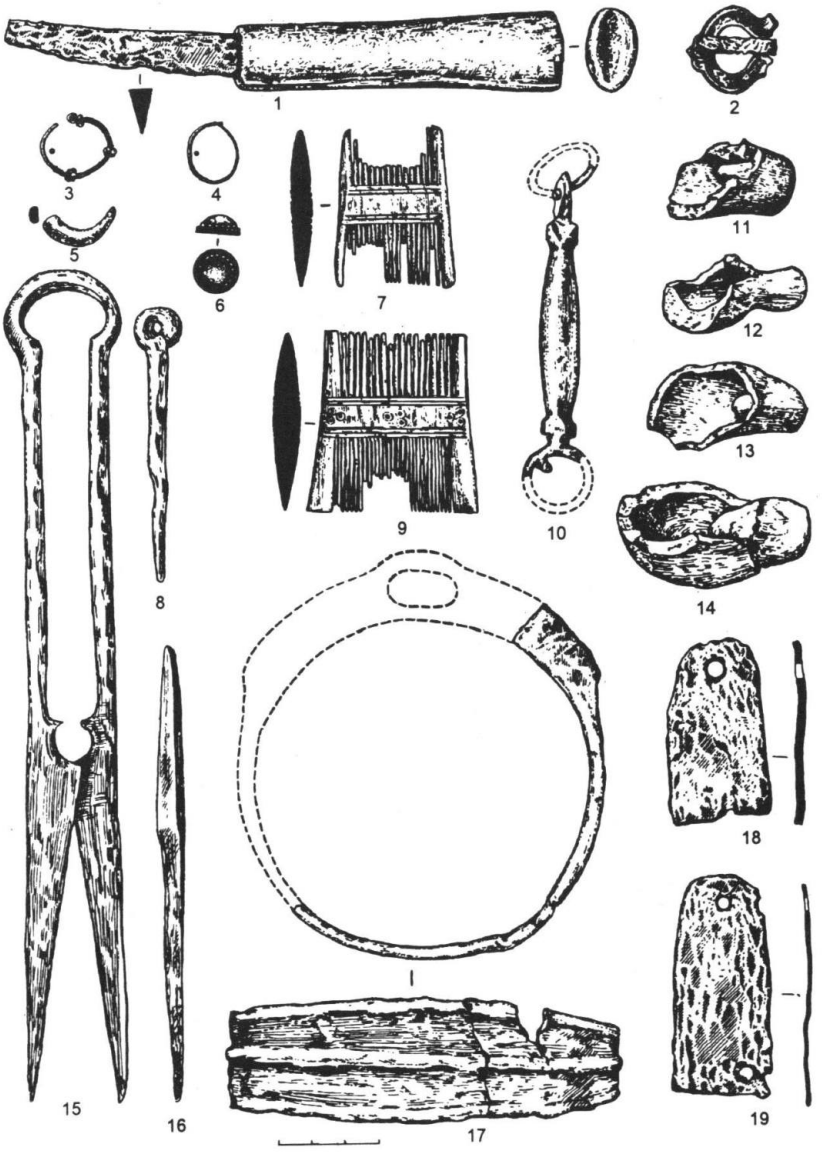


Рис. 19. Комплекс находок из жилища ювелира (№ 7 – XI в.):
1 – нож с костяной рукояткой; 2 – поясная пряжка; 3 – серебряное височное кольцо; 4, 5 – височнее кольца; 6 – щиток от перстня; 7, 9 – гребни; 8 – пробой; 10 – ключ; 11-14 – льячки; 15 – ножницы; 16 – шило; 17 – стремя; 18-19 – пластины от доспеха. (1, 8, 10, 15-19 – железо; 7, 9 – кость; 2, 4-6 – бронза; 11-14 – глина).

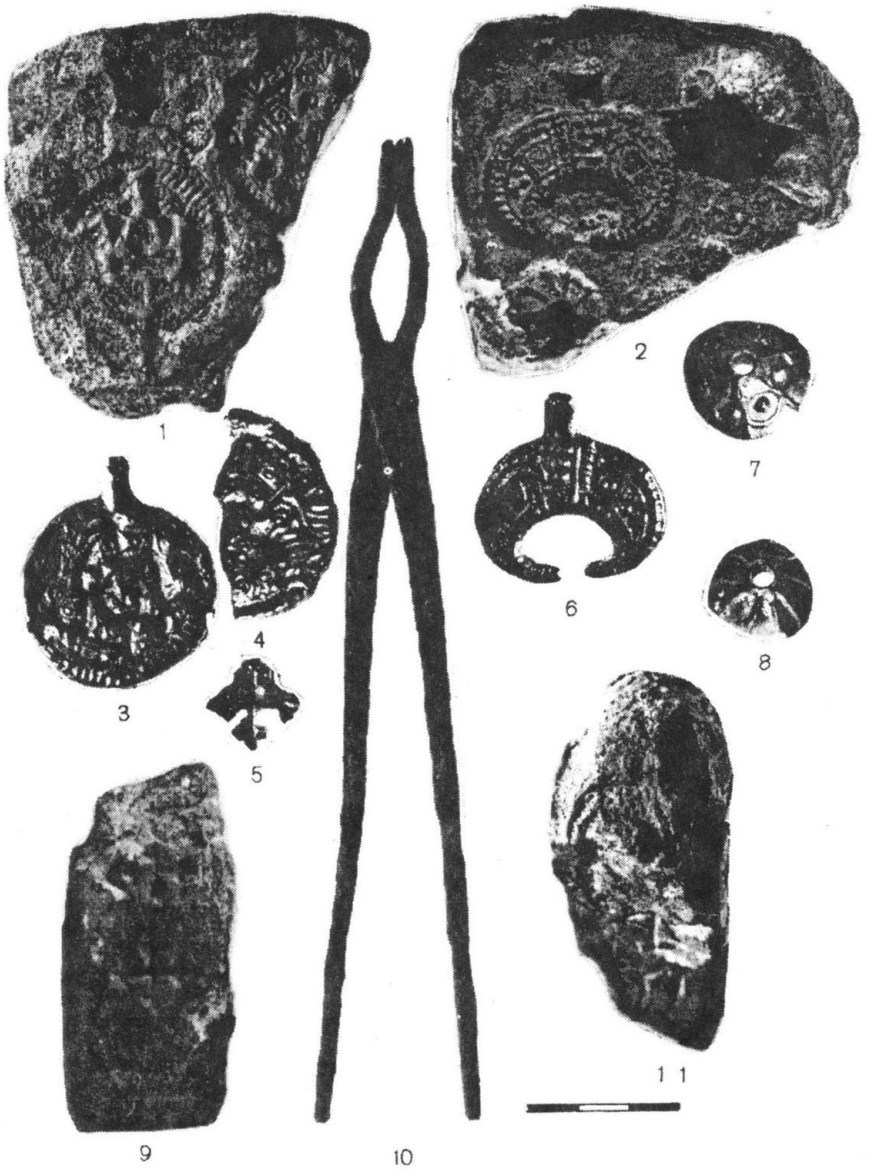


Рис. 20. Находки из жилища ювелира (№ 7 – XI в.):
1, 2, 9, 11 – Каменная литейная форма с вырезанными изображениями (лицевая, оборотная и боковые стороны); 3-8 – отливки с изображений на форме; 10 – клещи железные.

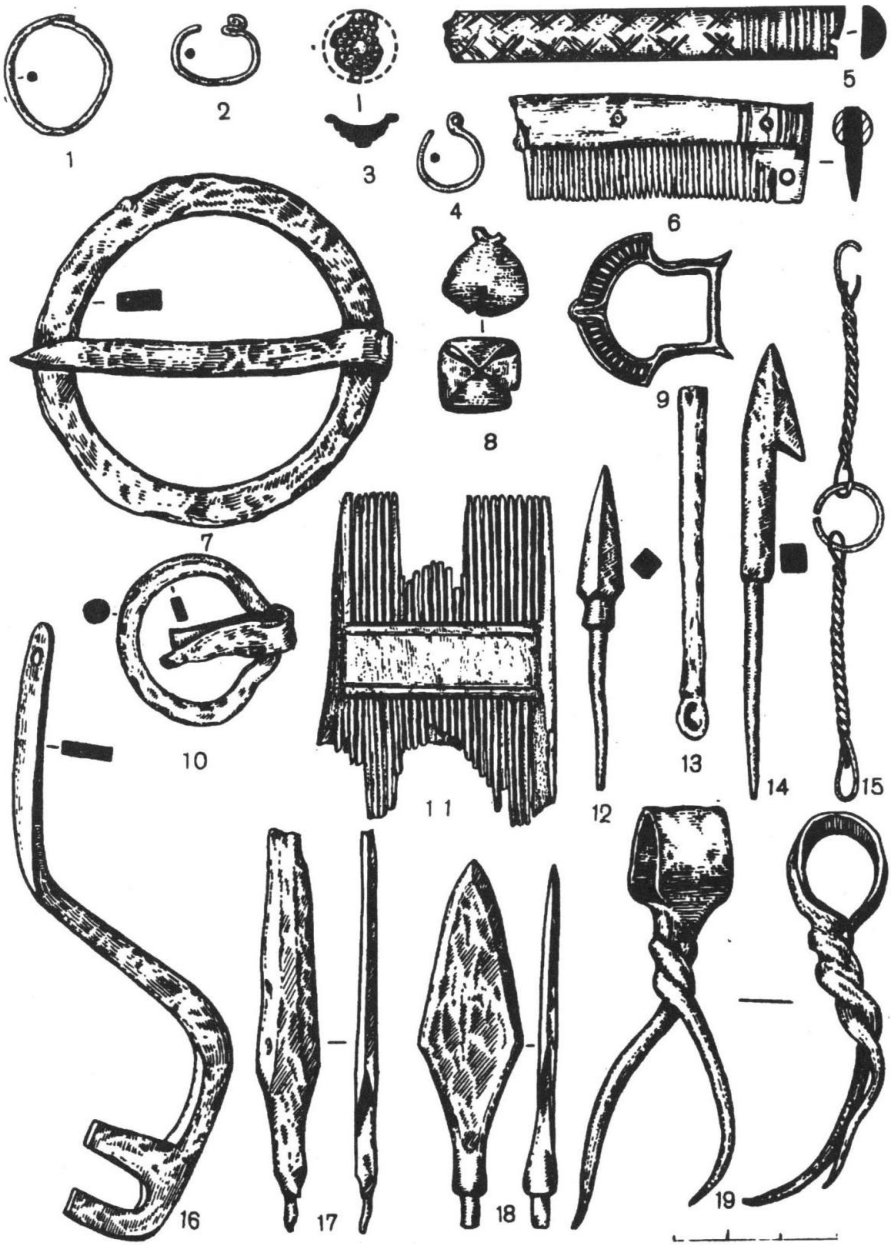


Рис. 21. Комплекс находок из постройки № 8 (XI в.):
1, 2, 4 – височные кольца; 3 – бляшка; 5-6 – односторонние гребни; 7, 9 – пряжки; 8 – бубенчик; 10 – пробой; 11 – гребень; 12, 14, 17, 18 – наконечники стрел; 13 – копоушка; 15 – цепочка; 16 – ключ; 19 – коптильный крюк (1-3, 8-9, 15 – бронза; 4 – золото; 5-6, 11, 13 – кость; 7, 10, 12, 14, 16-19 – железо).

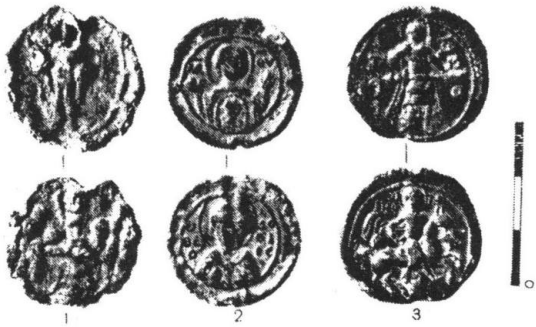


Рис. 22. Актовые свинцовые печати (лицевая и оборотная сторона):
1 – печать с изображением Богоматери с младенцем и сцены Успения Богоматери (XI в.); 2 – печать с изображением Богоматери Знамение и св.Феодосия (XII в.); 3 – печать с изображением св.Дмитрия и св.Георгия (XII в.).

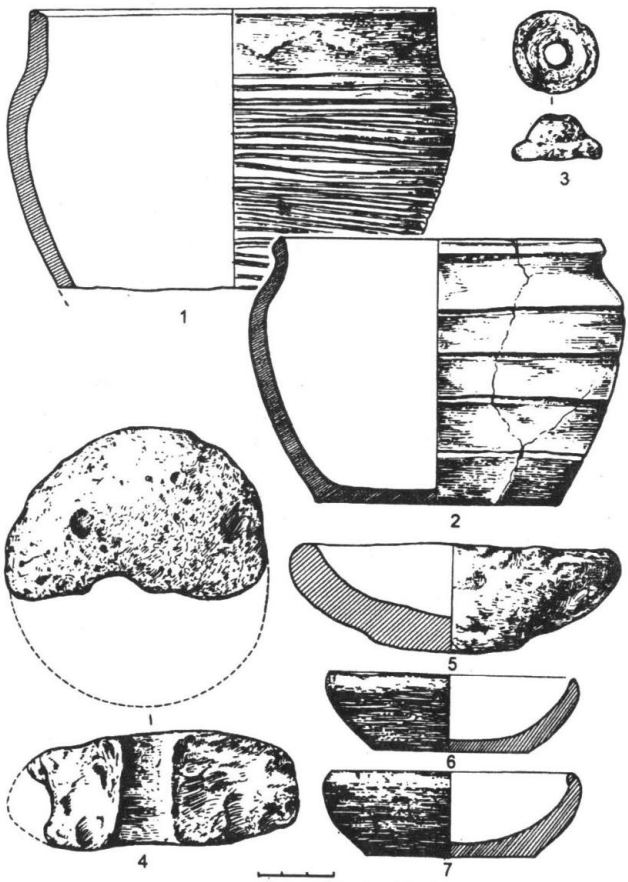


Рис. 23. Керамика и находки из построек № 8 и № 8а (X-XI вв.):
1-2 – гончарные горшки; 3 – грузик; 4 – грузик от ткацкого станка; 5-7 – блюдца (1-7 – глина).

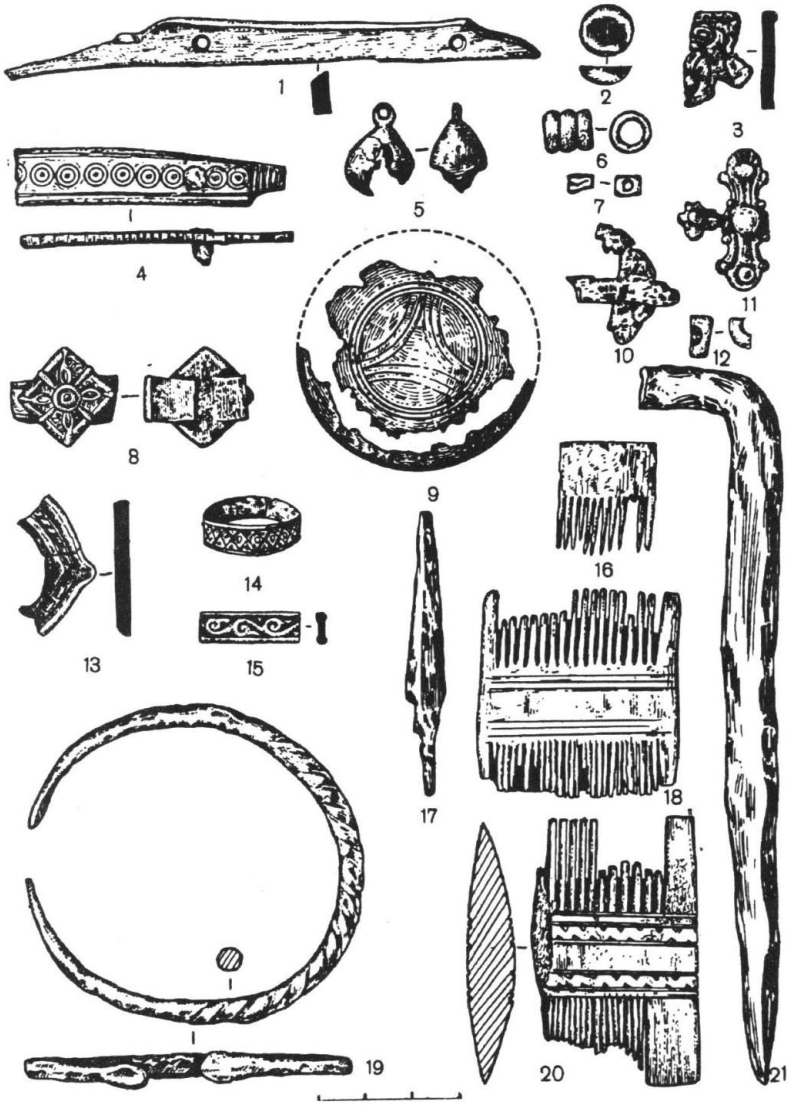


Рис. 24. Комплекс находок из жилища № 9 (XI в.):
1 – накладка на лук; 2 – вставка в перстень; 3 – фрагмент пластины с изображением птицы; 4 – накладка от гребня; 5 – бубенчик; 6, 7, 12 – бусы; 8, 14, 15 – перстни; 9 – чашечка от весов; 10, 13 – обломки поясных пряжек; 16, 18, 20 – гребни; 17 – наконечник стрелы; 19 – браслет; 21 – костыль (1, 4, 16, 18, 20 – кость; 2, 6, 7, 12 – стекло; 3, 5, 8-9, 11, 13-15 – бронза; 10, 17, 19, 21 – железо).

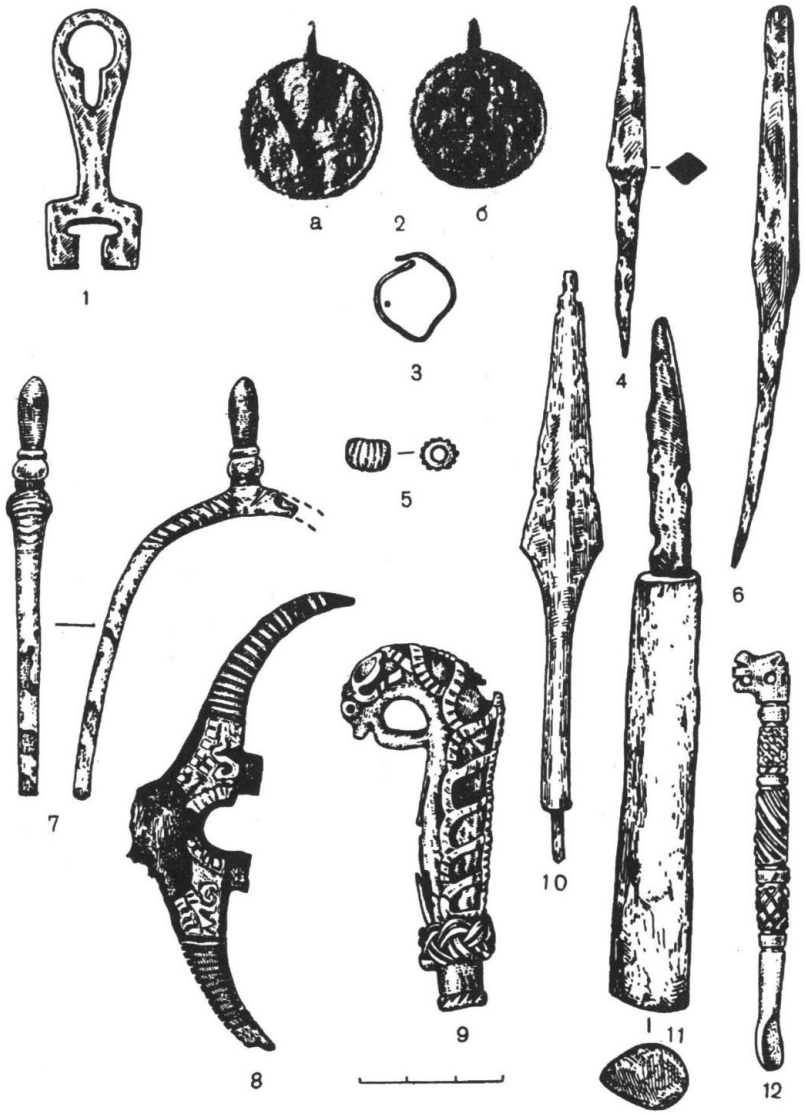


Рис. 26. Комплекс находок из жилища № 10 – XI в. (1-6, 11): 1 – ключ, 2 – амулет-змеевик (а – лицевая сторона, б – оборотная сторона), 3 – височное кольцо, 4 – наконечник стрелы; 5 – бусина; 6, 11 – ножи.
Находки из слоя XI в. (7-10, 12): 7 – шпора; 8 – псалий; 9 – рукоятка ножа; 10 – наконечник стрелы, 12 – копоушка (1, 4, 6-8, 10, 11 – железо; 2, 3, 9 – бронза; 5 – стекло; 12 – кость).

Рис. 27. Находки из слоя XI в.:
1 – рукоять в виде головы дракона (а – вид сбоку, б – вид спереди) и аналогия ей из Гнездова (в); 2 – привеска с изображением двух птиц; 3 – привеска-ангел; 4 – привеска-лунница (1, 2, 4 – бронза, 3 – серебро).

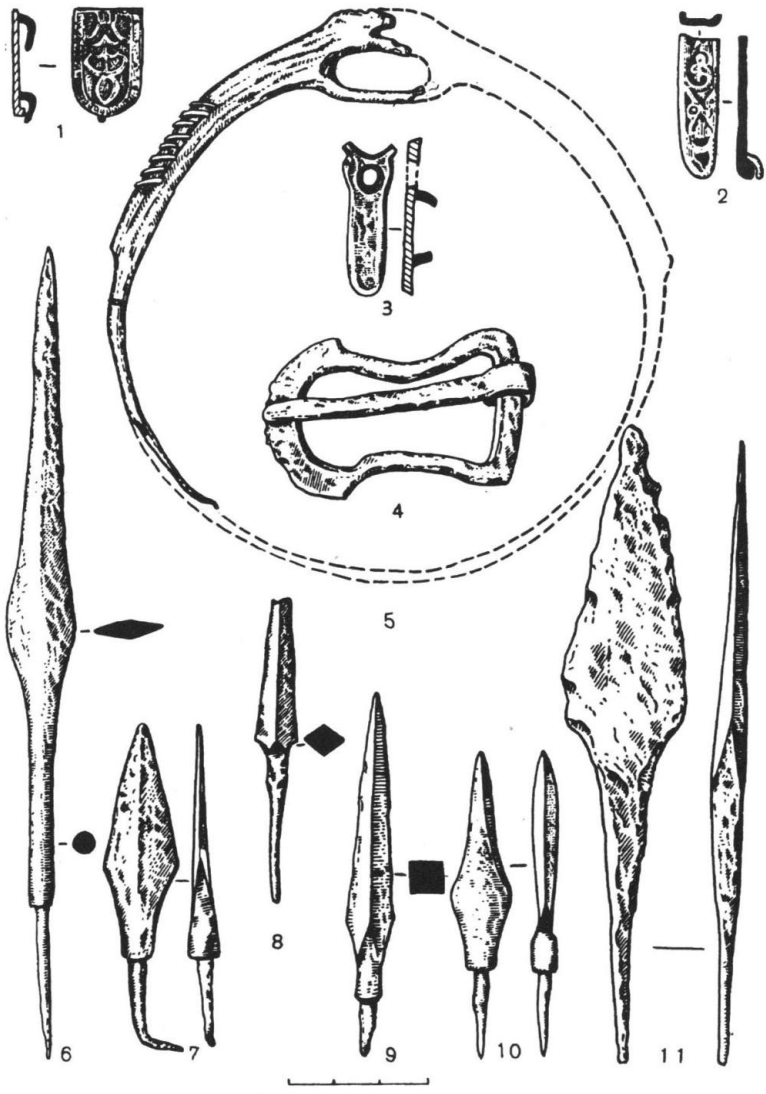


Рис. 28. Находки из слоя XI в.:
1-3 – поясные накладки; 4 – пряжка; 5 – стремя; 6-11 – наконечники стрел (1-3 – бронза, 4-11 – железо).

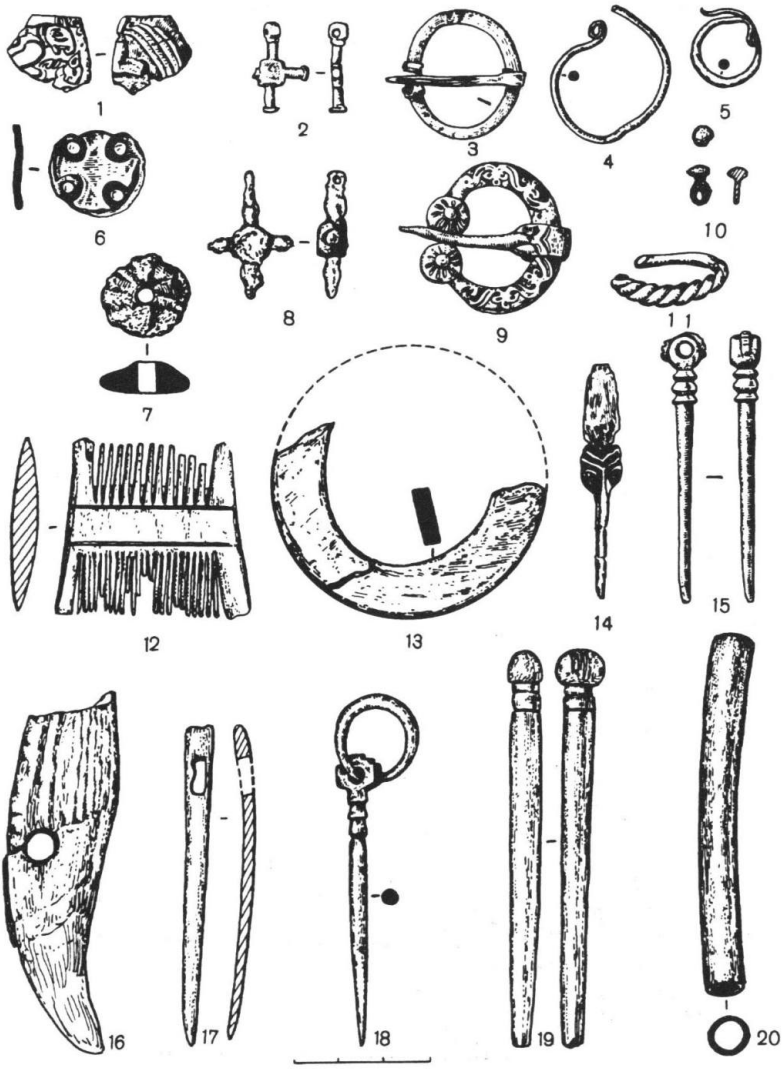


Рис. 29. Находки из слоя XI в.:
1 – обломок пластины с изображением птицы; 2, 8 – кресты; 3, 9 – фибулы, 4, 5 – височные кольца; 6 – привеска; 7 – грузик; 10 – пуговица; 11 – перстень; 12 – гребень; 13 – кольцо; 14 – язычок от пряжки; 15, 18 – булавки; 16 – амулет из зуба медведя; 17 – игла; 19 – проколка, 20 – трубочка (1-6, 8-11, 14-15, 18 – бронза, 7 – свинец, 12-13, 17, 19-20 – кость).

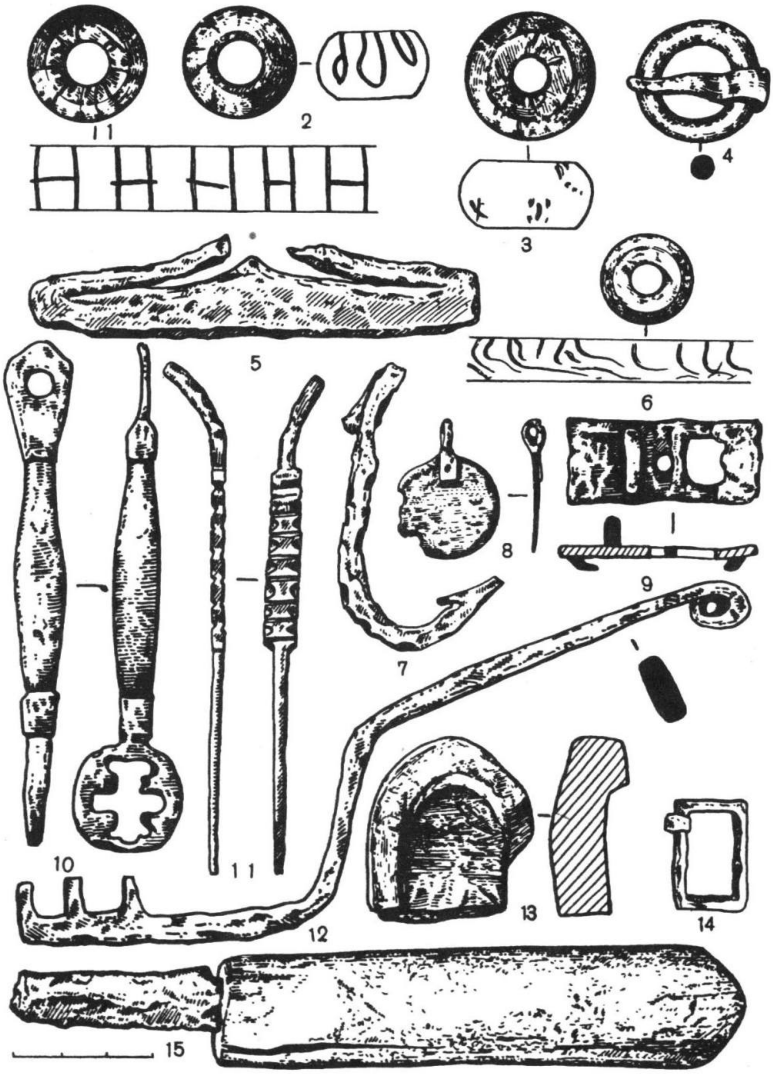


Рис. 30. Находки из слоя XI в.:
1, 2, 3, 6 – шиферные пряслица с рисунками и знаками; 4, 14 – пряжки; 5 – кресало; 7 – рыболовный крючок; 8 – монетовидная привеска; 9 – накладка; 10, 12 – ключи; 13 – заготовка иконки; 15 – нож с костяной рукояткой (1-3, 6, 13 – камень; 4, 5, 7, 9-12, 14, 15 – железо; 8 – бронза).

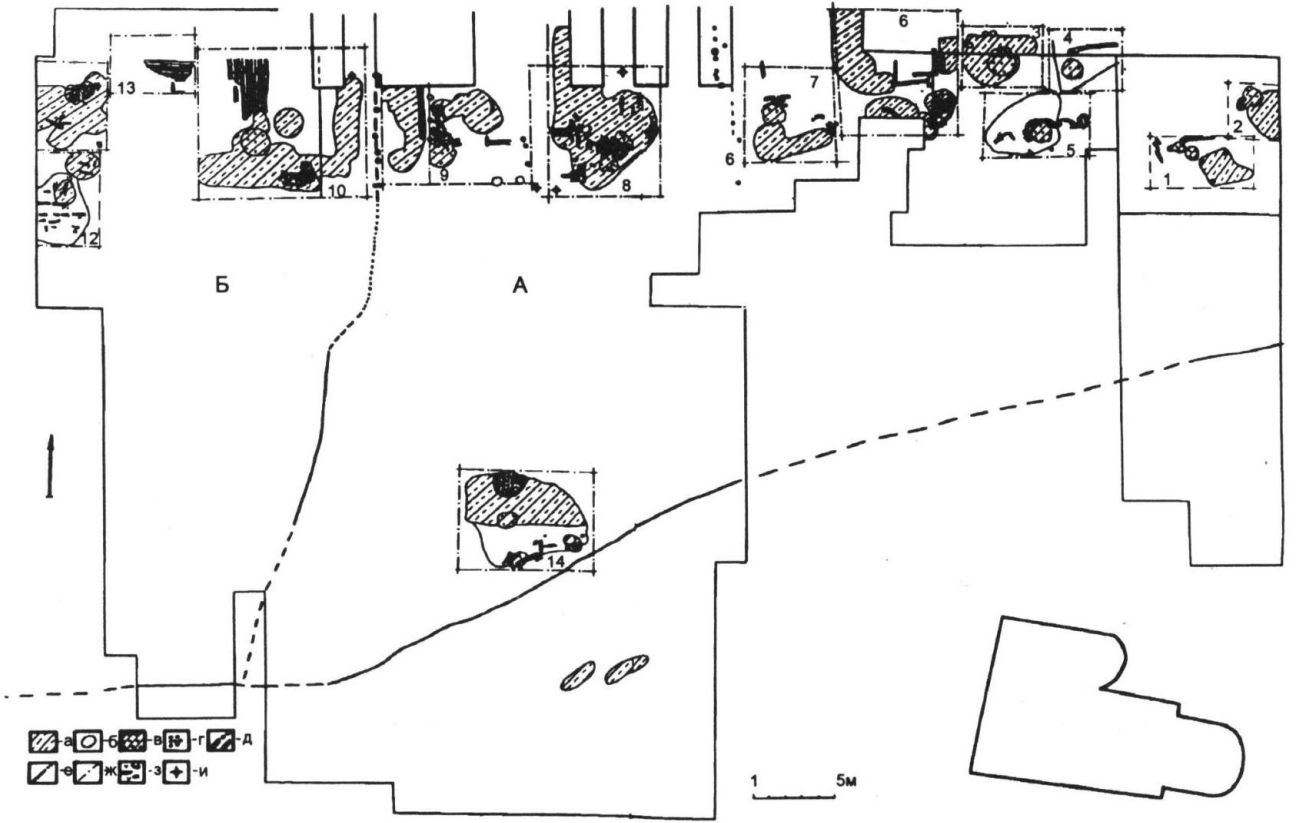


Рис. 31. План построек 1-го строительного периода (XI в.):
а – углубленные в землю части построек; б – контуры ям; в – подпечные ямы; г – скопление камней; д – остатки дерева и столбовые ямы; е – частокол; ж – возможные контуры построек; з – горелый слой; и – места находок остатков строительных жертв.

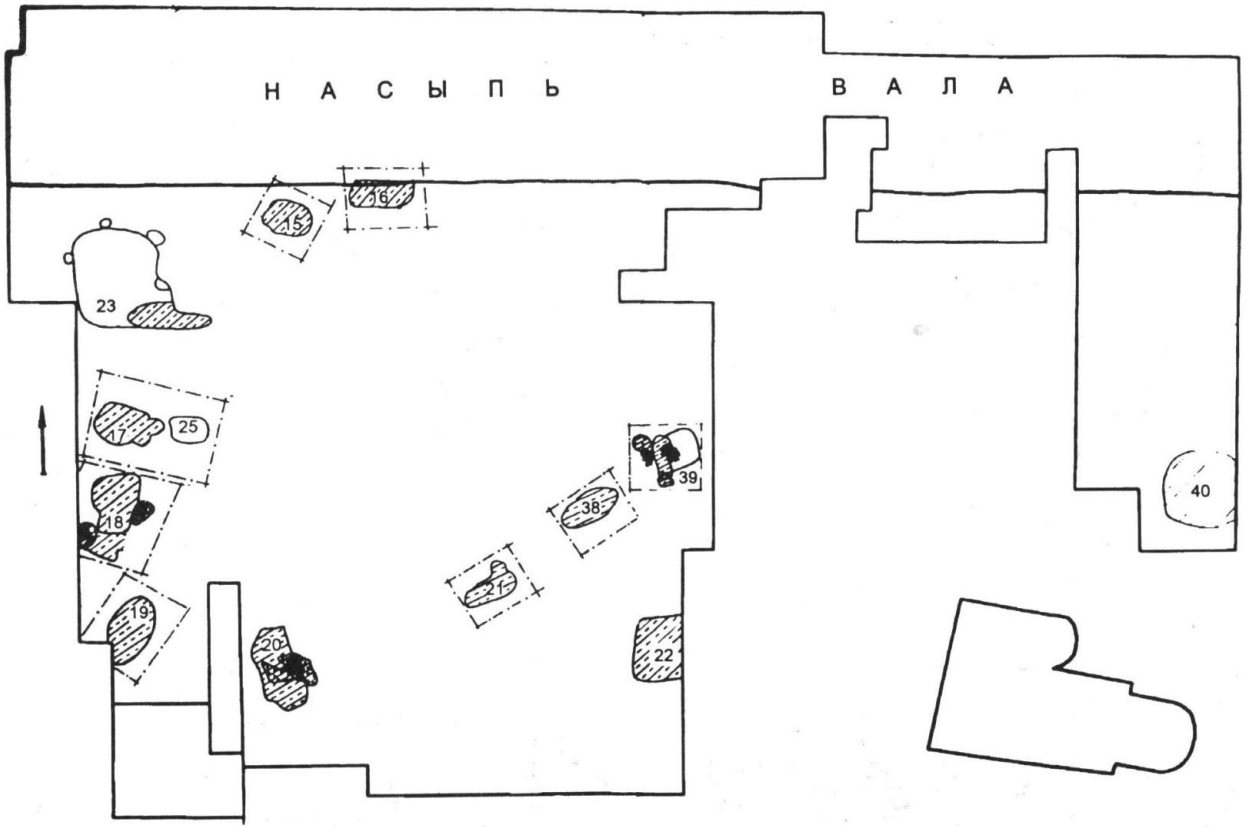


Рис. 32. План построек 2-го строительного периода (перв. пол. XII в.).

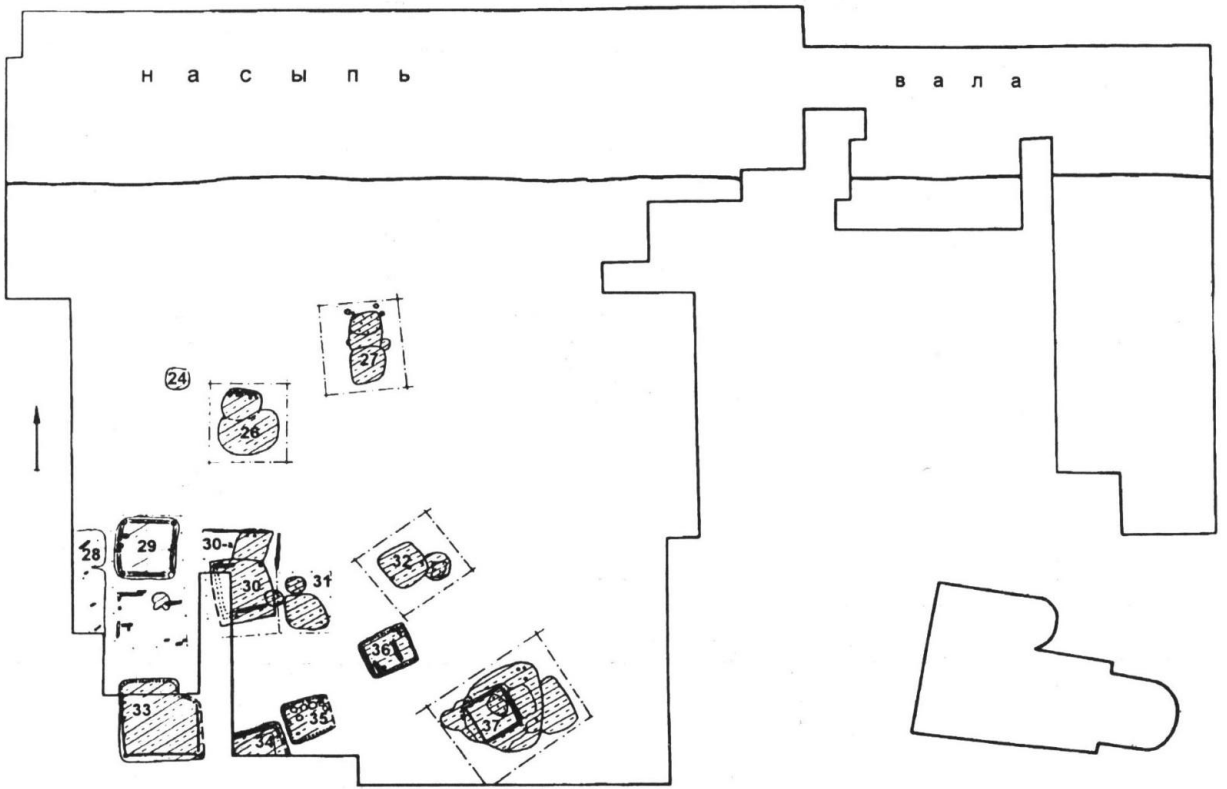


Рис. 33. План построек 3-го строительного периода (втор. пол. XII – нач. XIII вв.).

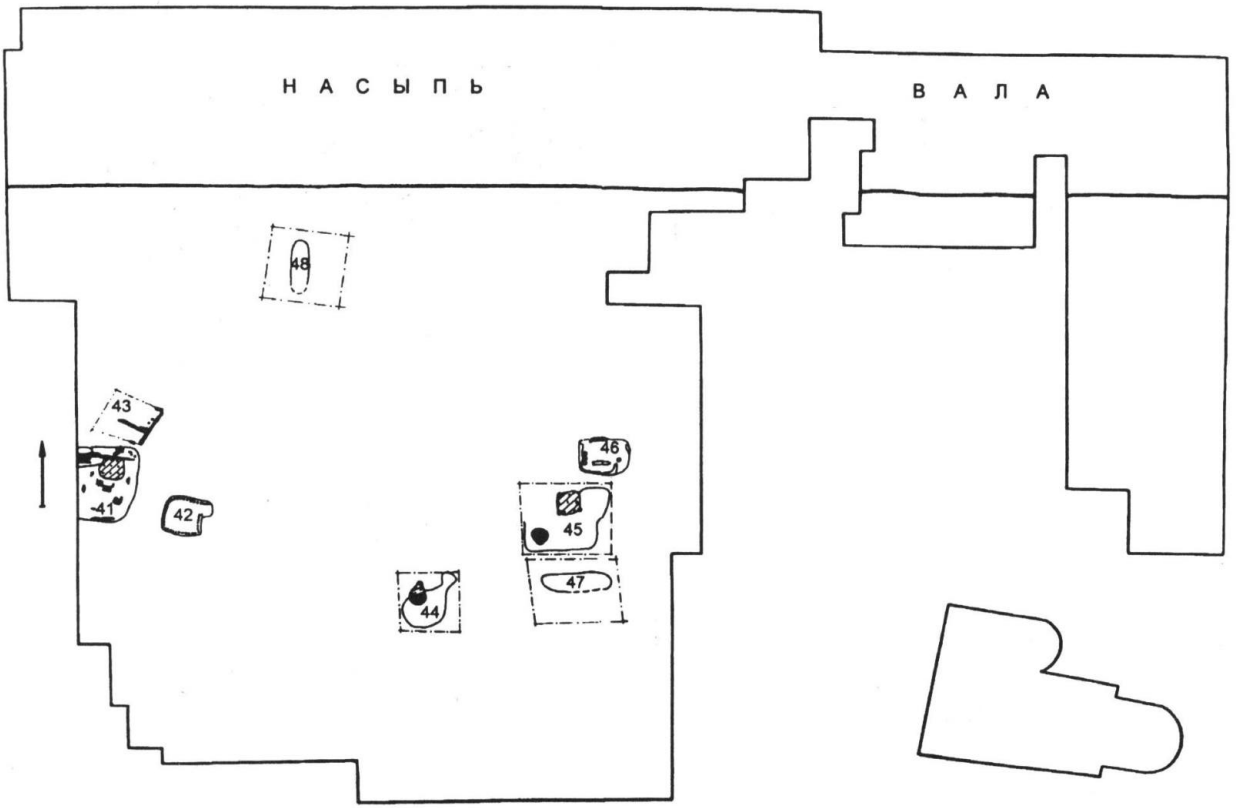


Рис. 34. План построек 4-го строительного периода (XIV-XV вв.).

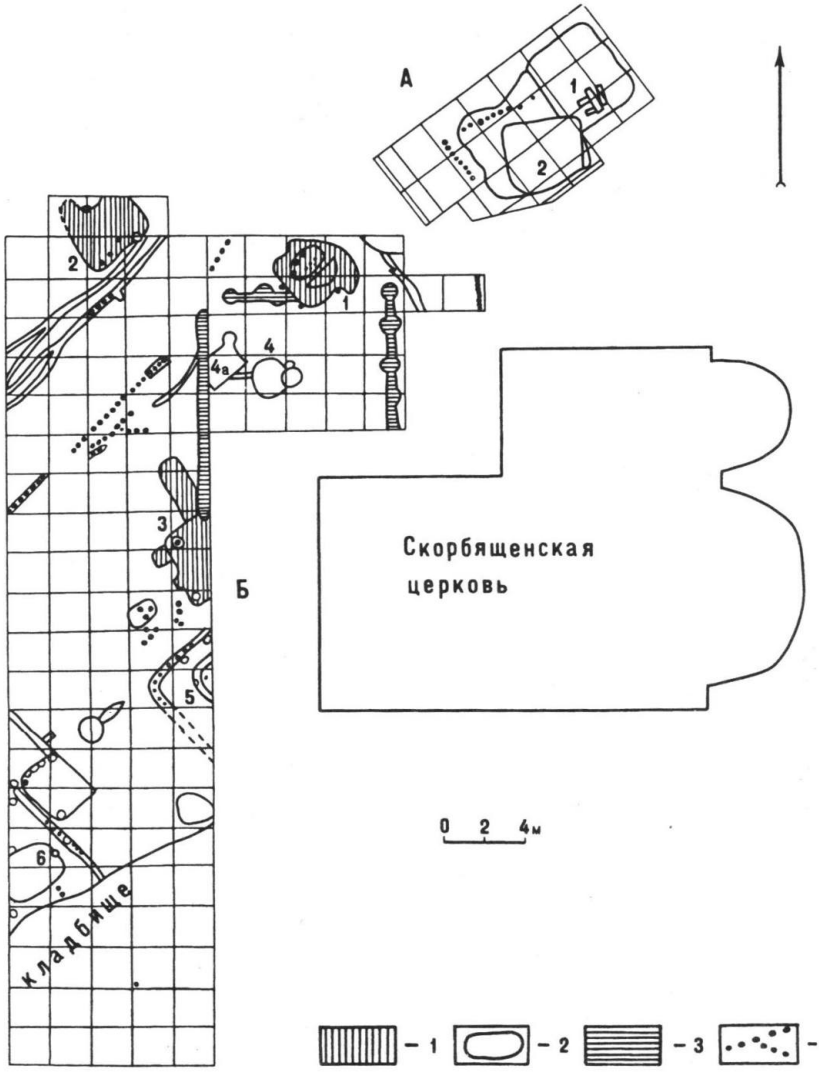


Рис. 35. План раскопов на пл.Торговой:
А – раскоп 1973 г. П. И. Куглюковского; Б – раскопы 1974-1976 гг. (1 – контур углубленных в землю жилищ 1-го строительного периода; 2 – контур наземных построек и ям 2-го строительного периода; 3 – контур постройки 3-го периода; 4 – ямки частоколов).

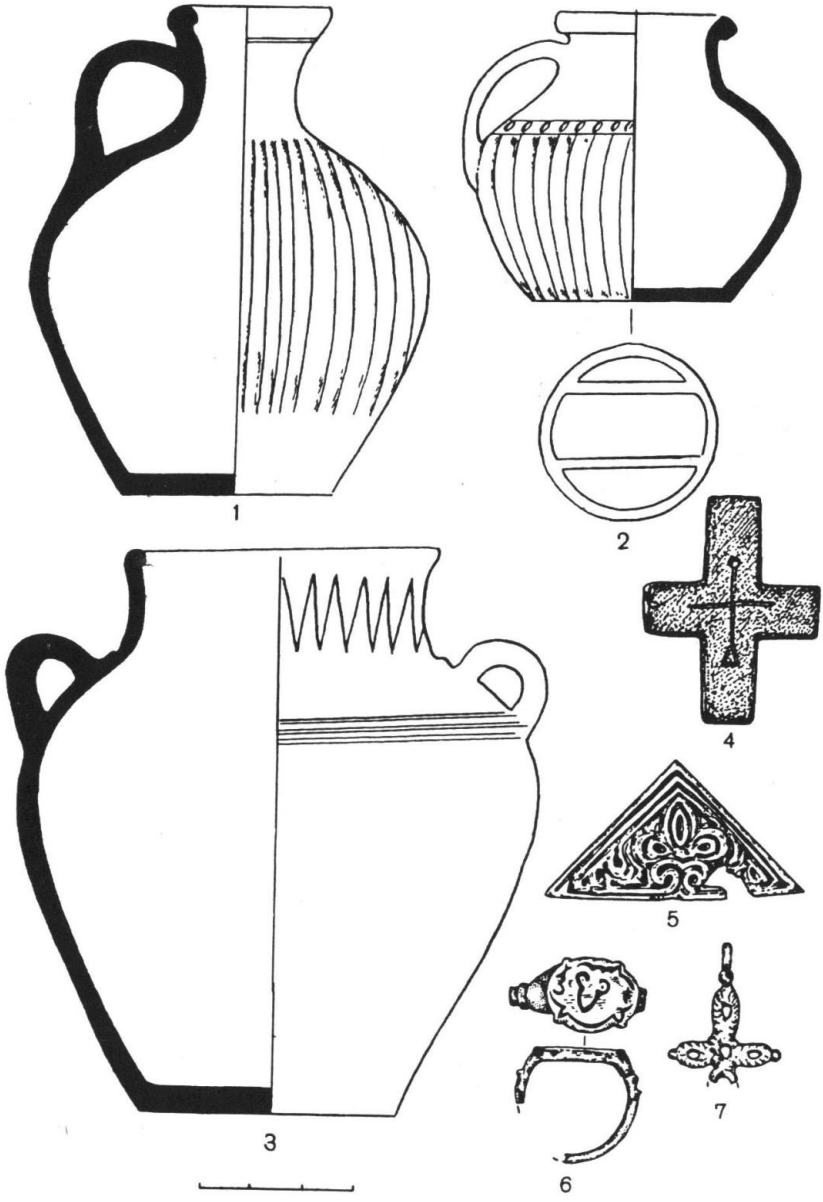


Рис. 37. Находки из жилищ XII в. (из раскопок П. И. Куглюковского):
1-3 – болгарские гончарные сосуды; 4 – каменный крестик; 5 – накладка; 6 – перстень; 7 – крестик (5-7 – бронза).

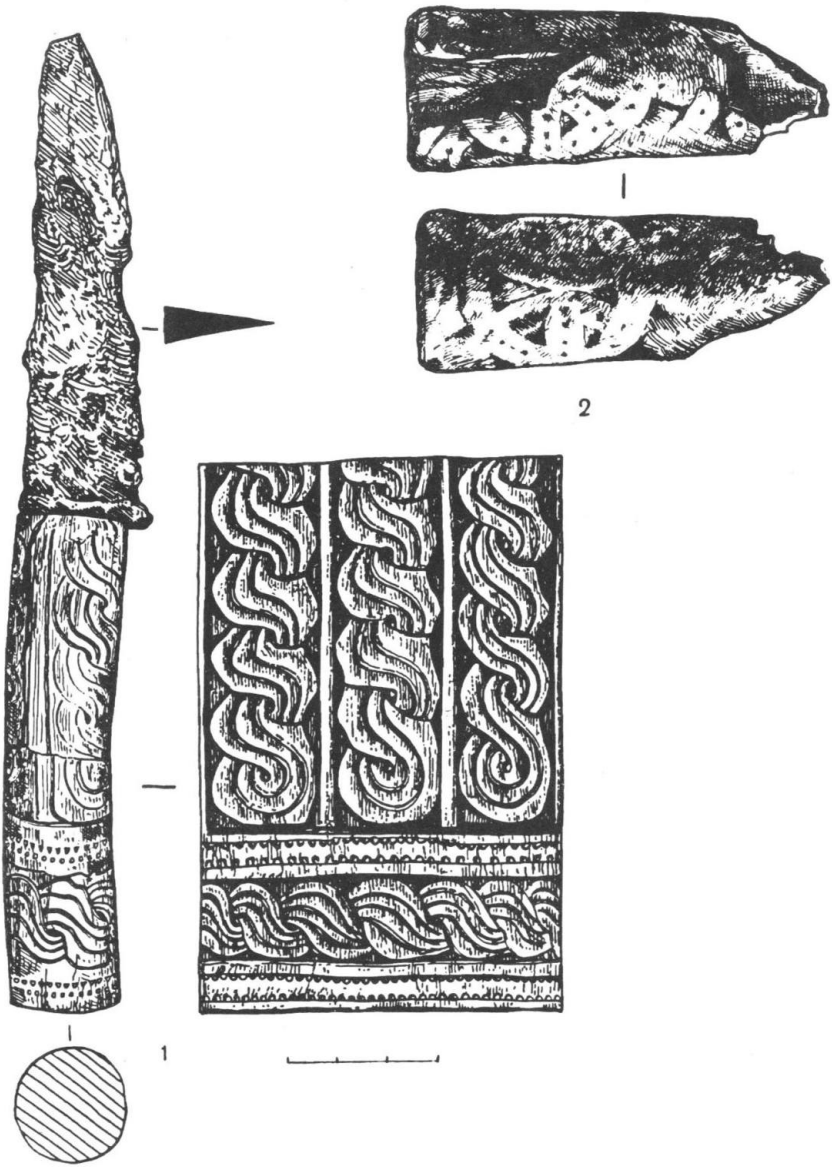


Рис. 38. 1 – нож с деревянной резной рукоятью XII в.; 2 – костяная рукоятка ножа XV в.

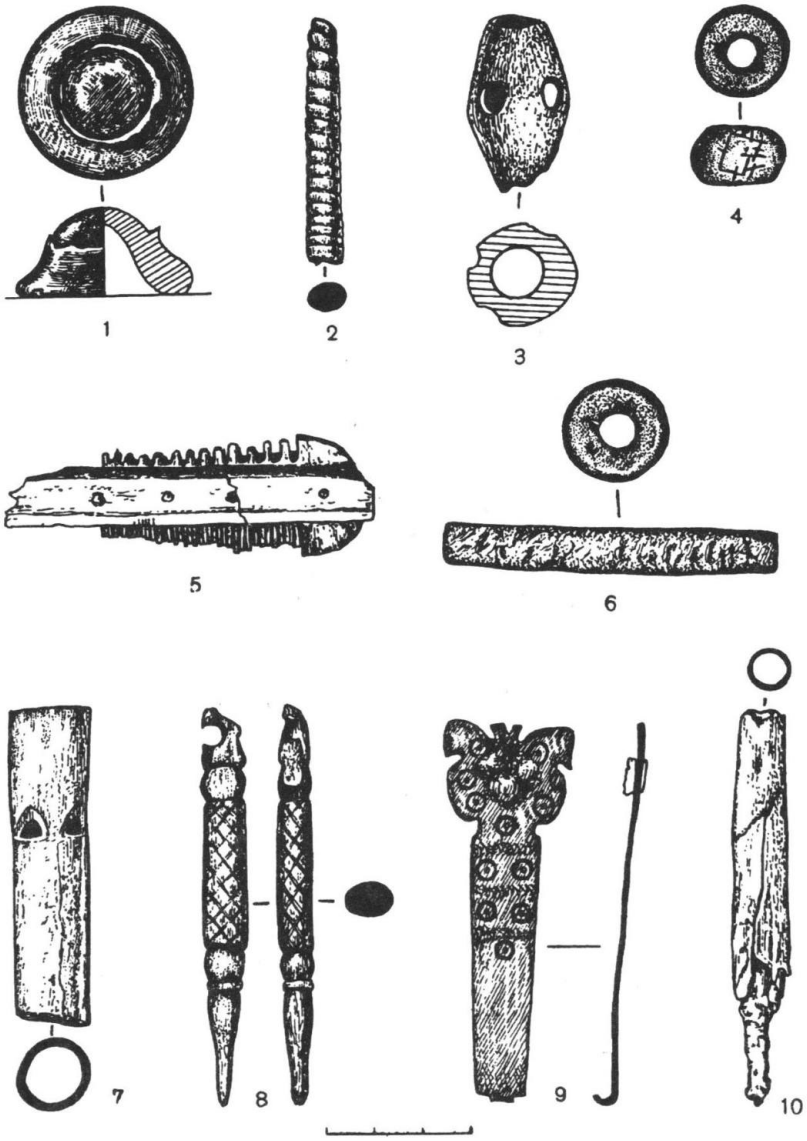


Рис. 39. Находки из раскопа 1974-1976 гг. на пл.Торговой:
1 – донце сосуда; 2 – резной стержень; 3 – насадка на древко стрелы; 4, 6 – шиферные пряслица со знаками; 5 – гребень; 7 – музыкальный инструмент (?); 8 – копоушка; 9 – накладка с зооморфным завершением; 10 – шило с рукояткой (1 – стекло, 2, 3, 5, 7, 8 – кость, 9 – бронза, 10 – железо).

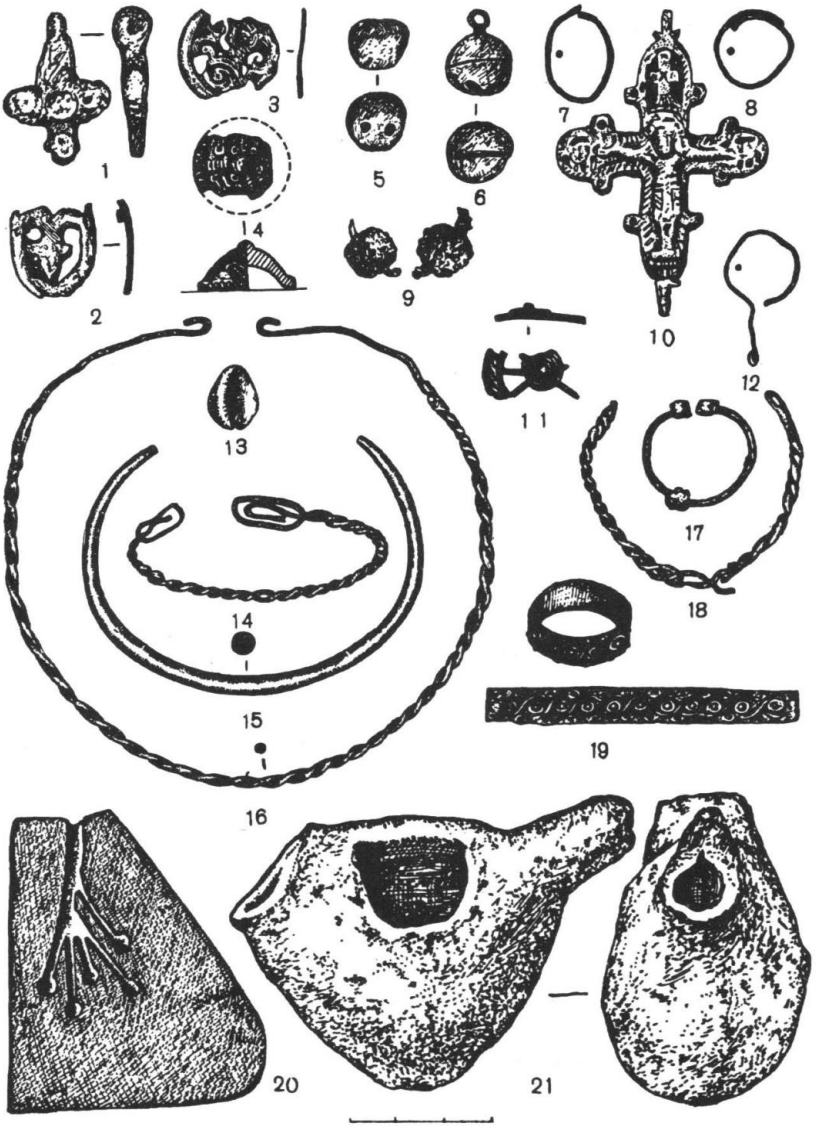


Рис. 40. Находки из раскопа 1974-1976 гг. на пл.Торговой:
1 – крестик; 2, 4 – накладки; 3, 11 – привески; 5, 6 – бубенчики, 7-9 – височные кольца; 10 – створка энколпиона; 12 – серьга; 13 – раковина каури; 14, 15, 18 – браслеты; 16 – шейная гривна; 17 – фибула; 19 – перстень; 20 – литейная форма; 21 – льячка (1-12, 14-19 – бронза, 20 – камень, 21 – глина).

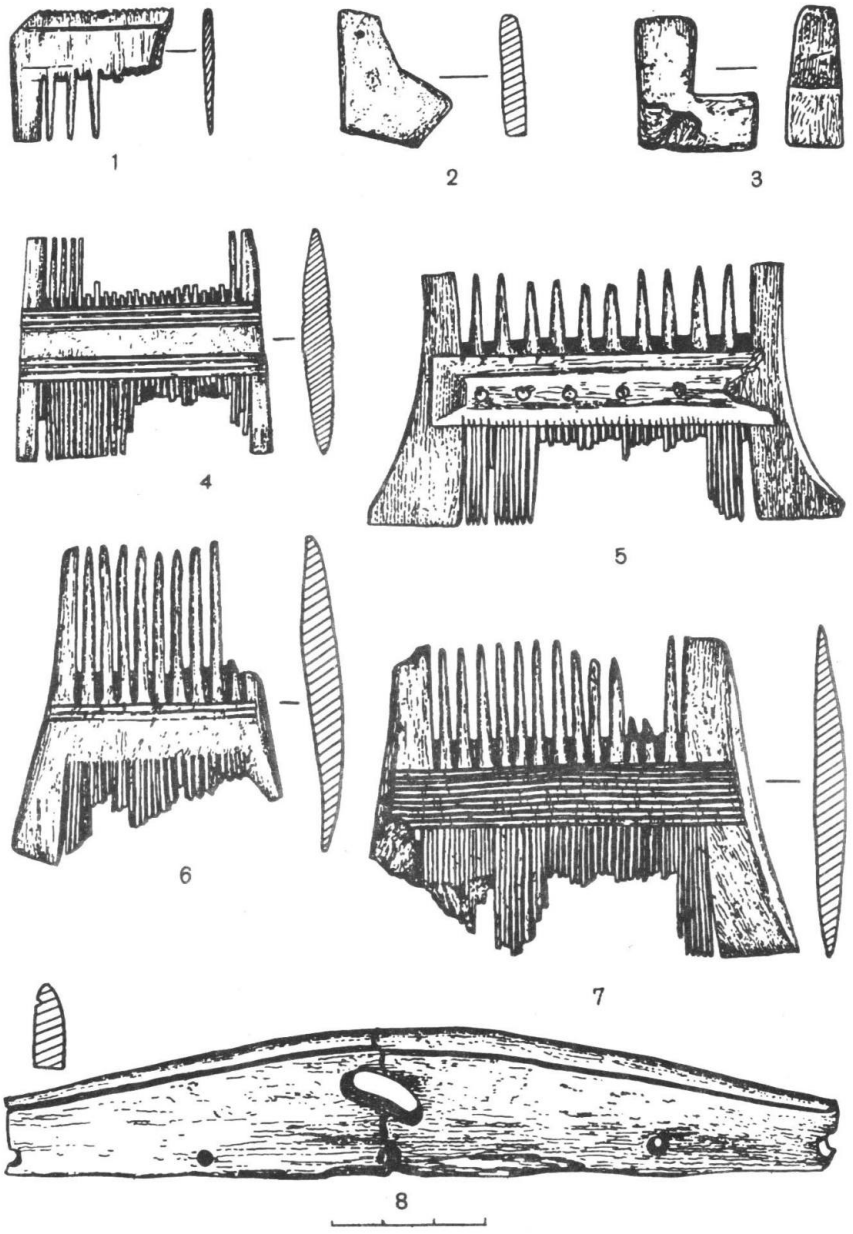


Рис. 41. Находки из раскопа 1974-1976 гг. на пл.Торговой:
1, 4-7 – гребни; 2 – заготовка креста; 3 – фрагмент креста; 8 – петля от налучия (1, 4-8 – кость, 2, 3 – камень).

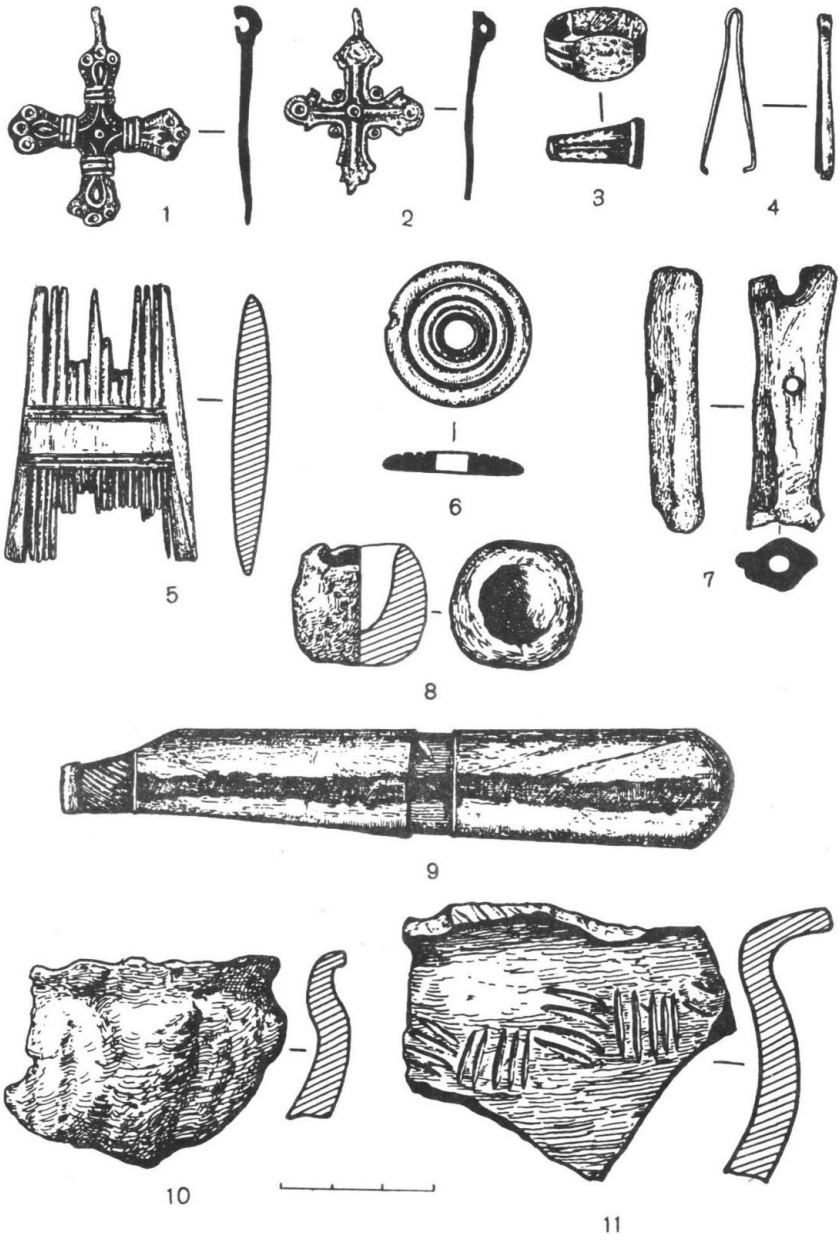


Рис. 42. Находки из раскопа 1977 г. у "мытного рва" (ц.Иоанна Предтечи):
1, 2 – крестики; 3 – перстень; 4 – пинцет; 5 – гребень; 6 – пуговица; 7 – кость с просверлиной; 8 – тигелек; 9 – рукоять ножа; 10, 11 – фрагменты лепной керамики.

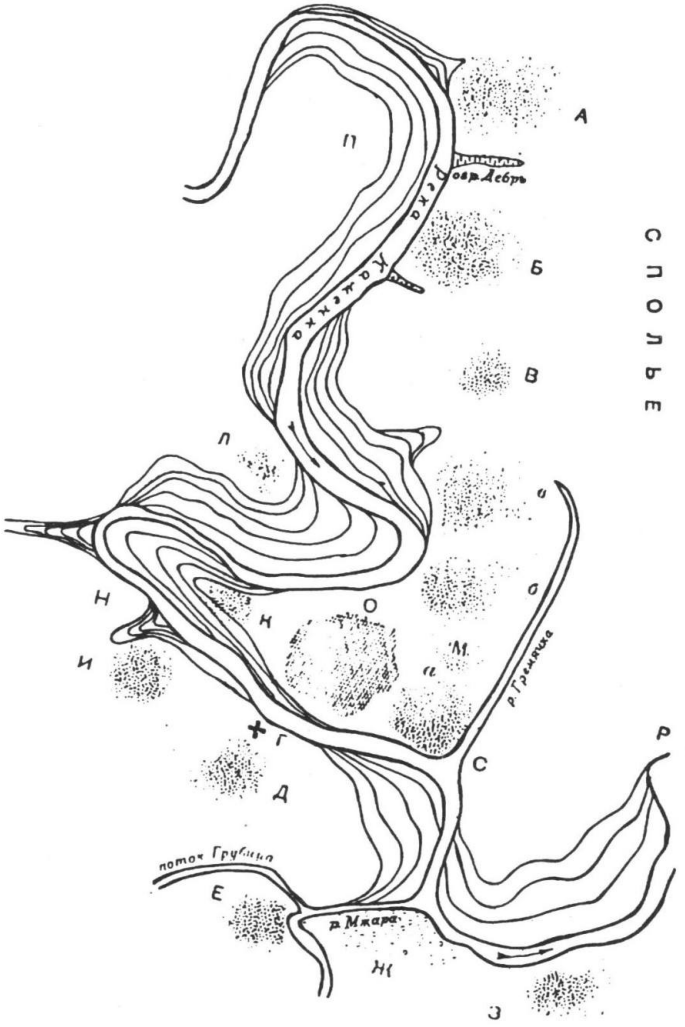


Рис. 43. Схема поселений XI-XIII вв. на территории Суздаля (по А. Д. Варганову).
Буквы обозначают участки обследования: А – Спасо-Евфимиевский монастырь; Б – Александровский монастырь; В – Ризоположенский и Троицкий монастыри; Г – Дмитриевский монастырь; Д – Дмитриевская сторона; Е – Пинаева сторона и Введенский монастырь; Ж – курганная группа на Михайловой стороне; З – Михайлова сторона; И – Борисоглебская сторона; К – Иванова гора; Л – Тихвинская слобода; М (а-б-в) – территория острога; О – кремль (участки обозначенные буквами Н, П, Р, С не обследовались).

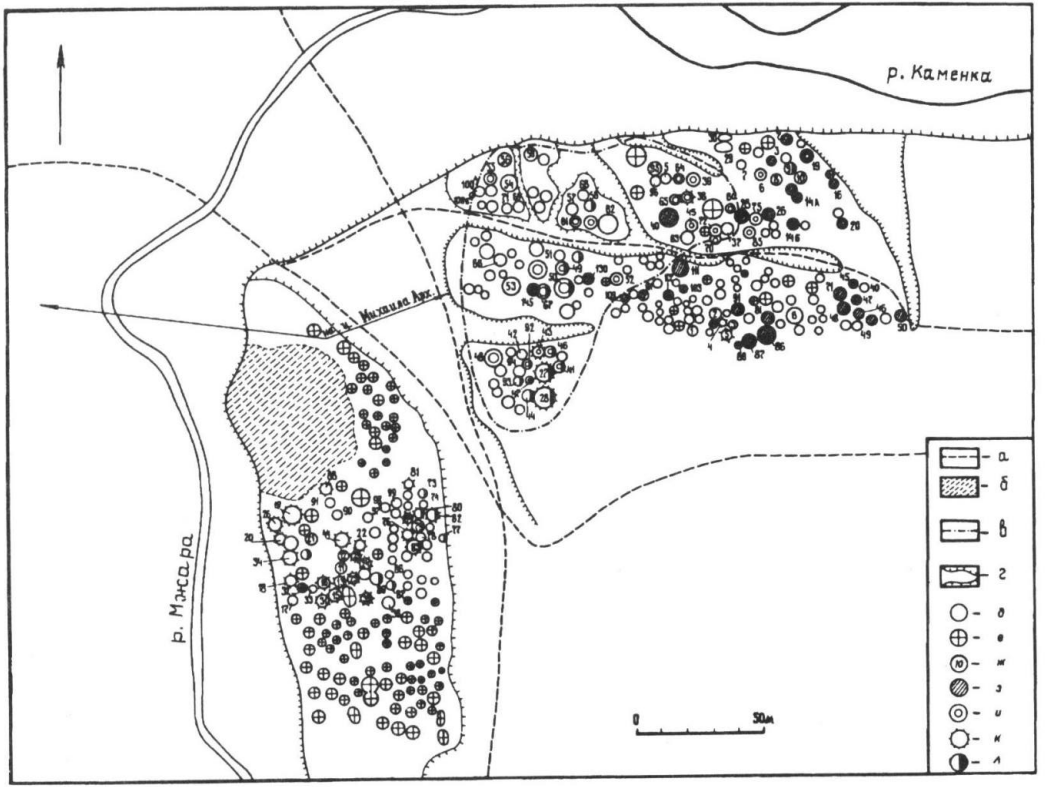


Рис. 44. План курганного могильника на Михайловой стороне:
а – тропинки; б – территория "бескурганного могильника"; в – предполагаемая граница селища; г – обрыв берега; д-л – курганы: (д – нераскопанные, е – раскопанные А. С. Уваровым, А. Ф. Дубыниным и др., з – раскопанные в 1967-1970 гг., ж – раскопанные в 1974-1981 гг., и – с кольцевыми канавками, к – с ровиками, л – с большими могилами.

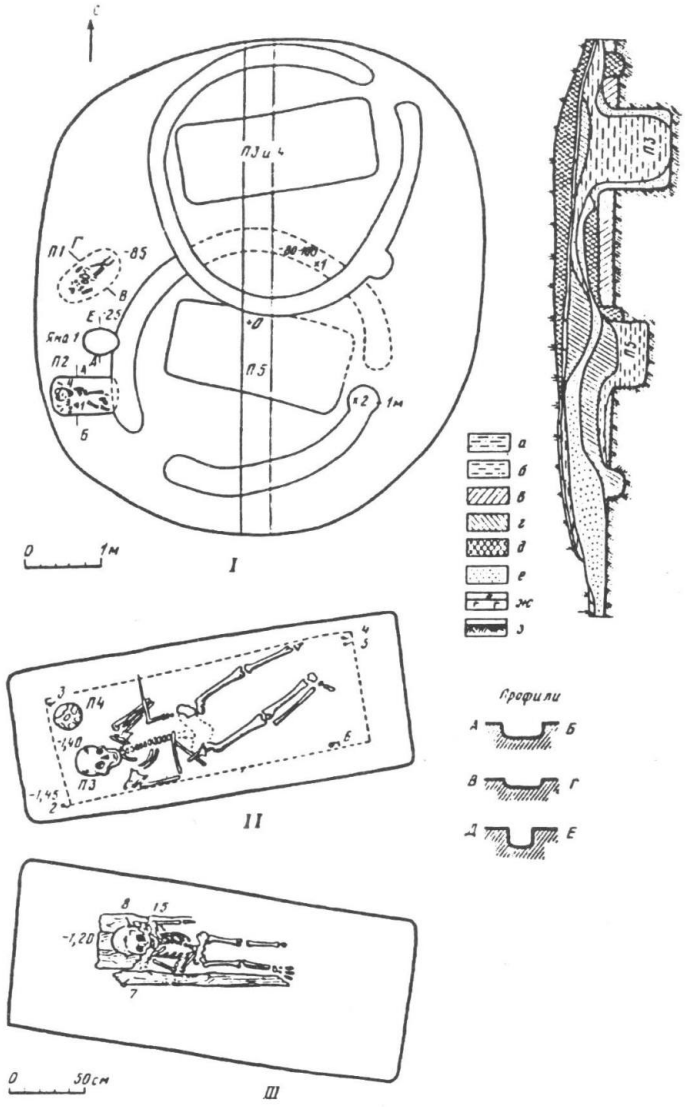


Рис. 45. Курган № 62 с кольцевыми канавками:
I – план и разрез кургана (а – суглинок; б – глина; в – серый слой; г – черный слой; д – слой перекопа; е – песок, ж – дерновый слой; 3 – материк);
II – план погребений 3 и 4 (находки: 1 – рубчатый перстень; 2-6 – железные гвозди);
III – план погребения 5 (находки: 1, 2 – перстневидное и трехбусинное височные кольца; 3-5 – два перстневидных и одно трехбусинное височные кольца; 6 – бронзовый пластинчатый браслет; 7, 8 – железные гвозди.

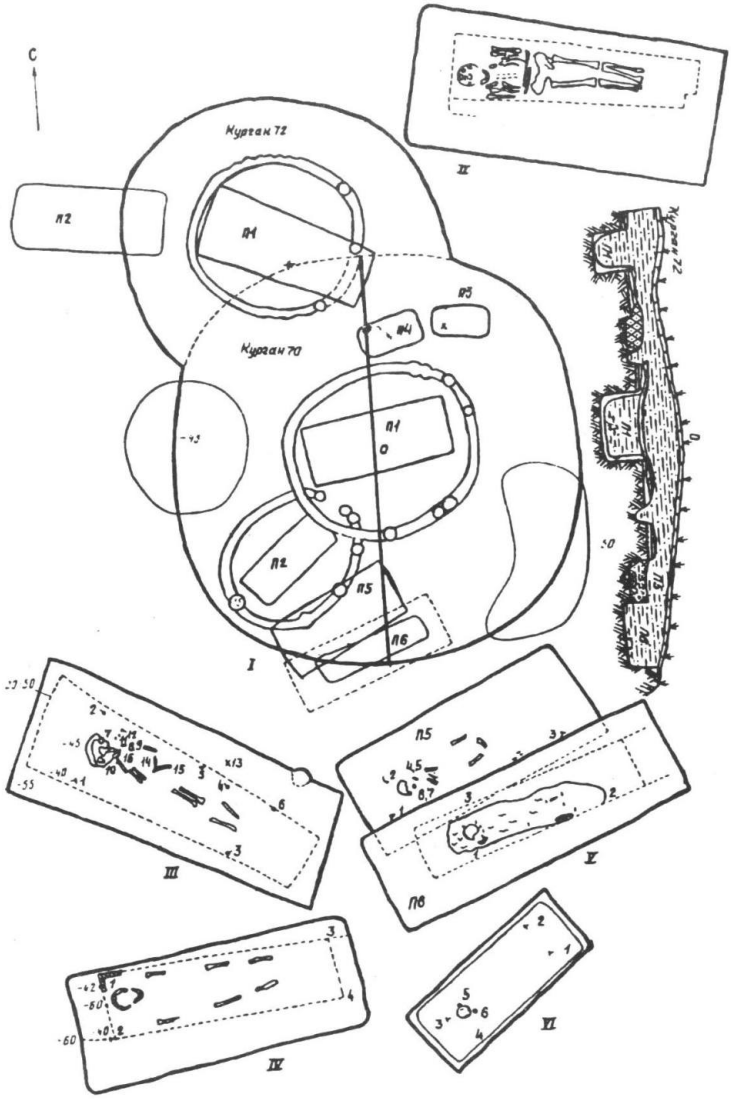


Рис. 46. Курганы 70 и 72 с разновременными погребениями:
I – план и профиль курганов; II – план погребения 2 кургана 72 (находки: 1 – пуговица бронзовая); III – план погребения 1 кургана 72 (находки: 1-6 – железные гвозди; 7-9, 14 – перстневидные височные кольца; 10 – застежка от бус; 11, 12, 16 – стеклянные золоченые бусины; 13 – фрагмент керамики; 15 – железный нож); IV – план погребения 1 кургана 70 (находки из погребения 5: 1-3 – железные гвозди; 4-6 – перстневидные височные кольца; 7 – трехбусинное узелковое височное кольцо; V – находки из погребения 6: 1-3 – железные гвозди); VI – план погребения 2 кургана 70 (находки: 1-4 – железные гвозди; 5-6 – перстневидные височные кольца).

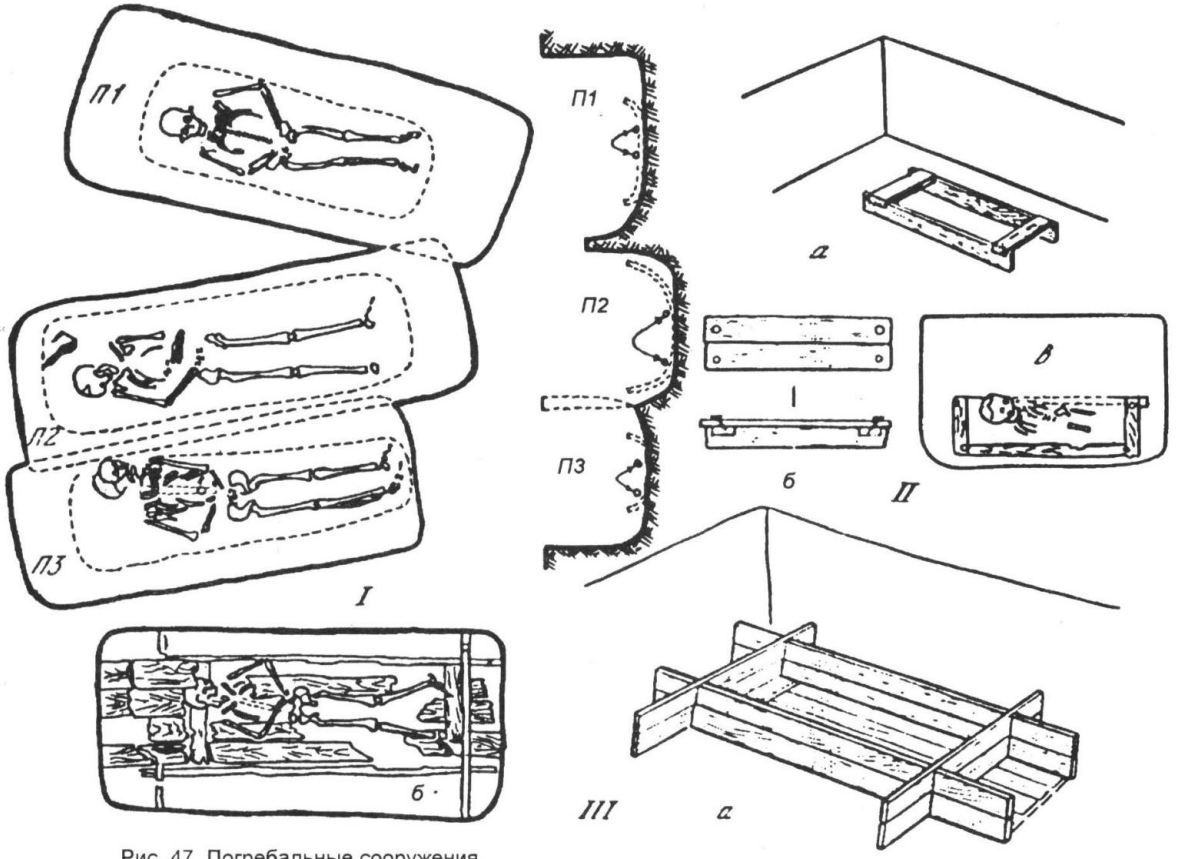


Рис. 47. Погребальные сооружения.
I – план и разрез погребений 1-3 в колодах из кургана 54;
II – гробовина в виде ящика из кургана 15 (а – общий вид; б – крышка ящика и вид сооружения сбоку; в – план могилы);
III – гробовина в виде клети из кургана 57 (а – общий вид; б – план).

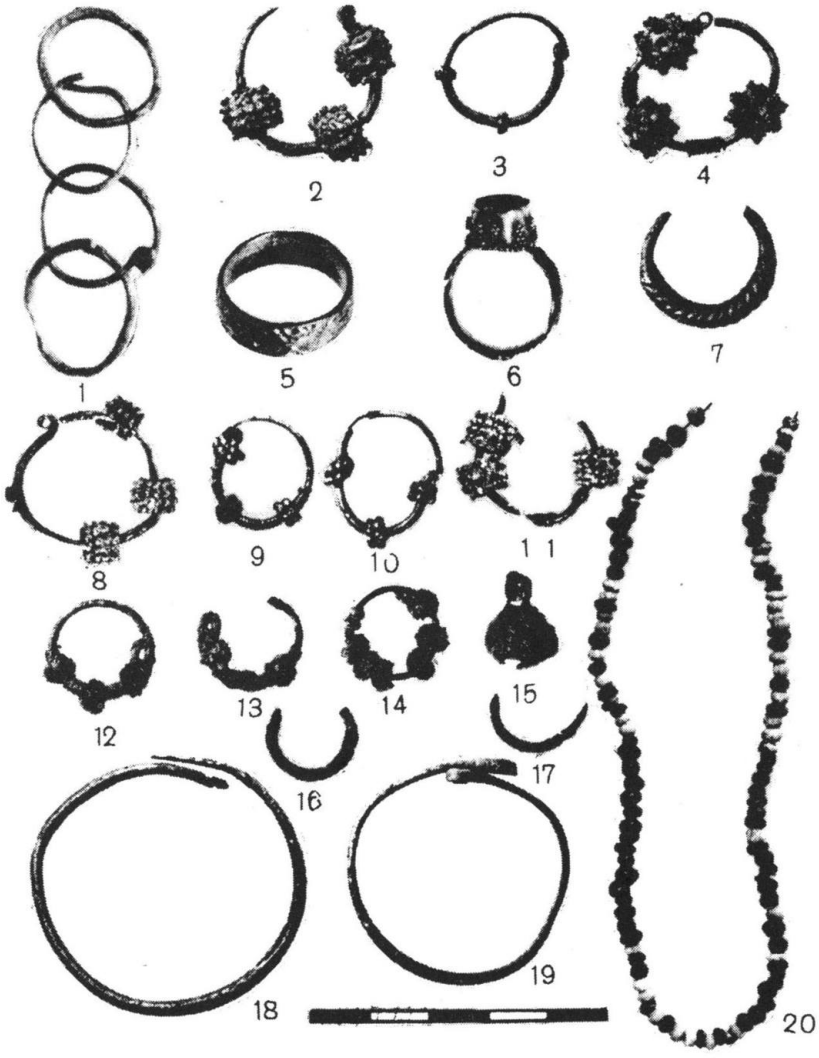


Рис. 48. Находки из курганов на Михайловской стороне:
1 – височные кольца из кургана 16/1968; 2-4 – височные кольца из кургана 6/1967; 5 – перстень из кургана 9/1967; 6 – перстень из кургана 6/1967; 7 – перстень из кургана 62 (погр. 3); 8-11 – височные кольца из кургана 9; 12-14, 16-18 – комплекс находок из кургана 62 (погр. 5); 15 – бубенчик из кургана 60; 19 – браслет из кургана 59; 20 – бисер из кургана 63.

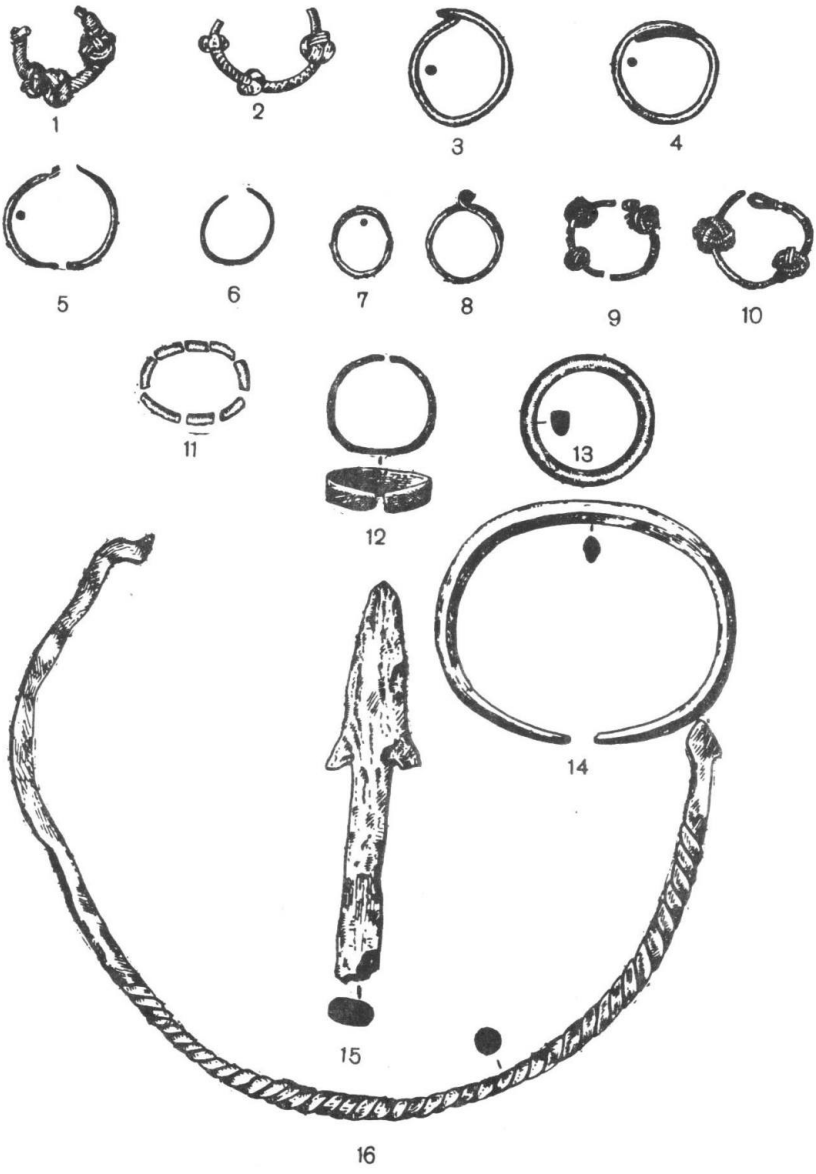


Рис. 49. Находки из курганов на Михайловской стороне:
1-6, 9 – височные кольца из кургана 64; 7-8, 10-11 – височные кольца из кургана 70; 12 – перстень из кургана 56; 13 – поясное кольцо из "бескурганного могильника (погр. 11/1977); 14 – браслет из кургана 25 (погр. 2); 15 – железный наконечник стрелы из кургана 41; 16 – шейная гривна из кургана 16/1968.

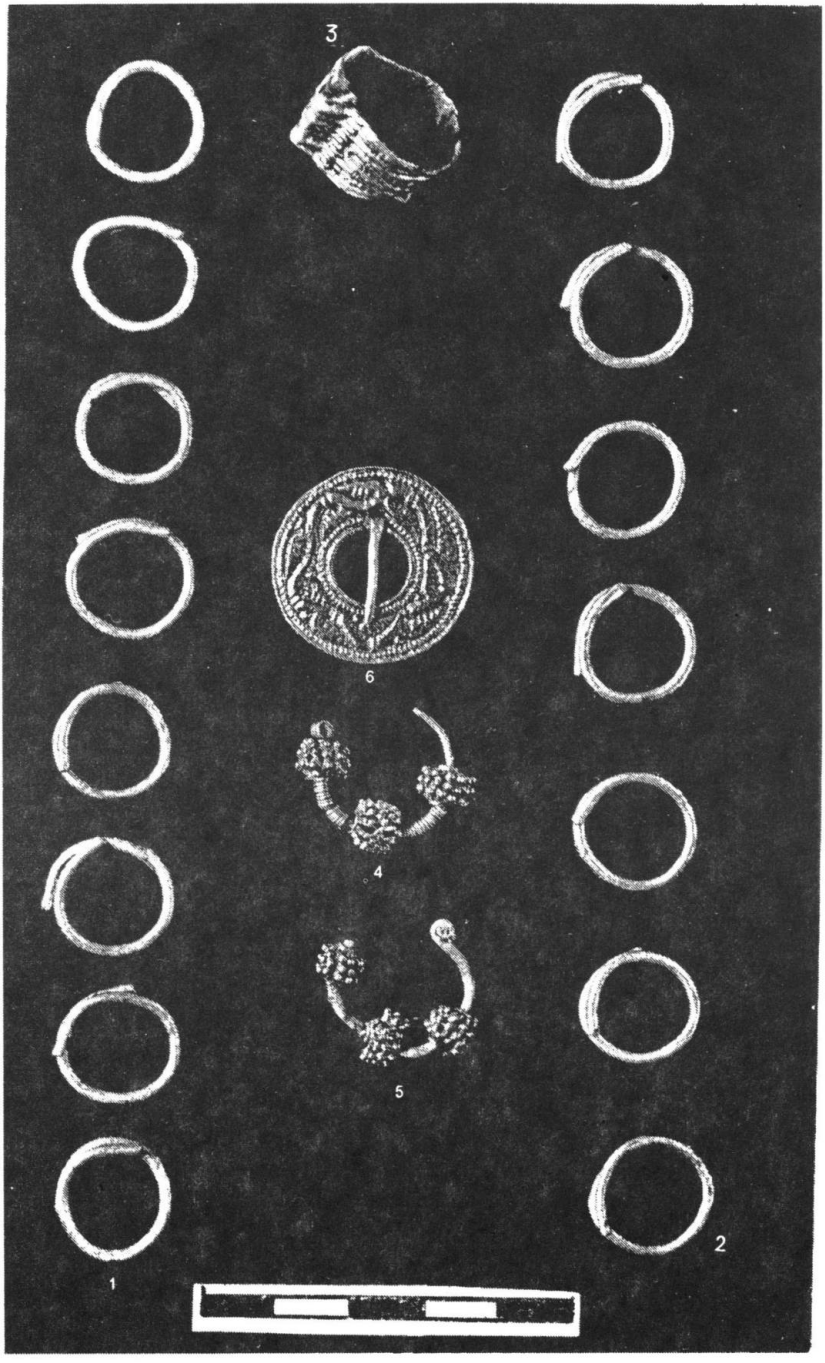


Рис. 50. Комплекс серебряных украшений из кургана 96.

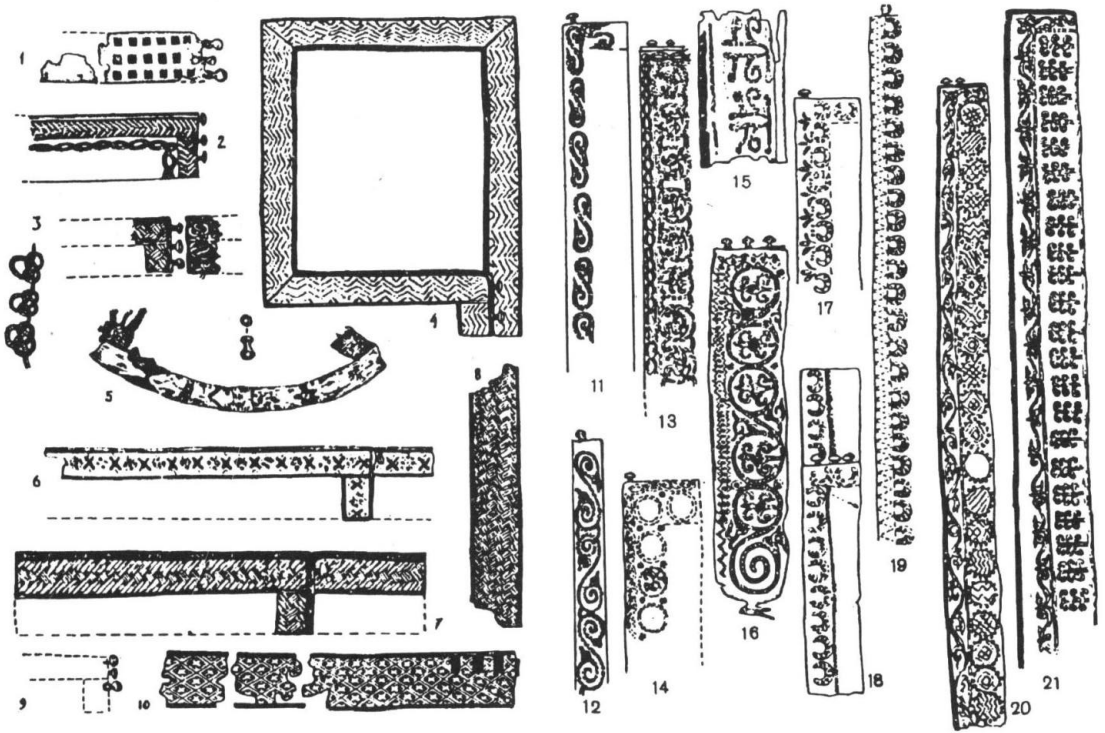
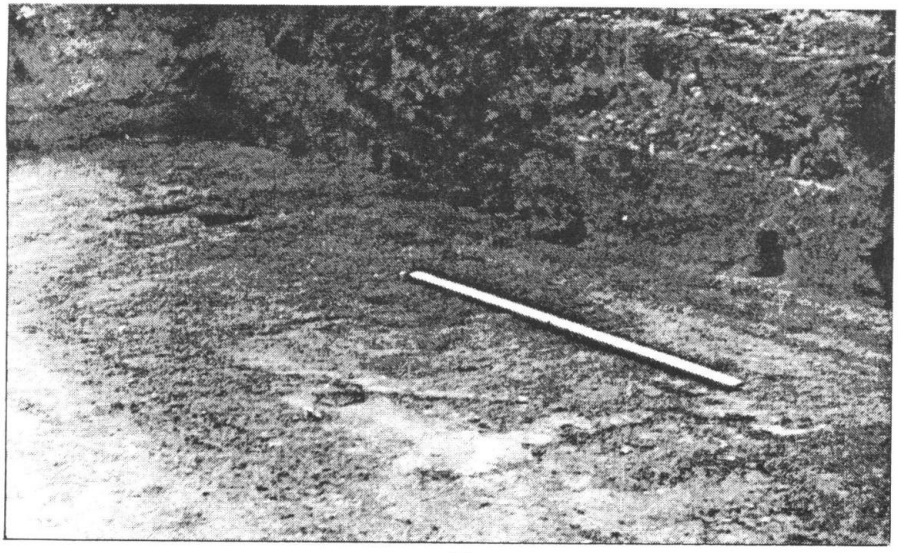
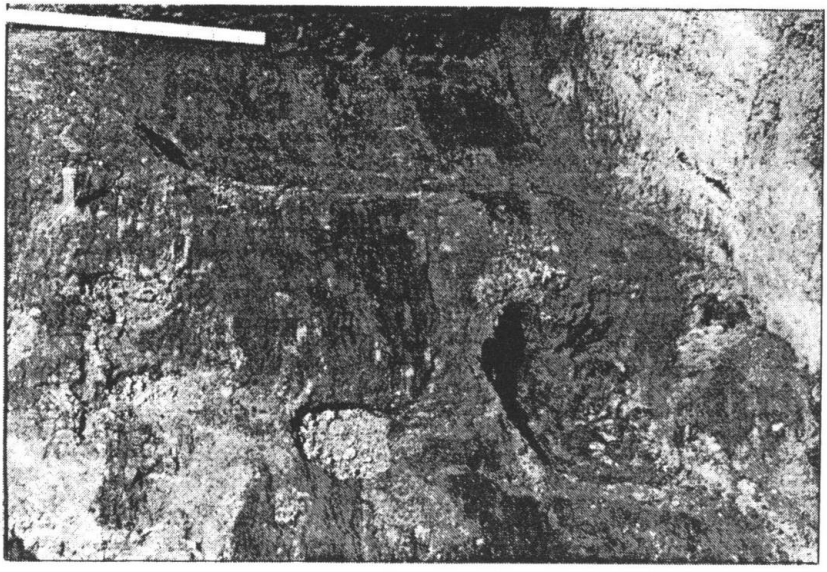


Рис. 51. Воротники золототканые и с шитьем из курганов на Михайловской стороне (по М. А. Сабуровой):
1 – курган 87; 2 – курган 50, погр. 1; 3 – курган 93, погр. 2; 4 – курган 54, погр. 3; 5 – курган 19; 6 – курган 93, погр. 1; 7 – курган 33; 8 – курган 55; 9 – курган 90; 10 – курган 61, погр. 3; 11 – курган 86; 12 – курган 74; 13 – бескурганный мог-к, погр. 2; 14 – курган 55; 15-16 – курган 11; 17 – курган 50; 18 – бескурганный мог-к, погр. 3; 19 – курган 92; 20 – курган 71; 21 – курган 73.

Рис. 52. Лепной горшок из ровика кургана 81.

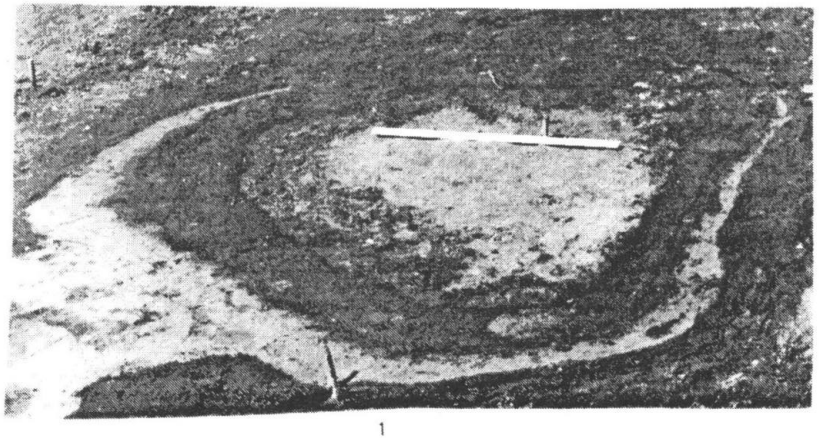


1

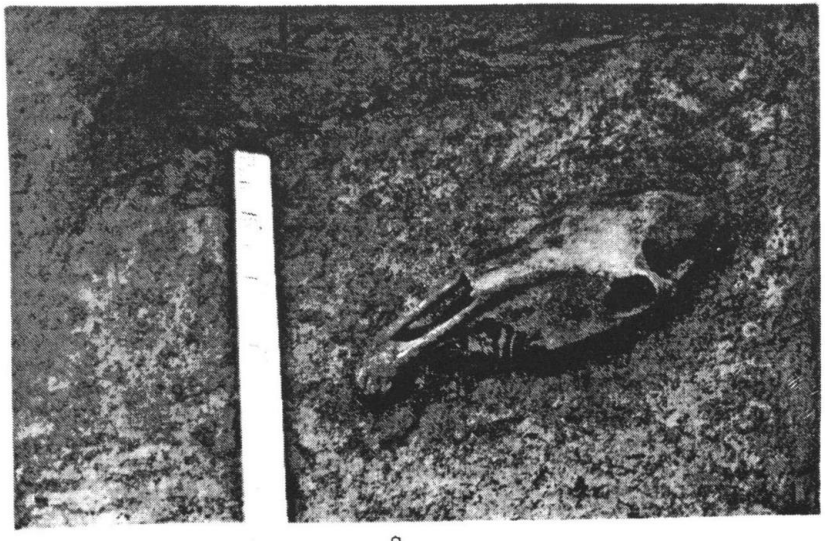


2

Рис. 53. Фото остатков жилой застройки XI в.:
1. Пятно постройки № 11/1981. Вид с востока.
2. Остатки деревянного пола постройки № 10/1981. Вид с юга.

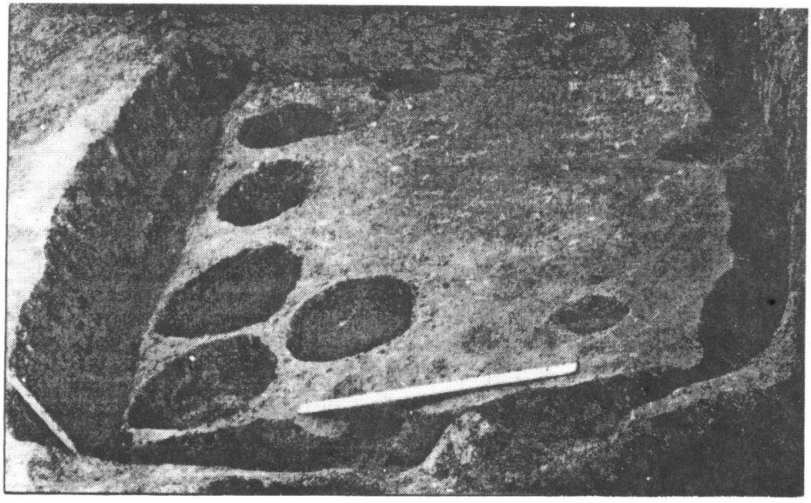


1

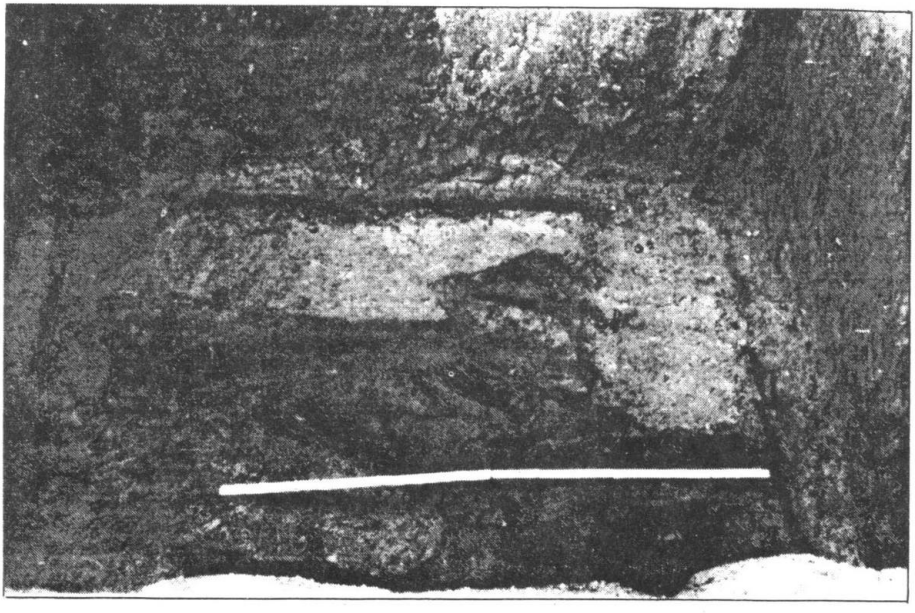


2

Рис. 54. Постройка № 22/1985. XII в.:
1 Контуры подполья.
2. Череп лошади – остатки строительной жертвы.

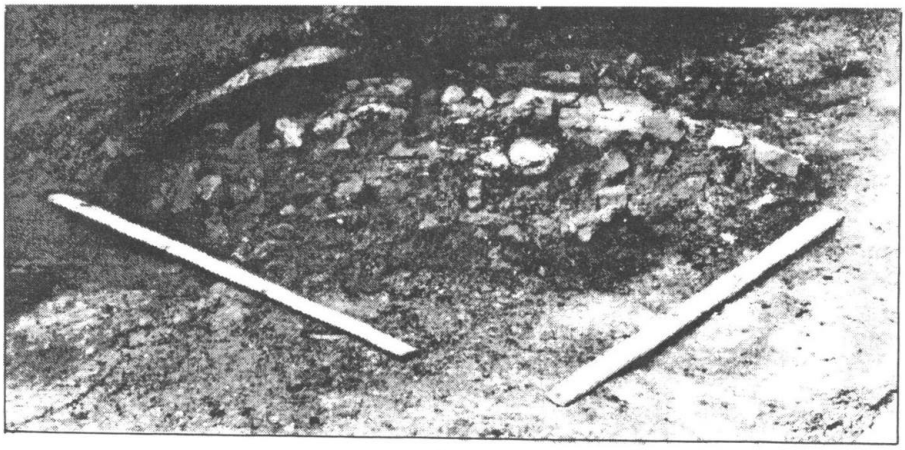


1

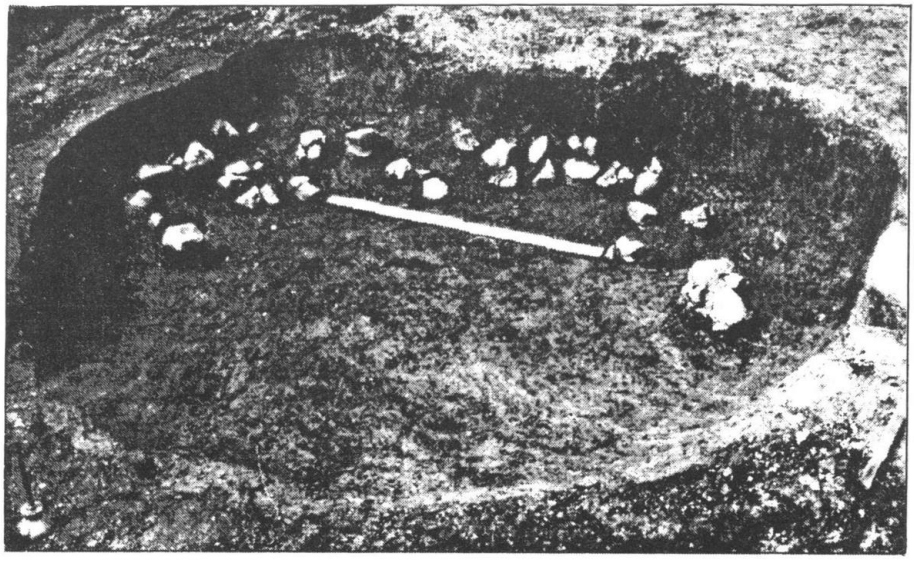


2

Рис. 55. Подпольные ямы с деревянными конструкциями конца XII – нач. XIII в.:
1. – подполье постройки № 35/1985.
2. – подполье постройки № 29/1982.



1



2

Рис. 56. Печь постройки № 14/1989. XI в.:
1 – под печи; 2 – подпечная яма.

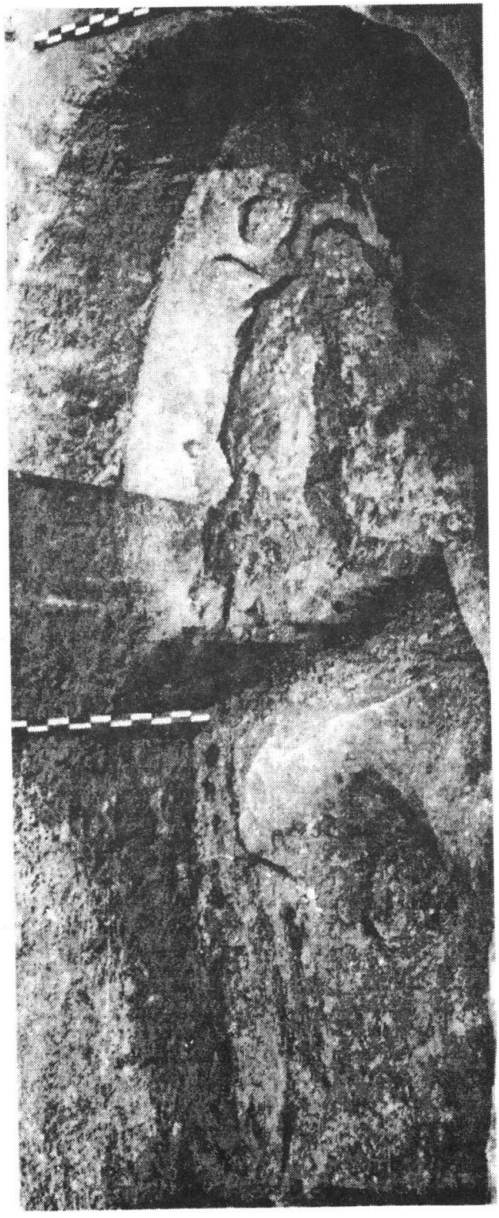
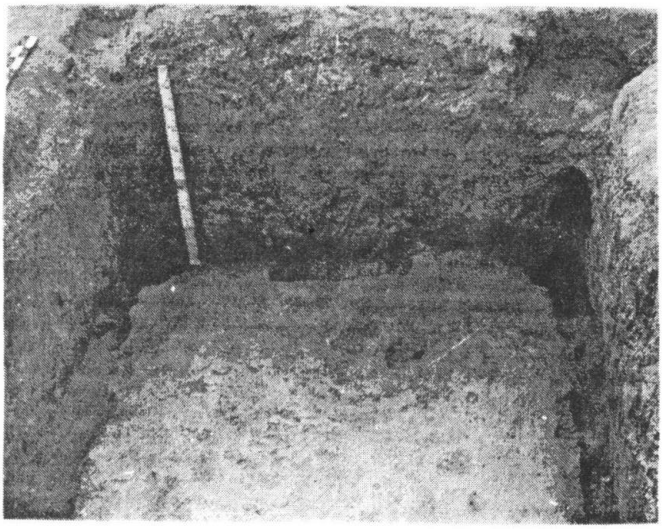
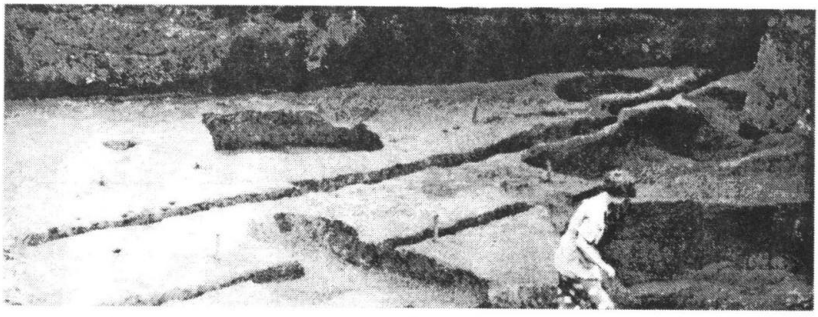


Рис. 57. Полуземляночная постройка XII – нач. XIII в. в раскопе у ц.Иоанна Предтечи.



1



2

Рис. 58. 1. Хозяйственное подполье меднолитейной мастерской в раскопе у ц.Скорбящей Божьей Матери.
2. Остатки частокола XI в., разделявшего усадьбы "А" и "В" в кремле у ц.Успения.

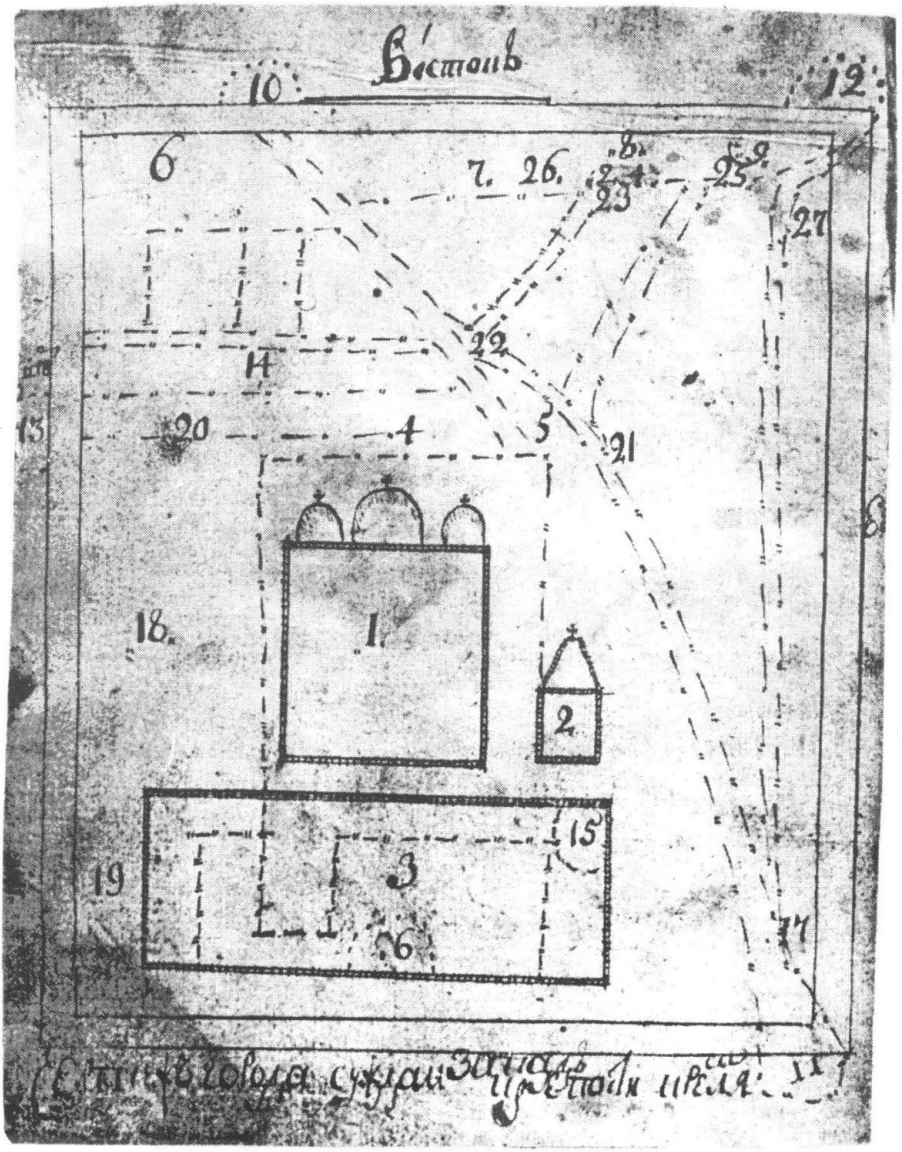


Рис. 59. План-рисунок кремля сер. XVIII в.

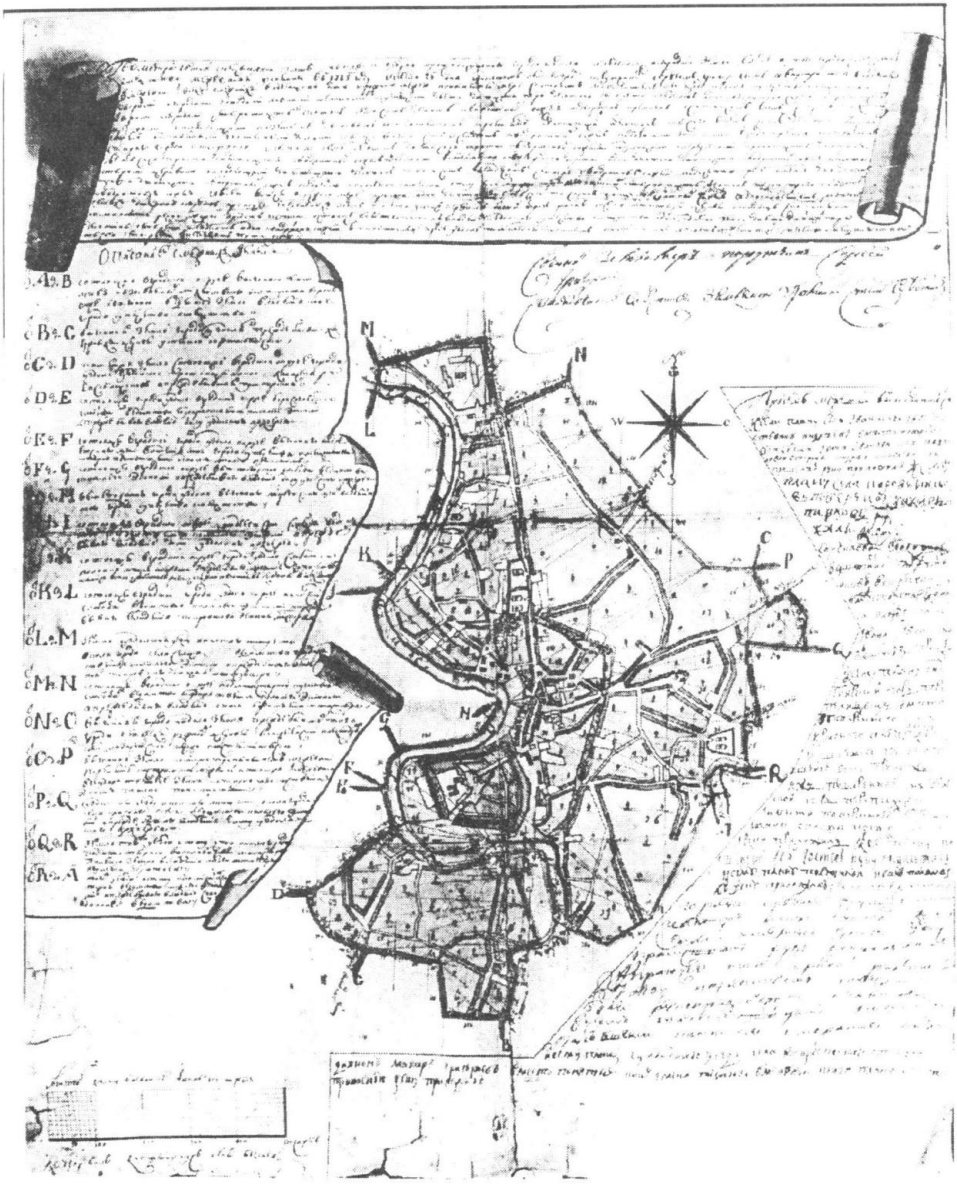


Рис. 60. План Суздаля 1779 г.

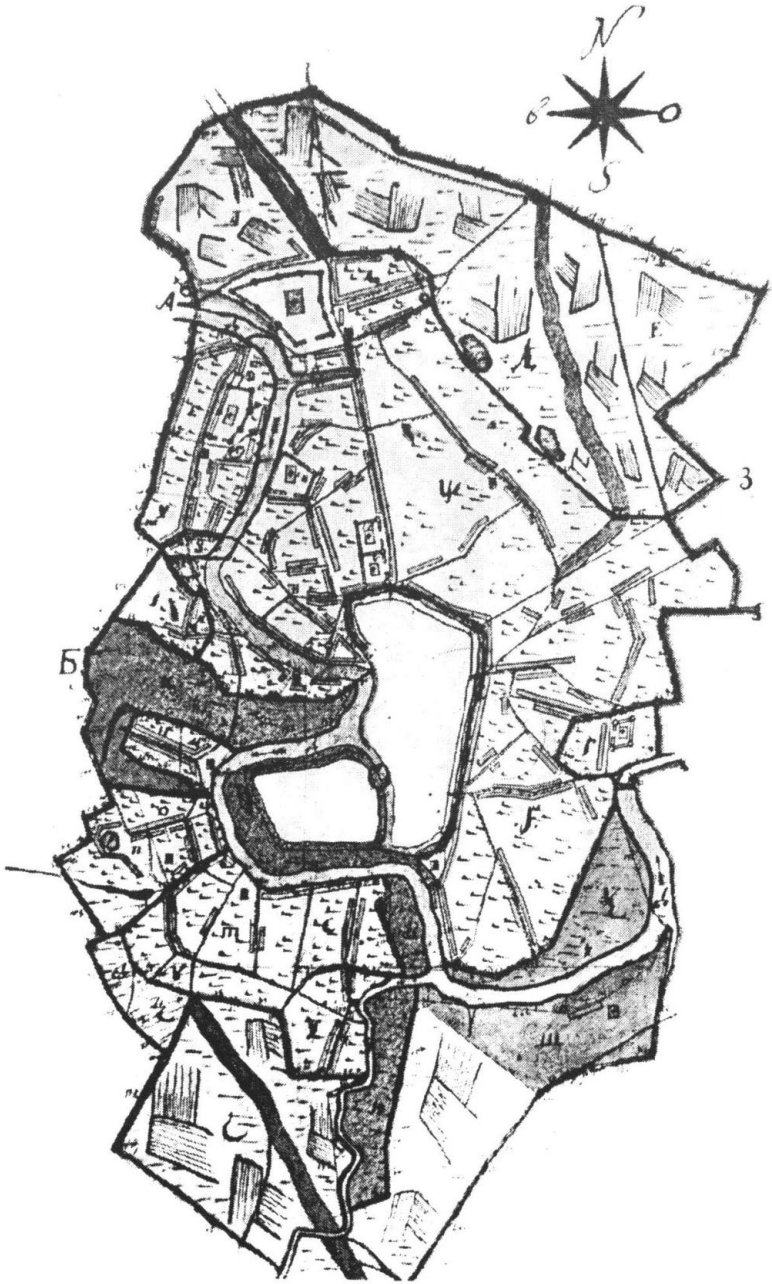


Рис. 61. План Суздаля 1756 г.

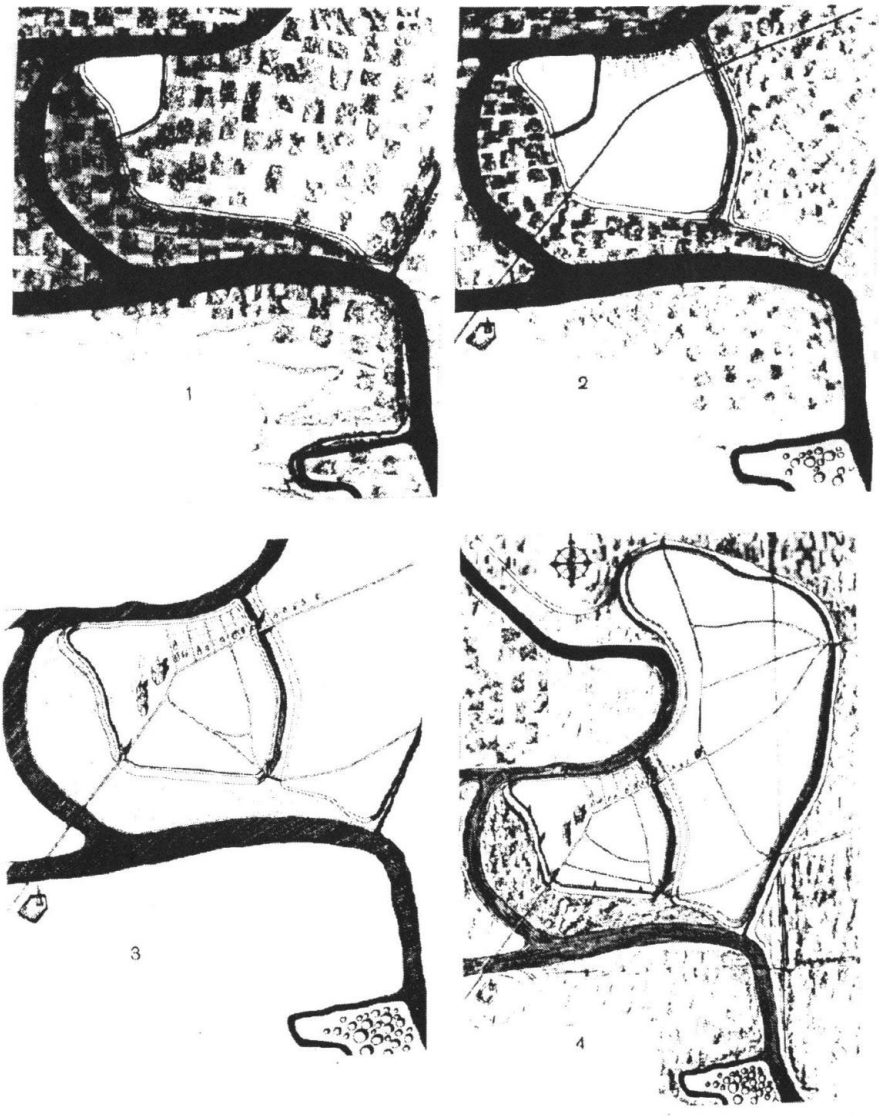


Рис. 62. Схема развития г.Суздаля в X-XII вв.:
1 – X в.; 2 – середина XI в.: 3 – начало XII в.; 4 – середина XII в.

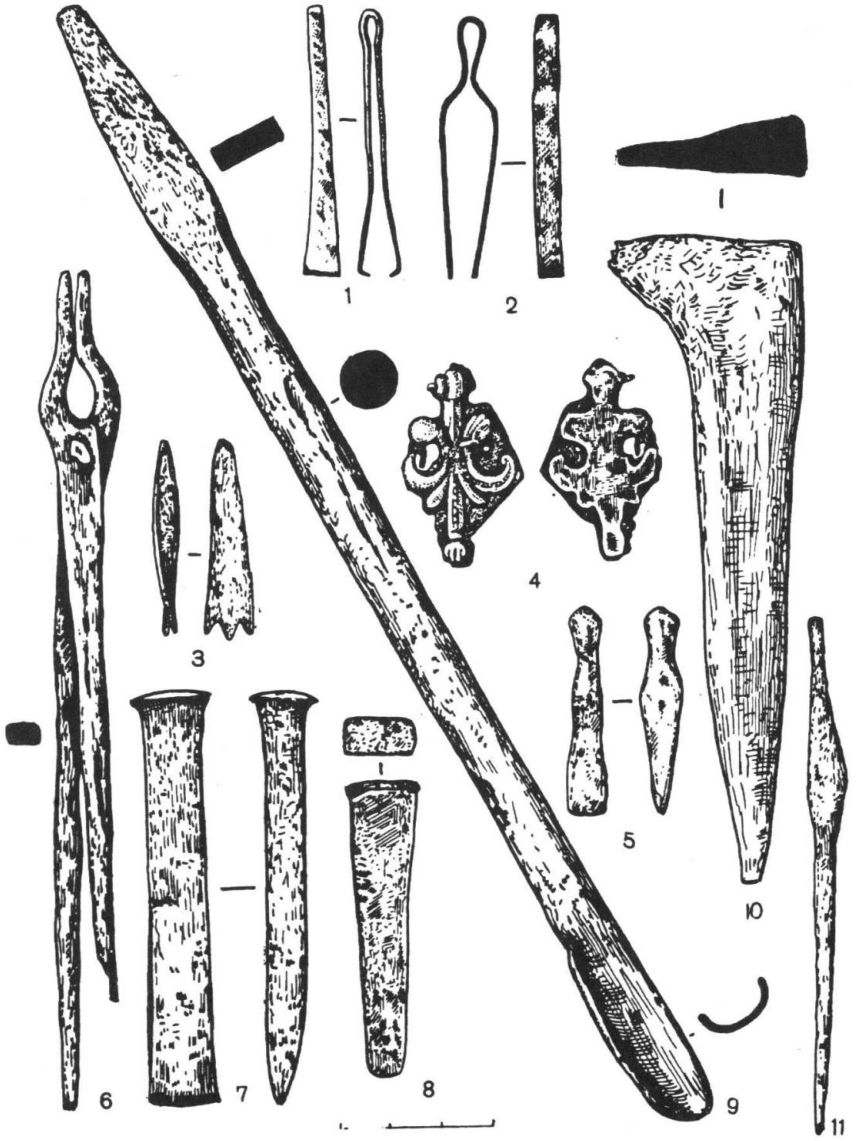


Рис. 63. Ремесленный инструментарий:
1, 2 – пинцеты; 3, 9 – сверла; 4 – полуфабрикат криновидной подвески; 5 – молоток-чекан; 6 – клещи; 7, 8 – долота; 10 – ювелирная наковальня: 11 – штихель (1-3, 5-11 – железо, 4 – оловянисто-свинцовый сплав).

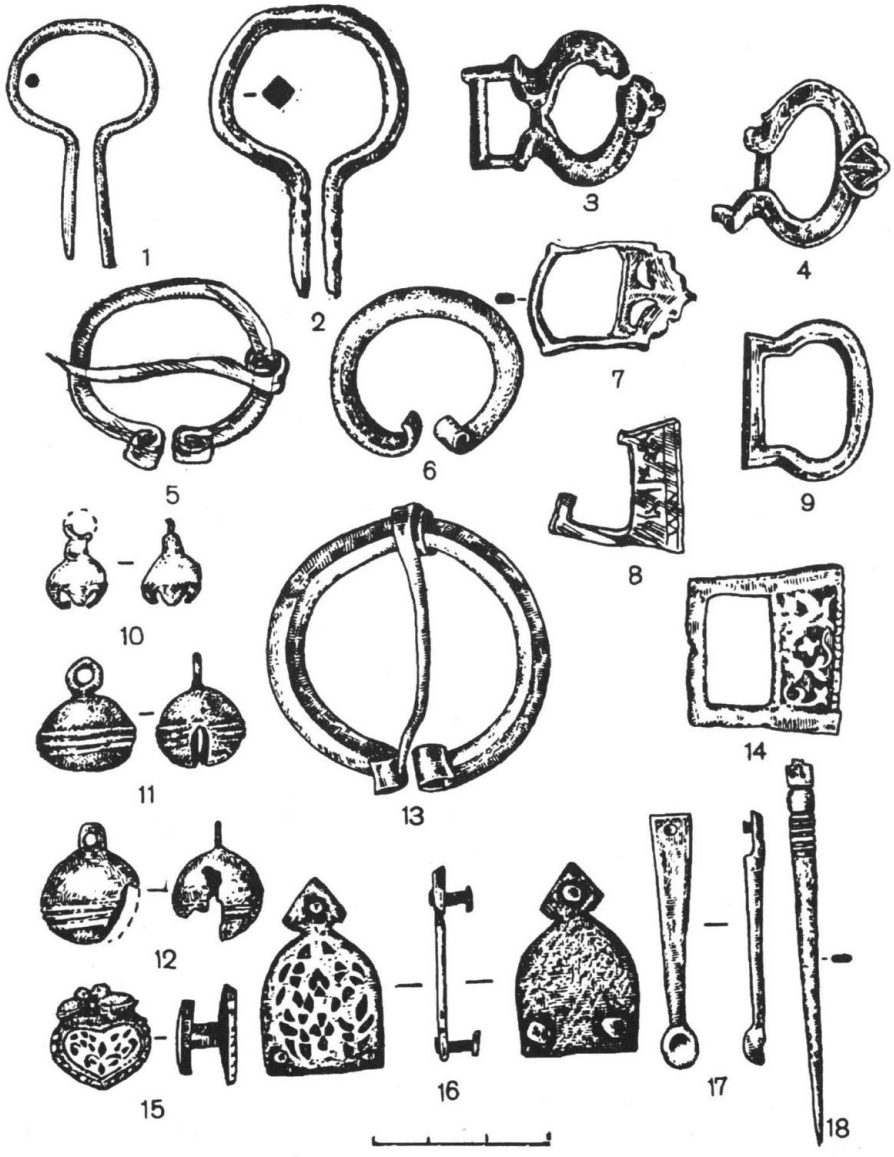


Рис. 64. Изделия ремесленников-ювелиров:
1, 2 – сюльгамы; 3, 4, 7-9, 14 – пряжки; 5, 6, 13 – фибулы; 10-12 – бубенчики; 15-16 – накладки; 17 – копоушка; 18 – булавка.

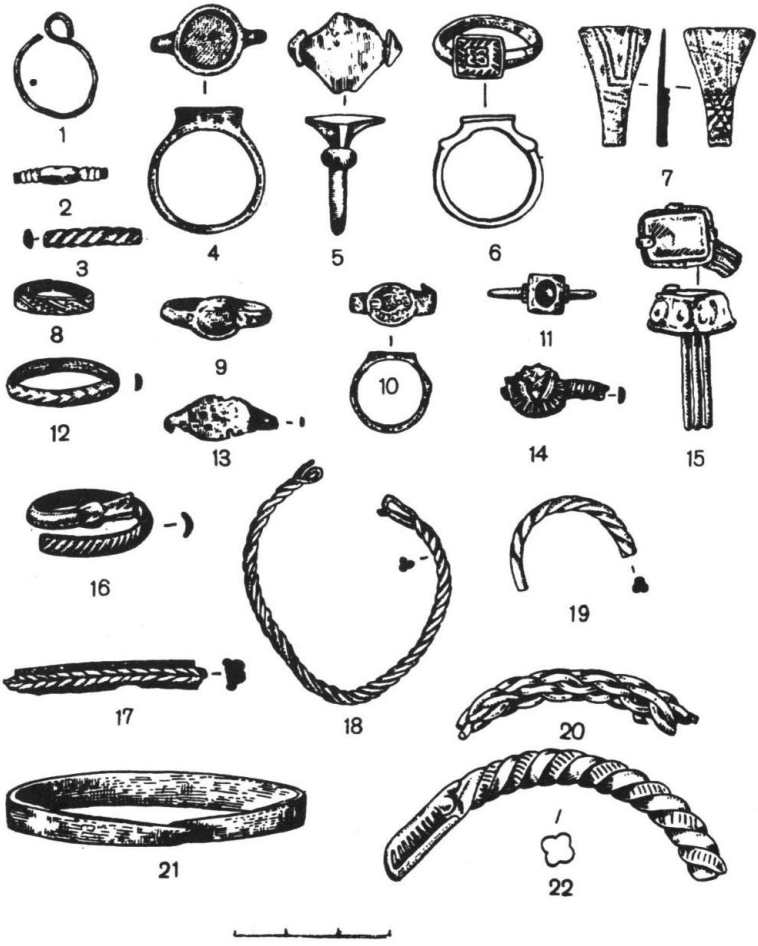


Рис. 65. Украшения из цветных металлов:
1 – перстнеобразное височное кольцо; 2-6, 8-16, 19 – перстни; 7 – булавка; 17, 18, 20-22 – браслеты.

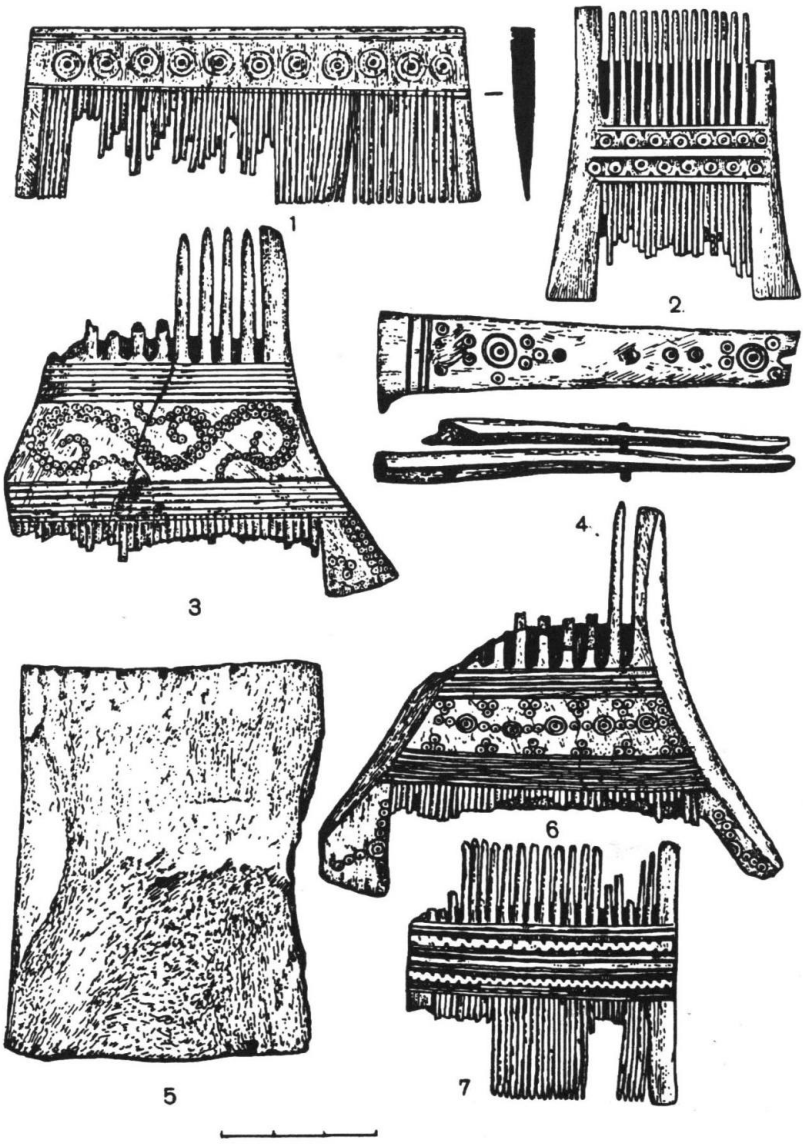


Рис. 66. Продукция косторезного ремесла:
1-3, 6, 7 – гребни; 4 – рукоятка ножа; 5 – заготовка гребня из рога.

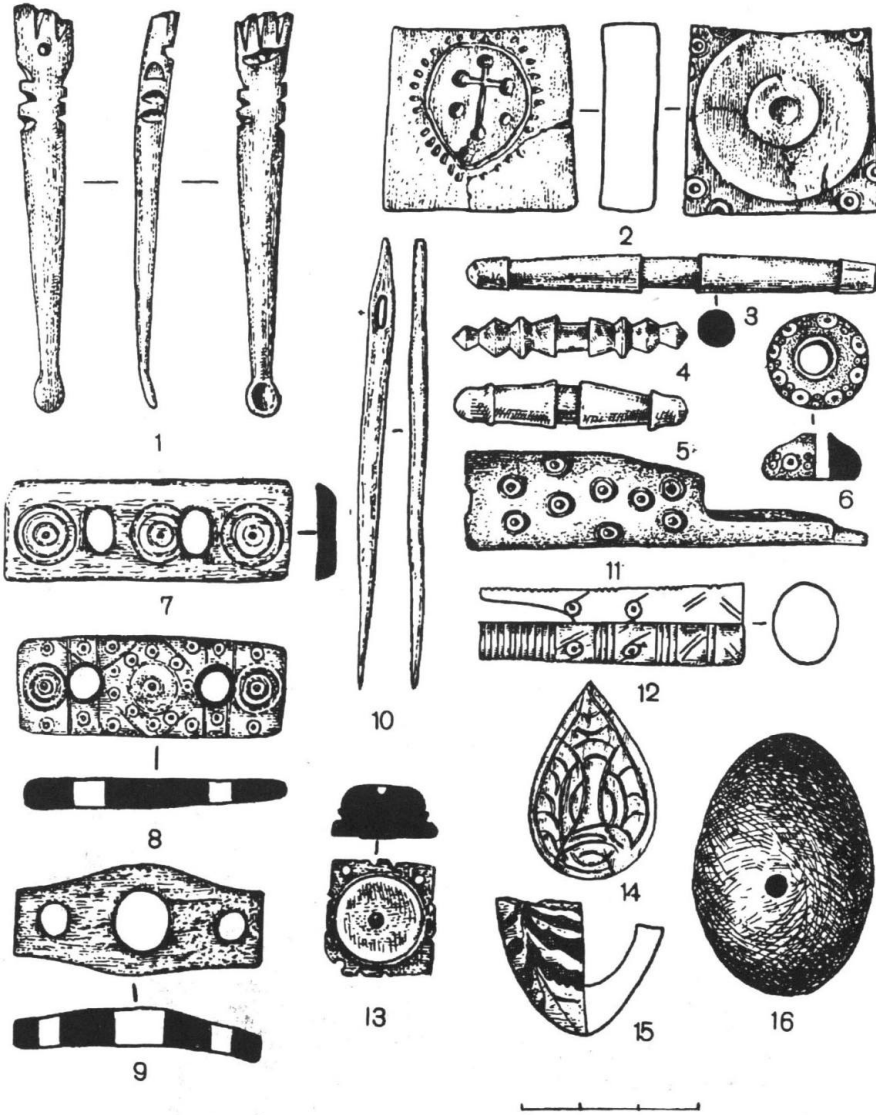


Рис. 67. Изделия мастеров-косторезов:
1 – копоушка; 2 – орнаментированный предмет; 3-6 – пуговицы; 7-9, 13, 14 – накладки; 10 – игла; 11-12 – орнаментированные рукоятки ножей; 15-16 – глиняные писанки.

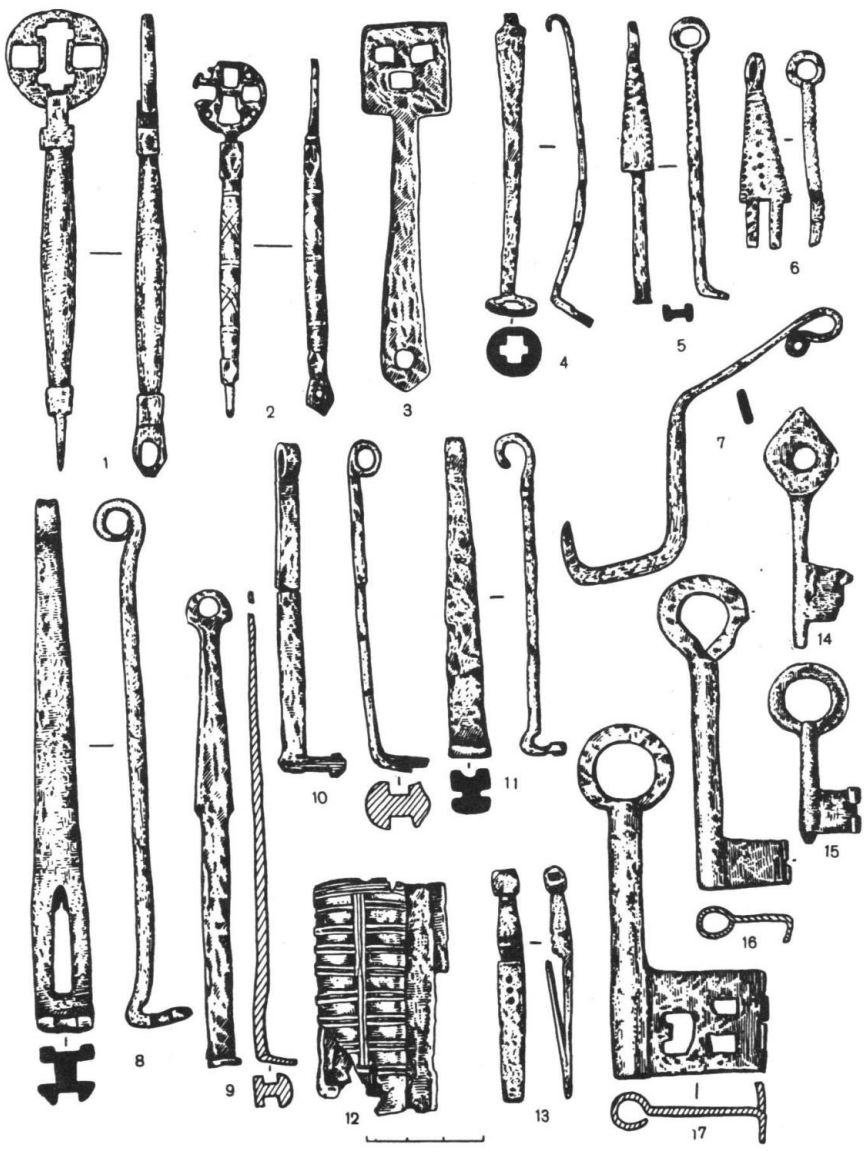


Рис. 68. Изделия кузнечного ремесла. Ключи, замки:
1-3 – ключи типа А; 4 – ключ типа Б; 5-11 – ключи типа В; 7 – ключ от деревянного замка; 12 – висячий замок типа Б; 13 – пружина замка; 14-17 – ключи от нутряных замков. (Типология новгородская по Б. А. Колчину).

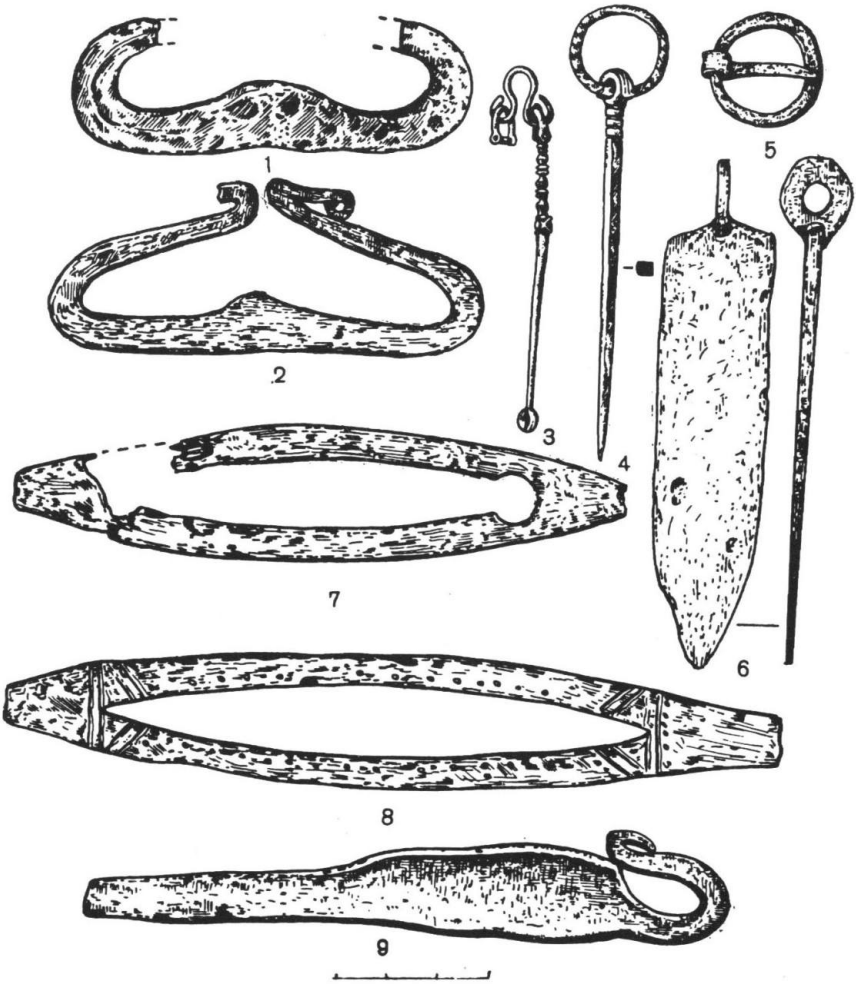


Рис. 69. Изделия кузнечного ремесла:
1, 2, 7-9 – кресала; 3 – копоушка; 4 – булавка; 5 – пряжка; 6 – привеска.

Рис. 70. Предметы импорта и торговый инвентарь:
1, 5 – фрагменты расписных сосудов; 2, 6 – накладки с головами драконов; 3 – янтарный перстень; 4 – гирька; 7 – сосуд; 8 – копоушка с фигуркой человека; 9 – шахматная фигура; 10-11 – приспособления для взвешивания монет; 12 – фигурное стекло от витража; 13 – коромысло весов. (1, 2, 7, 12 – стекло; 2, 4, 6, 8, 13 – бронза; 9-11 – кость).

Рис. 72. Предметы христианского культа:
1-5, 7, 9, 10, 12 – кресты-тельники; 6 – панагия; 8 – иконка с изображением двух святых; 11, 13-15 – створки энколлионов (1, 2, 7 – янтарь; 3, 5, 6, 8-11, 13-15 – бронза; 4, 12 – камень).

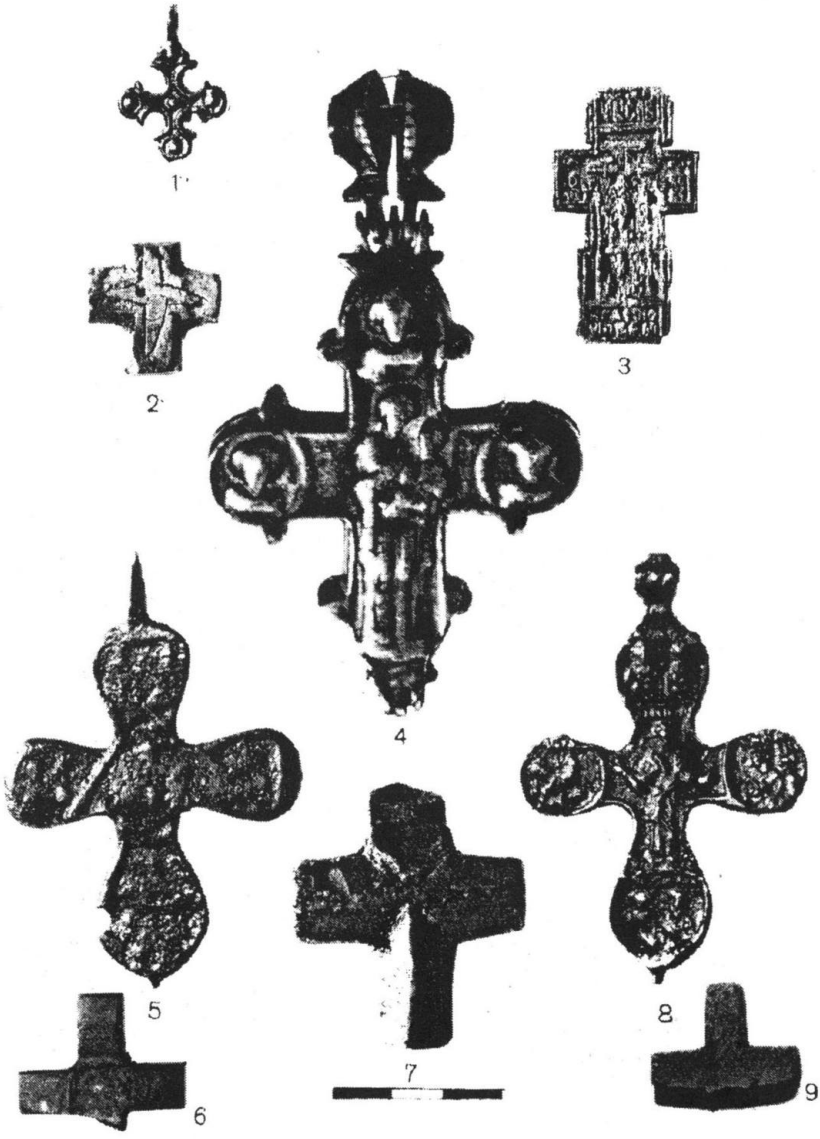


Рис. 73. Предметы христианского культа:
1-3, 5-9 – кресты-тельники; 4 – энколпион (1, 4, 5, 8 – бронза; 2, 6, 7, 9 – камень; 3 – кость).

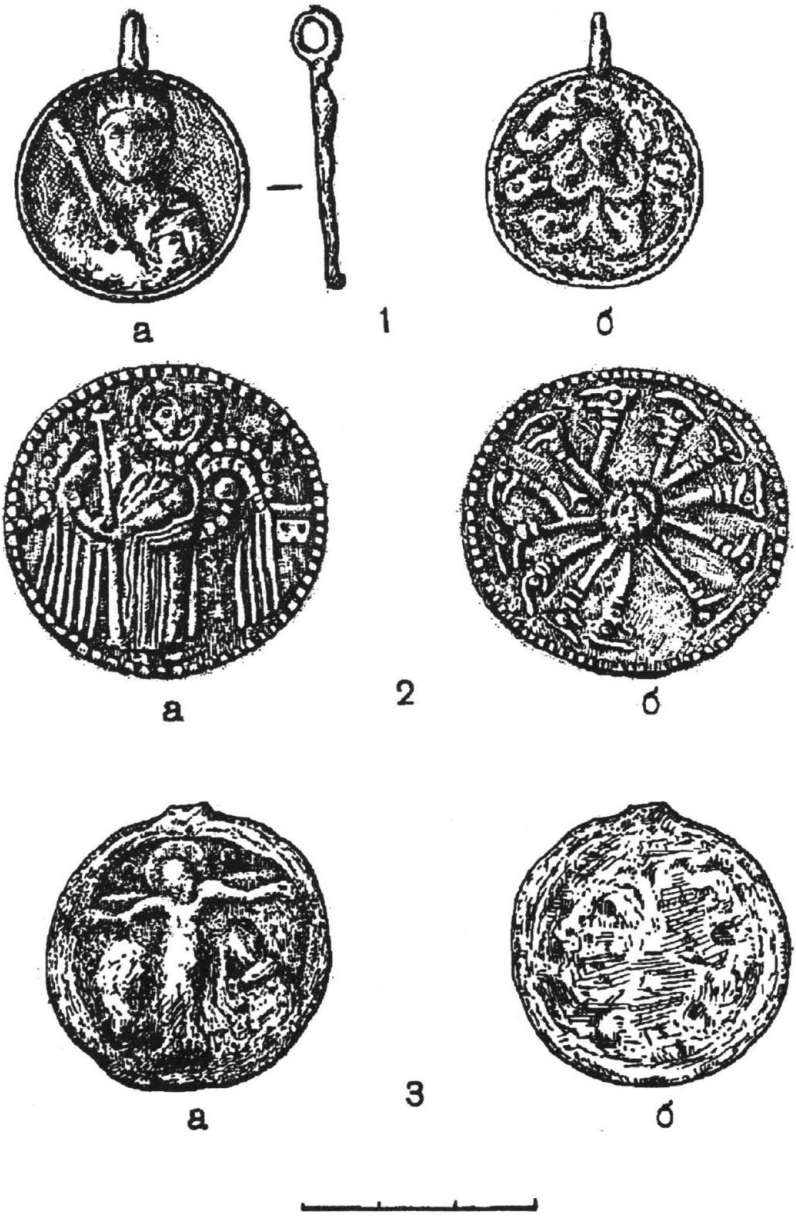


Рис. 74. Амулеты-змеевики бронзовые (а – лицевая сторона; б – оборотная сторона).

Рис. 75. Предметы, связанные с языческими культами:
1, 2 – лунницы; 3, 4, 5, 8 – шумящие подвески; 6, 16, 19 – привески-петушки; 7, 12, 17, 18 – амулеты из костей животных; 9-10 – привески-ложечки; 11 – привеска-ключ; 13 – фрагмент зооморфной привески; 14 – копоушка с антропоморфным изображением; 15 – привеска-топорик; 20 – привеска-конек (1 – стекло; 2-6, 8-11, 13-16, 19, 20 – бронза; 7, 12, 17, 18 – кость).

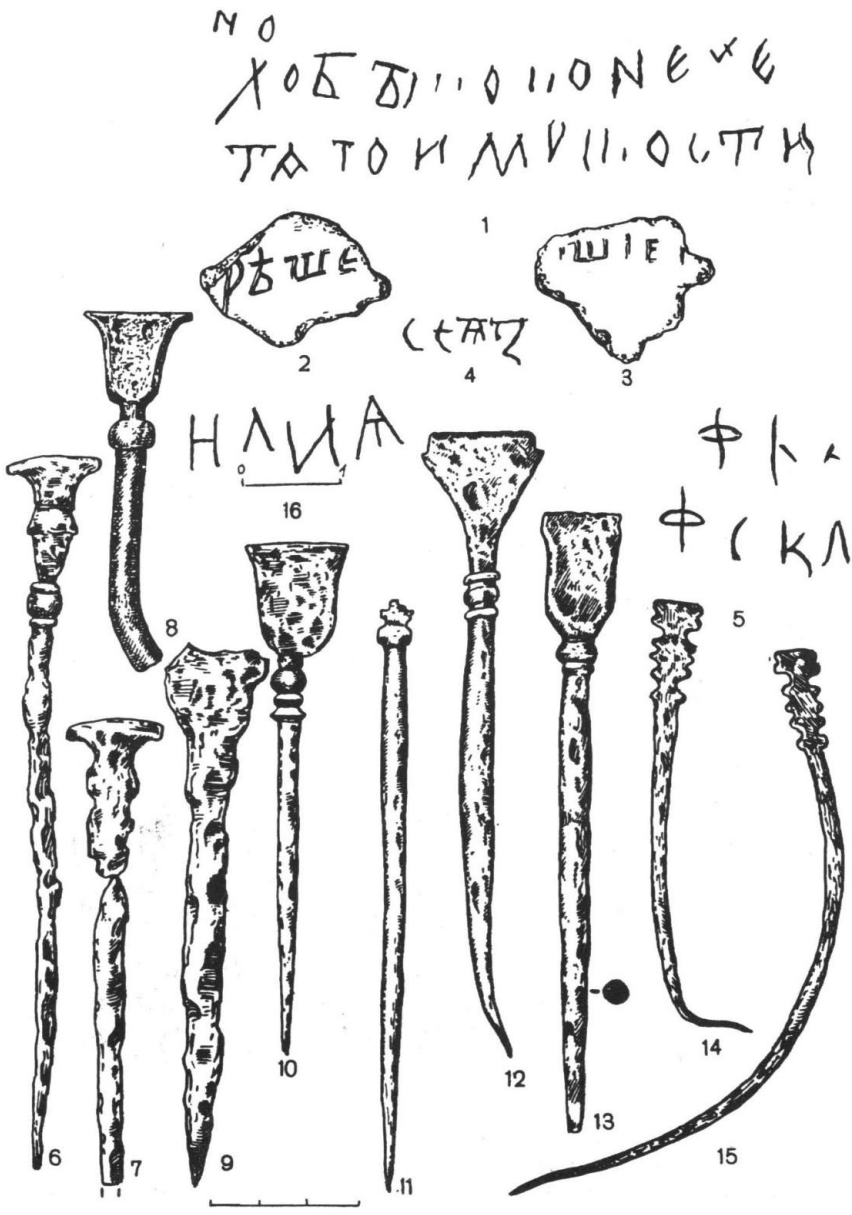


Рис. 76. Предметы, связанные с распространением грамотности:
1-5 – графитти на фресках из Рождественного собора; 6-15 – писала, 16 – надпись на пряслице из с.Весь.

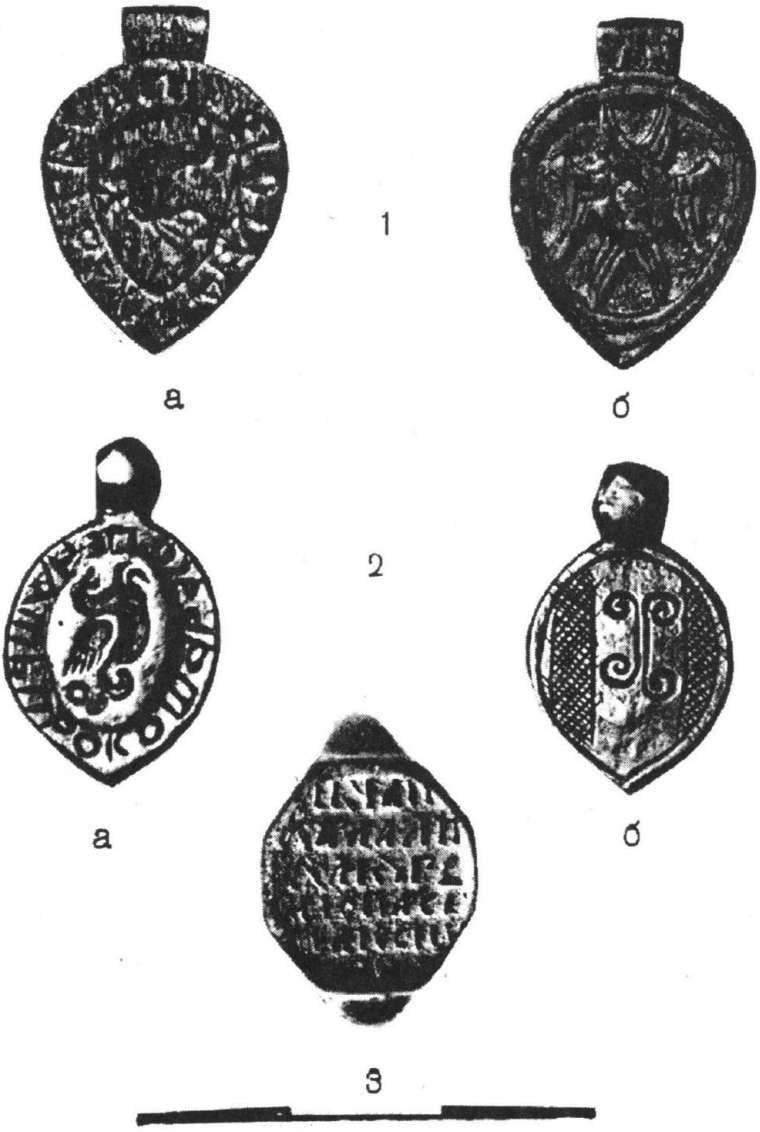


Рис. 77. Печати прикладные XV в. (а – лицевая сторона; б – оборотная сторона).

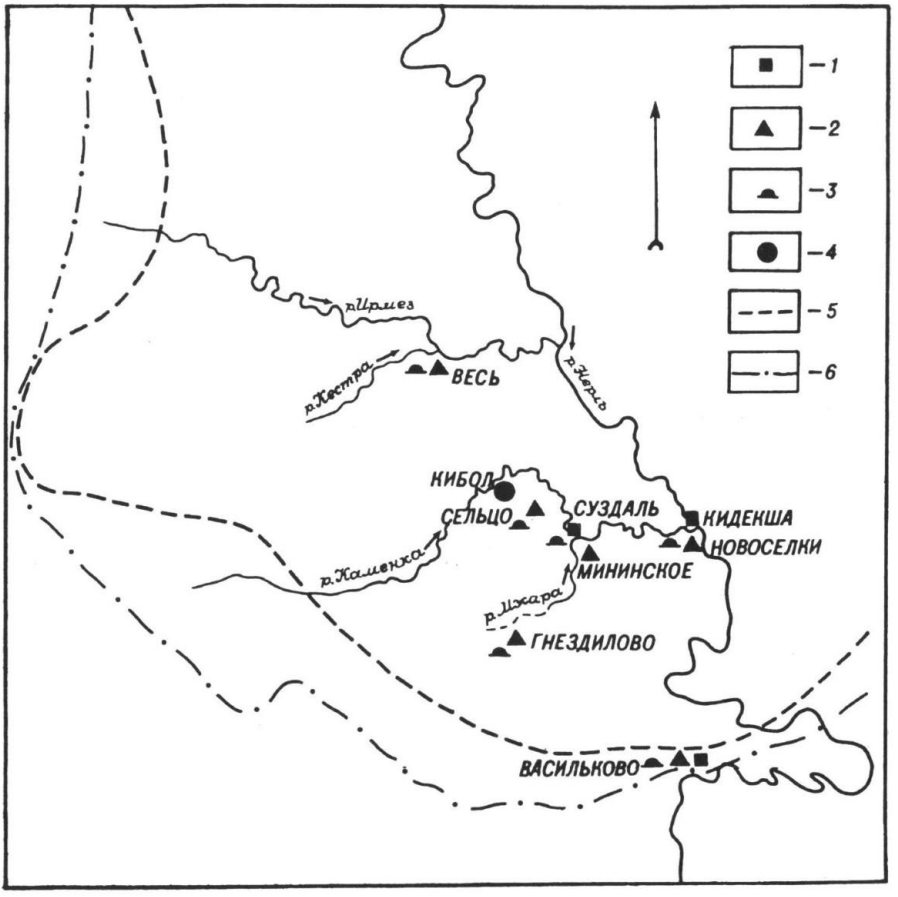


Рис. 78. Карта памятников суздальской округи:
1 – городища; 2 – селища; 3 – курганы; 4 – мерянские селища; 5 – граница суздальского удельного княжества; 6 – граница суздальского уезда XIX в.

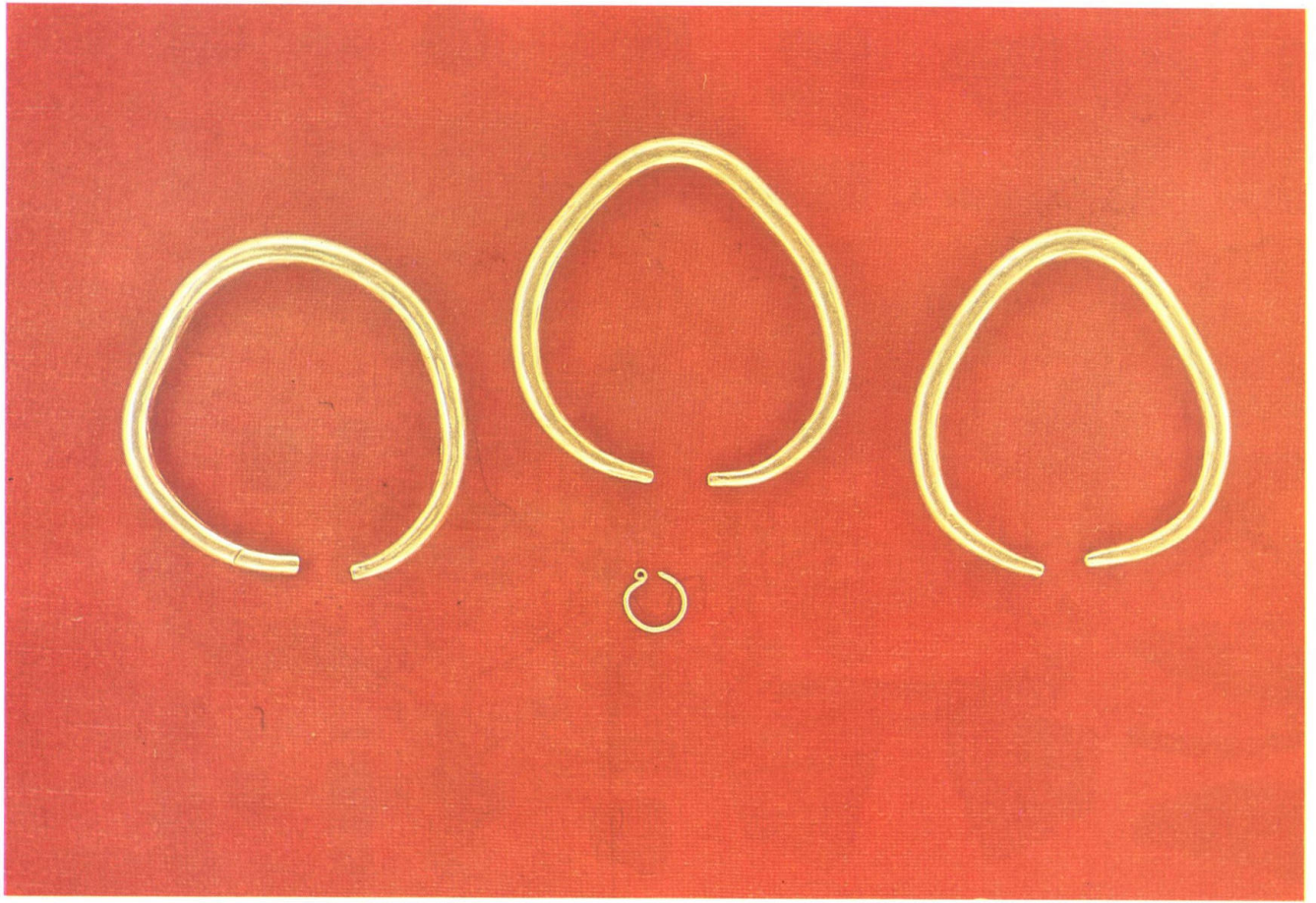


Рис. 25. Клад золотых браслетов из постройки № 9 (XI в.) и золотое височное кольцо.

Рис. 36. Поливной полихромный кувшин XII в. (Из раскопок П. И. Куглюковского).

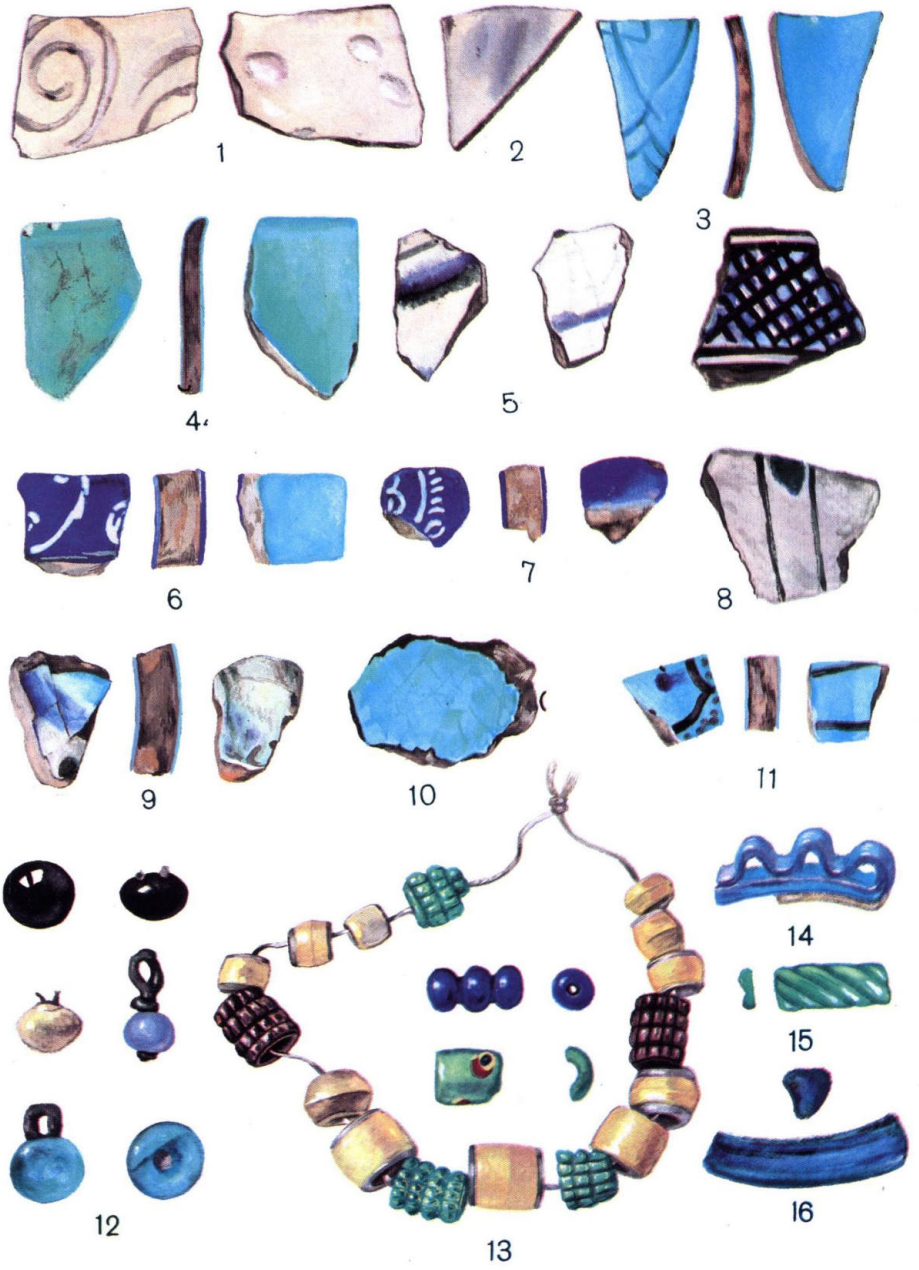


Рис. 71. Предметы Восточного и Византийского импорта:
1-5 – иранская посуда; 6, 7 – подражание иранским сосудам; 9-11 – посуда Золотой Орды и Хорезма; 12 – 4 стеклянные пуговицы; 13 – ожерелье и бусы; 14 – фрагмент сосуда; 15 – фрагмент перстня; 16 – фрагмент браслета (12-16 – стекло византийского производства).

Рис. 79. Остатки оборонительных сооружений детинца X в. Вид с СЗ.

Рис. 80. Напольный вал кремля. Вид с В.

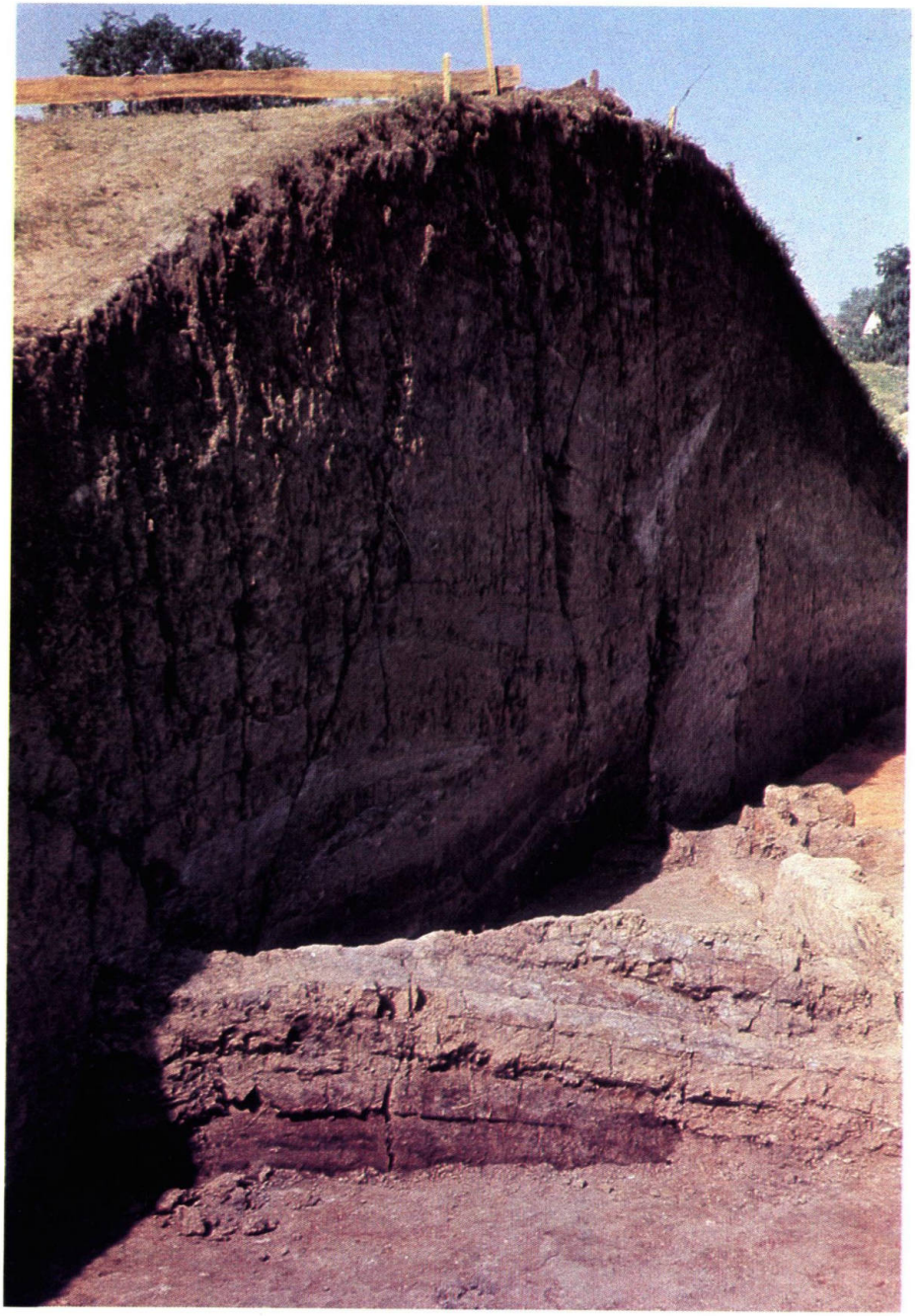


Рис. 81. Разрез вала окольного города XII в. Вид с ЮВ.

Рис. 82. Общий вид раскопа 1978 г. в кремле. Вид с В.

Рис. 83. Общий вид музея деревянного зодчества на месте древнего Дмитриевского монастыря.

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Сведения письменных источников. Исторический очерк 9

Глава 2. История археологического изучения Суздаля и его округи 35

Глава 3. Топография. Оборонительные сооружения 46

Глава 4. Исследования культурных напластований города: *а. Кремль; б. Окольный город (острог); в. Раскопки за пределами оборонительных сооружений* 62

Глава 5. Некрополь 146

Глава 6. Материальная культура города: *а. Домостроительство, застройка, планировка; б. Ремесло; в. Торговля; г. Занятия сельским хозяйством* 167

Глава 7. Духовная культура города: *а. Введение христианства; предметы христианского культа; б. Пережитки языческих верований; в. Распространение грамотности (эпиграфические находки)* 195

Заключение 230

Список сокращений 235

Подписи к рисункам 236

Мария Владимировна Седова

Суздаль в X - XV веках

ЛР 064924 от 14.01.97
Сдано в набор 26.12.96. Подписано в печать 28.05.97
Формат 60×88 1/16 Бумага офсетная № 1 Гарнитура «Таймс»
Усл.печ. 20,0 +вклейка (5,0 п.л.) Тираж 2000 Заказ 2841
Информационно-издательское агентство «Русский мир»
105023, Москва, ул. Суворовская, 20
Отпечатано в Производственно-издательском комбинате
ВИНИТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-т, 403
Тел. 554-21-86

ЧИТ.ЗАЛ

7859.